ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК
АНДРЕЙ МОРГОЛЬ
АРСЕНАЛ
ЭВОЛЮЦИИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В далеком и странном мире, где по лесам бродят лешие и кикиморы, а в пруду вместо карася можно выловить водяного, изобретательные руки помешанного экспериментатора спровоцировали внеплановый скачок эволюции человечества. Инородная ветвь породила кровожадных монстров, которые заполонили окрестные леса и принялись неспешно включать в рацион питания местных жителей. Но жадных правителей здешних государств заботят совсем иные проблемы. Они увлеченно прикидывают, как бы оттяпать у соседа побольше земель и укрепить свою власть, не обращая внимания на страшные вещи, что творятся под покровом леса. Кто же спасет недальновидную общественность? Кто сможет открыть глаза сильным мира сего? Конечно, тот, кому это меньше всех надо! Простого и незадачливого парня судьба-затейница швыряет в самую гущу тайного врага, пичкает запрещенной информацией и отпускает восвояси. Казалось бы, сообщи властям ценные сведения угрожающего характера и быстро уходи по своим делам, пока не наградили. Не тут-то было! Чтобы все прошло гладко, Арсению придется против своей воли плести интриги заговоров, яростно воевать не со своими врагами, а также бороться за свою первую и настоящую любовь.

- Андрей Морголь
  - Пролог
  - Глава первая, оптимистическая
  - Глава вторая, шаманская
  - Глава третья, переходная
  - Глава четвертая, напряженная
  - Глава пятая, познавательная
  - Глава шестая, первопроходная
  - Глава седьмая, полуромантическая
  - Глава восьмая, шпионская
  - Глава девятая, зажигательная
  - Глава десятая, интригующая
  - Глава одиннадцатая, соблазнительная
  - Глава двенадцатая, командировочная
  - Глава тринадцатая, крадущаяся
  - Глава четырнадцатая, убийственная
  - Глава пятнадцатая, саботажная
  - Глава шестнадцатая, воинственная
  - Глава семнадцатая, зачищающая

- Эпилог
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16

Андрей Морголь
АРСЕНАЛ ЭВОЛЮЦИИ

Пролог

Если кто-нибудь заявит мне, что не верит в судьбу и самостоятельно способен контролировать свою жизнь, я откровенно рассмеюсь этому человеку в лицо после того, как его собьет выскочивший из-за поворота самосвал. Возможно, так уверен в себе был преуспевающий менеджер до наступления мирового финансового кризиса, или директор строительной корпорации, дающий на объекте указания подчиненным аккурат под неудачно закрепленной плитой, или просто среднестатистический житель Нагасаки в августе сорок пятого.

Если любому из нас предложить на выбор чемодан, доверху набитый деньгами, или пузырек валидола, то тех, кто выбрал лекарство, можно будет считать как минимум странноватыми людьми. Но таких в нашей группе испытуемых наберется, естественно, подавляющее меньшинство. А вот, предположим, к любителям халявы вечерком подъедут собственники капиталов в компании с монтировками, утюгами, паяльниками и прочими атрибутами власти, заберут причитающееся и вместо запланированного на завтра визита к стоматологу вынудят обращаться к специалисту иного профиля. А обладатели валидола на пути встретят загибающегося от сердечного приступа банкира, сунут ему под язык, собственно, на фиг им не нужную таблетку — и далее хлебнут счастья от благодарного богача по полной программе. Конечно, те счастливчики, которые сейчас прохлаждаются в просторных палатах травматологии, скажут — мол, да если бы мы знали, мы, конечно, валидол бы выбрали. Вот в том-то вся и фишка: если бы знали обо всех последствиях своих поступков — стали бы хозяевами жизни. Но жизнь — далеко не компьютерная игра, ее нельзя сохранить в ключевом моменте, а потом загрузить с того же места, если результат не понравился. Выбирать доводится лишь один раз.

Весь смысл в том, что есть на свете вещи, которых мы не можем не то что предвидеть, но даже прогнозировать. При этом частью сих вещей являются такие же люди, как мы, а человек — самое непредсказуемое создание, особенно если он еще и женщина.

Понятно, что влияние судьбы не всегда фатально и негативно, иногда оно может быть полезным, а чаще всего совсем незаметным. Бывают личности, которые ставят перед собой цель и твердо знают, как ее добиться, но некоторым из них фортуна дует в спину попутным ветром, а другим постоянно подсовывает палки в колеса. Это не значит, что при первой же неудаче надо со

словами «не судьба» сворачивать начатое дело. Хотя кому как по вкусу — мне лично фиолетово. Просто встречаются люди, у которых нет цели, они плывут по течению жизни, не заглядывая далеко вперед, но в один прекрасный день судьба вдруг резко хватает их за руку и забрасывает в самые невероятные места и обстоятельства. И это все в один прекрасный день.

Глава первая, оптимистическая

День с самого утра задался слишком отменным! Начало его настолько ошеломляло и обнадеживало, что в мозг коварно закралась предательская мыслишка: «Нет!.. В жизни так хорошо не бывает: обязательно где-нибудь кроется либо жестокий форс-мажор, либо съемочная группа программы „Розыгрыш“. А еще весьма вероятно, я в лучших традициях своего стиля испорчу потрясающе гладкий ход событий самостоятельно да таким нелепым образом, что прокляну и себя, и это утро, подававшее столь великие надежды». Но пока все шло хорошо, и я запинал начинающийся неуместный депрессняк поглубже в подкорку, прикрыв его свежими воспоминаниями, даже педаль газа утопил глубже по такому поводу.

А утро и вправду стартануло замечательно. Началось все с того, что помер мой сосед. Нет, не то чтобы я ненавидел старого параноика, отношения у нас были довольно нейтральными. Он даже пару раз вполне дружелюбно рассказывал мне какие-то свои бредовые истории про межгалактические сообщения, путешествия по иным мирам и про борьбу с фашистами в тех же условиях. Не менее дружелюбно я выслушивал его логически взаимосвязанные, но абсолютно нереальные (таков уж характер бреда) россказни и даже многозначительно кивал в особо драматичных местах. Еще с детства помню, что с умалишенными надо во всем соглашаться, так как взбесившегося душевнобольного — а с ними это происходит часто — могут успокоить лишь добрые, но далекие, сильные, но неспешные с прибытием санитары дурдома.

В соседовы списки подозреваемых в межгалактическом шпионаже я не входил, поэтому Леонтий Палыч мою скромную жизнь своими контрразведывательными мерами не отравлял. В отличие от жизни Вадима, который у старика слыл врагом номер один — видимо, из-за того, что жил в квартире над Палычем, куда пару раз приводил своих друзей-панков и частенько забывал выключать воду в ванной.

Дедок мстил сурово и безжалостно, по-армейски: приклеивал канцелярские кнопки к дверному звонку супостата, регулярно осенял с помощью половой краски дверь обители нехристей православным крестом, а один раз даже имел проблемы с милицией, когда набрал в шприц сырое яйцо и через иглу ввел его под мягкую обивку многострадальной входной двери Вадима. Тогда, уже через пару солнечных деньков, яйцо протухло и ароматизировало весь подъезд. Кто-то, естественно, поднял шухер и вызвал специалистов из ЖЭСа. Те причину благовоний

установили моментом, поржали, само собой, а дверь посоветовали сменить.

Но уязвленный народ требовал справедливости. Что делать — уяснили, кто виноват — уже догадывались, осталось воздать виновному по заслугам. Вызвали ментов. Леонтий Палыч был привлечен по статье «мелкое хулиганство», оплатил добросовестно пять минималок и не обратил никакого внимания на великодушие оппонента, который даже не взыскал с него за материальный ущерб. Мало того — через пару недель проблемы с милицией начались у самого Вадима: старик непонятным образом умудрился вызвать служителей правопорядка аккурат к тому злополучному моменту, когда друзья притащили в квартиру Вадика спичечный коробок с известным содержимым и успели оприходовать половину.

В общем, помер Леонтий Палыч. Получилось так, что даже у меня на глазах. В то утро Мария Федоровна, его племянница, которая ухаживала за дядькой последние полгода, вихрем вломилась ко мне в квартиру без предварительного звонка и принялась трясти мое спящее после ночной смены в клубе тело, приговаривая неестественно высоким, срывающимся голосом:

— Арсений, Арсений, просыпайся, там дяде плохо, помоги, Арсений, Арсений! — и так вот нудно, монотонно, без пауз и промежутков. — Арсений, Арсений…

— Да что ж это такое… — Подавив зевок, я присел на диване, убедился, что в очередной раз дрых одетым, и с максимальной жалостью выдавил: — Ну, Мария Федоровна, вы же знаете, я только с ночи…

— Знаю, Арсенчик, извини… но я не знаю, что делать! Дядя там хрипит, хватает ртом воздух, в постели мечется… — Она более активно, чем обычно, сопровождала речь соответствующей жестикуляцией. — Мне так страшно…

Ее выпученные, как у затисканного хомячка, глаза смотрели на меня со страхом и удивлением. Вообще-то органы зрения у нее всегда были такими из-за какой-то там базедовой болезни, коей Мария Федоровна почему-то сильно гордилась и которая придавала лицу женщины постоянное испуганно-озадаченное выражение, а также привносила некоторую суетливость в поведение. Собственно, поэтому особого значения ее трагическому выступлению я придавать не стал, однако старика, хрен с ним, решил посмотреть — ни разу ж дома у соседа не был. Хотя что делать с Палычем, я особо не представлял. Если, со слов Марии Федоровны, все действительно так плохо, то толку с меня будет — как с зонтика на Перл Харборе. Но все же я поднялся с дивана, выковырял из-под него тапки, быстро их напялил и с

полной готовностью к реанимационным мероприятиям двинулся к соседу.

— А чего «скорую» не вызывали? — поинтересовался я, проклиная свою привычку оставлять дверь по возвращении домой открытой.

— Ты знаешь, Арсенчик, дядя ведь на учете в психдиспансере, — затараторила соседка, пропуская меня вперед. — Ну приедут, ну что скажут: псих, придуривается, припадок. Знаю я этих врачей…

Ага, ну конечно, а я этих внезапных племянниц тоже знаю. За последний год Палыч основательно сдал. Сколько ему там… восемьдесят с чем-то вроде? А тут вдруг откуда ни возьмись — на тебе! Племяша нарисовалась! Заботливая, словно курица-наседка. Все, конечно, правильно делает: и в магазин сбегает, и приберется, и приготовит, и, может, даже постирает, — чем черт не шутит. Но к врачам дядю — ни-ни! А то мало ли — вдруг подлечат ненароком, потом еще год с ним возиться. Ну, уж нет! Подобные сроки в ее план «Барбаросса» явно не входили. Квартирный вопрос надо решать быстро. И вот, Мария Федоровна, судя по всему, халявное жилье движется на вас с неотвратимостью локомотива, а я по-прежнему буду ютиться в съемном. Эх! Жаль, у меня такого дяди нет. Завидую!

Квартирка у Палыча была, конечно, не фонтан, зато трехкомнатная. Запах ветхости, традиционный для таких апартаментов, с радостью бросился туманить мой и без того сонный организм. Коридор запомнился допотопными совковыми обоями, половиками, цвет которых, наверное, затруднительно было установить даже при покупке, покосившимися антресолями и каким-то измученным пытками гибридом лавки с тумбочкой для обуви. Всем своим видом это извращенное создание рук человеческих говорило: «Не садись на меня, если в тебе больше двадцати килограммов, — я развалюсь. Хозяин, прошу, не выкидывай меня — я еще пригожусь». Валявшийся неподалеку добротный металлический язычок для обуви выглядел угрожающе.

Мария Федоровна провела меня в комнату, которая, судя по наличию в ней телевизора, являлась залом. Леонтий Палыч лежал в одних семейниках на конгломерате из подушек и одеяла, скомканных на кровати в дальнем, самом темном углу помещения, и шумно хрипел. Дышал он часто, прерывисто, синюшные губы жадно хватали воздух, а глаза, казалось, бешено вращались под закрытыми веками. Старик с ног до головы покрылся липким холодным потом, и еще от него исходил просто невыносимый тухло-сладковатый запах, который поневоле

вызывал под ложечкой вполне ощутимые спазматические волны. С тех пор как я видел старика в последний раз, а это было больше месяца назад, Палыч сильно исхудал, черты его лица заострились, а кожа приобрела какой-то землистый оттенок.

— И давно он так? — Я спрятал лицо в ладони, якобы задумавшись, и дышать старался через рот, но запах прошибал насквозь.

— С полчаса. Поначалу спал спокойно, правда, очень долго. В это время он кушает обычно. А потом как захрипел, как заметался — вон, постель всю взбил. И пена ртом пошла, красненькая.

Обычно в таких ситуациях стариков окружает целый арсенал пилюль, таблеток, порошочков, скляночек с микстурами, отварами, а также бабки-шептухи, вооруженные охапками сушеных целебных трав и мышиным пометом. Леонтий Палыч же всех этих радостей предсмертного одра был начисто лишен и героически коротал последние часы в гордом одиночестве. В том, что он умирал, лично у меня не возникало никаких сомнений. Также, судя по отсутствию до сих пор врачей и горстей пилюль вокруг, я окончательно убедился в желании заботливой племянницы любимому дяденьке доброго здравия.

— Что нам теперь делать? — подала она голос.

А то ты не знаешь! Конечно, кричать: «Шампанское в студию!» — и петь песню «Мечты сбываются», подумал я, а вслух сказал:

— Вы знаете, Мария Федоровна, боюсь, что ни мы с вами, ни даже специалисты сейчас уже сделать ничего не смогут, так что звоните в «скорую» или вызывайте врача из поликлиники.

— З-зачем? — От удивления она даже начала заикаться и еще больше выпучила глаза. Видимо, заподозрила что-то неладное.

— Чтобы составить свидетельство о смерти или, может, забрать тело на вскрытие, это же врачи — мало ли что им там в голову взбредет…

— А-а… — Мария Федоровна понимающе кивнула и торопливо удалилась из зала.

Пока она по телефону договаривалась с диспетчером «скорой», я решил от нечего делать проверить умирающему пульс. У себя я обычно без труда находил на запястье отбивающую такт сердца артерию, но с Палычем проделать этот простой прием оказалось проблематично. Лишь через некоторое время стала ощущаться едва уловимая ниточка пульсирующей крови.

— Сказали, что через несколько минут будут. — Мария Федоровна из дверного проема недоверчиво таращилась на мои

сложнейшие диагностические манипуляции.

— Надо спуститься вниз, встретить — у вас же домофон до сих пор не работает.

— Ах, ну да, точно. Конечно, Арсенчик.

Я незаметно скривил презрительную рожу. Еще раз назовет меня Арсенчиком — и квартира достанется более дальним родственникам соседа! Арсенчик, тьфу ты! Меня от подобной модификации всего аж передергивает. Да я, случалось, шикарнейших женщин из-за такого обращения с моим именем бросал, не задумываясь (ну, было один раз, правда, после пары заводных коктейлей). То ли дело меня называют на работе — Арсенал! Гордо, мужественно, да и одноименный футбольный клуб сам по себе солидный — не какой-нибудь там «Шинник».

Мария Федоровна зашуршала на выход, а я остался один на один с умирающим Палычем. Смотреть на его изможденное мучениями лицо было грустно и скучно, поэтому я решил включить телевизор — в субботу утром обязательно должны были крутиться какие-нибудь жизнеутверждающие мультики.

Пока я прикидывал, входит ли пульт в комплектацию моего ровесника-телевизора, Палыч издал громкий душераздирающий хрип и замолк. Я внимательно уставился на него, пытаясь вспомнить, чем живой человек внешне отличается от мертвого. Старик лежал тихо, грудная клетка перестала вздыматься, и все его тело неподвижно обмякло. Уже отработанным движением я схватил его запястье, но как ни старался, ниточки жизни нащупать не удавалось. Тут же вспомнилось, как в одном фильме в похожей ситуации мужика вернули с того света мощным ударом в грудину. Замахнувшись, я прикидывал, в какое место вмазать, чтобы завести мотор старика. Но вдруг он открыл глаза и уставился на меня! Такого фокуса от соседа я никак не ожидал. Пришлось резко проделывать трюк из другого фильма, почесывая затылок замахнувшейся для удара рукой.

— А-а… Э-э-э… Леонтий Павлович, а мы уж думали, что вы помирать собрались… — Да, ситуация сложилась не самым приличным образом. — Племянница ваша Мария Федоровна «скорую» вызвала, меня вон привела. Сейчас врачей внизу встречает.

— А, Арсений. — Голос Палыча был очень слабым, едва слышным. — Послушай, я чувствую — у меня совсем мало времени. Помнишь, я рассказывал тебе, как летом сорок третьего попал в другую галактику, в совсем другой мир, когда забрел в немецкую лабораторию? Мы тогда Оршу освобождали… — Ничего себе, старик опять взялся за свое! — Там, в ином мире, был погреб среди чистого поля. Я в него зашел и попал в

фашистскую засаду, помнишь? — Ну да, старик рассказывал что-то подобное, посему я утвердительно кивнул. — У меня тогда еще две гранаты были, я со страху, когда в них кидал, с первой чеку забыл сорвать. Зато вторая рванула так, что у меня уши заложило, а фашистов на куски разнесло, даже трупов не осталось! Помнишь, я говорил, что были там рыцарские доспехи: меч как у японцев, щит, шлем, латы? Говорил?

— Говорили, Леонтий Палыч, говорили… — Нашел что рассказывать перед смертью — сказки!

— А то, что меч тот я с собой унес, — этого я никому не говорил… — Голос его становился все тише, и звуки Палыч издавал с явным усилием. — Этот меч — он здесь… то есть в подвале… я его спрятал… Там, коробка… с двойным дном… ключ на рогах… Маше скажи… пусть продаст… он дорогой… должен быть… не подведи… — Сосед шумно выдохнул и направил взгляд сквозь меня. Зрачки старика медленно расширились, и, по-видимому, фраза «не подведи» стала последней в его жизни.

В эту же минуту с дежурными соболезнующими лицами в квартиру вошли два работника «скорой» в сопровождении кудахтающей Марии Федоровны. Они поздоровались со мной, вежливо сместили в сторону, светанули Палычу в глаза фонариком, чуть-чуть пощупали его в области шеи, удовлетворенно покивали друг другу — мол, не зря их вызвали — и принялись расспрашивать нас, как все произошло.

Вяло отвечая на вопросы медиков, я отчего-то задумался о слабости человеческого разума. Ведь непонятно, почему некоторые люди вдруг спонтанно и начисто забывают свои личные данные, имена, родственников и время, в котором живут, а другие бродят непроглядными вечерами по темным подворотням, потому что неодолимое осеннее обострение гонит их искать очередную невинную жертву. Кто-то не выдерживает и секунды в закрытом лифте, а кто-то, непонятно по какой причине, ловит кураж белой горячки и крушит все вокруг. Хотя нет, сорокаградусная причина последнего как раз-таки ясна.

Но вот Палыч: откуда в его несчастной лысой башке вылезли эти воспоминания о другой галактике, погребе, фашистах, доспехах? Какая к черту коробка с двойным дном в подвале? «Ключ на рогах» — что он этим хотел сказать? Бред!

Занятый этими размышлениями, я начал плавно погружаться в то состояние, из которого недавно меня так бесцеремонно выдернула Мария Федоровна. Врачи допрос уже закончили, теперь деловито заполняли какие-то свои писульки. Разгоняя сон, я встряхнул головой, кое-как выразил соболезнования своей новой, почти полноправной соседке и, сославшись на усталость,

направился домой. Мария Федоровна поблагодарила за помощь и задерживать больше не стала. Провожать тоже, но ее можно понять — такая сложная задача сейчас перед ней стояла: плакать или радоваться?

А в коридоре я наткнулся на неожиданность: слева от входных дверей висели рога! Обычные рога, по форме смахивающие на оленьи, наличием которых так хвастаются подвыпившие хозяева своим гостям, рассказывая, как сами подстрелили их первичного носителя. Традиционно на этих боевых трофеях висят шапки, шарфы, зонты или обанкротившиеся неудачники. Я даже удивился, что не заметил этого элемента декора с самого порога. Не эти ли рога имел в виду сбрендивший Палыч? Ну-ка, ну-ка… Воровато осмотревшись, я запустил руку наверх и действительно что-то нашарил. В ложбинке, на основании, от которого выходили ответвления, лежала связка из двух ключей — один был стандартным, от персонального подвального помещения, как и у всех жильцов, а вот второй представлял собой странноватый металлический огрызок явно кустарного производства. Сонливость внезапно куда-то улетучилась. В голове неоновым свечением настойчиво запульсировала шальная мысль: «А вдруг?!»

Я втихаря выскочил из квартиры соседей, кубарем ломанулся вниз по лестнице, остановился на полпути и рванул обратно — к себе домой, за фонариком. Насколько я знал, в подвале испокон веков лампочки вкручивали по большим праздникам, а выкручивали на следующий же день, окна конструкцией не предусматривались, поэтому темень царила там круглосуточно.

Перелопатив полквартиры, в туалетном шкафчике я все-таки нашел то, что искал. Фонарик у меня был козырный: с помощью специальной резинки крепился на лбу, работал в нескольких режимах и светил довольно мощно. Сейчас уже не помню, у кого спер эту замечательную штучку.

Вход в подвал находился рядом со входом в подъезд, возле которого на лавочке дежурили три бабушки-трещалки. Только я вышел на крыльцо — сразу пять глаз (у одной старухи был стеклянный) начали сканировать пространство вокруг моей скромной персоны, а чрезмерное внимание на данный момент вовсе не приветствовалось.

Дело в том, что по идее делать мне в подвале было абсолютно нечего, потому что хозяйка квартиры, которую я снимал, своим подвальным отсеком пользоваться запретила и ключ от него забрала.

Благо, избавиться от бабушек получилось просто и с изяществом. Я глянул на них и скорчил недоумевающую гримасу:

— Что же это вы, кумушки? Палыч-то помер, а вы тут сидите! — Получилось взволнованно и укоризненно.

— Да ты что?! — Водрузив от удивления брови повыше, вся тройка с оханьями да причитаниями покинула место базирования и устремилась в подъезд.

Сработало, как я и рассчитывал: больше мне никто не мешал. Дверь открылась бесшумно, и передо мной распахнулся черный зев подвала, обдав запахом сырости и человеческих выделений, — опять где-то прорвало трубу.

Поминая наших доблестных сантехников добрым словом, я водрузил фонарик на лоб, включил самый мощный режим и прикрыл за собой дверь. Стены и лестница, ведущая вниз, в так называемый вестибюль, озарились голубоватым свечением. Я спустился, внимательно всматриваясь в пол, но вокруг было сухо — видимо, трубу прорвало незначительно.

Один раз я все-таки здесь бывал, когда помогал Вадику вытащить мотоцикл, поэтому более-менее ориентировался в пространстве. Прямо передо мной в вестибюле на стене висел бесполезный выключатель (хоть бы и его кто-нибудь свинтил вместе с лампочками — только глаза мозолит), а в стороны отходили два коридора, вдоль которых располагались двери в отсеки. Через пару метров оба коридора поворачивали кпереди, а затем шли навстречу друг другу, образуя замкнутый квадрат. Осталось найти отсек соседа: всего их было пятнадцать — по одному на каждую квартиру в подъезде.

Я двинулся по левому крылу, запихивая одолженный ключ во все замки подряд. Лишь когда я обошел все по кругу и почти вернулся обратно к бессмысленному выключателю, нашлась нужная дверь. Щелкнул замок, скрипнули завесы, и луч фонарика выхватил деревянные стеллажи вдоль стен, уставленные разнокалиберными банками с соленьями. Посредине валялся всякий хлам, состоящий из мешков с картошкой и прочими корнеплодами, деревянных ящиков, картонных коробок и пустых жестяных банок из-под краски. Венчали сию пирамиду наиболее необходимой в хозяйстве утвари, естественно, поломанные лыжи и ржавый велосипед.

Я с энтузиазмом принялся разгребать накопившийся с момента заселения мусор. Самым обидным в этой ситуации было насмешливое осознание того, что если долбаный меч Палыча существовал только на просторах его шизоидного сознания, то в качестве компенсации за моральные и физические усилия отсюда можно будет стырить разве что банку с помидорами.

Вскоре из-под груды пустых мешков показалась узкая длинная коробка, сколоченная из обшарпанных трухлявых досок,

закрытая такой же «надежной» крышкой с замком. Неужели в подобном сейфе можно хранить что-то действительно ценное? Но раз уж добрался, почему бы не попробовать. Минут пять я ковырялся самопальным ключом в не менее самопальном замке и уже совсем собрался отчаяться, когда коварный механизм наконец поддался. Коробка меня обрадовала грудой тряпья и рамкой с портретом великого вождя мирового пролетариата. Однако не зря же Палыч говорил про двойное дно! Без зазрений совести я вытряхнул все добро на пол (все равно Мария Федоровна уберет, если доберется, конечно) и продуманно взвесил на руках то, что осталось. К моему сожалению, коробка весила немного — примерно столько, сколько и должна весить куча ссохшегося дерева. С последней надеждой я встряхнул этот кусок антиквариата, как дети трясут яйцо киндер-сюрприза, но проклятый деревянный монстр отозвался лишь тишиной!

Смачно выругавшись, я все-таки полез ковырять дно злосчастной коробки. После пары неудачных скребков мой ноготь зацепился за маленькую выемку, и деревяшки слегка сместились. Теперь под них свободно могли залезть пальцы. Я схватился за освободившийся край и выдрал доски к чертовой матери. Под ними плотным слоем лежали опилки, в которые я нетерпеливо, как под блузку грудастой красавицы, запустил свои руки, но в тот же миг с воплем выдернул. На большом пальце правой руки красовался неглубокий порез, но кровь сочиться еще не начала — признак чрезвычайно острой заточки.

Сердце радостно загрохотало в груди, передавая вибрации в мозг и руки. Затаив дыхание, очень аккуратно и осторожно я освободил меч и вытащил его из коробки. Клинок своей длинной рукояткой и узким, чуть изогнутым лезвием, как и говорил Палыч, напоминал японскую катану, только гарда была не в виде квадратной или круглой пластинки, а полусферическая, как на саблях или рапирах. И цвет стали казался каким-то странноватым… правда, в свете электрического фонарика глаза могли нагло врать. А еще меч оказался на удивление легким, как перышко. Но разбираться с этими особенностями, равно как и танцевать от радости, не было ни желания, ни времени. К тому же отнюдь не помешало бы срочно замаскировать приобретение от посторонних глаз: лишние вопросы могли навести на правильные ответы, а отдавать реликвию законной хозяйке — ох, как не хотелось. Ей и так целая квартира досталась, да и вообще не заслужила Мария Федоровна бонусов!

В качестве маскировочного материала был выбран пустой матерчатый мешок, в который я и завернул находку, стараясь не наследить уже обильно капавшей кровью, которой здесь больше

всего не хватало.

Закрыв за собой дверь, я только двинулся к выходу, как вдруг на стене возле выключателя появилась широкая полоса дневного света с очертанием человеческой тени — кто-то заходил в подвал! Пришлось быстренько вырубать фонарик.

— Эй! Есть тут кто? — Громкий хрипловатый голос оповестил, что это был Кухарчик из седьмой. — Мать вашу, опять кто-то дверь за собой не закрыл!

Раздался звук шагов — сосед спускался вниз по лестнице. Конечно, можно было подать голос и выйти навстречу, но для этого пришлось бы объяснять, что это я делал в подвале, в котором не храню ни одной своей вещи. Плюс завернутый мешок в руках. Времени придумывать отмазку не было — пришлось тихонечко на цыпочках прошмыгнуть вдоль коридора к повороту и ждать, куда направится Кухарчик.

— Вечно не закроют двери, потом гоняй бомжей тут по кругу, — проворчал он, чиркнул спичкой и неспешно двинулся прямо в мою сторону.

Сразу почувствовался опыт соседа в отлавливании бомжей на подземных просторах. Стараясь не расквасить нос в темноте, я коснулся левой рукой стены, правую с мешком выставил перед собой и тихо, но смело обратился в бегство. Через пару метров стало светло, я обернулся на ходу и увидел, что рука Кухарчика с зажатой в ней свечой уже показалась из-за поворота. Однако в то же время, как оказалось при свете, я тоже добрался до другого конца коридора и задерживаться на месте не стал. Открытая настежь наружная дверь пропускала достаточно дневного света, что позволило мне без особых проблем проскочить последний коридор, повернуть в вестибюль, взмыть по лестнице и оказаться на свободе не застуканным.

Соскучившиеся по качественному кислороду ноздри жадно втянули свежий воздух. Остался последний этап — протащить эту несчастную тряпку с завернутой в нее добычей незамеченной аж на четвертый этаж.

К сожалению, через пару лестничных пролетов на пути повстречался Демидыч из девятой. И чего это расшастались все в будний день в полдвенадцатого? На работу, что ли, никому не надо? Ах, да: суббота ведь!

— Что, к бабке за картошкой поедешь? — сам решил мою проблему Демидыч и, не дожидаясь ответа, опять спросил: — Слышал, Палыч умер?

— Угу, — невнятно буркнул я и побежал дальше.

— Хороший мужик был, только умом двинутый малость. — Это уже скорее сам для себя констатировал Демидыч.

А может, не такой был и двинутый Леонтий Павлович. По крайней мере, частично. Если насчет меча старик не соврал, может, и происхождение железяки — тоже правда? Хотя с такими мыслями самому недолго мозгами тронуться. Небось, подобрал Палыч трофей во время японской кампании да и забыл, как дело было.

Я проскользнул в свою квартирку, в кои-то веки на ключ запер за собой дверь и выдохнул с облегчением. Теперь можно приступать к осмотру. Мешок я положил в тумбочку, клинок — на журнальный столик в зале, а кровоточащий палец — в рот. И только сейчас сообразил, что как бешеный шахтер бежал домой с фонариком на лбу. Осветительный прибор был отложен в сторону.

Итак, меч! Никаких оптических обманов зрения в подвале со мной не приключалось — цвет лезвия и вправду оказался на редкость странноватым. Не обычный металлический блеск стали, а зеленый, с каким-то изумрудным оттенком. Я постучал ногтем по лезвию — судя по звуку, оно вроде было все-таки металлическим. Затем взялся за кончик меча и слегка выгнул его — сплав оказался достаточно жестким и в меру эластичным, как, по идее, и должно быть. Края лезвия имели абсолютно ровные очертания, без единой зазубрины, что свидетельствовало либо о чрезвычайной прочности материала, либо о недавнем изготовлении меча, либо о том, что бывшие хозяева пользовались им исключительно чтобы отмахиваться от комаров. Либо все вместе. Дальше — гарда. Казалось, отливали ее из чистого золота, но неестественно малый вес клинка наводил на мысль о том, что и здесь использовался какой-то необычный и очень хитрый сплав. Длинную рукоятку обтягивал потертый и шершавый материал вроде кожи, хотя в этом я не был уверен абсолютно.

Так же, как дальтоники не могут различать цвета, — я никогда не мог отличить натуральной кожи от заменителя. Этим постоянно и нагло пользуются продавцы обуви, убеждая, что я покупаю самые кожаные ботинки в мире, а потом друзья смеются и подкалывают: «Вот молодец, ты че взял опять — это ж дерматин». Впоследствии предприимчивым торгашам приходится все-таки расставаться с парой качественной обуви и таким же количеством передних зубов.

Но, в принципе, меня особо не интересовало, чем именно была обтянута рукоятка. Положив меч лезвием плашмя на вытянутый палец у самой гарды, я выяснил, что клинок сбалансирован как полагается.

Взял меч в руку и со свистом рассек воздух. Очень хотелось

проверить остроту оружия. На себе-то уже проверил, но все-таки желательно было испытать ее на ком-нибудь другом, или хотя бы на чем-нибудь. Вспомнился кадр из фильма «Телохранитель», где главный герой, понтуясь перед своей подругой, снял с нее шелковый шарф, подкинул его в воздух и подставил самурайский меч. Шарфик плавно опустился на лезвие и разрезался на две половины.

Навеянное кинематографом, у меня появилось настойчивое желание попробовать проделать такой же трюк. На антресолях валялся ящик с бесхозными шмотками. Скорее всего, некогда их туда зашвырнула хозяйка да и забыла. Осмотрев содержимое, я решил, что ее колхозный цветастый платок вполне сойдет для эксперимента.

К моей безмерной радости, клинок Палыча справился с задачей не хуже своего киношного коллеги. Я чуть не запрыгал от счастья и баловался до тех пор, пока не изрезал платок в лоскуты.

Когда эмоции слегка поутихли, пришло время поразмыслить, кому показать свою находку, чтобы выяснить о ней побольше и продать подороже. Кандидатом на должность такого человека я не представлял никого другого, кроме Шамана.

Глава вторая, шаманская

Шаман был в своем роде несравненным экземпляром. Я бы даже сказал — уникальным. Интерес к восточным боевым искусствам у него прорезался одновременно с первым зубом. Естественно, во времена безмятежного нашего детства все мальчишки фанатели от фильмов с Джеки Чаном, но в этом плане Сашка Шамов был просто неподражаем. Он не только смотрел все боевики подряд по несколько раз, но и часами повторял увиденные движения, отрабатывая их на первом попавшемся под руку товарище. От греха подальше мы отправили Саню на секцию по карате, где он оттачивал свой талант уже на посторонних нам людях.

А дарование у парня было настоящее, причем с бездонным потенциалом. Шаман без труда выигрывал все соревнования, в которых участвовал, и это учитывая, что тренер его был довольно посредственным как бойцом, так и педагогом. Видать, мужик просто подсмотрел где-то пару приемов, купил на барахолке кимоно и решил срубить бабла с воинствующей молодежи. Во времена шальных девяностых такое можно было провернуть без труда. Но Сашку этот факт особо не расстраивал — ему лишь бы дали зал и пару фейсов на тренировке, которые официально разрешено крошить.

В возрасте около тринадцати лет неожиданно в жизнь Шамана ворвались ниндзя. Вот так, ни с того ни с сего, в один прекрасный день он просто забредил забытым учением японского клана крадущихся. В его доме, к удивлению матери и отчима, солидными тиражами стала появляться литература, изобилующая в названиях такими терминами, как «ниндзя», «шиноби», «крадущиеся», «сюрикен», «катана» и прочие.

Однажды отчим втихаря, понадеявшись, что пасынок не заметит, умудрился продать одну из книг — на бутылку не хватало. Но Шаман заметил… Папаня — между прочим, довольно нехилый мужик — таких дров не получал ни на одной из своих пьяных потасовок. Даже в травмпункте наврал про какую-то драку с хулиганами — стеснялся признаться, что всерьез отгреб от пацана тринадцати лет.

Шаман же, недолго думая, бросил своего тренера и целенаправленно пошел кочевать из секции в секцию, которые в те времена стали появляться словно котята по весне. Сашка стремился найти хоть какую-нибудь информацию о том, где и у кого можно научиться искусству таинственного клана.

А потом он пропал. Вот так, примерно в шестнадцатилетнем

возрасте, взял — и бесследно испарился. Родители его все твердили, что Саня поехал учиться, но куда и на кого — сами не знали. А во дворе ходили слухи, будто однажды в спортзал, где в то время занимался Шаман, пришел странный лысый мужичок неопределенного возраста в бесформенных одеждах с отрешенным взглядом. Он о чем-то пошептался с тренером, и после того как наставник отрицательно замотал головой, покинул зал. Шаман, видимо, что-то учуял и вышел за ним, а со следующего дня ни мужика, ни Сани больше никто не видел.

Мой друг детства вернулся через пять лет совершенно другим человеком. Он сам отыскал мою съемную квартиру. Как сейчас помню тот вечер.

Я с минуту безмолвно пялился на товарища ошалелым взглядом, а возмужавший за время отсутствия Шаман стоял на пороге, смотрел на меня уверенными спокойными глазами и улыбался. Наконец осознав, кто находится передо мной, я заорал от радости как фанатка, увидевшая кумира, и бросился с дружескими объятиями.

После того как я все-таки сообразил пригласить гостя в дом, Шаман бесшумно проскользнул в зал, плавно уселся на кресло, а от предложения накатить за встречу наотрез отказался. Пришлось удрученно ставить чайник и скрести по сусекам в поисках заварки либо чего-нибудь подобного. А себе я все-таки достал пиво из холодильника.

На вопросы о своем исчезновении Сашка отвечал уклончиво, давая понять, что правды все равно не выложит. Зато я вещал как Эдвард Радзинский, правда, лишь о том, что произошло за последние пять лет.

Между прочим, Шаман объявился аккурат к достаточно пикантному моменту моей биографии. Как раз в ту пору я кинул на деньги довольно серьезных ребят, а те, как назло, взяли да и вычислили меня. Конечно, слегка побили — чтоб страху нагнать, — и поставили на «счетчик». Вступать в конфликт и подключать друзей не имело смысла — кренделей бы всем досталось: уж слишком солидными оказались оппоненты. То ли боксеры, то ли тайцы из довольно мощной группировки, для виду называвшейся спортивной секцией. Оставалось лихорадочно искать деньги на откуп. Об этой щекотливой ситуации я Шаману тоже рассказал мимоходом.

Тогда, внимательно выслушав меня до конца, Саня улыбнулся и сказал:

— Дружище, это не проблема, лишь временное неудобство. Я помогу тебе от него избавиться.

— Саня, ты, видать, не все понял. Я твои методы знаю. Бойцы

там серьезные, их много. В асфальт закатают — и только потом спросят, как зовут, — попытался отговорить я Шамана. — Тем более что в этой ситуации я конкретно не прав — за нас потом ни один авторитетный человек не подпишется.

Шаман от этих слов немного поморщился с видом, будто я мифы Древней Греции ему за правду выдаю.

— Не прав — значит, поступил неправильно, так? — уточнил он. — Только вот почему? Тебе ведь нужны были деньги? Ты их раздобыл. Сделал то, что тебе нужно, — значит, поступил правильно.

— Правильно для себя, но не для них. Им теперь нужно вернуть свои бабки.

— И они в этом тоже будут правы.

— Е-мое! Так кто ж тут, по-твоему, прав, кто виноват?

— Тут виновных нет, Арсений. Каждый хочет, чтобы эти деньги были у него, и прав тот, кто этого добивается.

— Забавная у тебя философия, дружище. Вот, например, тебе захочется, чтобы у тебя был мой ноутбук. Ты меня тогда — хрясь ножом под лопатку, и все! Добился своего. Молодец, хороший мальчик!

— Ну нет! Мне твое общество дороже ноутбука, поэтому живи пока. — Шаман хитро подмигнул.

— Хорошо, допустим, не я. Допустим, абсолютно тебе не знакомая бабка-процентщица с ноутбуком. В расход тогда бабулю? Топориком?

— Ну… Если сильно понадобится ноутбук — тогда да. — Шаман смотрел на меня абсолютно серьезно и спокойно.

— Ну ты монстр! — безразлично констатировал я, но потом, вспомнив, с надеждой спросил: — Так что там с моим временным неудобством ты удумал?

— Есть у меня одна фишка — не боись, проблем не будет.

— И что мне теперь, звонить этим ребятам и на хрен посылать?

— Да.

— То есть… Серьезно? — удивился я.

— А кто тут шутит?

Уверенность Шамана мгновенно, как грипп, заразила и меня. Тем более что в желудке плескалось достаточное для смелости количество пива. Я достал трубу, набрал номер и включил громкую связь. Через пару гудков из динамика раздался знакомый басовитый голос, который немного поубавил мой пыл:

— Ну что, недоносок, нашел деньги?

Посылать обладателя голоса на самом деле совсем не хотелось, но и облажаться прямо на глазах у Шамана было бы

стыдно.

— Недоноска ты у себя в штанах увидишь. А вот про деньги можешь начинать потихоньку забывать. Так и передай своим подружкам. — Я изо всех сил старался говорить убедительно, еле сдерживая дрожь в голосе.

Хмель вместе с куражом куда-то улетучился.

— Мальчик, ты, наверное, ошибся номером. Это — я, Борис, и ты мне должен штуку баксов. Не забыл? И если завтра к девяти часам утра тебя с этой суммой не будет на стадионе в лесу, мы сами придем в гости и разберем тебя на запчасти. — Зная того, кто со мной разговаривал, сомневаться в правдоподобности угроз не приходилось. У них по старинке: пацан сказал — пацан сделал.

Шаман внимательно слушал разговор, затем удовлетворенно кивнул и шепотом произнес коротко:

— Лес.

Внезапно я понял, что собственными словами загнал себя в такую переделку, из которой дороги назад не было. Понадеялся на старого товарища! И если Сашкиной фишкой был не отряд ОМОНа или грандиозные откупные, что вряд ли, тогда мы влипли по самые помидоры. И чем я только думал, когда согласился на эту провокацию?

От кипящего в голове адреналина и безысходности страх исчез, осталась только едва контролируемая ярость. Я злобно прошипел в трубку:

— Ждите на стадионе. И молитесь, чтобы у меня было хорошее настроение.

Сбросив соединение, я уничтожающим взглядом посмотрел на Шамана:

— Ну что, Александр, теперь звоню столяру. Тебе гроб какого размера заказывать?

— Мне бы еще чаю… — Сказано было с поразительным хладнокровием — хотя чему тут удивляться, зная потрясающую способность Шамана исчезать бесследно, причем сразу на несколько лет. — Слушай, Сень, я у тебя переночую, а завтра вечером надо будет к одному клубу подъехать.

— Э-э… Подожди, а как же Борис?

— Так это ж утром…. — Сашка махнул рукой. — Ну, так я переночую?

А вот эта идея мне понравилась. Существовал ведь далеко не самый призрачный вариант, при котором бравые и нетерпеливые ребята Бориса могли вдруг передумать и заглянуть на огонек сегодня ночью. Так хотя бы точно достанется обоим.

Но ничего экстренного не случилось, и на следующее утро мы с Шаманом бодро шагали в лес. Точнее, в лесопарк, находящийся

в черте города. Через него шла «тропа здоровья», вдоль которой стояли лавочки, где пила пиво молодежь, качели, на которых эта молодежь каталась до тошноты, и стадион чуть поодаль, куда мы, собственно, и направлялись.

Я периодически оценивающе поглядывал на Шамана: парень среднего роста, примерно моего телосложения, то есть не дрыщ, но и далеко не гигантских размеров, с виду крепенький, когда-то весьма неплохо дрался. Но против своры огромных разозленных громил этого было на самом деле совсем недостаточно…

— Слышь, Шаман, так что за фишка, ты говорил, у тебя есть для нашего дела? — Я искренне надеялся только на помощь этой самой козырной карты друга.

— Какая фишка? А-а, ты об этом? Да нету ничего у меня. Я так сказал, чтоб ты себя поуверенней чувствовал. — И, глядя в мои идеально круглые глаза, Шаман добавил: — Нет, ну а чего ты хотел? Чтобы у меня автомат Калашникова с собой был? Или меч-кладенец?

Пока я осознавал, что нас уже точно ничто не спасет, мы вышли на стадион. Там в ожидании томились целых семеро молодцев — как на подбор, все гренадеры, да еще и с битами в руках. Ни одной выгуливающей собачку старушки, которая могла бы вызвать милицию, в округе не наблюдалось.

Шаман своей легкой бесшумной походкой двигался прямо к толпе, а я на досрочно ощущающих себя переломанными ногах плелся за ним следом. Драться мне с детства не очень нравилось, а уж получать опасных для здоровья звездюлей, наверное, вообще мало кто любит, поэтому я решил попытаться толкнуть оправдательную речь, остановившись в нескольких метрах от Бориса и его могучей кучки. Но Шаман, как ни в чем не бывало, продолжал двигаться вперед.

Внезапно Саня сделал молниеносный рывок и, словно стрела в яблоко, вонзился в толпу амбалов. Проследить за дальнейшими событиями было невозможно. Только слышались глухие звуки ударов, хруст ломающихся костей и дикие вопли. Периодически я видел Шамана, черным пятном мечущегося между медлительными тушами лихих спортсменов. Довольно четко мне удалось заметить лишь, как Сашка вынес челюсть последнему истукану эффектной вертухой, и тот, закручивая вокруг себя кровавую слюну, рухнул на землю. Между падением тела первого мордоворота и этим ударом прошло не больше десяти секунд. Семеро здоровых мужиков были начисто вырублены, а Шаман даже не запыхался.

Если честно, я раньше думал, что такое можно увидеть исключительно в боевиках, да и то не во всех. А тут чудеса боевой

хореографии — да наяву! Оказалось, пять лет назад от нас ушел хороший перспективный боец, а сейчас вернулась идеальная машина для убийства голыми руками.

— Саня, что это было? — Я говорил медленно, ошеломленный увиденным.

— Это ниндзю-цу, дружище, и еще кое-что. Я тебе как-нибудь расскажу — может, даже научу кое-чему. — С довольным, на грани блаженства, видом Шаман сцепил в замок ладони, хрустнув суставами пальцев.

Я все еще не мог поверить в свое чудесное избавление от неминуемых гипсовых повязок и очередного выпрямления носовой перегородки, но уже понимал, что Шаману обязан как минимум своим здоровьем. Придя в себя наконец, я сразу проявил удивительную для такого момента предприимчивость, а именно: собрал несколько бейсбольных бит. Одну для себя, остальные — на подарки. Ретироваться решили, не дожидаясь тяжелого пробуждения спортсменов.

Оставлять такую памятную веху жизни в забвении было бы кощунством, и мы пошли отмечать победу. Вернее, учитывая трезвый образ жизни товарища, отмечал я один, зато за двоих. Сначала у меня дома, потом в баре через дорогу, и под конец — в ночном клубе, где у Шамана были какие-то свои дела. Весь день я сочинял в честь храбрости и ловкости друга хвалебные тосты, которые к вечеру становились все длиннее и неразборчивее. По итогу в квартиру мой организм вернулся, мирно посапывая на Сашкином плече.

Бориса и пару его киборгов я с тех пор видел всего лишь раз — пересеклись в гипермаркете, и ребята очень тактично сделали вид, будто мы незнакомы. Какие умницы, не правда ли?

А Шаман, упомянув однажды, и вправду сделал меня неким подобием особы, приближенной к императору. В том плане, что из всех его старых дворовых друзей он ни с кем близко не контачил — только мне позволял иногда немного углубиться в свою личную жизнь. Сашке требовалась какая-то своеобразная форма уединения, поэтому в однокомнатной квартире, которую он снимал, практически никогда никого из посторонних не находилось. Периодически я бывал в его апартаментах, обставленных в японском стиле. Японский стиль — это значит, что в комнате ни черта, кроме жесткой циновки, не было.

Шаман часто медитировал, много читал и пару раз в неделю брал меня с собой на тренировки. В любое время года и при любых метеорологических условиях тренировочный процесс проходил строго в лесу. Никаких спортивных и тренажерных залов, только натуральные условия. После непродолжительной

медитации Сашка принимался гонять меня по оврагам, пока мои легкие не начинали вырываться на волю, а сам он, казалось, выкладывался раза в два больше. Потом мы разучивали и повторяли особые боевые движения, удары и приемы. Шаман показывал болевые точки, уязвимые места на костях и суставах, где их нужно брать на излом, учил правильно дышать, бесшумно и незаметно передвигаться, метать металлические звездочки, уходить от атак и мгновенно контратаковать, вести бой с несколькими противниками, фехтовать.

Тренировка заканчивалась спарингом, который в основном бывал двух видов. В первом случае Шаман становился поваром, а я — куском свежего мяса, из которого он старательно делал отбивную. Работал Саня, конечно, в четверть силы, но достойно влупить ему хоть разочек в ответ мне ни разу не удавалось. А вот свое тело после таких боев можно было смело сдавать в утиль, как отработанный материал. Когда мы устраивали спарринг другого вида, размахивал конечностями один я, а Шаман только уворачивался и блокировал удары. После окончания он называл мне цифру, обычно в промежутке от тридцати до пятидесяти, которая означала, сколько смертельных ударов за время боя он мог мне нанести, если бы моя компания вдруг ему наскучила.

Но лишь одной медитацией сыт не будешь, и Саня устроился охранником в тот самый крутой ночной клуб, где мы праздновали «день сохранения здоровья». Чтобы попасть туда работать, надо было убедить начальника охраны, что ты достоин стоять на страже порядка неспокойной массы посетителей, продержавшись три минуты под ударами этого монстра. Но в случае с Шаманом сам начальник думал, как бы дотянуть до конца. Сашку даже поначалу не хотели брать — боялись, что может покалечить зарвавшихся клиентов. Но как-то все уладилось. Буянов мой друг не убивал, но лишь он один мог вежливо и убедительно сказать обдолбанным, грозившимся смешать всех с дерьмом ребятам что-то вроде того: «Извольте, господа, вот — лопата, вот — дерьмо, прошу вас, мешайте. Только смотрите сами не запачкайтесь». И сквозь затуманенный мозг до них непременно доходило, что в неприятной субстанции они испачкаются наверняка, но вот остальные — вряд ли.

К моему способу опасных и непостоянных заработков Шаман относился крайне скептически. Именно поэтому друг настойчиво способствовал, чтобы меня взяли работать вместе с ним в то же заведение, но без прохождения их специфического «собеседования». Не был я еще готов к сражениям с гориллоподобным шефом, кстати говоря, бывшим десантником. Кто сталкивался — тот, безусловно, знает, что собою

представляет отъявленная десантура. Куда мне с таким тягаться!

Да и во время ночных смен я особо не влезал в конфликтные ситуации, по крайней мере, если рядом не тусовалась паратройка свирепых коллег, а еще лучше — сам Шаман. В общем, я вел себя как обычный работник, устроенный по блату, — не напрягался. А зачем, когда денежка сама капает в карман?

Вот так мой друг не только неожиданно объявился в моей жизни, но и, несомненно, сделал ее намного более качественной.

Глава третья, переходная

Таким образом, было ясно, что никто лучше Шамана не сможет провернуть дело с моим загадочным клинком. Правда, одновременно все усложнялось и упрощалось одним моментом: как раз в это время Сашка удостаивал своим присутствием некий съезд представителей восточных единоборств. Их сборище проходило в другом городе, что было явным минусом. Плюс заключался в том, что плотность японцев на метр квадратный в эти дни значительно превышала среднегодовое значение, и при хорошем стечении обстоятельств появлялась выдающаяся возможность слить клинок быстро и в хорошие руки. Оставалось только выйти на связь с Шаманом.

Я набрал его номер и стал слушать нудные гудки. На шестом из динамика раздался вечно спокойный голос моего друга:

— Да, Арсенал?

— Здорово, Саня! Как там у вас?

— Так себе, обычные представители кунг-фу, джиу-джитсу, показательные бои, контактных не было. Но есть тут пара любопытных людей…

— А, ну ясно. — Я прервал Шамана, так как первый свой вопрос задал скорее из вежливости и в ответе на него не нуждался. — Саня, у меня есть к тебе одно дельце. Короче, слушай. Раздобыл я недавно кое-какую о-оч-чень занимательную игрушку, по части твоих японских коллег. Сейчас тебе фотки на телефон скину. Ты там эту штуковину, может, покажи кому следует. Мне надо сначала хотя бы узнать примерную цену. Потом пробей — кому продать ее можно? Сделаешь?

— Опять твои дела? — равнодушно донеслось из телефона. — Что там у тебя такое?

— Жди, сейчас фотки перешлю. Как посмотришь — звони. Ну все, давай.

Я сбросил соединение, аккуратно положил меч на пол и, как Ленина в мавзолее, стал щелкать его с разных ракурсов. Потом сбросил все снимки Шаману и принялся нервно томиться в ожидании. Но, хвала современным средствам связи, скучать пришлось недолго. Сашка позвонил почти сразу:

— Странная вещица, скажу я тебе, Арсений. Первый раз такую вижу. Где взял? — Голос его был до раздражения спокойным, как всегда. Хоть бы удивился, что ли!

— Да вот у нас в клубаке сегодня ночью самураи хулиганили — трофей достался.

— А если серьезно?

— А если серьезно, то долго рассказывать. Потом. Так что там, ты пробил какую-нибудь заинтересованную японскую рожу?

— Пока нет, давай так… Ты сюда гони, а я к этому времени все устрою. Лады?

— Лады. Где вашу обитель мордобоя искать?

— Наберешь. Все, давай, тут сейчас как раз выставка оружия.

Шаман сбросил, а я полез обратно в тумбочку за мешком. Кажется, назревало прибыльное дельце.

Завернув меч, я переоделся в спортивный костюм — черт его знает, в чем эти бойцы по своим симпозиумам разгуливают, но кимоно у меня в гардеробе никогда не было. С мыслями о том, что незаметно слиться с окружающей толпой вряд ли удастся и что чересчур много, как девочка, думаю о наряде, я запихнул документы с ключами в карман и двинул на улицу.

На дворе стояла моя самая любимая погода. Тяжелые темные облака быстро летели над головой, прикрывая собой ярко-синее небо. Широкие лучи солнца местами прошивали их бесформенные туши, отчего создавалось впечатление, будто сверху кто-то подсвечивает огромным прожектором обширные участки городского ландшафта. Прохладный воздух и высокая влажность наполняли приятной свежестью легкие, отчего казалось, будто кислорода в атмосфере немного больше, чем обычно.

Старый белый «Фольксваген Пассат» ждал на стоянке. Он сохранился у меня с тех времен, когда я интенсивно гонял на Польшу соляру, спирт и сигареты. Дутый бак вмещал сто пятьдесят литров, а в кузове пряталось столько нычек, что в нем, наверное, можно было незаметно перевозить слона или пару эмигрантов, правда, в разобранном виде. Один из тайников и сейчас мог пригодиться, потому что гаишники нередко проявляют чрезмерное любопытство к тому, что творится у порядочных людей в салоне или багажнике.

Я наспех оглянулся по сторонам, убедился, что никто в мою сторону не смотрит, достал меч из мешка и запихнул его в нишу под самым днищем. Клинок вместился как раз впритык и надежно зафиксировался.

За тачкой я старался следить довольно тщательно, тем более что была пара знакомых автомехаников, поэтому, несмотря на солидный возраст, машина завелась с полуоборота. Два литра в четырех цилиндрах затарахтели под задницей, и я покатил навстречу возможной жирной наживе.

Вот такая получилась, можно сказать, предыстория. Задорное и перспективное начало дня. А с чего я, собственно говоря, начинал? Ах, да! Итак, «фольксваген» резво мчался по трассе, я

отмахивался от пессимистичных мыслей, прокручивал в голове невероятные события сегодняшнего утра, отдельные моменты своей не особо выдающейся жизни и безоговорочно верил в светлое будущее, даже не связывая его с коммунизмом. А дальше события завернули мое сулящее прибыль мероприятие на немного другую колею.

Спустя несколько минут, как я выехал из города, начал мигать датчик топлива. Пилить предстояло километров триста, поэтому пришлось высматривать заправку по пути. Еще повезло, что вчера выдали зарплату и я не забыл взять с собой деньги. А то забавно, наверное, смотрелся бы на обочине в спортивном костюме (черт, опять напрягаюсь по поводу наряда) и голосующим здоровым мечом. Типичный маньяк.

Вскоре заправка выплыла из-за небольшого лесочка, и я свернул наполнить брюхо своему четырехколесному динозавру. Других машин там не было, соответственно водителей тоже, только молодая девушка одиноко маячила возле окошка оператора.

Я остановился рядом с колонкой, достал кошелек и пошел платить, пересчитывая на ходу деньги. Сумму, как оказалось, я взял с собой приличную, но привезти обратно рассчитывал намного больше.

— Пятьдесят литров дизельного на вторую, — просунул я деньги в окошко.

С приветливой улыбкой оператор сгребла наличные, пощелкала клавишами на компьютере и, продолжая улыбаться, отслюнявила сдачу.

Вообще я давно заметил, что самые вежливые работники сервиса трудятся именно на заправках. То ли мне просто везло с настроением девушек, то ли у них там жесткий психологический отбор при трудоустройстве, а может, с нефтяного бизнеса им обламывается достаточно денег, чтобы не быть обозленными на жизнь и всех окружающих. Не то что некоторые продавщицы в магазинах: такое ощущение, будто их перед сменой накачивают гиперагрессивной смесью из адреналина, тестостерона и спирта. Правда, труд охранников тоже сравнительно неплохо ценится, но благодушными добрячками нас никак не назовешь.

Пока я стоял у окошка, глаза как-то сами кинули косяка на стоящую рядом девушку. Оказывается, она беззастенчиво и любопытно разглядывала мою скромную персону. Я отвернулся и направился в сторону машины. К сожалению, не было времени строить глазки. Но судьба распорядилась иначе, и вскоре за моей спиной послышались быстрые шажочки.

— Молодой человек! — Я остановился, ожидая, когда

девушка поравняется со мной. — Молодой человек, вы не подбросите?

— А вам куда? — Теперь я мог спокойно и вдоволь разглядывать незнакомку.

А смотреть было на что. С виду немногим больше двадцати, красивое личико, пышные волосы каштанового цвета, стройная фигурка, грудь даже имелась в наличии. Судя по стильной, но не вульгарной одежде и умеренной боевой раскраске, можно было сделать вывод, что я наверняка имел дело не с проституткой.

— Да здесь по трассе километров двадцать, — она махнула рукой вдоль дороги, улыбнулась и вопросительно посмотрела на меня. Взгляд этого милого личика по бронебойности мог сравниться даже с обезоруживающим видом кошака из «Шрека».

— Не вопрос — подкину, раз уж по пути, — я улыбнулся в ответ. — Прошу.

Между прочим, грамотный ход: вместо того чтобы околачиваться на обочине и оттопыривать большой палец вверх каждой проезжающей попутке, можно просто договориться лично с водителем на заправке или в придорожной кафешке. И тут уж шефу придется либо брать человека, либо придумывать вразумительную отмазку для отказа, а не проноситься мимо с игнорирующим взглядом. Хотя такой барышне в любом случае поймать попутку проблемы явно не составило бы.

Мы мчались по трассе, и в салоне распространялся ее беззаботный щебет:

— Я собиралась домой после занятий, а тут вдруг сломался каблук. Пришлось возвращаться, — но из общаги на пригородный автобус уже не успевала. Кое-как до заправки добралась, а тут вы, слава богу, появились. Не знаю даже — что бы я без вас делала?

Периодически отвлекаясь от дороги, я поглядывал на свою привлекательную попутчицу и очень надеялся, что она скрытая, а лучше явная нимфетка. На худой конец, я принял решение непременно стрельнуть ее телефончик — впоследствии может пригодиться. Жаль, костюм не совсем подходящий. Тьфу ты, опять о наряде!

— Мне к родителям, в деревню. Отсюда недалеко, — продолжала она. — Вы меня на повороте там высадите, а дальше я сама.

— И долго самой топать от поворота?

— Да нет, километра два всего лишь.

— Ничего себе «всего лишь» на таких каблуках, — я указал глазами на ее сапоги, с удовольствием проведя взглядом вдоль торчащих из-под юбочки стройных ножек.

— Нормально, танки грязи не боятся. — Она опять

сногсшибательно улыбнулась, и мы весело рассмеялись.

Согласно древнейшей тактике, пора было потихонечку переходить на комплименты.

— И не страшно такой обворожительной девушке передвигаться автостопом?

— Ну… Вообще-то сначала было немножко, но у вас лицо такое доброе… — Настолько мило у нее получилось это сказать, что я аж чуть не раскраснелся.

— Ага, оно еще пушистое, как персидский ковер, особенно если долго не бреюсь.

Девушка забавно хихикнула в ответ.

— И где такие красавицы в нашем городе учатся?

— В универе, на юриста.

— А, ну все понятно! Судья с присяжными при виде вас вынесут вердикт «н-не-не-невиновен!», даже не глядя на подсудимого.

Я продолжал обрабатывать ее шуточками и ненавязчивой лестью, пока мы не доехали до перекрестка с проселочной дорогой, которая шла вдоль пролеска с одной стороны и поля с другой.

— Вот, вот здесь, — красотка замахала руками в ту сторону. — Здесь остановитесь, я дальше пешком.

Я посмотрел на несчастную двухколейку и ужаснулся: в эту грязь последнюю свинью не захотелось бы отпускать на прогулку, не то что девушку.

— Да что вы! И по этому танкодрому вы собираетесь свою красоту перемещать? Сколько вы там говорили, два километра до ваших владений? Давайте уж до конца довезу. — Я свернул и параллельно подумал, что Шаман подождет, никуда не денется.

— Что вы, не надо, я сама!

— Да ладно, — мой голос не терпел возражений.

Машина загрохотала своими железными внутренностями, ежесекундно подскакивая на рытвинах. Как бы товар с таким ралли по сельской местности не вывалился. Девушка вновь заговорила:

— Даже не знаю, как вас благодарить, вы меня так выручили… — В ее голосе и движениях проскользнули нотки неуверенности, как будто она собралась что-то сделать, но никак не могла решиться.

Только я собрался сообщить, что лучшей благодарностью будет номер ее телефона, как вдруг моя прекрасная незнакомка томным голосом заявила:

— Остановите машину здесь, мне душно, — она прикрыла глаза, высоко вздымая грудь.

Ого! Как интересно! Я притормозил.

— Откройте окно, здесь так жарко. — Я мигом опустил стекло со своей стороны, и в салон ворвался поток пахнущего хвоей воздуха из леса.

Незнакомка распахнула свои потрясающие глаза и уставилась на меня похотливым взором:

— Я могу сказать вам спасибо только так!

И она впилась в мои губы сладким поцелуем. Это было настолько незабываемо, приятно и восхитительно, что я не сразу заметил, как замолчал двигатель автомобиля, а под ребра мне уперлось лезвие ножа. В эту же секунду через открытое окно в салон пролезли три предмета: наглая бритая рожа, волосатая рука и небольшой разделочный тесачок в ней, который сразу начал угрожать целостности моего горла.

— Вылезай, быстро! — прокричала рожа мне в самое ухо, потом дверца распахнулась, и меня бесцеремонно, как нашкодившего котенка, за шкирку выволокли наружу.

Из леса вылезали еще два человека. Все с виду — натуральные колдыри: в непонятых мешковатых штанах и фуфайках. Тот, который бритый, довольно внушительный на вид, остался рядом со мной, продолжая угрожать ножом, другой, с первого взгляда старший в этом боевом звене, счастливый обладатель огромного синего носа, сразу полез копошиться в багажник, а третий, самый мелкий и к тому же сопливый дрыщ, принялся обыскивать салон. Красотка уже вылезла из машины и, покручивая на пальце брелок с ключами от «пассата», с издевкой смотрела на меня как на безнадежного идиота.

Но как же лихо все провернула, бестия! Это ведь не я ее обрабатывал, а совсем наоборот. И там, на заправке, эта сучка вовсе не меня любопытно разглядывала, а дружно, вместе со мною, пересчитывала мои же бабки. Эх, и говорил ведь нам еще в школе пожилой подполковник — учитель допризывной подготовки, — что считать деньги надо так же, как и заниматься онанизмом: то есть либо в одиночестве, либо в кругу очень близких друзей. А это ее предрасполагающее поведение и просьба выкинуть на глухой проселочной дороге — ну какой же джентльмен бросит беззащитную даму в такой неловкой ситуации? Я и повелся. Вот и позволил затащить себя подальше от оживленной трассы. И наконец продуманная просьба открыть окошко с отвлекающим поцелуем — как я сразу не догадался? Хотя чем уж там догадываться, когда все мысли базировались сугубо ниже пояса…

Я еле сдерживал кипящую в крови ярость. Да кого эти недоделанные гангстеры собрались развести? Меня? Человека, у

которого за спиной стоят кореша из службы безопасности самого понтового клуба в городе и сам Шаман? Меня? Закаленного тренировками в самых жестких условиях? Да мне сам черт не брат, не то что стайка доморощенных головорезов. Но раз уж меня так ловко и эффектно сделали дурачком, то я решил в долгу не оставаться. Тем более что кипящая злоба так удачно притупляла чувство страха.

— Пацаны! Не убивайте, пацаны! — Испуг, по-моему, изобразить удалось натурально. — У меня есть деньги, я вам все отдам, только не убивайте! Пацаны, я золото везу, у меня слиток под днищем спрятан! Я вам отдам, только не убивайте!

На лице бритого, к которому я в основном и обращался, проскользнула тень любопытства. Незнакомка тоже удивленно повела бровью. Остальные двое удостоили меня лишь короткими взглядами и продолжили распатронивать машину. Видимо, терять времени лесные разбойники не желали.

— Какой слиток? — Бритый недоверчиво на меня пялился, однако нож убирать не спешил.

— Золотой! Сейчас покажу! — и я с готовностью ринулся на землю ковыряться в тайнике.

— Сейчас, сейчас, пацаны! Вам его на полжизни хватит, сейчас… — Я осторожно, чтобы не порезаться, шарил рукой, пытаясь ухватиться за рукоятку. — Вот, нашел!

Выскальзывая из-под машины, я быстро левой рукой взял на захват кисть с ножом бритого, а правой, сжимающей клинок, с размаху съездил ему по морде. Хрустнула челюсть, бандит откинулся корпусом назад, и тут же затрещало его находящееся в захвате запястье. Кисть здоровяка разжалась, выпуская оружие, а я грозно крутанул клинком, мол, у кого из нас ножичек круче?

Из окровавленной пасти разбойника вылетел зуб и полный боли вопль:

— Кирюха, шпалер доставай!

Оглянувшись, я увидел, как мужик с синим носом, в ужасе глядя на меч, копошится у себя за пазухой, судорожно пытаясь что-то извлечь. На долгие философские размышления не оставалось времени: если у него там ствол, то меня за один только зуб товарища пристрелят, как хромую лошадь, а за сломанное запястье могут приговорить в особо извращенной форме. Я отпустил руку бритого, и тот со стоном рухнул на землю. Оглядев напоследок искореженные страхом лица участников квартета, я пулей рванул в лес. Обогнул пару елей, за спиной грохотнул выстрел, и ствол справа от меня брызнул щепками. Я тотчас сместился в сторону, резко нырнул вперед, кувырнулся и опять сменил направление.

Дальше пришлось двигаться как учил Шаман — то есть рывками, зигзагами и кувырками, внезапно меняя курс. На мою беду лес был небогат кустарником и оврагами, которые могли предоставить хоть какую-нибудь возможность временно скрыться. Раздался второй выстрел, но все равно шансов попасть в меня у бандита было столько же, сколько у пьяного бомжа проникнуть в элитное казино.

Топот преследователей не утихал. Скорее всего, в погоне участвовали двое — Кирюха и второй, мелкий, а моя двуличная попутчица осталась зализывать раны боевому товарищу.

Вскоре на пути наконец показались довольно большие заросли кустов, и я недолго думая метнулся в самую гущу. Неожиданностью было то, что кусты росли на самом краешке довольно крутого склона, скатываться по которому сломя голову в мои планы не входило. Но пришлось. Тело кубарем стремилось вниз практически с ускорением свободного падения, лес превратился в зеленую карусель-«сюрприз», а повлиять на траекторию движения было решительно невозможно. Оставалось лишь молиться, чтобы на пути не попался камень или достаточно крепкое дерево, о которые на такой скорости можно запросто разломать позвоночник на две части или сделать в черепе дополнительное отверстие для проветривания. Через пару секунд в крутящуюся картинку леса настойчиво стало вклиниваться серебристо-серое пятно, неуклонно увеличивающееся в размерах, из чего можно было сделать вывод, что я скатывался прямо на него.

Наконец обрыв, как и все в нашей жизни, подошел к концу, но не слишком приятному, так как венчался трамплином в виде небольшого бугорка. Взмыв над землей, мое тело перешло на более плавные обороты, и в полете, как на замедленном кадре, мне удалось разглядеть кучку людей в камуфляже, провожающих меня стволами автоматов и удивленными взглядами, гору непонятной аппаратуры и то самое серебристое пятно. Оно выглядело как переливающийся волнами круглый слой ртути, поставленный вертикально. Я плюхнулся в самый центр этого круга и отключился.

Глава четвертая, напряженная

Казалось, холод пробрался до самого позвоночника, проник в спинной мозг, а оттуда ринулся будоражить головной, отчего, собственно говоря, мне и пришлось очнуться. Система тут же выдала отчет о повреждениях: головокружение, тошнота, дважды отбитый затылок и трижды копчик — в общем, ничего смертельного.

Открыв глаза, я обнаружил себя бесстыдно валяющимся прямо на траве в зазывающей позе. Рядом отдыхал клинок, чудом не оброненный во время бешеной ротации. Как я еще умудрился не искромсать им себя на части — тоже удивительно. Веки с трудом распахнулись, и оказалось, что, пока организм наслаждался в забытье, уже наступила ночь. Безоблачное небо смотрело на меня зрачками неисчислимых миллиардов звезд, а глядя на огромную полную луну, можно было запросто даже ослепнуть.

Я принял сидячее положение и осмотрелся, благо, лунный свет позволял это сделать без труда. Окрестности удивили полным несоответствием с тем местом, где я потерял сознание. Впереди, метрах в пятидесяти, стояла сплошная стена высоченного черного леса, которая простиралась в обе стороны, и конца ей не было видно. За спиной, насколько хватало взгляда, разлеглось бескрайнее поле. Показалось, что слева вдалеке, у самой кромки леса, колыхались огоньки.

— Черт, неужто вояки меня сюда оттащили? — пробурчал я, вспоминая людей в камуфляже. — Почему тогда меч не забрали?

Продолжая озираться, я подобрал клинок, встал и отряхнулся. Надо было решать, в какую сторону двинуться. Пришло время напрячь слух: рядом могла проходить автомагистраль или железная дорога. И тут я понял, что вокруг — абсолютная тишина! Ни пения птичек, ни треска цикад, ни даже шума ветра в кронах деревьев. Это странное обстоятельство почему-то настораживало.

Наспех пораскинув мозгами, решил поначалу направиться в сторону полыхающих издали огоньков. Вряд ли там Лас-Вегас, однако должен ведь кто-нибудь обитать в той области.

Но только я повернул налево — краем глаза удалось заметить две тени, стремительно отделившиеся от леса. Они приближались ко мне, одна за другой, с бешеной скоростью, и уже через секунду можно было разглядеть их кошмарные очертания. Два огромных, размером с лошадь, существа, своим видом напоминающие собак. Но странные это были собаки: без шерсти, костлявые, обтянутые

сухой и серой, как у мумии, кожей, с широкой грудной клеткой, огромной пастью и пустыми глазницами. До ушей донесся не собачий рык, а утробное замогильное сипение.

Монстры передвигались слишком быстро, чтобы пытаться от них убежать. Да я и не мог — тело не слушалось. Все, на что был способен организм, — это в ужасе отвесить челюсть и смотреть на приближающихся тварей, которые были совсем близко. Та, что бежала первой, уже находилась на расстоянии прыжка и, широко разинув пасть, взметнулась в воздух.

В эту же секунду до моего скованного парализующей оторопью мозга дошло, что в руке я сжимаю грозное оружие. Осознание этого факта моментально придало решимости и подвижности. Сместившись рывком с линии атаки прыгнувшего уродца, я располосовал ему весь бок и сразу же сконцентрировался на втором нападавшем. Но поздно! Тот уже пикировал на меня, стремясь вцепиться зубами в горло и раздавить под тяжестью своего тела. Я лишь выставил меч вперед и начал падать на спину в надежде, что лезвие проткнет какой-нибудь жизненно важный орган чудовища, а сама тварь окажется достаточно легкой, чтобы не превратить меня в пиццу. Тело зверя нанизалось на меч, как на шампур, вскользь придавило меня к земле, но, увлекаемое инерцией, перекатилось на пару метров дальше. Я сразу вскочил в боевую стойку, занося клинок над головой, но сражаться больше было не с кем.

Тот монстр, что прыгнул на меня вторым, уже не вставал, а первый, с вываливающимися из рассеченного бока внутренностями, силился подняться, но лапы его совсем не держали. Раненое, похожее на хорошо сохранившийся труп огромной собаки животное обратило ко мне свою страшную безглазую морду и тихо, но все так же пугающе, неестественно просипело. Я осторожно подошел к нему на пару шагов ближе, чтобы внимательнее рассмотреть, но существо вдруг, остервенело выгибаясь и мотая головой, видимо, из последних сил, поползло ко мне. Отскочив в сторону и оказавшись сбоку от мерзкой твари, я одним ударом снес ей голову. Зверь замолчал навсегда.

Но тишина длилась недолго — почти сразу после этого из недр леса раздался нечеловеческий вой, а из чащобы стали доноситься множественные шорохи, будто десятки лап начали шелестеть в траве между деревьями.

Выглядело так, будто поначалу природа затаилась, рассматривая меня, затем, когда я очнулся, послала двух слепых разведчиков, чтобы проверить незваного гостя, и теперь, убедившись, что он действительно хуже татарина, решила действовать.

Я тоже не думал тормозить и на этот раз рванул в сторону огней, как студент в столовку на перерыве. Постоянно озираясь на бегу, я все думал: что же это на самом деле было? Перебрав кучу фантастических версий, наиболее вероятным признал испытание военными нового биологического оружия. Скорее всего, разработка вышла из-под контроля экспериментаторов. Или это было бета-тестирование, причем на мне, придурке, так удачно подвернувшемся под руку. Интересно, а бандитов, гнавшихся за мной, тоже поймали? И каким же все-таки органом огромные безглазые твари безошибочно меня чуяли? Как бы то ни было, приоритетным вопросом на данный момент являлось удовлетворение своего инстинкта самосохранения — над остальным я решил поразмышлять потом, если доведется.

Единственным вариантом спасения, на мой взгляд, было место, где светились огни, где могли оказаться люди. Даже если это и подставившие меня вояки — они все равно хомо сапиенс, разумные существа, с которыми на крайний случай можно договориться, а не кошмарные монстры, способные сами разобраться между собой, кому и сколько вкусных кусочков молодой жертвы достанется на ужин.

Метров через двести стали виднеться очертания забора, который при ближайшем рассмотрении оказался деревянным частоколом. Ничего себе военная база, охраняемый объект! Никогда не думал, что инженерная служба догадается в полевых условиях обносить лагерь ограждением из вбитых в землю толстых заостренных деревянных стволов метра в три высотой. Однако при этом высота оборонительного сооружения и его структура не позволяли спокойно перелезть на огороженную территорию. Оставалось искать ворота. Я оглянулся по сторонам. В лунном свете стало видно, что огни горят на двух вышках, стоящих хоть и за частоколом, но прямо напротив леса. Приближаться к пугающим шумным зарослям хотелось меньше всего, однако что еще могли охранять вышки, если не вход на базу?

Внимательно вглядываясь в чащу, готовый встретить лицом к лицу все, что могло выскочить оттуда, я как спятившая бабочка полетел на свет. Частокол шел по кругу, и в той его части, которая располагалась к лесу ближе всего, метров за двадцать до зарослей, действительно находились широкие, обитые жестью ворота. Высотой с три этажа, деревянные каркасы вышек торчали из-за массивного забора и оканчивались чем-то вроде крытых смотровых площадок, на которых горели костры.

Я немного покрутился у ворот, раздумывая, как бы оповестить обитателей о своем присутствии, да так, чтобы на

всякий случай не расстреляли без разбору. Вдруг сверху раздался человеческий голос, говоривший на непонятном языке, и я задрал голову. Разглядеть на фоне пламени настороженные, неподвижные человеческие силуэты удалось не сразу. Судя по тревожной интонации речи говорившего, стало понятно, что с распростертыми объятьями, фанфарами и хлебом-солью встречать меня явно не намереваются. Хоть бы впустили вообще. Я принялся оживленно семафорить руками, указывая в сторону того места, где произошел инцидент с двумя чудовищами, и орать что есть мочи:

— Люди! Не стреляйте! Помогите! На меня напали вон там две собаки, здоровые, без глаз! Впустите!

Неожиданно в зарослях, совсем рядом, почти на самой опушке раздался высокий громкий нечеловеческий смех, заставивший меня вздрогнуть и подскочить на месте. Я слышал, как похожие звуки издают шакалы, но откуда им взяться в здешних широтах? Люди на вышках принялись переговариваться между собой, правда, ни слова понять не удалось. Тем временем из глубины леса донесся громкий хруст ломающегося дерева, что-то заскрипело, как корабельные мачты парусников на ветру, и земля задрожала под могучей поступью чьих-то гигантских ног. Тут уж я забеспокоился совсем не на шутку:

— Эй, там, наверху! Впустите, мать вашу! — Добавив еще пару непристойных словечек для пикантности и ясности изложения, рукояткой меча я принялся нервно постукивать по жестяной ограде.

Видимо, бюрократы наверху наконец пришли к консенсусу, и я опять услышал тот же голос:

— Хорошо, мы тебя впустим. Но если что не так — убьем! — Одна створка ворот приоткрылась.

О! Ведь могут и по-нашему разговаривать, если захотят, подумал я, прошмыгнув молнией внутрь.

А за воротами, отсвечивая радостными бликами от горящих факелов, меня гостеприимно встретила куча ощетинившихся лезвий. Мужики, державшие копья, были одеты в грубые шмотки, каких сейчас не встретишь даже в самой глухой деревне. Всклокоченные бороды на каждой роже и нелепые лапти создавали весьма обескураживающее впечатление. За их спинами виднелись силуэты бревенчатых домов, из которых выползали грузные женщины с заспанными, но любопытствующими взглядами. Платья их также были пошиты из грубого, похоже, льняного, сукна. Пара босых детей в рубахах до пят тоже умудрилась просочиться, чтобы поглазеть на гостя, но получив кто по заднице, кто подзатыльник, — мигом испарилась.

Что-то в этом месте явно было не так. По крайней мере, на военную базу оно тянуло с большим трудом — это если пропустить несколько последних столетий. Не очень смахивала обстановка и на декорации к историческому фильму. Точнее, смахивала еще как, но больно уж реалистично все выглядело.

Я таращился на диковинных людей, и они тоже настороженно, правда, не без интереса меня разглядывали. Так, наверное, могло продолжаться вечно, пока один из них не догадался спросить:

— Кто ты такой и что тебе здесь нужно?

Не сказать чтобы такого каверзного вопроса я от них не ожидал, однако выдать сразу более-менее вразумительный ответ едва получилось.

— Ну, я… это… попал сюда случайно: убегал от бандитов, потерял сознание, а потом оказался здесь. На меня из леса напали две огромные собаки без глаз — я их убил, потом увидел огни на вышках и прибежал сюда. Вот.

В толпе сразу после этих слов началась оживленная дискуссия, к которой, опять же ввиду языкового барьера, я не мог присоединиться. Когда наконец все замолкли, ко мне вновь обратился тот же мужик:

— Ты убил двух волколаков?

Толпа смотрела недоверчиво и явно ждала ответа.

— Послушайте, я вообще-то в местной фауне совсем не шарю. Вылезли два упыря — пришлось порезать. А как вы их называете — волколаками или волкодавами, — это уже ваше дело… — На меня продолжали смотреть как на рыбака, который, хвастаясь, расставлял руки слишком широко. — Чего так смотрите? Не верите? Сходите проверьте — там трупы валяются. Вот, кровь на мече еще осталась.

Я демонстративно выставил клинок на обозрение. Люди принялись толкаться, пробираясь поближе, чтобы лучше рассмотреть кровь на лезвии. Копья и пики были беспечно задраны остриями вверх. Они, как дети, увидев что-то любопытное, мигом забыли обо всем окружающем. Сейчас появилась прекрасная возможность одним махом чирикнуть пару шей и, пользуясь неразберихой, прорваться смертельным вихрем через толпу. Теоретически я знал, как это сделать, — Шаман и таким фокусам учил. Но был ли в этом смысл? Ребята оказались не слишком агрессивными простачками. Причем у них срочно следовало узнать, где я нахожусь, и кое-какие мысли по этому поводу уже настойчиво барабанили по мозгам. Я решил перебить бойкое обсуждение аборигенов, размахивающих руками, словно строй чокнутых регулировщиков:

— Простите, а вы не подскажете, где я сейчас нахожусь? — как можно более вежливо и непринужденно спросил я.

— Это деревня Прилесье, — практически не отрываясь от дискуссии по поводу моих подвигов, ответил тот житель, который задавал мне вопросы.

Судя по уважению, с которым окружающие внимали его речам, этот мужик был здесь за главного.

— А можно подробнее?

Крестьянин внимательно посмотрел мне в глаза:

— Ну, Прилесье, возле Крипета… — Поняв по выражению лица, что эти названия мне говорят не более чем слово «синхрофазотрон», селянин добавил: — Ты что, не знаешь? Ну, Крипет! Великое княжество Мидлонское. Столица Глада. Не знаешь? Ты что, из Казмадского королевства?

— Первый раз слышу! Вы что, прикалываетесь? Поверьте, с географией у меня в школе никаких проблем не было. — Теперь все молча смотрели на меня. — И чего это вы со мной на русском, а друг с другом на непонятном языке разговариваете?

— Понятно, — сказал все тот же мужик, хотя по взгляду было видно, что ни черта ему не понятно.

Он задумался на секунду, затем обернулся и на чужом языке что-то сказал своим соплеменникам. По толпе сразу пробежал ропот неуверенности. Глава еще раз с упреком обратился к людям, но те принялись неуверенно мяться. Я с любопытством наблюдал за происходящим. Наконец он выхватил из людской массы за руку первого попавшегося добровольца, наорал на него, затем указал пальцем на деревню и швырнул в ту сторону. Несчастный чуть не зарылся носом в землю, но, сохранив равновесие, оглянулся, обреченно вздохнул и неспешно исчез между домами.

— Так ты и вправду ничего про эти земли не знаешь? — обратился градоначальник уже ко мне.

— Только то, что гостеприимство здесь — явно не конек. — Я скептически ухмыльнулся, оглядывая копья.

Мужик нахмурил брови:

— Когда каждую ночь готовишься отбивать нападки нечисти, любого гостя начинаешь встречать одинаково. — Из толпы раздались одобрительные возгласы. — Но ты убил двух волколаков, на твоем оружии черная кровь этих исчадий. Такое не каждому под силу. Говоришь, никогда не слышал про Поляну? Возможно, ты не лжешь. Я послал за волшебником — пусть он проверит.

— Волшебник?!

Пока старший по селу не произнес этого слова, я собирался у

него спросить о многом, но теперь вопросы повылетали из головы, словно тараканы из-под тапки.

— Да, сейчас один из них у нас проездом. Скокс — тот еще чудак. Приехал что-то выяснять о нечисти. Тебя, кстати, как звать, незнакомец?

— Арсений… Арсенал, в общем. Но погодите, какой к черту волшебник?.. А! Понял: у вас тут секта!

Я вспомнил документальный фильм про группу отшельников, которые зашились в самую глушь и основали там свое поселение, свою новую жизнь со странной религией, традициями и обрядами. Как бы у этих экземпляров каннибализм не был одной из славных традиций, радующих и детей и взрослых. Я как можно более примирительно продолжил:

— Ушли от грязи и шума цивилизации — ну, это понятно. Не осуждаю. Самому иногда хочется, но как-то не сейчас. Мне бы только домой добраться — и все. Больше я от вас ничего не прошу. Хотя… стойте… — Я задумался в неуверенности. — Откуда здесь тогда эти чудовища? Неужели все-таки…

Сгруженные в одну кучу небывалые мутации животных после мощного радиационного выброса, научные разработки военных и поселок языческих фанатиков, причем всего в нескольких десятках километров от средних размеров мегаполиса почти в центре Европы, — слишком ничтожная вероятность. Как ни странно, более правдоподобной выглядела совсем другая — фантастическая версия: неужели все-таки Палыч не был психом?..

— Ты странный человек, Арсенал, — прервал глава поселка мои мысли. — Пускай Скокс разбирается с тобой. — И с надеждой добавил: — Может, хоть от нас отстанет.

В это время из-за домов раздался душераздирающий вопль, и через минуту бегом вернулся тот самый гонец, которого градоначальник посылал за волшебником. Вытаращив глаза, он покрикивал от боли и держался обеими руками за ягодицы, почему-то дымящиеся. За ним шел высокий мужчина, ярко отличавшийся от окружающих отсутствием бороды, забавными кудряшками на голове и длинным балахоном. Выражение лица этого типа явно не предвещало ни мне, ни сельчанам ничего хорошего, поэтому все присутствующие благоразумно расступились на безопасное расстояние в стороны еще задолго до приближения страшного дядьки, увенчав сей живой коридор моей скромной персоной. Волшебник целенаправленно топал к нам, и уже можно было расслышать его злобные причитания:

— Вы, стадо тупоголовых елупней! Паляндры1 на вас нет! Сколько раз вам повторять, чтобы не беспокоили меня, если на деревню никто не нападает! Но нет! Вы умудрились опять это

сделать, да еще когда? Ночью! Решили, что если я спалю одного из вас, — в темноте это будет смотреться особенно красиво? Показывайте — кто вас тут испугал? Этот? — Скокс уже подошел и принялся презрительно окидывать меня взглядом, с недоумением остановившись на кроссовках.

1 Паляндра — богиня смерти, забирает души умерших.

Толпа в ужасе молчала. Я тоже никак не мог решить, какую линию поведения выбрать в разговоре с недавно разбуженным среди ночи, а поэтому, естественно, злым, как стадо пчел, волшебником.

— Кто ты такой? — сурово рыкнул Скокс, обращаясь ко мне.

— Арсенал! Убегал от разбойников, убил двух волколаков, потерял сознание и прибежал сюда! — отрапортовал я как солдат командиру, но, поняв, что доклад непоследователен, решил тут же исправиться: — Точнее, сначала потерял сознание, а потом убил волколаков. Ну, а перед этим убегал от бандитов, а сейчас вот здесь. То есть…

— Заткнись, раздави тебя Перун[1]! — проорал волшебник, закатил устало глаза, а затем обратился к старосте поселка: — Горлан, это же лазутчик Кащера, ты только посмотри на него! Во что он одет! Нашему бессмертному врагу совсем уже некого засылать, кроме таких полных ничтожеств, как этот шут!

Градоначальник открыл было рот, чтобы что-то возразить, но тут я не выдержал: мало того что меня нахально обозвали, так еще и затронули самую больную тему — прикид!

— Между прочим, я этот костюм всего два месяца назад купил, а если кому-то не нравится спортивный стиль, то это — его личное мнение, и я рекомендовал бы заткнуть оное себе в одно место!

Что конкретно мог сделать мне колдун и почему его так боятся в деревне, я даже не подозревал, но меня уже несло конкретно и безостановочно:

— Ты, хоть сам себя в зеркало когда в последний раз видел? Выглядишь как пугало и считаешь, что имеешь право называть других людей ничтожествами?

Глаза Скокса налились яростью, а ноздри стали раздуваться, словно купола парашютов. Тишина повисла громогласная — показалось, что даже разбуянившиеся заросли дремучего леса за частоколом притихли. Такой наглости от пришельца никто не ожидал, и теперь все со смесью страха и любопытства ждали, что произойдет дальше. Я же дал себе зарок, что если выберусь живым из этой переделки — сразу запишусь на прием к психиатру, чтобы научиться давить в себе приступы неконтролируемой, чрезмерной и зачастую неуместной агрессии.

— Испепелю, — прошипел волшебник и уже начал это делать, по крайней мере, взглядом.

Он крутанул предплечьями — из левого рукава его балахона прямо на ладонь выкатился стеклянный шарик синего цвета размером с гандбольный мяч. Из правого выскочила небольшая черная палочка, похожая на эбонитовую, которые в школах на уроках физики натирают шелковой тканью и показывают фокусы со статическим электричеством. Только Скокс начал показывать трюки на порядок круче.

Шар налился ярким свечением, волшебник самым кончиком палочки дотронулся до его поверхности и отвел руку. Получилось, будто чародей зацепил палочкой часть энергии в стекляшке и потянул за собой ленточку синего света. Затем Скокс, как на выступлениях по художественной гимнастике, быстро начал чертить в воздухе этой ленточкой какую-то непонятную фигуру. Не прошло и трех секунд, как волшебник замкнул ее очередным штрихом, начертание ярко вспыхнуло и обратилось в комок синего пламени. Последним взмахом палочки огненный шар пришел в движение и метнулся в мою сторону. Толпа вздохнула. Все это время я стоял разинув рот, не в силах оторваться от представления, поэтому не успел даже догадаться, что от этой атаки благоразумнее будет увернуться. Шар влепился в меня на бешеной скорости и красиво разлетелся вдребезги ослепительными голубыми искрами. Толпа гулко ахнула.

Я окинул себя взглядом с ног до головы — абсолютно никаких изменений. Вспомнив незадачливого посыльного, пощупал ягодицы — тоже без эксцессов. Услышав нарастающий ропот, я посмотрел по сторонам. Люди таращились в недоумении, тыча пальцем то в волшебника, то в меня, и переговаривались между собой все громче.

— Ваше могущество, что это было? — решив присоединиться ко всеобщему обсуждению произошедшего, Горлан фамильярно ткнул волшебника в бок.

Видимо, находясь под впечатлением, староста забыл, как тот реагирует на оскорбления.

— Перун его знает… — Еще более ошарашенный Скокс не обратил внимания на бестактность деревенского старосты. — Столько чар должно было оставить от него только дым… Волшебство на него не действует! Он — Второй Пришелец.

— Второй Пришелец… В такие времена… — Горлан задумался. — Интересно, что по этому поводу скажет Радзивилл Седьмой?

— Пока ничего — князь и не узнает. До поры до времени. Сначала сами разберемся.

Радзивилл Седьмой? Откуда здесь всплыла фамилия самого знатного в истории моей родины семейства магнатов? И с какой радости мое пребывание собрались поначалу скрывать от него? Хотя это сейчас не главное.

— Так! Нечего тут глазеть! Марш дежурить, остальные — спать! Дажбог[2] с вами. Завтра трудный день. Как обычно. — Горлан решил, от лишних вопросов и от греха подальше, ограничить контакт окружающих с загадочным пришельцем.

Пока крестьянский начальник разгонял ночных зевак по охранным вахтам и домам досматривать свои примитивные сны про какой-нибудь неурожай смородины, я успел окончательно и бесповоротно убедиться в самом насущном. Да, меня нагло вышвырнули из родного мира! Хотя, наверное, я сам выскочил из него через тот ртутный волнистый круг, возле которого крутились люди в камуфляже. Вот оно что! Это, скорее всего, не армейская разработка новейшего биологического оружия, а эксперименты телепортации в реальных условиях под прикрытием военных.

Провернув еще раз в памяти ход событий сегодняшнего дня, стал вырисовывать цепочку из чрезвычайно странных событий, которые с иным гуманоидом даже за всю жизнь приключиться не могут, а со мной — одно за другим в течение всего лишь суток! И подраться уже успел два раза, хотя до этого, на самом-то деле, не особо рисковал применять знания Шамана на практике, если не считать пары выпровоженных пинками невменяемых посетителей клуба. В остальном-то я был строгим приверженцем мирных решений — для более радикальных вариантов не хватало смелости. Если, конечно, целенаправленно не посадить меня на белого коня. Тогда уж простите — страх устраивает себе перекур, а результаты тяжелых тренировок всплывают с неизменной пользой.

И все-таки череда сегодняшних происшествий казалась крайне подозрительной. Ладно! То, что Леонтий Палыч передал напоследок свой секрет именно мне и без свидетелей, — это, положим, случайность. Тогда то, что к другу Шаману пришлось ехать с клинком в другой город как раз мимо места, где именно в этот день разворачивался далеко не рядовой эксперимент, — это пусть будет совпадение. Но то, что я умудрился нарваться на банду предприимчивых головорезов, и те, сами того не подозревая, как молодого лося, загнали меня на самый телепорт, — это уже какая-то нереальная закономерность!

Я подозрительно глянул на меч. Это ты, небось, так домой рвался, что все просчитал, все устроил, а меня с собой прихватил за компанию, как тупоголового носителя? Поздравляю, ты — дома! А я — нет! Я, черт возьми, тоже хочу на родину!

— Хотеть не вредно, — донесся до ушей голос Скокса.

Пришло мое время удивляться:

— Что?

— Он говорит, хотеть не вредно. И еще улыбается от души. — Волшебник тоже не скрывал издевательской ухмылки.

— Он разговаривает?

— Да. Правда, только я могу его слышать. Чары тебя не берут, чужак, но это не всегда тебе на руку.

— Серьезно? — Я наигранно выпучил в изумлении глаза. — А как же он тогда мои мысли прочитал, раз на мне эти ваши чары-пачвары не фурычат? Просто меч-телепат, и все?

— Ты про пачвар знаешь? — спросил уже разогнавший всех подопечных Горлан.

— Откуда у тебя этот меч? — Это вновь Скокс.

— Кого ты еще видел? — опять Горлан.

— Ну ни фига себе! — Я даже слегка обалдел. — Бородатый крест и колдун из бабушкиных сказок устраивают мне качественный перекрестный допрос? Вы что, из местных средневековых органов безопасности?

— Я не колдун, я — волшебник! — В интонации Скокса опять прорезалось злобное шипение.

— И что? У меня, между прочим, очень острая погремушка. — Я со свистом крутанул клинком. — А твои чары, если не забыл, мне до лампочки. Так что можешь своим стеклянным шаром настучать себе по лбу, а палочку засунуть в задницу!

— Это не палочка, это — жезл!

— Тем более, там ему и место! Еще к словам придираться будет!

Та-ак, кажется, опять начал заводиться. Пора бы уже сбавлять обороты, иначе если не Скокс, то вся деревня порвет меня на флаг какой-нибудь местной великой морской державы. Хорошо еще, Горлан сохранял самообладание и любезно принялся нас разнимать:

— Арсенал, ты — гость в Прилесье, и не ты ли недавно всем нам напоминал о вежливости? — Затем староста села обратился к сердитому, как ежик, волшебнику: — Ваше могущество, Второй Пришелец сейчас, как никогда, может быть полезен Великому княжеству.

— Погодите-ка! Быть полезным невесть кому в мои базовые функции не входит. Особенно если на халяву.

Отдаленно мои собеседники смысл фразы поняли, поэтому, подумав, начальник села предложил:

— Послушай, у тебя, несомненно, есть к нам вопросы. Мы тоже кое-чем интересуемся. Почему бы нам не обсудить это в

более удобном месте? В трактире, за кружкой доброго вина?

Хм… А вот глотнуть винца после скопившегося стресса и вовсе не помешало бы. Знает председатель местного колхоза, чем подкупить славянскую душу. Волшебник тоже не протестовал. Наверное, тот еще любитель выпить.

— Согласен. Только местных тугриков у меня нету, поэтому банкет за ваш счет.

— То есть на халяву? — угрюмо попробовал Скокс новое выражение.

Я глянул в его сторону, не выдержал и весело, но как-то нервно хохотнул. Стресс все-таки.

Мы шли довольно широкими улочками между бревенчатыми, в основном одноэтажными срубами и сколоченными из досок сараями. Заборы здесь, не считая наружного частокола, явно были не в моде, поэтому частные дворики со свирепыми собачками, охраняющими территорию, отсутствовали. Хотя пару раз что-то мелкое и в меру злобное тявкнуло на нашу троицу из-за угла. Отовсюду прескверно пахло канализацией, а еще домашним скотом и сеном. Горлан, чтобы заполнить ночную тишину, презентовал жителей всех домов, мимо которых мы проходили, причем делал это с упоением базарной бабки, торгующей семечками:

— Вот тут живет наш кузнец Азит, — мэр села кивнул в сторону широкого, похожего на ранчо, дома. — Толковый мужик, но стал много пить после того, как пачвары утащили в лес его жену. Свою благоверную он встретил потом еще раз, когда она уже стала одной из них, и убил собственными руками. А вот здесь, — Горлан махнул рукой на противоположный край дороги, где красовались два симпатичных двухэтажных коттеджа, — хаты купцов, Кампила и Цикрофа. Они возят от нас в соседний город Крипет дерево, а сюда приезжают со всякими товарами. Иногда берут с собой местных, если кому надо в город по делам или на ярмарку — повеселиться. Говорят, что хотят они в ближайшем времени съехать куда-нибудь, где спокойнее. Если так и случится — пиши пропало: ведь лошади есть лишь у них да у трактирщика Игмата. Пешком до Крипета за сутки не добраться. Ночью нагонят нечистые, а еще хуже, если колдуны! Пропадем без лошадок….

— Какая душераздирающая история, — зевнул Скокс. — Неужели ты думаешь, что хоть кто-нибудь среди ночи способен выслушать эту смесь отборных сплетен с нытьем и не уснуть?

А спать как раз совсем и не тянуло. Занесло же меня, судя по всему, в самую горячую точку чужого мира, и если я намереваюсь ждать возможности вернуться обратно именно здесь, то надо

постоянно быть начеку и обзавестись информацией о местных особенностях хотя бы гигабайта на три. Вопросов появилось множество, правда, было решено для начала дождаться трапезы — желудок вспомнил, что пустует с самого утра, и обиженно подавал знаки нетерпения. Горлан же пропустил язвительные замечания волшебника мимо ушей и невозмутимо продолжал:

— Останешься на первое время у Игмата: в трактире на втором этаже есть комнаты для гостей. За последний год вы с его могуществом будете там единственными жильцами — не балуют нас гости. Вот, кстати, пришли.

Трактир абсолютно ничем не отличался от обычных домов, только размерами был явно больше. Рядом располагались пустые стойла для лошадей. Своего скакуна хозяин, видимо, держал в другом месте, менее приметном. Над двойной входной дверью в кабак была прибита незамысловатая деревянная табличка с вырезанным наспех рисунком здоровой кружки. Кривая надпись чуть ниже гласила: «Трактир Волот». Войдя внутрь, Горлан продолжал говорить, только уже почти шепотом и мне на ухо:

— У Игмата дочка есть, Арлета. Не повезло девчушке, Девоя[3] отчего-то знатно ее обидела — худая как щепка, взяться не за что. Вот и не берет ее никто в жены. Хоть и слабая с виду, зато внутри — огонь. Как поняла, что как нормальная девка ухажеров не дождется, так и придумала себе занятие не как у всех баб. Охотницей стала! С утра в лес уйдет, а к вечеру непременно возвращается с добычей. Правда, отец ее за это ругает, иногда бивал даже. Больно уж за нее боится.

Трактир изнутри был чист как в плане мусора, так и в смысле декора. Местные жители, видимо, светских мероприятий изрядно чурались, поэтому народу внутри не было вообще. По бокам от двери вдоль стен стояли широкие деревянные столы с лавками. По четыре штуки с каждой стороны. До стеклодутия местная цивилизация уже развилась, поэтому над каждым столом находилось небольшое застекленное окошко. Практически по центру помещения стояли два несущих столба, на которых горели факелы. Зал они освещали тускловато, но современные кафешки нашего мира тоже предпочитают кутать гостей в приятный полумрак, чтобы новые посетители не пугались уже изрядно захмелевших рож тех, кто пришел пораньше. По бокам от противоположной входу стены вверх поднимались две лестницы, между которыми располагалось некое подобие барной стойки, откуда вылез слегка заспанный мужичок невысокого роста, лысый, как дельфин, и бородатый, как партизан. Он зевнул и стал осматривать новое лицо в заведении:

— А, это ты ночью за забором шляешься, Паляндру дразнишь? — Наверное, прослышал, о чем посыльный старосты недавно докладывал Скоксу.

За меня ответил Горлан:

— Да, он. Игмат, нам тут надо бы обдумать кое-что. Подай-ка харчей, вина и карту Поляны.

Халдей, не изменяя сонного выражения лица, медленно поднялся по лестнице, что-то прокричал там, отдавая указания, потом так же нехотя спустился вниз с потертым свитком и бросил его на ближайший стол. Отсутствие здоровой конкуренции вконец обленило хозяина трактира, отчего страдали и сервис, и клиенты. Мы уселись на лавки, отполированные явно не руками, а другой человеческой частью тела, за тот стол, куда Игмат бросил свиток.

— Арсенал, давай так — сначала мы задаем вопросы, так как нас двое и мы старше, а потом ты, — как-то по-детски рассудил председатель местного сельпо.

Но мне, в общем-то, было не принципиально, поэтому я согласился.

— Итак, расскажи, каким образом ты здесь очутился, и как у тебя в руках оказалась эта милая игрушка? — первым спросил волшебник.

Я вкратце передал им историю сегодняшнего дня, параллельно поясняя, что такое квартирная многоэтажка, автомобиль и мобильный телефон. Когда повествование подошло к концу, мои спутники наморщили лбы, отражая на лицах мыслительный процесс. Затем Скокс любезно, насколько мог, попросил посмотреть меч и, заполучив его в свои руки, принялся вертеть, осматривая со всех сторон.

В это время раздались шаги на лестнице, и я, глотая слюни, уставился на спускающийся вниз дымящийся поднос. Желудок издал победный клич. Лишь чуть позже я заметил девушку, которая, собственно говоря, сей поднос транспортировала. Пришлось даже сдержаться, чтобы не присвистнуть в восторге и… удивлении. Ее восхитительное личико поистине можно было назвать безупречным, если бы не желтовато-фиолетовый фингал, красовавшийся под левым глазом. Дивные русые волосы волнами спускались чуть ниже плеч, плавные черты лица указывали на еще юный возраст, а огромный карий правый глаз обещал, что если с симметрией у барышни все в порядке, то через пару дней они с левым вдвоем составят сногсшибательный дуэт. Подпоясанная льняная рубаха спускалась чуть ниже колен и, естественно, скрывала особенности фигуры, но и так было видно, что параметры девушки за пределы нормы не выходят.

Со стороны оно, конечно, виднее, но, кажется, я вперился в нее озорным и даже чуток дебильноватым взглядом. А та в свою очередь украдкой пару раз оценивающе зыркнула в мою сторону. Я с самого начала пребывания здесь успел обратить внимание, что в первую очередь всех поголовно интересовали, как ни странно, диковинные кроссовки. Фирменные — еще налюбуются, если найду время регулярно чистить.

Когда слегка подбитая красавица пошла на второй заход, я, старательно налегая на мясо и что-то вроде картошки, спросил у Горлана:

— Это и есть та самая дочь халдея, как ее там… Арлета?

— Угу, — ответил староста и, дожевав, добавил: — Говорил же, бедная девчушка — бьет ее Игмат за лесные походы. Ох, бьет!

— Так это ее, что ли, никто в жены не берет?

— А что тут брать-то? На волколаках и то жиру больше! Не видать ей Люмбела[4], как мне — трезвого Азита.

— Хм… Ну, если это не вариант — посмотрю тогда я завтра на местных фавориток.

Наесться получилось больше чем до отвала. Если бы какой-нибудь добряк ненароком опрокинул меня на пол — я наверняка барахтался бы на спине как жирный жук, не в состоянии перевернуться. Следующим рейсом Арлета принесла три пол-литровых кружки вина. Мы развалились на лавках, насколько это было возможно, и принялись беседовать дальше.

— Как я могу вернуться отсюда обратно? — озвучил я первоочередной вопрос. При положительном ответе остальные можно было задавать чисто из интереса.

— Позволь, я вкратце расскажу тебе о нашем крае, об его героях, истории, чтобы тебе потом проще было во всем разобраться… — Болтливость Горлана, как НАТО, не знала границ.

Ну что ж, придется слушать все сразу. Староста развернул на столе принесенный трактирщиком свиток, на поверку оказавшийся географической картой.

Глава пятая, познавательная

Если вкратце описывать то, о чем Горлан распространялся целый час, расклад выглядел примерно следующим образом. Портанулся я на местность под названием Поляна, и назвали так ее не зря. Довольно небольшую, со среднеевропейское государство, площадь пространства окружал со всех сторон дремучий и древний лес, образуя огромную, по форме напоминающую круг поляну. От одного ее конца до другого, по словам старосты, было не меньше семи дней езды верхом.

Сам лес жители почитали не иначе как исполинским живым организмом с неуживчивым, жестоким и негостеприимным характером. На севере Поляны разместились высокие Ледяные скалы, с которых стремительно начинала свой путь самая большая местная река — Вескер. Ее русло шло на юго-восток, но, не доходя до экватора Поляны, сворачивало налево и уходило в глубь леса в ее юго-западной части, образуя многочисленными рукавами и заводями непроходимые Тросянские болота. На востоке располагалась лужа с гордым названием Казмадское море, которое, судя по рассказу, было велико ровно настолько, чтобы с одного берега не было видно противоположного. Но, за неимением альтернативы, морем пришлось назвать этот водоем. Остальная местность изобиловала мелкими озерцами и речушками, полями и лугами, небольшими островками рощ и прочей флоры.

Ореол обитания в здешнем чудо-мире делили аж две разумные формы жизни: люди и волки. Последние, естественно, жили в лесу, среди менее сообразительной живности, умели разговаривать и периодически кушали людей. Причем с завидным аппетитом. Исходя из описания, лохматые лесные интеллектуалы от нашего, земного коллеги по форме практически ничем не отличались, кроме внушительности размеров, — в среднем полтора метра в холке. Человек разумный поступал соответственно своему биологическому прозвищу и за пределы Поляны совался только по строгой необходимости или естественной потребности, но недалеко — не дальше трех сосен: слишком большой риск заблудиться и попасть аккурат к десерту братьям по разуму или, что еще хуже, — нечистым.

Кто такие нечистые, откуда они взялись, кому подчиняются, чем руководствуются и вообще живые ли они существа — никто никогда толком не знал. Считалось, что нечисть — это древние порождения самого леса, служащие его нуждам и повинующиеся его велениям.

С их некоторыми представителями я уже был знаком, косвенно. Могучая поступь и скрип дерева, раздававшиеся из чащи, пока я терся возле ворот, договариваясь со стражниками, — это леший. Четырехметровый деревянный великан, стерегущий жертву, маскируясь под замшелые коряги. А шакалий хохот издавала кикимора — зеленая мерзкая тварь, которая может верещать разными голосами. Она загоняет испуганных людей в болота и злорадно смеется, глядя, как они тонут. Еще ходит молва про водяных в реках и озерах — тоже любители искупать до смерти. Под землей в лесу живут кладники, существа из грязи, к которым легко можно попасть в апартаменты напрямую, если ненароком вступишь не в то место. Поговаривают, будто кладники стерегут несметные сокровища, однако информация эта непроверенная, а если кем и подтвержденная, то ненадолго ввиду преждевременной кончины первооткрывателя. Еще любители свежего хвойного воздуха имеют шанс, прогуливаясь, напороться на лихоманку. Увидев ее издалека, надо рвать когти что есть мочи, ибо распространяет сия импозантная дама абсолютно смертельное и очень заразное заболевание. Бытуют сказания о том, как встречавшие лихоманок люди в ужасе убегали домой, передавали хворь соплеменникам, отчего вымирали целые поселки. С относительно недавних пор к числу нечистых стали причислять также пачвар с волколаками, однако это представители с отдельной историей. О них взялся рассказывать Скокс, но позже.

Люди на Поляне изначально жили мелкими, умеренно враждующими племенами, которые по уровню развития можно сравнить с дремучими североевропейскими народами на заре первого тысячелетия нашей эры. Короче, типичные варвары. Аборигены промышляли земледелием, скотоводством и визитами к соседям с целью торговли, чаще — разбоя. Такой примитив, скорее всего, мог продолжаться еще долго, пока на здешних землях не началась эра реактивного развития, или эпоха ренессанса. И все благодаря лишь одному человеку.

Фронтмэном действия оказался молодой, энергичный и весьма странный товарищ по имени Мстислав Радзивилл, появившийся на Поляне из ниоткуда. Просто в один прекрасный день, лет двести с лишним назад, в одно из южных селений заявился мужчина, разодетый как павлин и говорящий на непонятном языке. Так как диковинный человек пришел один, вел себя достаточно дружелюбно и, самое главное, вызывал подлинное любопытство, убивать его, вопреки привычкам, не стали. Даже позволили арендовать небольшую жилплощадь у одной вдовы.

Мстислав слету научился сносно изъясняться на языке местного племени, а когда начинал свои рассказы, все только диву давались. Чужак называл себя Великим Пришельцем, рассказывал, что сам он из другого мира, где люди живут в больших городах, путешествуют на каретах, пишут книги, сочиняют музыку и, самое главное, ходят в лес без оружия, с корзинками! Настолько красиво говорил Мстислав и так убедительно, что все верили ему безоговорочно, да и как тут не поверить, когда столько нового пришелец показывал и полезного разъяснял. Он обучал племя русскому языку, письменности, арифметике, литературе, музыке, зодчеству, совершенствовал технологии земледелия и орошения, модифицировал оружие, научил ткать, вкусно готовить и делать вино, привил банную культуру.

Исходя из этой информации, я сделал предположение, что некий представитель знатного рода Радзивиллов, который после разделов Речи Посполитой обитал на западной территории Российской Империи, не стесненный финансами и не обремененный насущными проблемами, активно увлекался искусством и наукой, в том числе оккультными ее направлениями. Вот и доувлекался до того, что смог сгенерировать настоящий телепорт и перенестись на Поляну, где, к его счастью, можно было с размахом реализовывать весь творческий потенциал.

Харизматичность, красноречие и знания Мстислава в кратчайшие сроки сделали его лидером племени, в котором он поначалу прижился. А далее началось победное шествие Великого Пришельца по землям Поляны. Чужеземец собрал вокруг себя верных опричников, создал агитбригаду, вооружил как следует, обучил общим принципам военного искусства и принялся покорять окрестности. Под убедительным воздействием чарующих перспектив либо лестных уговоров, либо силой огня и меча, другие племена становились под флаги растущей, как мышцы на анаболиках, державы, которую Мстислав назвал Великим княжеством Мидлонским, а себя провозгласил князем Радзивиллом Первым.

Спустя несколько лет вся Поляна полностью находилась под властью молодого правителя, стараниями которого княжество процветало. Радзивилл в честь окончания своих походов основал город Глада, чуть западнее центра Поляны, и сделал его столицей княжества. Наконец, впервые с самого начала времен, в этом мире воцарился мир. Нет, без пары-другой восстаний, конечно, не обошлось, но все вспышки успешно давила регулярная армия. Зато всеобщая межплеменная вражда прекратилась. Пошли

караваны торговых путей, завертелся обмен опытом. На оживленных маршрутах, как прыщи на юном лице, стали выскакивать города. Несмотря на то что жители каждого племени по-прежнему общались между собой на родных языках, русский стал единым для всех, и без знания оного можно было только зашиться в своей несчастной деревушке и слыть в округе невежественным балбесом.

До религии князю добраться не удалось. Видимо, пропаганда христианства стояла у него в списке дел одной из последних, если вообще стояла, поэтому народ, ему вверившийся, продолжал дурить себя развитым язычничеством. Зато свод законов, разработанный княжеской командой, по сей день использовался в неизменном виде.

Однако, несмотря на великую славу Мстислава, до сих пор ходили украдкой слухи, будто Радзивилл Первый был человеком с престранным поведением. Бывали дни, когда у его советников брови на затылок лезли от идей Великого князя — слишком нереальными они казались. Но Мстислав тут же уходил к другой, не менее бредовой мысли, начисто забывая про первую. Окружению нередко удавалось выхватить из речи Мстислава толику рациональных направлений, по которым впоследствии шла работа, но все остальное приходилось отвергать начисто ввиду невозможности реального исполнения.

Он предлагал прорубить дорогу в лесу, чтобы выйти на другую открытую местность и расширить владения, затем приказывал поработить расу волков и сделать их своими слугами, еще хотел, чтобы в каждом селе основали университет, и требовал, чтобы ему непременно изловили трех лихоманок — на эксперименты. В такие дни Великий князь был чрезмерно суетливым, активным, все не мог найти себе места, брался делать все, что попадало под руку, но ничего не доводил даже до середины исполнения.

А потом наступала резкая перемена, и Мстислав надолго уходил в себя: ни с кем не общался, ничем не интересовался, и, казалось, дела государственные его волновали ровно столько же, сколько лягушку беспокоит квантовая механика. Такие перепады нашими специалистами называются маниакально-депрессивным психозом, когда человек попеременно переходит из одной фазы настроения в другую и потом обратно. Шаман, помнится, рассказывал про что-то подобное.

Суть в том, что свой последний «гениальный» замысел Радзивилл все-таки умудрился организовать. Он по всему княжеству набрал отряд энтузиастов, снарядил корабль и двинулся вниз по течению Вескера с экспедицией по

исследованию лесных дебрей, целью которой было добраться до самого центра леса и уничтожить его мозговое ядро, дабы людям впоследствии можно было и впрямь наведываться в глушь с одной корзинкой для грибов. Обещал ведь когда-то!

Перед отбытием правитель дал толчок местной династии, временно возложив монаршую власть на плечи своего старшего сына Янки. Тот был провозглашен Великим князем Радзивиллом Вторым спустя год, как не вернулся его отец, в чем, собственно говоря, никто и не сомневался. Следует отметить, что на Янке, как обычно на детях гениев, природа отдохнула конкретно.

Избалованный, взращенный в роскоши с малых лет, второй государь Мидлонского княжества туго соображал в управлении государством, равно как в экономике и внутренней политике. Он бы еще и во внешней ни черта не шарил, но ее, как таковой, просто не было. Зато в развлечениях паренек явно знал толк: именно стараниями Янки в Гладе появилась Арена, где устраивались бои с участием людей, волков и даже некоторых нечистых. Следующий правитель княжества, Радзивилл соответственно Третий, вообще ничем примечательным для истории отличиться не смог, кроме того что слыл трепетным фанатом работы палачей. Само государство держалось исключительно на плечах верных княжескому роду советников, но таковыми были далеко не все особо приближенные.

Четвертый правитель стал проблеском разума за последние десятилетия, но было уже поздно. Переворот в кругах власти ему еще удалось предотвратить, но все же сеть заговоров и тонких интриг привела к народному восстанию, а после и отколу от Великого княжества Мидлонского самостоятельной государственной единицы под названием Казмадское королевство. К чести Великого князя того поколения, ему сначала удалось прочно стабилизировать ситуацию в Мидлонии, а затем и собрать достаточно сил, чтобы попытаться отвоевать былые земли, но враг оказался силен.

Шли годы, менялись правители, а вражда продолжалась, но до полной победы конфронтацию никому довести не удавалось. На сей день, судя по данным картографов, дислокация выглядела следующим образом: граница между Великим княжеством Мидлонским и Казмадским королевством проходила практически вертикально по центру Поляны, в основном совпадая с течением Вескера. Слева — княжество, справа — королевство. Основные силы мидлонцев концентрировались возле столицы Глады, которая, волею географической судьбы, располагалась теперь совсем рядом с границей врага. Казмадские войска большей частью базировались под крепостью Эризадол, возведенной на

берегу Вескера не так давно с целью мобилизации армейских частей. Столица королевства, Линкос, находилась далеко на северо-востоке Поляны.

Активных боевых действий на данный момент никто из соперников не проводил, но оба государства уже нахохлились, как боевые петухи, в преддверии грандиозной драки. Просто пока никто не решался начать первым, выискивая разведкой слабые места оппонентов.

Княжество управлялось Советом Старейшин, верных традициям Радзивилла Первого. Нынешний правитель Радзивилл Седьмой унаследовал от родоначальника склонность к психозной переменчивости настроений по полной программе, поэтому являлся не более чем суетливым Петрушкой на пальцах сообразительных кукловодов. В Казмаде крепкой рукой и зычным голосом рулил королевством самодержец — король Ванко, отличавшийся особой жестокостью и любовью к внутриполостным хирургическим операциям без наркоза с целью извлечения правды.

Поселок, в котором сейчас находился Арсений Владимирович Вороховец, то есть я, разместился в самой западной точке Поляны, на территории, само собой, Мидлонского княжества. Беззаботность относительно далекого конфликта с казмадскими супостатами здесь, в Прилесье, полностью компенсировалась регулярными проблемами с другими, лесными, соседями.

Вот такие новости выложил мне болтливый добряк Горлан, да и еще мог продолжать, если бы Скокс не заснул. Поначалу староста обиделся, думая, что волшебник опять издевается над его рассказом, но вскоре выяснилось — чародея просто-напросто прилично накрыло вино. Видимо, все-таки, заслушавшись, перестал контролировать объемы. Сам-то я поначалу переживал, что местные напитки, равно как и чары, могут не возыметь на меня адекватного воздействия, но после первой кружки стало ясно — эффект алкоголя от мира и даты изготовления не зависит. Я сбавил обороты, чтобы сохранить возможность оценивать адекватно информацию, беспрерывно выдаваемую собеседниками.

Мы растолкали Скокса, тот обвел нас злобным взглядом, припоминая, где раньше мог видеть эти развеселые румяные рожи, но потом немного пришел в себя и вытащил свои диковинные инструменты. Пробормотав нечто про разговор, который обещал стать серьезным, волшебник вновь нарисовал в воздухе палочкой энергетическую фигуру. Правда, оказалась она гораздо меньше той, что он сваял на улице, да и получилась быстрее. Вспыхнув, рисунок превратился в голубую бабочку,

которую Скокс направил себе на грудь. Волшебное насекомое вспорхнуло крылышками и вонзилось в тело волшебника. Тут же его зрачки сузились, и взгляд вместо свинского приобрел осмысленное выражение. Скокс принялся говорить быстро, отчетливо, ясно и вразумительно.

А рассказывал он вот о чем. Волшебники были всегда. Только поначалу выполняли функции племенных шаманов, пытаясь выколдовать что-нибудь этакое, но нередко бесполезно, а местами даже с вредом для здоровья — как своего, так и окружающих. Для того чтобы создать действенное заклинание, необходимо было сконцентрировать вокруг себя чары, которые пронизывали здешнее пространство невидимыми потоками наподобие наших радиоволн. Затем требовалось в точности отразить структуру заклинания рисунком, сделанным с помощью некоего типа транслятора в виде палочки. Малейшая неточность — и эффект принимал стихийное направление с непредвиденными результатами вроде неуместно выросших в подмышках клыков или выжженного урожая вместо обильного полива. Еще одна проблема заключалась в том, что свободные чары для полноценного заклинания приходилось концентрировать довольно долгое время, которое очень жалко было тратить на эксперименты. Поэтому каждый волшебник имел наработку из примерно десятка более-менее проверенных заклинаний, с помощью которых и мог достаточно эффективно исполнять свои обязанности. В рутинную работу чародеев входила охрана племени от нечисти, лечение населения по мере сил, помощь с урожайностью и, самое главное, содержание окружающих в страхе и почтении.

От обычных людей, между прочим, волшебники ничем, кроме своих способностей, не отличались — ни анатомически, ни физиологически. Способность управлять чарами являлась неким подобием таланта, дарования. Только если, например, выдающийся художник способен изобразить потрясающей точности портрет, а обычный человек тоже может что-то похожее накалякать, то в волшебстве — ты либо умеешь управлять чарами, либо нет. Промежуточных вариантов не существует.

На новый уровень развития волшебников вывел опять же Мстислав Радзивилл. Правда, поначалу не все у чародеев с иноземцем ладилось. На будущего князя, как на представителя иного измерения, чары действовать наотрез отказывались, что вызывало бурю негодования среди пытавшихся сопротивляться объединению племен волшебников. Хотя впоследствии, по окончании создания Великого княжества Мидлонского, несомненные перспективы создавшегося положения чародеи

видели даже во сне с закрытыми глазами, пуская слюнки нетерпения на подушку. Свобода и безопасность передвижения привели к образованию множества новых связей, знакомств, отношений. Теперь можно было все знания, эмпирически накопленные в разных уголках Поляны, собрать в одном месте, стократно расширив свой кругозор.

Волшебники устроили в Гладе первый Сейм Чароведения, на котором демонстрировали несчастные крупицы того, чему ценой неудач, травм, ссадин и увечий научились за долгие десятилетия, зато впитали в себя от каждого другого участника, с миру по нитке, море новых, ранее невиданных возможностей.

Чародеи договорились съезжаться на Сейм каждый год в плановом порядке и по экстренным показаниям — в случае непредвиденных ситуаций. Где-то на шестом съезде представители северных областей из-под Ледяных скал привезли стеклянные шары, выступавшие в роли емкостного носителя чар. С их помощью можно было держать под боком большое количество волшебной энергии, вместо того чтобы долго концентрировать ее из окружающей среды. Для проведения ритуала, чтобы наполнить шар, требовалось около суток, зато заряда хватало на очень долгое время. Это было нечто сродни изобретению скорострельного оружия и сделало волшебников намного более могущественными.

Одним из представителей чародеев был поначалу ничем особенным не выделявшийся волшебник по имени Кащер, который орудовал в самом тривиальном городишке на юге Мидлонии, регулярно посещал Сейм, а из всех отраслей чароведения больше всего увлекался мастерством исцеления. Сам по себе он был человеком довольно угрюмым и необщительным — друзей, женщин и детей за ним не замечалось. На Сейме вел себя как заправский партизан, то есть своей информацией делился чуть ли не под пытками, да и то вряд ли всей. Так, показывал пару заклинаний по заживлению чирьев и лечению икоты, но ничего более серьезного, зато на новые фишки коллег смотрел — как подростки видео с пометкой «XXX». В общем, полностью производил впечатление хронического провинциала, который сам толком ничего не может, но у корифеев поучиться не прочь. Большинство даже не знало, как его по имени, поэтому всерьез Кащера никто воспринимать даже не пытался. И очень зря.

Если бы хоть кто-нибудь догадался проследить за теми экспериментами, которые волшебник ставил на клинической базе в своем городке, все могло иметь совсем другое продолжение. Но…

Сначала дела шли достаточно неплохо. Кащер успешно исцелял людей, искал новые заклинания, привозил из Глады заимствованные, однако ходила по свету такая хворь, которую никакие чары не брали. Она исподволь, незаметно подтачивала организм, развивалась постепенно, в основном у людей в возрасте, которые поначалу даже не замечали ее, списывая все на усталость и давние травмы, поэтому к волшебникам обращались, когда уже мучиться не было сил. Все, что те могли сделать, — это лишь убрать боль, но люди умирали все равно.

Кащер искал выход. Он пробовал все новые и новые варианты, которые чаще только усугубляли ситуацию. Некоторые пробные заклинания сводили в могилу тех пациентов, которым по прогнозам оставалось жить еще довольно долго, но Кащер продолжал безрезультатно связывать вместе, комбинировать и переворачивать известные ему рисунки чар. Ходили слухи, что чародей даже осмеливался производить вскрытия, которые по всей Поляне были строго запрещены.

Возможно, волшебник тронулся умом на почве собственных изысканий, а может быть, так все и планировал, но когда ему все-таки удалось победить коварный недуг, исцеленным никто не завидовал, потому что эти существа трудно было назвать живыми людьми. Кащер делал из больных нечто смахивающее на труп, не любящее солнечного света, с тощим сутулым телом, сухой черной постоянно осыпающейся кожей, впалым осунувшимся лицом без глаз, сиплым голосом и резкими движениями. Тех, кем они были раньше, несчастные напоминали весьма отдаленно. Из своей прошлой жизни существа сами ничего не помнили и вели себя крайне агрессивно, вполне сносно ориентируясь в пространстве без органов зрения и норовя постоянно полакомиться попавшейся под руку домашней скотиной, включая кошек и собак.

Волшебник объявил данные экземпляры новым этапом в развитии человечества. Они и вправду оказались более выносливыми, сильными, способными жить намного дольше обычного. Кащер обещал сделать такими всех, кто к этой метаморфозе предрасположен, но мало кому хотелось раньше времени настолько видоизменяться. Хотя все равно периодически находились слегка одаренные кое-чем личности, которым хватало мозгов прийти к волшебнику на переоформление личности.

Исчерпав лимит чудаков и юродивых в родном городе, Кащер со своей толпой красавчиков, беспрекословно ему подчинявшихся, двинул проповедовать в соседние селения. Из-за нелюбви к прямым солнечным лучам эта орава передвигалась либо в ночное время, либо в очень пасмурную погоду. Оттого каждое их появление на новом месте изрядно напрягало местных

жителей. Представляю их ощущения: еще вчера все было спокойно, и вдруг ночью раздается непонятный вой, а утром городок уже наводняют дружные толпы кошмарных созданий.

Но, как ни странно, всюду отыскивались желающие примерять на себя новый облик — в основном те, кому либо терять было нечего, либо уже утерян был мозг. Так получалось, что далеко не всех жаждущих новой жизни Кащер мог удовлетворить: только представителей с особенной предрасположенностью. Несмотря на это досадное обстоятельство, ограничивающее массовые мутации, волшебник продолжал неистово агитировать население. Поэтому когда Сейм Чароведения наконец обратил внимание на выходки своего подопечного, было слишком поздно. Кащер успел трансформировать самого себя.

Руководство Сейма во главе с Верховным Волшебником быстро нашло его и вступило в переговоры, убеждая остановиться, но колдун ничего не хотел слушать, настаивая на своем эволюционном предназначении. Тогда волшебникам ничего более не оставалось, как уничтожить сумасшедшего коллегу, но они даже не догадывались, насколько тот стал силен. Сказание об этой битве, когда погибли под чарами колдуна четыре величайших чародея, сохранилось и по сей день. Хотя некоторые говорят, будто главы Сейма вовсе не умерли, а лишь покинули тела, переселившись в доспехи Верховного Волшебника, и вот теперь томятся там, ожидая реванша. Доподлинно известно, что доспехи в самом деле после битвы остались, но слуги Кащера их сразу забрали с собой, и больше сбрую никто никогда не видел.

Тем временем, узнав о гибели своих лучших представителей, Сейм организовал массированную облаву на колдуна, да еще и регулярную армию Великого князя подписали на это дело. Погоня вышла на след и гнала врага до самой западной границы Поляны, однако убить его так и не смогли. Кащер неизвестно каким чудом постоянно избегал неминуемой смерти и в конце концов со своей немногочисленной свитой скрылся в дебрях леса, где искать его уже никто не рискнул.

То, что лес принял изгоев с распростертыми объятиями, стало понятно уже через пару лет после произошедших событий, когда вдоль западной границы Поляны ночами стали появляться исчадия Кащера. Они нападали на скот и запоздалых прохожих, пугали окрестные деревни своим сиплым воем и абсолютно заслуженно получили название «пачвары».

Ухудшал обстоятельства еще и тот факт, что колдун добрался до волков. Закадычными друзьями людей тех и так назвать было сложно, а теперь они еще вместе со своими модифицированными

прототипами — волколаками — на пару принялись выгрызать популяции мидлонцев, живущих рядом с лесом.

А хуже всего — это предательское поведение целой ватаги волшебников, жаждущих большей силы. Они возжелали присоединиться к сумасшедшему Кащеру! Естественно, об этом стремлении опальные чародеи никому не говорили, а так тихонько, бочком, повышмыгивали из Сейма — и бегом к злобному колдуну, трансформироваться. Обычных чародеев по-прежнему так и называли волшебниками, а тех, что сменили амплуа, — колдунами. Такая вот дифференцировка.

Ну а на самом-то деле пока все на Поляне шло вроде как неплохо. Человек такое существо — способен приноровиться к любым условиям. Не сказать чтобы нечисть совсем уж настойчиво доставала честной люд, особенно если не искать ночами приключений на опушке лесной чащи, а сидеть за стенами большой кучей с бдительной охраной. Но в последнее время совсем распоясались нечистые, все чаще стали ошиваться рядом с пограничными поселками. Пару раз под покровом сумерек твари осмеливались даже напасть на людей. И покусать умудрились кое-кого аж до летального исхода. Пачвары с волколаками стали вылезать из дебрей там, где про них только детям страшилки рассказывали, а вживую даже не видали, то есть на севере и юге Поляны. Вот и прибыл Скокс в Прилесье на разведку, где нежданно-негаданно повстречал пришельца номер два. Правда, если учитывать никем не замеченного пребывания на Поляне моего соседа Леонтия Палыча, — то номер три.

Глава шестая, первопроходная

Когда оба моих собеседника выговорились, за окнами уже начинало светать. Халдей Игмат давно дрых за стойкой, и мы с Горланом несказанно ему завидовали: сказывалась накопленная усталость у меня и количество выпитого у градоначальника. Арлета больше не появлялась. С улицы начал доноситься шум просыпающегося поселка.

— То есть, как я понял, Мстислав Радзивилл обратно возвращаться даже не пытался?

— Угу, — поняв суть вопроса, кивнул Горлан.

— А как меня перекинуть домой, вы тоже не знаете?

— Не-а. — Стеклянный взгляд старосты говорил о том, что в данный момент врать он физически не может.

Я вопросительно глянул на волшебника — тот лишь отрицательно покачал головой.

— То есть полная безнадега… — Я все пытался вспомнить, что Леонтий Палыч рассказывал о своей обратной телепортации, но тщетно. — Ладно, чего вы от меня хотите?

— Знаний! — воскликнул Горлан, выпучив глаза и подняв наставительно указательный палец. — Нам нужны знания твоего народа! Помоги Мидлонии побороть Казмад и нечисть, дай нам новое оружие! Веди нас за собой! Этот безумный князь со своими грязными советниками в Гладе уже совсем ни на что не годится!

Приступ едва разборчивого бормотания вконец лишил сил бравого градоначальника, и он уткнулся лбом в ладони, чтобы передохнуть.

— Ясно, — я обратился к Скоксу. — Ну а представители Сейма чего изволят?

— Вот не надо только воображать себя великим спасителем княжества Мидлонского от непобедимых врагов. В твоей никчемной помощи никто не нуждается, разве только глупые крестьяне, совсем не способные разглядеть твоей полной бесполезности. — Волшебник сделал паузу, возможно, чтобы перейти на другой, более любезный тон, однако получилось лишь продолжить в том же духе: — Ты знаешь ситуацию, чужак, и мне от тебя ничего не нужно, только меч. Разумеется, за разумную плату.

— Зачем он тебе?

— А вот это уж совсем не твое дело, — отрезал волшебник язвительно.

— Не знаю как у вас, но в нашем мире такие вопросы принято решать с утра и в трезвом виде! — нагло соврал я про

особенности земного мелкого бизнеса. — Мне надо подумать. До завтра, приятель! — Я дружески шлепнул Горлана по плечу, отчего весьма неустойчивый староста Прилесья чуть было не рухнул на пол.

Выхватив из рук Скокса меч, я медленно поднялся и, покачиваясь, подошел к Игмату.

— Любезный, мне номер класса люкс, желательно с видом на лес, и утренний фреш, хотя можно и рассол.

Трактирщик приоткрыл глаз, выставил его на меня, потом закопошился где-то под стойкой и швырнул под нос ключ с деревянной биркой, на которой была грубо вырезана четверка. Глаз халдея захлопнулся.

— Благодарю, — буркнул я и принялся неспешно штурмовать лестницу.

— Советую принять решение до завтра, — раздался сзади голос волшебника.

Поспешишь — получишь шиш. Хотя на самом деле план дальнейшего времяпрепровождения мне и так уже давно пришел в голову. Меч, естественно, Скоксу продам — незачем лишний раз нервировать чародея. Но уж в торге буду стоять до упора, и плевать на его раздражительность. С другой стороны, кто знает этих мидлонских фокусников! Может, у них обманывать людей почитается великим подвигом, и насыплет мне волшебник целую горсть местных денежек, за которые я с радостью смогу купить аналогичное количество семечек. Нет, лучше поменять меч на какую-нибудь действительно качественную вещицу, которая может быть актуальной и здесь, и в моем мире.

Вступать по совету нетрезвого деревенского старосты в конфликт с нынешней властью я совсем не намеревался — ищите других бунтарей. Думаю, с оппозицией здесь дела обстоят не совсем демократично. Да и чему новому я смогу научить полянцев? Пороха мне точно не изобрести, Америки не открыть. Разве что велосипед смастерить смогу, если еще сами не докумекали. Нет! Останусь, пожалуй, здесь — в Прилесье. Скорее всего, там, на Земле, я умудрился сорвать какой-то довольно серьезный эксперимент, и остается надеяться, что в ближайшем времени его попытаются повторить. Этим и надо будет воспользоваться. Правда, видимо, опять все испорчу организаторам.

Лестницы трактира сверху соединялись коридором, освещенным парочкой свеч, из которого можно было попасть в четыре комнатки, расположенные аккурат над трапезным помещением. С противоположной стороны прямо посредине вниз спускалась еще одна лестница, ведущая, наверное, в

хозяйственные помещения с кухней и покоями хозяина. Несколько удивила нумерация апартаментов. Сначала я прошел мимо третьей комнаты, следующей была первая, затем вторая, и уже под конец — четвертая. Мозг выдал сразу несколько вариантов: либо товарищ Радзивилл Первый чего-то намудрил с банальной арифметикой в процессе интеллектуального облагораживания полянцев, либо трактирщик был отъявленным двоечником, либо здесь успело поработать местное хулиганье. Также сей феномен мог объясняться мерами конспирации. Хотя, если честно, настоящая причина была мне крайне до лампочки, так как врученный ключ подошел к обещанному четвертому номеру. Тем более что на Поляне встречалось гораздо больше явлений, достойных моего удивления.

Я открыл дверь и проник внутрь. Люксом в комнате и не пахло, зато настойчиво попахивало чем-то незнакомым и не сказать чтоб очень уж свежим. В полумраке узкой, как пенал, комнаты удалось разглядеть небольшой оконный проем на противоположной стороне. В конце помещения слева развалилось нечто вроде кровати, а посредине, прямо под окошком, стоял стол. Многообразие мебельной обстановки дополнял здоровенный сундук, на первый взгляд умеренно обшарпанный, который приютился втихаря в правом дальнем углу и, скорее всего, на полставки выполнял функции табуретки.

Я подошел к окну и выглянул наружу. На улице уже вовсю шло броуновское движение крестьян по своим делишкам. Кто тягал на горбу охапки сельхозинструментария, кто скотину на пастбище, кто детей в школу. Или где тут малых припахивают? А лично я твердо решил сейчас завалиться дрыхнуть: мне после работы в ночном клубе не привыкать отходить ко сну, когда основная масса только выходит трудиться.

С сундуком я пока решил не мучиться, да и не внушал он доверия как надежный хранитель имущества. Правда, обыскивать покои в поисках другого укромного местечка совсем не хотелось. Меч я предпочел просто запихнуть под матрас в надежде, что его не погрызут местные клопы. Мало ли что тут они жрать привыкли. Остальные причиндалы повытаскивал из карманов и сгрудил на стол.

Едва забравшись на кровать, я отрубился как пятилетний мальчик после восьмичасового рабочего дня на заводе.

Незнакомый мир преподнес мне сон без сновидений и гул в башке, когда я, наконец, проснулся. Да уж, бывало, конечно, после бурной ночи к утру заносило не понять куда. Но чтобы так!

За окном еще не стемнело, и я, осматривая обстановку, понял, что события прошедшего дня — вовсе не продукт моего

воспаленного сознания. На столе кто-то заботливо оставил стакан с мутной зеленоватой жидкостью, хоть я отчетливо помнил, что в этот раз точно закрыл за собой дверь на ключ. Горничная?

Проведя ладонью по отросшей щетине и причмокнув пересохшими губами, я протянул руку к, возможно, спасительному напитку. После небольшой дегустации выяснилось, что к заказу клиента Игмат отнесся ответственно и не забыл насчет просьбы про рассол. Осушив стакан до дна одним махом, я запустил механизмы нормальной жизнедеятельности, что, собственно говоря, и позволило заприметить мою аккуратно сложенную на сундуке одежду. Надо бы отметить, что к действиям такого порядка я генетически не предрасположен и снисхожу до них только в самых необходимых случаях, которые за всю жизнь со мной случались от силы раза три. А так обычно расшвыриваю все равномерно в радиусе двух метров от кровати. На этот раз перед сном кроссовки я скинул точно, а вот чтобы с остальным так обойтись — это вряд ли. Поэтому вывод напрашивался однозначный: меня раздели! И окончательно я убедился в этом, когда обнаружил на полу носки, послушно лежащие друг рядом с другом параллельными курсами. Такие выкрутасы уж точно не в моем стиле! Это ж надо было так в сон провалиться!

Я взметнулся со своего лежбища и тут же ринулся шерудить под матрасом. Клинок оказался там же, где лежал с ночи. Успокоившись, я оделся и проверил карманы — пусто! Ах да, ведь на столе все свалено. Хотя кому в этом глухом средневековье могли понадобиться документы на машину, кошелек с непонятными бумажками и разрядившийся мобильник с ключами впридачу. Ну что ж, раз все в порядке — пора и в свет выдвигаться. Надо было повидаться с волшебником и провести с ним сделку. А затем найти и выспросить Горлана, что он помнит о вчерашнем разговоре, не изменились ли его планы на трезвую голову, и обсудить условия моего пребывания в Прилесье. Очень уж я сомневался, что оно будет безвозмездным.

Однако вскоре, вопреки всему, организм выдал такую первостепенную задачу, которая мигом затмила все вышестоящие: срочно требовалось найти уборную. Насчет особенностей сантехники Горлан вчера ничего не рассказывал, хотя мог бы намекнуть в общих чертах.

Пританцовывая в нетерпении, я выскочил из номера, закрыл дверь и нос к носу столкнулся с Арлетой. Она в охапке тащила всякий хлам с кучей дров, которые при внимательном рассмотрении оказались пучком стрел, деревянным луком, колчаном и веревкой. Кровоподтек под ее глазом сегодня

приобрел уже более нейтральный, желтый оттенок, но в размерах пока и не думал уменьшаться. Оделась дочь трактирщика явно по-походному: в узкие грубые кожаные штаны, высокие ботфорты и теплую куртку, подпоясанную широким поясом. Вся экипировка имела зеленовато-коричневую окраску, отдаленно чем-то напоминающую камуфляж. Судя по решительному выражению лица, девушка целенаправленно намылилась на охоту, невзирая при этом на риск нарушения целостности мягких тканей вокруг второго глаза.

— Буэнос диос, красавица! — решил я поздороваться первым.

— Что? — Арлета недоверчиво покосилась на меня.

— День добрый, говорю, прекрасная незнакомка. Ну что, как спалось? Не сильно помешали ночью? — Я улыбнулся.

Вообще люблю улыбаться хорошеньким девчушкам, тем более что мимика позволяет выставить напоказ два ряда зубов и не выглядеть при этом оскалившимся.

— Нет, не сильно… — По ее лицу пробежала легкая тень смущения. Она даже украдкой, краешком рта улыбнулась в ответ, но тут же потупила взор.

— Не поздновато ли на промысел собралась? — спросил я, указывая на охотничьи причиндалы. — Времени сколько, не подскажешь?

— Два часа, как полдень был.

— Понятно…. Слушай, а где тут у вас клозет… Ну, в смысле, туалет? — Я бы еще, конечно, с удовольствием поболтал, но больно уж боялся опозориться перед новой знакомой мокнущими на глазах штанами.

Арлета на секунду задумалась, соображая, о чем идет речь, затем, сдержав усмешку, мило улыбнулась одними глазами:

— На улице, за трактиром. Там такая деревянная будка …

— Все, понял, с такими системами знаком. Ну, пойду я — дела важные. Еще увидимся. Расскажешь, кого подстрелила, договорились?

— Договорились. — Теперь красавица уже открыто улыбнулась.

Все, позитивный контакт налажен, потом вполне можно будет воспользоваться при необходимости. Я уже сделал пару шагов к лестнице, как вновь услышал ее голос:

— А рассол понравился?

От неожиданности пришлось ненадолго задуматься — и лишь потом удовлетворить любопытство дамы:

— Потрясающий напиток, амброзия богов, снизошедшая ко мне в трудную для организма минуту. Сама, небось, готовила?

— Да, и вам в комнату поставила, — радостно ответила

Арлета.

— У тебя просто дар. Если здесь отыщется грейпфрутовый сок и тоник, я тебя еще коктейли делать научу… — Внезапно голову осенила гениальнейшая догадка: — Погоди…. Так, может, ты меня заодно и раздела?

А вот эта фраза поставила под угрозу весь тщательно налаживаемый до сего момента так называемый позитивный контакт: щеки деревенской красавицы зарделись пунцовым пламенем, взгляд уперся в пол, будто там тараканы профессионально танцевали румбу, а губы принялись предательски дрожать. Ситуацию надо было срочно сглаживать:

— Ты не подумай, мне же не так важно…. То есть важно, но не до такой степени. — Черт, что за бред я несу. — Короче, я это нормально воспринимаю, просто хотел уточнить…

— Мне папенька приказал, — сумела выдавить из себя Арлета и кинулась прочь.

Ладно, не катастрофа — на охоте успокоится, а вот я легко в штаны могу напрудить, и это будет натурально катастрофа. Запасного комплекта белья стрясти не с кого. Я пулей соскочил с лестницы, пересек трапезную и вылетел наружу. Занимавший свою традиционную дислокацию за стойкой Игмат открыл было рот, чтобы напичкать меня новостями или обрадовать счетом, но не успел, поэтому, скорее всего, зевнул (не зря же открывал рот) и шумно его захлопнул.

На улице я обежал трактир, тут же обнаружил взглядом искомую будку, подбежал к ней и распахнул дверцу. Оттуда, сидя в чрезвычайно неудобной позе, злобным, как обычно, взглядом меня встретил Скокс. Пришлось закрыть конструкцию.

— Скокс, твою мать, тебя что, родители закрываться не учили? — Терпение и мочевой пузырь начали играть в игру «кто лопнет первым».

— Я закрываюсь чарами! Тебя еще за аршин до двери должна была убить молния!

Эк мне подфартило с иммунитетом!

— А что, ваши могущества так же, как и все люди, в туалет ходят? Я думал, вы можете себе устроить этот важнейший процесс как-нибудь по-другому, да еще и с пользой для дела. Слыхал когда-нибудь про вторичную переработку сырья?

— Нет! Но как-то слышал об одном слишком наглом чужеземце, которого закрыли точь-в-точь в таком туалете на пять лет, потому как однородные вещества нужно хранить в одном месте.

— Тогда тебе там поселиться надо, могу помочь перенести вещи! Ну, скоро ты? — Я уже вовсю отплясывал вокруг будки

замысловатый танец, выискивая взглядом альтернативу в виде каких-нибудь зарослей кустарника. Как назло, таковых поблизости вовсе не наблюдалось.

Скокс, догадываясь о моем нынешнем состоянии, конечно, мог из природной подлости задержаться еще на полчасика, но оказался выше таких примитивных приемов, поэтому вскоре освободил место.

После того как я оправился и вышел, мир стал восприниматься совсем иначе: вместо лихорадочного поиска нужного объекта теперь вдоволь и не спеша можно было насладиться созерцанием окружающей среды незнакомого мира. Взгляд медленно принялся окидывать окрестности: частокол из сдерживающих все напасти и стихии бревен, серых и угрюмых; прячущиеся один за одним неказистые домишки с покосившимися соломенными крышами; грязные дороги, радующие перепачканных детишек глубокими лужами; томящаяся в ожидании, как всегда, злобная рожа Скокса; группа тучных женщин, бодро шагающих куда-то с граблями наперевес, беззаботно и увлеченно переругиваясь. Так, стоп. Скокс! У нас же сделка.

— Ну что, уладили свои личные дела, теперь перейдем к общим? — спросил я волшебника.

— Давай, только быстрее — у меня нет времени!

— Ой, да ладно! Целый месяц ошивался тут без дела, а теперь вдруг в одночасье время поджимать стало? Ты мне по ушам не катайся — мы с тобой все сделаем обстоятельно. — Да, мне откровенно доставляло удовольствие действовать на нервы великому и ужасному чародею, которого боялась вся деревня. Меня-то Скокс не смог закошмарить.

— Что ты предлагаешь? Я думал, мы, как серьезные люди, быстро совершим обмен и разойдемся каждый в свою сторону, а ты отчего-то тянешь, словно торговец краденым… — Волшебник надменно скривил лицо.

А вот насчет краденого почти в точку попал фокусник.

— Что-то не нравится мне твое стремление по-быстренькому все провернуть, дружище. Краденое, между прочим, быстрее всего слить пытаются. Послушай, ведь ты еще совсем недавно слез с дерева, взял в руки палку и начал произносить членораздельные звуки, а уже пытаешься примитивно кинуть человека, в мире которого кидалово происходит каждую секунду на метр квадратный. Причем профессионала в этом деле. Ай-яй-яй! Как нехорошо! — я издевательски ухмылялся. — Ничего я тебе продавать не собираюсь. Мне нужен обмен, причем на другое оружие: качественное, новое, можно с инкрустацией брюликами,

обязательно с инструкцией и, естественно, с доплатой, так как мой меч уникален и такого же тебе взять больше негде.

— Это с чего ты решил, что больше негде? Таких мечей по Мидлонии — уйма разбросана!

Волшебник нагло блефовал — заметно было и по наигранной интонации, и по слишком активной мимике.

— Да ты что? Как у вас тут все удобно. Скучно стало — достал меч, поговорил по душам, выпили с ним по чарке — красота! Как бы только это бытовое пьянство на пару с холодным оружием до поножовщины не довело. Ну и ладно, тогда покупай у того, кто предложит тебе дешевле, а я отдам свой экземпляр кому-нибудь другому. Найдутся, думаю, более сговорчивые любители потрещать с железякой. — Я развернулся и, как ни в чем не бывало, направился к трактиру, насвистывая что-то из Раммштайн.

Скокс не заставил себя долго ждать:

— Стой! Ладно, я согласен. Только… Какое оружие тебе нужно, где я его достану?

— Проблемы негров шерифа не волнуют, — ответил я лаконично — в надежде, что до волшебника дойдет смысл выражения.

Дошло!

— Пойдем к кузнецу Азиту, посмотрим, что у него есть?

— Верное решение, дружище. Быстро соображаешь. Давай глянем, что там завалялось у старого алкоголика-вдовца.

Немного помесив ногами грязь, которой, на радость свиньям и детям, здесь было в переизбытке, мы дошлепали к тому самому дому, напоминавшему техасское ранчо. Половину хором занимала непосредственно кузница, со всеми полагающимися причиндалами вроде печи, наковальни, целой коллекции молотов различных форм и размеров и груд разбросанного по всем углам бесхозного металлолома. При беглом осмотре в многообразии хлама под ногами, к моему разочарованию, ничего приличного вычленить не удалось. Одни ржавые подковы, плуги да пара кривых наконечников для стрел и копий. Ладно, поинтересуемся у хозяина. Кстати, где он?

Волшебник бесцеремонно распахнул ногой дверь в жилую часть дома. Н-да, в моей квартире даже после праздников бывает чище, и пустых бутылок поменьше. Кузнец мирно посапывал на полу в одной из комнат, накрывшись грязным рабочим фартуком, в обнимку с наполовину осушенной тарой, источая обычный в таких случаях аромат продуктов распада этилового спирта. Огромных сапожищ перед заслуженным отдыхом кузнец снять не удосужился. Надо же, как, по-видимому, был увлечен!

Размерами организма Азит уступал разве что быкам-осеменителям, собственно, как и полагается уважающему себя кузнецу. Поэтому чародей без капли смущения с криком «Встречай гостей!» со всей силы пнул того под зад. С таким же успехом можно потревожить щелбаном тираннозавра. Пришлось волшебнику вновь обратиться к помощи своих инструментов для создания полезной бабочки, а затем повторить процедуру с пинком. Кузнец потихоньку, с кряхтением, начал очухиваться, подниматься, пошатываясь, и рыскать из стороны в сторону опухшей физиономией.

— Не больно-то свежо он выглядит, — обратился я к Скоксу. — Недоколдовал, небось?

— На этого борова с полшара уйдет, чтобы он человеком стал. Хватит и этого для начала.

Тем временем кузнец обнаружил в своей руке то, что искал, и радостно, раскрутив профессиональным жестом содержимое, одним махом влил в себя все, что плескалось в бутылке. Затем, крякнув, размашисто вытер грязным рукавом рот, смачно выдохнул и, узнав Скокса, деловито произнес:

— Чем обязан, судари? — Азит скорчил выражение лица как у консультантов из магазинов бытовой техники, когда те предлагают клиентам помощь в выборе.

Выглядело это, по крайней мере для меня, весьма неожиданно, и я вопросительно посмотрел на волшебника.

— Велес[5], конечно, не поскупившись одарил его умениями, но все равно пяток лет назад местные отправили в город на обучение. Там заодно и манер поднабрался, — как бы мимоходом пояснил Скокс.

— А-а… — кивнул я.

Азит продолжал смотреть на нас услужливо и с готовностью, правда, периодически его взгляд соскакивал куда-то за спины незваных посетителей и при этом становился тоскливо-голодным. Я на секунду обернулся. Ну конечно! Некое подобие комода, стоящего у стены, гордо венчала непочатая бутылка вина.

Ладно, не будем долго задерживать хозяина, а то ведь в таком состоянии у мужика может и делирий приключиться, что имеет шансы закончиться летально, причем, учитывая массу кузнеца, — для нас с волшебником.

— Покажи-ка, дружок, этому чужеземцу, что у тебя есть из оружия, — попросил чародей.

— Лучшее из оружия, — счел уместным добавить я.

— Ага… Из оружия… Конечно! Извольте, господа, сию минуту, пройдемте за мной… — Азит по дуге, чтобы захватить вино, повел нас обратно в кузницу. — В последнее время оружия

мало — времена тяжелые, оборону держать надо. Хотя есть кое-что из ценных экземпляров. Не раздавать же их этим, задери всех волк! — Здоровяк, покачнувшись, неопределенно мотнул головой.

Откупорив на ходу бутылку, Азит жадно приложился к ней, затем развернулся и с таинственным видом произнес:

— Здесь у меня тайник, только — тс-с!.. — Он приложил палец к губам, икнул, а затем торжественно схватился за валявшееся, казалось, без дела на полу железное кольцо и рванул его кверху, — нашему взору предстал вход в подвал.

— Прошу, — Азит изобразил приглашающий жест.

Я украдкой глянул на чародея, но тот без особых колебаний первым полез внутрь. Я шмыгнул туда следующим, а после спустился сам кузнец, подперев крышку какой-то железякой. Скокс опять что-то нахимичил чарами, и подвал залился ярким зеленоватым светом.

Тайник у прилесского кузнеца оказался знатным! Стены небольшого помещения сплошь были заставлены игрушками, столь близкими любому человеку, считающему себя мужчиной. Мечи, копья, секиры, луки, арбалеты, алебарды, палаши, сабли, топоры, ятаганы, палицы, булавы — чего здесь только не было! Глаза стали разбегаться, как дети после звонка с урока. Ну-ка, ну-ка! Я принялся увлеченно рассматривать товар, а кузнец тем временем решил прочесть короткую лекцию о кузнечном деле, временами прерываясь на вожделенный аперитив.

— Вся работа из лучших пород. Под Ледяными скалами просто превосходный материал. Мастера там — не чета остальным! Я у них брал эти вещи, чтобы здесь потом использовать как образцы, тренироваться. Руду в скалах добывают отменную, без сомнений. А те болванки, что привозят с Тросянских болот, — лишь для наконечников годятся, или ковать мечишки простым крестьянам. Ржавеют за полгода…. Вот, пожалуйста, на булаву гляньте, сударь! Вы такой нигде, кроме как на севере, не увидите! Что щит, что череп — в один присест ломает!

— В твоих руках и ложкой череп размолотить можно, — заметил Скокс.

Кузнец не обратил внимания и меж тем продолжал:

— А вот — секиры острейшие! Волколака на две части что вдоль, что поперек располосовать могут… А вот здесь…

Но Азита я больше не слушал, потому как нашел то, что надо. Передо мной висели две толстые изогнутые стальные пластины с выгравированной на них головой орла, которые с помощью кожаных креплений фиксировались на предплечьях, облегая их сверху. На конце каждой со стороны кисти было утолщение, из

которого выходили три слегка изогнутых, как сабля, лезвия сантиметров примерно в сорок. Вниз от утолщений отходили золотистые дужки для захвата кистью. Вот это, понимаю, вещь! Действительно то, что мне подойдет, — когти! Пожалуй, идеальный выбор.

Учитывая, что кантоваться в неизвестной и потенциально небезопасной местности суждено было неопределенное количество времени, удобное оружие могло пригодиться в первую очередь. Так как мне по жизни приходилось размахивать кулаками гораздо чаще, нежели клинком, соответственно когтями пользоваться было как-то сподручнее.

После примерки выяснилось, что смертельные подружки сидят на руках идеально. Также на золотых рукоятках обнаружились небольшие рычажки, при нажатии которых лезвия плавно можно было запихнуть внутрь пластин, а при повторном нажатии они с веселым звоном выскакивали наружу. Я обернулся к кузнецу:

— Вот эти.

— Нет! — сразу выпалил Азит. — Когти продать не могу!

У меня аж сердце в пятки грохнулось от страха. Как «не могу»? Я же после этих красавиц на все остальное даже смотреть не стану! Это прямо как если наконец находишь на рынке самые модные калоши со скидкой в пятьдесят процентов — а они на размер больше, и последняя пара! Азит, видимо, тоже разволновался, поэтому отхлебнул больше обычного и продолжил:

— Они, сударь, сделаны из очень редкого материала, добываемого в самом сердце Ледяных скал! Я эти когти еле раздобыл! Да! Лезвия острейшие, волколака на две части… Что вдоль, что поперек… В один присест… И точить не надо — не тупятся! Материал, как я говорил уже, редкий — лалид! — Кузнец скосил глаза вверх и в сторону, производя вращательные движения свободной от бутылки рукой, словно пытался вспомнить какие-нибудь еще супердостоинства своих когтей.

И тут я с облегчением выдохнул: старый пройдоха просто-напросто набивал цену.

— Сколько? — серьезно и спокойно спросил я.

— Полторы тыщи! — тут же ответил кузнец, выпучив глаза.

Видимо, сам не ожидал, что замахнется на такую стоимость.

Скокс, до этого наблюдавший за всем происходящим со стороны вполне отрешенно, теперь от изумления подскочил на месте и вытянул лицо, будто у волшебника оно было резиновым:

— Каких полторы тыщи? Ты что? Им триста рублей красная цена!

Хм, рублей? Уже интересно!

Настало время вытягиваться лицу кузнеца:

— Помилуйте, ваше могущество, по миру пустите! Перун — он ведь все видит! Отдать такую вещь — и за триста. Я вам сто уступлю!

— Да пропьешь ведь все, какая тебе разница! Четыреста даю!

Солидный волшебник и громадный кузнец принялись торговаться, как две базарные бабки. Подумать только! Да, от подобных типажей я никак не ожидал коммерческих наклонностей.

Азит потихоньку в процессе сделки начал переходить на местный диалект с применением, скорее всего, малокультурных оборотов. Однако чародей оказался полиглотом, отреагировал моментально и принялся угрожать кузнецу своими возможностями. В общем, сошлись на семистах пятидесяти.

Когда мы вышли от предприимчивого кузнеца, выражение лица у меня, наверное, было как у маленького мальчика, которому добрый папочка только что купил ролики. Светилось оно, в общем, словно лампочка на двести ватт. Но мальчиком я никак не был, да и Скокс на доброго походил с большой натяжкой, о чем сразу же напомнил:

— Давай меч — и расходимся.

— А доплата?

— Какая доплата? Я за эти когти столько денег отдал! — возмутился волшебник.

— Ты что, совсем за дурачка меня держишь? Какие-то когти за говорящий меч, который к тому же волколака на две части в один присест! Что вдоль, что поперек! Проверено, между прочим! Подавись ты своими когтями!

— Давай сюда меч, негодяй! — Скокс кипел от ярости. — Ты меня разорить хочешь?

— Разорить? — Мой адреналин тоже разбушевался. — А я тут что в одиночку без денег с этими когтями делать буду? Крестьян втихаря ночью грабить? Мы же договаривались!

Проходившие мимо местные опасливо покосились в нашу сторону и заметно ускорились. Скокс в задумчивости смотрел на меч.

— Ладно, сколько тебе надо?

— Пятьсот рублей! — констатировал я.

— Ты что, коня купить решил? — с удивительным спокойствием отреагировал кудесник.

— Коня? Нет, с транспортом пока повременим. Здесь останусь, подожду. Может, свои объявятся.

Скокс на секунду застыл в размышлениях, затем достал из-за

пазухи потертую котомку, отслюнявил оттуда пять бумажек и презрительно протянул их мне:

— Держи.

Я взял деньги, пересчитал, немножко не понял, еще раз пересчитал, а когда полностью дошло, злобно нахмурился:

— Скокс! Что ж ты, скотина, делаешь? Совсем за дауна меня принимаешь? Думаешь, я десятку от сотки отличить не могу? — Я демонстративно повертел у хитрого волшебника перед носом одной из десятирублевок. — Думаешь, дал полтинник — так я и побегу радостно петушков на палочке скупать?

— Мало ли. А вдруг? — пожал плечами волшебник и беспрекословно выделил оговоренную сумму.

Я убедился, что на этот раз все чисто, и передал чародею меч. Получив то, что хотел, Скокс было намылился уйти, не попрощавшись, но меня мучила одна нестыковочка:

— Один вопрос можно?

Чародей изобразил внимание.

— Я, конечно, понимаю, что на меня твои штучки не распространяются, но все равно. Что тебе стоило не возиться со мной, а щелкнуть пальцами — и вся крестьянская братия разорвала бы меня на куски?

Скокс поднял руку с мечом и тихо буркнул:

— Он попросил, — а затем развернулся и зашагал прочь.

Вот оно как!

Пока я недоуменно чесал в затылке, чародей уже скрылся за ближайшими лачугами. Зато нарисовался какой-то доходяжный сельский житель, отрешенно продефилировав рядом. Так, ну-ка сюда! Я словил его за рукав и подтянул к себе:

— Где Горлан? — спросил я, нахмурив грозно брови.

Решил, что надо сразу серьезно тут себя поставить.

— До-дома, народ принимает… — Видимо, подействовало: мужичок от страха и почтения стал заикаться. Хотя, может, он всегда такой…

— Где — дома? Веди давай, джи-пи-эс-навигатор.

Крестьянин послушно сопроводил меня по кривым улочкам, остановился возле вполне презентабельного сруба, что-то промямлил в воротник и спешно ретировался. Вот она, значит, резиденция начальника. Домишко хоть и одноэтажный, однако выглядел покрепче остальных плюс выделялся большой крытой верандой, на которой, оседлав широкие лавки, томилось в ожидании своей очереди несколько посетителей. Из-за мощной деревянной двери слышался шум отчаянной перебранки. Что ж, если взялся гнуть понты перед местными жителями — значит, придется ломиться вне очереди, да еще и в гущу конфликта.

Сделав рожу кирпичом, как принято в наших поликлиниках, я важно прошествовал мимо ждущих аудиенции крестьян, постучал в дверь, прочистил горло и вошел.

В большом светлом помещении стоял огромный стол, по сторонам от которого сидели и хаяли друг друга на родном языке дородная бабища и плюгавый мужичок с проплешиной, которую отчасти компенсировала торчащая во все стороны бороденка. А посредине, за самим столом, сидел Горлан, в отчаянии сжимая руками голову, и периодически вращал глазами то в сторону одного, то другого спорщика. Завидев меня, он радостно вскочил и замахал руками:

— А! Вот, вот наш гость, Арсенал! Добро пожаловать. — Крестьяне заткнулись и посмотрели в мою сторону. — Волк знает что творится, скажу я тебе, волк знает что! И вот так — почти каждый день! Уж и не знаю, что с ними делать, — Горлан махнул на своих посетителей. — Из-за такого пустяка — и сразу к старосте! Вот скажи ты мне, Арсенал, как тут поступить? Эта, — градоначальник ткнул пальцем в женщину, — говорит, что сосед поймал ее гуся, отрубил ему голову, ощипал и собирался сварить. А он, — палец Горлана перешел на мужичка, — твердит, будто гусь сам пришел к нему во двор уже ощипанным, сунул голову в калитку, а ее захлопнуло ветром.

— Ну, не знаю, — после краткого раздумья заговорил я. — У нас-то гуси загорать не умеют, да и в свет без перьев очень стесняются выходить. Слушай, — я обратился к мужичку, — а ты уверен, что пернатого калиткой пришибло? Может, это было самоубийство? Там предсмертной записки рядом не валялось? Я еще удивляюсь, почему ощипанный гусь сразу не притащил за собой кастрюлю с кипящей водой и не принялся в нее нырять?

Крестьянин тупо хлопал глазами.

— Так и что с ними делать? — улыбался Горлан.

— Гуся — хозяйке, пускай пирует. А этого, — я кивнул на мужичка, — на кол.

— Как на кол? Помилуйте, ваше высокоблагородие! Паляндре в когти из-за гуся, что ли? — взвился плюгавый и тут же рухнул старосте в ноги. — Пощадите! Где ж это видано, чтоб за гуся — и на кол!

— На кол, на кол! — вредно провизжала добрая крестьянка, согласно кивая.

— Как же так! — обреченно вздохнул мужичок.

Я уж было испугался, что моя шутка станет решающей в вынесении вердикта, поэтому сразу принялся исправлять ситуацию:

— Раньше не попадался? — уточнил сперва у Горлана.

— Вроде нет.

— Тогда ладно. Штраф на первый раз — рублей двадцать в казну. Но если повторится — тогда уж точно на кол!

Под моим суровым взглядом холоп моментом выложил откупные и пулей выскочил из приемной от греха подальше — пока не передумали. Крестьянка тоже покинула дом с легким выражением разочарования на лице.

— Ну, что скажешь? Какими судьбами? — поинтересовался староста, когда мы остались одни.

Только что завершившийся эксцесс между соседями дал мне довольно неплохую идею.

— Короче, ситуация такая. Мне нужно вернуться домой, так что я буду ждать в Прилесье, пока не появится возможность. Надеюсь, никто не будет против? До телепортации сюда я работал охранником, поэтому селу могу быть полезен в плане обеспечения порядка. То есть все конфликтные ситуации, хулиганские выходки и пьяные драки беру на себя, при этом разгружая часть твоей работы. Вдобавок могу быть вышибалой в трактире, а ночью нести вахту на периметре. Думаю, лишние лезвия, — тут я эффектно выщелкнул когти перед носом Горлана, — вам не помешают. Плюс ты вчера говорил — с меня знания. Могу, конечно, попробовать слегка пораскинуть мозгами на досуге. Правда, чтобы сообразить что-нибудь полезное, мне понадобится сложное оборудование, которого у вас, естественно, нет. Но если что толковое и взбредет в мою светлую голову — дам тебе знать. Договорились?

— Договорились, — без лишних раздумий кивнул Горлан. — Жить будешь в трактире — с Игматом я все решу. Харчевничать будешь тоже там. Ну и тридцать рублей жалованья в седмицу. Как? Устроит?

— Вполне, — мы рукопожатием закрепили договор.

Еще бы не устроило: ходи себе, ни фига не делай, решай только — с кого штраф, а кого на кол. Еда на халяву, жилье на халяву, да еще и денег платят! Стоп. Это ж получается, что я — мент? Ничего себе! Всю жизнь этих товарищей сторонился, а теперь сам таким стал!

— Вечером организую собрание — представлю тебя народу, там все и решим, — подытожил староста. — Кстати, где Скокс?

— Ну, мы сегодня обменялись оружием и любезностями, а потом он ушел.

— Куда?

— Я ему не мама, он передо мной не отчитывался…

До собрания оставалось еще часа два, поэтому я успел сгонять в трактир пообедать, побаловаться с новыми игрушками,

исполосовав простыню, и хорошенько подумать над будущим. Ведь есть и такой вариант, что повторно телепорт создавать никто не будет, или создадут его в другом месте. А может, все-таки здесь, но я в это время, как назло, буду собирать грибы в лесу. И придется остаться на Поляне навсегда! Как жить дальше в таком случае? Да очень просто! Великому комбинатору Остапу Бендеру недолго пришлось бы соображать, что делать в подобных условиях. Думаю, для меня тоже найдется своя ниша. Это у нас уже давно все придумано, и чтобы развести честной народ на деньги, приходится соображать, как обойти законы и не попасться органам. А здесь все только начинается — есть возможность из ничего клепать легкие бабки.

Можно соорудить финансовую пирамиду, организовать карточные клубы, открыть казино и тотализаторы, учредить страховые компании или даже… Точно! Лото! Грандиозный лохотрон, причем абсолютно легальный. Скидывается вся страна — одна половина денег идет на призы, а вторая в карман! Еще в голову пришла идея про индульгенции об отпущении грехов, но в религию, как и мой предшественник, я решил не вдаваться. Когда-нибудь сами дойдут.

Когда пришел назначенный час, уже начало смеркаться. Собрание прошло крайне скучно. Народ толпился напротив дома старосты. Не знаю, вся ли собралась деревня, но человек семьдесят на этом пятачке вместилось впритык. Горлан вещал с веранды о тяжелых временах, о необходимости крепиться и терпеть угрозы нечисти, о ценности труда сельчан для княжества и о прочих чертовски занятных вещах. Потом кого-то хвалил, кого-то ругал.

Стоя в сторонке и с ленцой осматривая толпу, я заприметил довольно забавную обособленную группку. В ее центре гордо располагалась девица, будто сошедшая с картины мастера эпохи Возрождения. То есть вполне миловидная, но достаточно необъятная. Из прочих представительниц прекрасного пола ее выделял идеально подчеркивающий все прелести тучной фигуры цветастый сарафан. Вокруг девицы постоянно вертелась паратройка лихих кавалеров, каждый из которых отчаянно пытался привлечь к себе внимание барышни. Мадемуазель же с нескрываемым удовольствием то кокетничала, то отмахивалась от ухажеров, рискуя пришибить кого-нибудь из них своей увесистой ручкой.

Так вот они какие, сердцеедки местной формы выпуска! Я попытался высмотреть среди крестьян Арлету, но не нашел. Эх! Вот где на самом деле красота пропадает! На досуге надо будет обязательно ею заняться.

И вот настал черед Горлану представить общественности крутого перца, супергероя, надежную опору слабых и беззащитных, короче — скромного меня. Как ни странно, мой выход на авансцену не увенчался бурными аплодисментами, а минутный сухой доклад старосты был начисто лишен всякого пафоса, поэтому в конце я просто кивнул в знак согласия со сказанным и удалился без оваций. Главное — в должность ввели, а народ оповестили.

Пока спускался не спеша с веранды, мне удалось одним глазом заметить вожделенный провожающий взгляд той самой полненькой девушки, которая уже не обращала никакого внимания на свою недоумевающую свиту. Только вот этого и не хватало! Ох, чую, быть беде…

В остальном собрание, как я и упоминал, прошло скучно.

Глава седьмая, полуромантическая

Весело было на следующее утро. По моему календарю наступил понедельник. Горлан дал мне возможность ночью отдохнуть, и после рассвета я выполз на осмотр своих владений. В коридоре, по традиции, столкнулся нос к носу со спешащей на промысел дочерью трактирщика.

— Доброе утро. Что-то сегодня ты рановато. Послушай… — быстро начал я, но девушка, надменно задрав нос, пулей прошуршала мимо.

Ого, так мы еще и гордые! Будем из себя недотрогу корчить, несмотря на остаточные явления фингала! Ничего, подождем более благоприятных времен.

На дворе было прохладно из-за пронизывающего до костей ветра, поэтому я решил стрясти с Горлана какую-нибудь служебную телогрейку. Пока брел между срубами к дому старосты, на пути мне попадались в основном чумазые детишки да немощные старики. Взрослые, по идее, впахивали на полях за деревней или сокращали топорами ненавистный всем здесь лес. В общем, я так понял — днем забот в деревне для местного правоохранителя даже особо некому предоставить. Разве только ночью могут возникнуть вопросы по поводу лесных товарищей.

Не успел я об этом подумать, как дорогу мне перегородило что-то крупное. Оторвав глаза от земли, я понял, что передо мной та самая вчерашняя обольстительница юных сердец в неизменном пестром сарафане. Она крайне загадочно улыбалась и прикрывала пухлое лицо кончиком косички, периодически пытаясь его грызнуть. Короче, вела себя довольно подозрительно.

— Вам чего?.. — Я на секунду задумался над тем, как обращаться к местным жителям, но не смог на данный момент придумать ничего лучше: —…товарищ девушка?

— Сударь, вы ведь тот самый Арсенал? — жеманно, полушепотом спросила она. — Это вы теперь все спорные дела решаете?

— Да. Но в чем, собственно, проблема?

— Я — Ликия, дочь Цикрофа, купца. Папенька уехал в Крипет за товаром, и мамы с братом тоже нет дома, а у меня там как раз одно весьма спорное дело возникло. Пойдемте, тут недалеко. — Дивчина нежно, будто тисками, цапнула мою ладонь и потянула за собой.

Ой! И что же теперь будет? Похотливой девке осточертели местные ромео, и она решила разнообразить свой досуг. Причем степень избалованности дочери купца позволила ей даже не

интересоваться согласием со стороны объекта вожделения. А мне что потом делать, если узнает ее семья, одна из самых влиятельных в Прилесье? А вдруг сия пикантная информация просочится в свору ее воздыхателей? Бегай потом по всей деревне от этих неуловимых мстителей! И самое главное — вот именно с ней мне амурными делами заниматься ни в какую не хочется! С другой стороны, спрыгнуть с ее затеи тоже никак нельзя — потом объявит всей деревне, будто служитель правопорядка отказался разбираться в «спорной ситуации». А спору-то — сразу в прихожей или в гостиной на кровати? Меж тем усадьба Цикрофа неумолимо приближалась.

— Гражданка! Я требую объяснения! — повышенным тоном попробовал я воздействовать на коварную соблазнительницу, но та знай только продолжала тащить меня в свою западню. Лишь пропела попутно:

— Сейчас-сейчас. Придем — все покажу.

Интересно, а она, случаем, не съедает самца после спаривания?

Мы вломились в коттедж, Ликия тут же обернулась и ухватила меня обеими руками за талию, страстно прижимая к себе. Я отчетливо почувствовал запах скисшего молока. Ее губы нашептывали с вожделением прямо возле уха:

— Я всю жизнь о тебе мечтала! Ну давай же, давай!

Судя по всему, в ход пошла тяжелая артиллерия, хотя, учитывая массу барышни, легкой у нее и не водилось. Отмазки лихорадочно выскакивали одна за другой в моем мозгу, но так же быстро напрочь отметались. Ну что ей сказать? У меня жена и дети? Не катит. Контрацептивов нету? Она и слов-то подобных даже близко не знает. Сифилис? Тоже не в тему. Я — гей? Опять мимо ее словарного запаса. Может, замочить втихаря?

— Стой!!! — истошно завопил я.

Вроде сработало, и брутальная красавица немного сбавила напор, уставившись на меня в нетерпеливом ожидании.

— Родители где?

— Я же говорю: отец в Крипете, мамы с братом тоже нету. Да ты не волнуйся, никто не помешает! — Ликия ринулась было продолжить.

— Стоять!!! — тем же голосом взвыл я. — Как так нету?! А чего тогда ты меня сюда притащила?

— Ну не блины же есть, милый, — ласково проворковала девушка. — Раздевайся.

— Вот именно что не блины есть! — возмутился я. — Где родители, повторяю?

Первый шторм гормонов поутих в ее голове, что позволило

дочери купца призадуматься и даже оставить ненадолго меня в покое:

— А зачем тебе мои родители?

— Как зачем? Что за вопрос? Ты что — не знаешь, откуда я?

— Знаю! Ты — пришелец, как тот самый Мстислав Радзивилл. Попал к нам из другого мира.

— Вот, правильно! — А дальше я продолжил изъясняться наставительно, как учитель младших классов, расхаживая взад-вперед и активно жестикулируя: — Правильно, попал из другого мира. То есть фактически недавно грохнулся с луны. И поэтому для меня огромным удивлением стало то, что ты хочешь подарить мне свою любовь, запрятавшись воровато вдвоем в огромном доме, где для такого торжественного момента надобно собрать кучу гостей!

Ликия подозрительно прищурила свои заплывшие глазенки, поэтому я продолжил еще более вдохновенно и убедительно:

— На наших землях принято совершать данный обряд перед родственниками дамы, и чем она красивее, тем больше родных должны за нее порадоваться! Ликия, душка, да тут все Прилесье для такой несказанной красы, как твоя, должно собраться!

— У… у нас так не принято, — смущенно промямлила барышня и несмело попыталась вновь ухватить меня за бока. — Может?..

— Никаких «может»! Что ты! Это же какой позор для меня. А друзьям я что скажу? Как они поверят, что я любил самую обворожительную девушку села, если этого никто не видел? Засмеют!

Барышня потихоньку начала понимать коварную последовательность логической цепочки.

— Но я так не могу! — Ликия скривила губы, уже собираясь разрыдаться.

— Ну хоть подругу пригласи какую-нибудь! — предложил я.

— Не могу! — Она топнула ножкой, заставив задрожать стекла в соседних домах.

— Эх! Какая потеря! Всю жизнь я буду скорбеть о том, что не свершилось между нами сегодня! — страдальчески протянул я. — Пойду предамся унынию…

И мелкими шажочками принялся продвигаться к выходу. В этот момент распахнулась входная дверь, и на пороге появилась массивная фигура женщины средних лет со строгим выражением лица. Все ясно — маман приперлась. А моя юная фурия заверяла, будто никто не помешает! Я улыбнулся, не скрывая радости: похоже, выкрутиться все-таки удастся!

— Сударыня! Несказанно рад, что имею честь с вами

познакомиться! Арсенал! — представился я и застыл в каком-то ужасно нелепом реверансе, вытянув руку.

Как бы мамаша не подумала, что подаяния прошу.

Но мадам, несколько смутившись первоначально, все же плюхнула свою конечность в протянутую ладошку и произнесла:

— Гента, супруга купца Цикрофа.

Естественно, изящный кусок плоти, лежащий в моей руке, пришлось чмокнуть.

— Сударыня, глядя на вас, я понимаю, откуда мог взяться такой прелестный, пышущий красотой и здоровьем цветочек — ваша дочь Ликия!

Чувственно положив руку на грудь, я обернулся к девушке:

— Ликия, у вас просто потрясающая мама! — Параллельно словам я начал недвусмысленно косить глазами в сторону родительницы и радостно дергать бровями — мол, давай, вот он, наш шанс, видишь, как подфартило!

Гримаса ужаса на мгновение посетила лицо соблазнительницы, но тут же сменилась натянутой улыбкой.

— Мама, сударь Арсенал зашел поинтересоваться по поводу поездки в Крипет. Я сказала, что нужно дождаться отца. Как жаль, что у вас неотложные дела и… — на следующих словах Ликия сделала особый акцент, — …вы совсем не можете у нас немножко задержаться!

— Был искренне рад нашему знакомству, милые дамы, — начал я прощальную речь.

Но девушка ненавязчиво принялась таранить меня к выходу с тем же упорством, с которым незадолго до этого тащила в свою обитель. Перед тем как выпроводить гостя окончательно, Ликия быстро прошипела:

— Не смей даже думать об этом!

Дверь за мною хлопнула так, что хоромы купца чуть не развалились.

Уф, хоть и со скрипом, но выкрутился! Как ржавый шуруп. Однако любовь — беда. Особенно по понедельникам. Особенно с малознакомыми личностями из другого мира. Ухмыльнувшись, я бодро зашагал к дому градоначальника.

Горлана не оказалось на месте, зато мне удалось познакомиться с его женой — вполне добродушной женщиной, под стать хозяину. Мы довольно мило побеседовали за чашкой некоего оранжевого пойла, которое на Поляне именуют чаем, кстати говоря, вполне ароматным и приятным на вкус. В общем, выцыганить у первой леди Прилесья теплую фуфайку не составило труда.

Больше в самой деревне делать было нечего, и я решил

прогуляться за ее пределы, может, даже забрести в лес да краем глаза глянуть на какого-нибудь нечистика, если повезет. На самом деле при свете дня воспоминания о рандеву с волколаками и рассказы местных жителей о нечисти не казались такими уж страшными. Но когти, оставленные в таверне, я все-таки забрал — мало ли что.

В частокол, окружающий Прилесье, было встроено двое ворот. Одни находились напротив леса, а другие — с противоположной стороны, от них начиналась дорога в Крипет. Я вышел через те, что вели на поля.

Практически сразу за деревней начинались широкие плантации, засаженные различными овощными и злаковыми культурами, из земли кое-где торчали одинокие деревца, а пыльная дорога к ближайшему городу зигзагом уходила в первые же поросли и мгновенно терялась из виду. Типично сельский пейзаж органично дополняли маячащие со всех сторон зады работающих женщин. Местами виднелись фигуры мужиков, орудующих косами.

Откуда-то справа доносился плеск воды, и, немного прогулявшись, я увидел небольшую быстротечную речку с деревянными пирсами на берегу. Она, как и дорога, петляла где-то меж аграрных насаждений и уходила в лесную чащу шагов на сто к югу от Прилесья.

Умыв лицо и руки, я осмотрелся, но больше ничего любопытного не приметил, поэтому пошел вдоль частокола в сторону леса. Через несколько десятков шагов стало доноситься звучное эхо работы лесорубов. Вскоре выяснилось, что на опушке перед самой деревней кучно грудилась большая группа мужиков с топорами. Лишь пара человек продолжала валить деревья, остальные что-то обсуждали. Видать, решили «сообразить на троих». Пока я подходил, народ чинно расселся полукругом, лицами к лесу. Те крестьяне, что еще оставались рубить, уже свернулись, и все ринулись копошиться в своих мешках, доставая харчи. Один мужичок, завидев меня, запустил механизм шухера, и народ заметно насторожился.

— Здорова, мужики! — поприветствовал я их первым.

— День добрый, — отозвался кто-то угрюмо.

— Я посижу тут с вами, не против?

Тот же голос невнятно буркнул, что вроде возражений не имеется. Мое присутствие создавало довольно напряженную обстановку, и это вполне объяснимо. Ну не радоваться же им встрече с туманной личностью, которая свалилась на их головы среди ночи, замочив мимоходом двух огромных монстров, и оскорбила до глубины души сварливого волшебника, напрочь

отказавшись сгореть от заклинания. Да еще плюс ко всему этого странного типа староста наделил не очень понятными привилегиями. Однако это же не повод постоянно меня избегать. Нет уж, так дело не пойдет! Мне тут, возможно, еще долго придется обитать, а парень я общительный! Как наладить контакт с мужиками, в хорошем смысле этого выражения? Поговорить о бабах, о работе, про тачки или про футбол. Последние два пункта — в утиль. Остаются бабы и работа. Начнем с того, что сейчас ближе.

— А дерево на месте обрабатываете или в Крипет бревна возите?

— Что-то обрабатываем, что-то бревнами возим, — последовал емкий ответ.

— Ну и как, много сейчас берут?

— Да не очень, — опять порадовал меня тот же мужик лаконичностью.

Беседа откровенно не желала завязываться. Только я начал раздумывать, чего бы такого интересного спросить, как в глаза бросилась одна незамеченная ранее деталь.

— Мужики, а что это, я смотрю, вы как будто недавно только лес рубить начали? Вон, деревья стеной у самой деревни да только пара пеньков вокруг. Я-то думал, вырубка здесь посолиднее будет.

Тема однозначно зацепила.

— Да? А ты… вы… ты сам возьми, поруби. Мы ж тут всю жизнь работаем, круглый год, а он, — крестьянин плюнул в сторону чащи, — ни на аршин не ушел. Откуда только эти деревья берутся? И главное, глянь: старые все, будто век тут простояли нетронутыми! Наверное, Ярила[6] за ночь растит, так ведь не видел никто из дозорных, чтобы в наши края боги заглядывали.

Философский вопрос ввел окружающих в состояние задумчивости. Ой, ваши бы проблемы да бразильским экологам! Там уже дышать скоро нечем будет — останется одно большое футбольное поле и пара павильонов: сериалы снимать. Повырубили все к чертовой бабушке.

Выдержав паузу, я вновь спросил:

— А днем не опасно? Рядом с лесом работать?

— Днем не очень, если вместе. Пачвары с волколаками не любят солнца — чешутся очень. А остальные нечистые на опушку редко выходят.

— А ночью что? Я поначалу, как сюда попал, вон там, — я указал пальцем в сторону места своего пришествия, — то совсем тихо было. А потом, когда волколаков с испугу порубал, такая

канитель началась…

— Да я не пойму — как ты вообще живой остался! — отозвался один из дровосеков. — Слыхал, там ведь еще и леший неподалеку бродил?

— Точно, — подхватил другой, — и кикимора кричала. Пачвар, небось, вокруг с пяток ходило.

— А волколаков? Волколаков-то аж двое было! Во времена настали! — произнес увлеченно еще один дровосек, а потом задумался, поник головой и грустно добавил: — Сожрут здесь нас всех.

— Посмотрим… — неуверенно возразил тот, с которым я начинал разговор.

— Да ладно, засели дома ночью, дозорных поставили — чего бояться? — не понял я.

— Не знаю. Много их стало, да. Очень много. Чувствую. — Крестьянин поерзал, чтобы усесться поудобней. — Когда-нибудь наступит ночь — и они всей сворой накинутся на Прилесье. Утром никто не проснется…

Повисла удручающая тишина. В сравнении с этими людьми даже ослик Иа из мультика про Винни-Пуха казался отъявленным оптимистом. По мне, так все выглядело вполне нормально. Подумаешь, гуляет в округе ночью парочка кровожадных тварей. Так и у нас в спальном районе попробуй сходи в ночник за хлебушком — таких экземпляров повстречаешь, что волколаки пуделями покажутся.

— И что, сидеть тут да трястись, как нудисты на Чукотке? Только со страху? — Я поднялся с места. — Веселей надо, мужики. Помирать — так с музыкой, как говорится! Что ж вы себя хороните заранее? Поживите еще, порадуйтесь, а придет смерть — умрите с улыбкой. Уж если чувствуете, что дни сочтены, то хотя бы эти самые дни проживите так, чтобы не жалеть о тех, которые у вас отобрали. — Окинув слушающих взглядом, я глубоко вздохнул: — Пойду прогуляюсь.

Не знаю как крестьяне, но если бы мне в такой ситуации сказали нечто подобное — я без раздумий послал бы оратора куда подальше. Тоже мне подбодрил. Хотя, с другой стороны, мы с жителями Прилесья находимся по одну сторону баррикад, и для местных я могу стать наглядным примером здорового пофигизма.

Когда я сделал пару шагов по направлению к лесу, кто-то из мужиков меня окликнул:

— Ты… Вы, это…. В лес, что ли?

— Да.

— Так там же… — попытался он меня о чем-то предупредить.

— Ай, знаю! — Я отмахнулся и побрел дальше.

Безмолвно скрывающаяся за стволами деревьев одинокая фигура, возможно, и выглядела эффектно, правда, продолжать сей эффект дальше нескольких десятков метров я даже не собирался. Лес изнутри оказался достаточно стремным местом. У нас такой дремучести точно нигде не встретишь.

Старые громадные сосны и ели, поросшие мутно-коричневым с прозеленью мхом, прижимались настолько плотно друг к другу, что солнечный свет сюда практически не проникал. Их толстые нижние ветви неестественно выкручивались, изгибались в замысловатых направлениях, образуя уродливые корявые сплетения над самой головой. Кучи зарослей, буреломы и замшелые коряги делали чащу вовсе непроходимой. Кроме того, в отличие от идеальной равнины на Поляне, здесь поросшие холмы и овраги присутствовали в изобилии. Окружающее живо напоминало сказку, только весьма унылую, угрюмую и мрачную.

Продираясь напролом сквозь заросли, я производил шума намного больше, чем хор девочек, увидевших мышь, и уже начал жалеть, что вообще сунулся в эти дебри. Как только Арлета умудряется здесь охотиться?

Заметив неподалеку довольно чистый небольшой холмик, я решил осмотреть с него близлежащие окрестности, а после сразу возвращаться обратно. Правда, какие просторы оттуда можно увидеть — мне и в голову не приходило.

Вскарабкавшись на естественное возвышение, я здорово запыхался и, как оказалось, очень даже зря. Зачем, спрашивается, вообще поперся в этот проклятый лес?! На вершине холма сидела огромная косматая туша серого волка! Подобной встречи я никак не ожидал! Хищник смотрел прямо на меня своими умными глазами, а я на него своими испуганными. Стало невыносимо страшно! Шутка ли — громадина ростом с буйвола и размахом челюсти больше, чем у пеликана размах крыльев. Но показывать своей слабости нельзя. Именно этого и ждет волчара — привык на халяву питаться.

Зверь встал на все четыре лапы. Мне упорно казалось, будто хищник улыбается. Что ж, мы тоже улыбнемся, да еще и предупредим на всякий случай:

— Я вооружен.

— Знаю.

Несмотря на то что здесь уже рассказывали о способностях волков членораздельно разговаривать, все равно слышать речь косматого лесного жителя было неожиданно.

— Голодный, небось? — решил я выяснить жизненно важный вопрос.

— Нет, не сейчас.

На душе немного полегчало, но каждый мускул по-прежнему пребывал в напряжении, готовый моментально сместить тело с линии атаки врага.

— Ты не такой, как остальные людишки. Не так пахнешь.

Ну естественно! От других, скорее всего, солидно отдавало мочой или еще чем похуже. Я-то, несмотря на страх, умудрился сдержать сфинктеры.

— Да, я не местный.

— Слышал, ты убил двух волколаков.

— Они первыми напали.

— Похвально.

— Что именно?

— Что немного избавил наш лес от скверны.

— В смысле? — Я никак не мог понять, к чему клонит хищник.

— Исчадиям нет места среди нас.

— То есть вы не заодно?

— Мы вместе, но с разными целями.

— Туманно изъясняешься… товарищ. — Похоже было, что тамбовский приятель сознательно чего-то не договаривает.

— Нам нужен человек. — Волк сделал шаг в мою сторону, но что-то сверху привлекло его внимание. Зверь шумно втянул ноздрями воздух. — Не сейчас. Чую, ветер говорит: мы еще встретимся.

Вдруг хищник отпрянул резко назад, и в то место, где он стоял, со свистом вонзилась длинная стрела. На мгновение он показал мне свою осклабившуюся в подобии улыбки пасть и моментально скрылся в зарослях. Через некоторое время ветки над головой зашуршали, и рядом приземлилась Арлета собственной персоной.

— О! Какие люди! У тебя там что, зеленый коридор? — обрадовался я, указывая на кроны деревьев.

Девушка внимательно огляделась, а затем серьезно с минуту молча смотрела на меня. Лишь потом соизволила произнести:

— Ты сумасшедший! Кто тебя в лес пустил?

— Повезло! Сегодня фейс-контроля на входе не было!

Арлета пару раз взмахнула ресницами, пытаясь переварить сказанное, но больно уж самой поговорить хотелось:

— Я смотрю, ты вообще ничего тут не понимаешь? Это же был волк! Они едят людей! Их бояться надо и убегать!

— Ну-ну… далеко бы я смотался по этим джунглям. Да нормально все! Спокойно поговорили, он оказался вполне адекватной личностью, даже местных сплетен понарассказал.

Сомнение промелькнуло в прекрасных карих глазах

охотницы, и отчитывать меня она продолжила уже более спокойным тоном:

— А нечистые? Вон леший недавно неподалеку околачивался. Давно бревном по голове не получал? Или к кладнику в гости собрался? Хорошо еще, что пачвары с волколаками днем редко вылазят! А если бы вылезли? Всяко бывало ведь! Ох, Перун тебя хранит! — Арлета прервала тираду, чтобы набрать в легкие воздуха и продолжить, но я бестактно ее прервал.

— Мадемуазель! Я понял, что мы сейчас находимся не в самом безопасном для жизни месте. Крайне удивительно видеть здесь несравненно прекрасную и хрупкую даму без сопровождения, поэтому позвольте оказать вам скромную услугу в виде преданного эскорта! — Естественно, имелось в виду: предлагаю сваливать домой по-быстрому.

Я, слегка наклонившись, протянул правую руку. Уже во второй раз за сегодняшний день. Но касания именно этой ладошки я ждал с нетерпением — как молодой кошак весны.

— То есть я так понимаю, сударь, впервые тут очутившийся хочет охранять девушку, которая провела в здешнем лесу почти всю жизнь, да еще и только что спасла этого беспечного человека от волчьих клыков? — Арлета усмехнулась.

— Именно так, — не стал возражать я. — Хотя насчет спасения можете не обольщаться, мадемуазель. У меня тоже есть коготки… — Раздался тихий щелчок, и лезвия выскочили из пластины на левой руке.

— Ладно. — Девушка улыбнулась, сняла перчатку и вложила мне в ладонь свою меткую ручку: — Ведите, витязь.

Мы начали медленно спускаться с холма. Я как мог старался предоставить даме надежную опору, но пару раз у нас был выдающийся шанс скатиться кубарем вниз. Покувыркаться с Арлетой, в прямом смысле этого слова, особо не хотелось — у нее и так фингал только сошел, не хватало дополнительных украшений.

Несмотря на тяготы передвижений, я умудрился выдрать из земли кусок местной флоры, который больше всего смахивал на цветок, и не преминул тут же торжественно вручить его спутнице. Обстановка сложилась скорее комично, нежели романтически, но, как говорится, на безрыбье и рак — рыба, а в Корее и собака — еда. Ну, и так далее. Тем более что презент был оценен по достоинству. Едва мы спустились, Арлета втянула запах лепестков цветка и произнесла:

— Ты не такой, как остальные здесь… — Вот и охотница, как волк, туда же клонит. — Я даже в городе таких не встречала. Неужто со всеми девушками так любезен?

— С чего бы это? На всех никакой любезности не хватит! Нет, лишь с исключительными дамами — точнее, с одной — с тобой.

— Со мной? — удивилась охотница, мгновение помолчала и огорченно добавила: — Издеваешься? Если бы хоть кто-нибудь обращал на меня внимание, думаешь, я скиталась бы по лесу в поисках добычи? Я же не Ликия — у меня нет выбора, а первый попавшийся недомерок мне вовсе не нужен, тем более что даже таких нет! Девоя и Люмбел измываются надо мной!

Я остановился и развернул Арлету лицом к себе. Да, в этой барышне определенно что-то было. Что-то притягательное, манящее, по крайней мере для меня. Именно данную особенность я собирался ей сейчас изложить:

— Послушай, не знаю, куда смотрят глаза ваших мужчин, когда ты проходишь мимо. Не знаю также, чего такого сногсшибательного увидели они в этой вашей Ликии. Можешь считать меня сумасшедшим, но тогда и весь мой мир тоже безумен, потому что таких девушек, как ты, у нас носят на руках и купают в роскоши. А ты даже лучше, ярче, прекраснее них. Я уже молчу про местный контингент. Ты просто несравненна, понимаешь? Возможно, ты была создана для моего мира, но родилась здесь. Может быть, ты посчитаешь, что я и есть тот первый попавшийся недомерок или вроде того, но мне кажется, судьба свела нас вместе не случайно. Возможно, мне суждено было проделать долгий путь в эти места и оказаться единственным, кто сумеет здесь разглядеть твою истинную, очаровательную природу.

Мы с минуту безмолвно смотрели друг другу в глаза. Впервые в жизни я решился произнести едва знакомой девушке такую речь, полную достойного нее искреннего восхищения. Раньше похожих порывов никогда не возникало, а если и намечалось что-нибудь подобное — то сразу глушилось неуместным стеснением и навязчивыми стереотипами. Типа — не рыцари мы серенады распевать. Также весьма неожиданно и ново было понимать, насколько мне на самом деле не наплевать на то, каким будет вердикт. Сердце громко стучало в ожидании ответа. Я даже перестал дышать от волнения. В глазах Арлеты возникло нечто такое, что на мгновение мне показалось — земля уходит из-под ног. К сожалению, в следующую секунду я осознал, что мы действительно проваливаемся сквозь землю. Пролетев пару метров вниз, мы плюхнулись в толстый слой вязкой грязи.

— Кладник! — тут же оповестила окрестности своим криком Арлета.

— Где? — Я заозирался по сторонам и отметил, что мы находимся в глубокой яме размерами с бассейн, которые

частенько фигурируют на задних двориках американских участков. Вот только вместо воды в нем было грязи чуть выше колена. Никого, кроме нас, вокруг не оказалось.

— Где кладник? — повторил я вопрос, пока девушка безуспешно пыталась выкарабкаться наружу по скользкой поверхности.

— А я почем знаю? Где-то здесь — это его ловушка. — Она обессиленно прислонилась к стене. — Если бы кто из такого места живым вылез, может, и рассказал бы, откуда эта тварь появляется и как выглядит.

Слова охотницы звучали убедительно, заставляли обеспокоиться всерьез. Кто такой этот кладник? Что эта тварь вообще собой представляет? Неужели нам и вправду — конец? Не может такого быть! Я с тоской задрал голову вверх, где, прощаясь с нами навсегда, вековые ели махали своими зелеными лапами. Затем взгляд опять прошелся по стенам западни.

— Смотри-ка! Брюлики! — В самом углу, слегка укрытом тенью, можно было с трудом различить наполовину торчащий из грязи обляпанный сундук, доверху набитый чем-то блестящим.

Еле передвигая ноги в сером месиве, я пробрался туда. Как оказалось, сундук был заполнен не только бриллиантами, но и прочими сверкающими побрякушками, а также золотом.

— Ну надо же! — с грустью воскликнул я. — Что может быть печальней — разбогатеть перед самой смертью?

Арлета в поисках спасения безнадежно расхаживала взад-вперед, взбивая грязь, затем остановилась, прикрыла лицо руками и простонала:

— Как! Как я могла развесить уши и слушать все эти сказки про судьбу и свою неповторимость! Как можно было поверить?! На секунду отвлечься — и вот, пожалуйста! Попались! — Девушка резко развернулась и наотмашь влепила кулаком в стену.

— Ничего себе! — расстроился я. — Ну вы, бабы, странный народ! Когда грузишь лапшу на уши по полной программе — ведетесь на самые невероятные байки. И про виллу на Мальдивах, и про «ламборджини» в гараже, и про кучу денег в банках. А стоило хоть раз правду сказать — на тебе! Оказывается, сказки рассказываю! — Я зачерпнул горсть драгоценностей из сундука и показал их Арлете: — Ты ведь даже не поняла, что вот эти бриллианты, весь сундук этот, даже мизинца твоего не стоят!

— Что? Не настоящие?

— В том-то и дело, что настоящие, дура! — в сердцах выпалил я и хотел продолжить, но в этот момент раздалось громкое бульканье.

В центре ямы поверхность начала вздыматься, и через

несколько секунд показалась внушительная, размером с крупную тыкву, голова из грязи. Отвратительный слепок раскрыл рот, из которого донесся глухой клекот. Очень быстро наружу вылезла толстая шея и покатые плечи. Первым, как ни странно, сориентировался я:

— Быстрее сюда! — Мой окрик вывел Арлету из оцепенения, и она, высоко подкидывая коленки, мгновенно очутилась рядом.

Я захлопнул крышку сундука, взгромоздился на него и потянул девушку за собой.

— Залезай на плечи!

— Что?

— Быстро давай!

Арлета начала послушно карабкаться мне на шею. Тем временем кладник уже высунул свой мощный торс и вовсю размахивал ручищами. С такими темпами на волю должен был выбраться нечистый размером с белого медведя, если не больше. Только вот цветом больше на бурого смахивает. Девушка уже взобралась на мои плечи, упираясь руками в стену. До края ловушки ей недоставало лишь около метра.

— Приготовься! — проорал я наверх.

— А как же ты? — донеслось оттуда.

— Считай меня коммунистом!

Я схватил руками ее стопы, немного присел и, напрягшись, изо всех сил вытолкнул кверху. Изначально расчет шел на то, что Арлета должна была допрыгнуть до края и за что-нибудь ухватиться, но тело ее выскочило вверх, словно праздничный фейерверк, и грохнулось на землю за пределами моей видимости. Откуда только силы взялись?

Теперь настало время разобраться с кладником. Как уничтожить огромный кусок грязи, если с собой ни стирального порошка, ни даже несчастного обмылка нету? Вот уж кто из всей этой шайки лесных тварей действительно нечистый. Я в замешательстве почесал макушку. Монстру осталось лишь освободить голени. Несмотря на то что я все еще стоял на сундуке, он уже был выше меня. Кладник вновь издал свой странный клекот и принялся рваться ко мне, осыпая комками грязи, но пока все еще был сцеплен с дном. Только я, отчаявшись, обнажил свои лезвия, как что-то больно ударило меня в темечко. Весьма обидно перед смертью еще и шишкой по затылку получить. Я задрал голову кверху и обнаружил, что оттуда спускается веревка, завязанная узлом на конце, а на фоне лесной зелени вырисовывалось озабоченное чумазое, но милое личико Арлеты.

— Я ее к дереву привязала!

Дальше объяснять, что к чему, не пришлось: при виде прыти, с которой я взбирался на поверхность, иные обезьяны могли бы полопаться от зависти. Мне уже почти удалось выбраться, когда сзади раздались тяжелые хлюпающие шаги и что-то крепко ухватило меня за ногу. Кладник все-таки успел! Я воткнул когти правой руки в землю, не особо надеясь на прочность такой фиксации, обернулся и резким движением отсек державшую меня руку нечистого. Обрубок толстым слоем грязи растекся по штанине, а изящные ручки Арлеты надежно ухватили меня за шиворот и выдернули наверх. Мы рухнули на твердую землю, но тут же, вскочив на ноги, уставились в яму. Кладник стоял неподвижно, и создавалось такое впечатление, будто нечистый выжидающе смотрел на нас. Вылезать за жертвами уродец не торопился — видать, не его стихия. Отрубленная рука твари пузырилась, перетекала грязью и короткими толчками отрастала вновь. Меня просто подмывало сделать нечистому что-нибудь неприятное в отместку за пережитый страх, но здравый смысл подсказывал не лезть на рожон, поэтому я просто показал кладнику фигу. Монстр тут же начал таять на глазах, грязь со дна поползла в стороны и вверх по стенам, затем, добравшись к краю, проплыла параллельно земле тонким слоем по воздуху, сомкнувшись в центре. На месте закрытого дефекта в мгновение ока выросла трава, сливая поверхность западни с окружающим ландшафтом.

— Ни фига себе, — выдавил я в конце концов и посмотрел на свою перепачканную спутницу.

— Мы живы! — Лицо Арлеты сияло от счастья.

— Ты знаешь, мы еще и богаты, — добавил я, похлопывая по краям штанов. Оказывается, та горсть драгоценностей, которой я крутил перед носом девушки, в суматохе незаметно перекочевала в карман. Таков рефлекс, ничего не поделаешь.

Эмоции переполняли организм до краев, я радостно схватил Арлету на руки и принялся кружиться, напевая: «Мы живы и богаты, мы живы и богаты!» Когда карусель закончилась, охотница, все еще находясь у меня на руках, украдкой спросила:

— Так, значит, все то, что ты говорил, — это правда?

Вместо ответа я просто поцеловал ее нежные губы. Ответного сопротивления не последовало, поэтому поцелуй продолжался очень долго. Когда мы наконец оторвались друг от друга, охотница, наполовину прикрыв глаза веками, пребывала в блаженстве.

Эта девушка вызывала у меня странные чувства, к которым раньше я относился крайне скептически. Ведь что мне, по сути, до этого нужно было от любой красивой женщины? Форсированным

образом добиться ее согласия перейти в горизонтальное положение, натереть свои специальные рецепторы, получить удовольствие и сквозануть по делам. А всяких альтруистов, которые утверждали, будто главное для них — это доставить наслаждение девушке, — я откровенно не понимал. Для кого стараемся, в конце концов? Но сейчас, при виде счастливого лица моей спутницы, что-то в мозгу переклинило, и я испытывал истинный кайф, близкий к эйфории, — просто от того, что ей приятно.

Девушка положила голову мне на плечо и мило улыбнулась. В эти мгновения мы начисто забыли, что находимся далеко не в ботаническом саду. Идиллию прервал раздавшийся прямо за спиной дикий смех. От неожиданности я чуть не выронил Арлету на землю. В следующую же секунду мы настороженно всматривались в рощу, откуда донесся этот странный звук. Лезвия уже были выпущены, а охотница водила по сторонам натянутым луком.

— Ничего страшного — это кикиморы, — шепотом произнесла девушка. — Их, главное, не бояться. Если увидят, что мы не убегаем, — сами отстанут.

Ничего себе лесок! Даже полста метров не прошел вглубь, а уже столько живности повстречалось. Что ж там чуток дальше творится? Как недавно волчара говорил, «еще встретимся»? Ага, раскатал губу! Меня теперь сюда не то что калачом — золотом партии не заманишь.

Смех повторился, но уже в другом месте, откуда-то сбоку, а перед нами в кустах зашумели ветки. Омрачало сложившуюся обстановку еще одно немаловажное обстоятельство: на темный и без того лес начали спускаться сумерки.

— Может, если мы начнем с гордостью отступать, — они все-таки отстанут? — предположил я. — Вечереет уже.

— Давай, но только медленно, потихоньку, — согласилась Арлета.

Мы дружно принялись пятиться назад, по очереди озираясь, чтобы не навернуться в какую-нибудь яму. Попеременно с разных сторон раздавался жуткий хохот.

— Сколько их там? — спросил я.

— Три, не меньше.

— А мне почему-то представлялось, что кикиморы охотятся в одиночку.

— Все так думают. Но я за ними наблюдала. Одна кикимора нипочем не смогла бы загнать человека в трясину — надо, чтобы по бокам от жертвы бежала еще пара тварей: поддерживать направление, — объяснила охотница.

— А как они хоть выглядят?

— Как большие жабы, только ходят на двух лапах.

— Сильно большие?

— Ну, с человека… — Девушка ослабила тетиву, поправила свесившийся на лицо локон и вновь перешла в боевое положение. — Ни разу не видела, чтобы они открыто нападали на людей.

— Тогда, чего мы так их боимся? Пускай себе гогочут — неужто карательного отряда лягушек не раскромсаем?

— Да тут пару саженей осталось, потерпи.

А мы уже и вправду выходили к опушке. Нечистые, видать, почуяли, что упускают добычу, поэтому стали шерудить по кустам гораздо активнее. Когда меж деревьев стали виднеться бревна частокола, из зарослей прямо перед нашими носами с истошным воплем вылезла здоровая лягушечья голова, но тут же поймала стрелу между глаз, мигом заткнулась и отлетела в гущу.

— Трофей брать будешь? — поинтересовался я.

— Они несъедобные.

Мы вышли как раз в том месте, где днем работали дровосеки. Сейчас вокруг было безлюдно, вышки за забором тоже пустовали, а ворота закрыть никто не догадался. Называется, заходите, гости дорогие: и нечистый, и волк пушистый. Издалека, со стороны полей доносилась песня — женщины, возвращаясь с плантаций, затянули протяжный, заунывный, но удивительно красивый мотив. Солнце недавно закатилось, окрасив небо над лесом багровыми тонами. Закрывая за собой створку ворот, я заметил:

— Хорошо у вас тут, когда никто из уродов не жаждет человечины.

Арлета хмуро смотрела по сторонам.

— Странно, — наконец произнесла она, — почему никто не встречает, как обычно? Где вообще дозорные?

— Разберемся, не волнуйся, — успокоил я ее. — Ты сейчас чем думаешь заниматься?

— Надо зайцев одной женщине отнести, — Арлета слегка приподняла заплечную котомку, на которую раньше даже некогда было обратить внимание. — Она очень хорошо снимает с них шкуры — ее Велес талантом одарил.

— А потом?

— Потом в трактир. Надеюсь, у папы хорошее настроение. — Арлета провела по волосам ладонью, стряхнула налипшие комки грязи, потом глянула на меня. — Помыться нам еще надо.

— А где вы моетесь? — Я изначально скептически относился к сантехническим наворотам Прилесья, вспомнив про чудесный местный туалет.

— В бане, где ж еще! — удивилась девушка. — Я сейчас растоплю.

Уф, отлегло от души — в этом плане все вроде по-человечески. Не прогадал Радзивилл Первый, когда местный люд париться приучал.

— Замечательно! Давай тогда беги по своим делам, встретимся в трактире.

— Хорошо, — согласилась Арлета, чмокнула меня в щеку, где было почище, и побежала, довольная, к живодерке.

Интересно, а зайчатина у них вкусная? Желудок булькнул, что ему сейчас все равно, вкусная она или нет, лишь бы имелась в наличии, поэтому я сразу направился в «Волот».

Неподалеку от входа меня ждал сюрприз, представляющий собой трех нетрезвых молодых людей, в которых без труда узнавались личности из свиты Ликии. При виде моей персоны скрыть злорадных ухмылок они даже не пытались. Эх, чуял зад беду еще на собрании! Вдобавок пересеклись совсем невовремя — как раз когда после насыщенного дня тело так ломило, будто мне сделали тайский массаж, правда, не гейша, а борец сумо. Когда я подошел ближе, стало слышно, что в трактире идет неслабая гулянка — с воплями, песнями, звоном посуды и прочими атрибутами веселой жизни.

— Ну-ка гляньте, кто у нас тут? — противным голосом взвизгнул один из ожидающей троицы, весь покрытый веснушками, белобрысый и лохматый.

Паренек особо не отличался габаритами, но грудь выпятил словно невеста на выданье. Его менее хилые друзья стояли чуть поодаль и, насупившись, молчали, поэтому стало ясно, кто в этой шайке самый борзый. Хлопцы ждали явно не для того чтобы познакомиться поближе, поэтому оставались лишь два возможных варианта развития событий: либо сразу срубать главаря, а потом наезжать морально, либо попытаться вырулить ситуацию мирным путем. Шаман всегда говорил, что не стоит недооценивать противника, а чего можно ждать от этой братии — я даже не представлял. В общем, решил для начала поосторожничать. Белобрысый меж тем продолжал воодушевлять себя и сообщников речью:

— Смотрящий за порядком прибыл! Насмотрелся за порядочными барышнями, а?

— В чем дело? — изображая спокойствие, осведомился я.

Центровой обернулся к товарищам:

— Он спрашивает, в чем дело? Представляете? — Затем опять обратился ко мне: — Сегодня днем приставал к моей невесте, а вечером уже забыл, в чем дело?

— Если ты имеешь в виду сударыню Ликию, то я бы на твоем месте более внимательно следил за своей невестой.

— Ты кому это говоришь? Мне? Ты еще брату ее об этом скажи. — Бригадир указал за спину, на одного из своих дружков.

Картина складывалась такая, что, как ни крутись, без драки не обойтись. Главное — нельзя недооценивать противника!

— Что я вам — бабушка, истории на ночь рассказывать? Вы сами у Ликии спросите, как она меня домой тащила, как раздеваться заставляла, как за дверь выставила, когда мать вдруг пришла.

— Что?! — протяжно взвыл белобрысый, — Да как ты смеешь, чернь, собака безродная! Да я тебя с грязью смешаю, из которой ты выполз!

Ой, как хорошо! Еще пару таких фраз — и добро пожаловать на коня, Арсений Владимирович. А в этом состоянии я не чувствую ни боли, ни усталости.

— Слышь, ты, деревенский атаман, глаза раскрой. Глянь, кто ты есть на самом деле, обитатель навозных куч. И к невесте своей блудливой присмотрись: она даже с конем для разнообразия повеселиться готова, пока ты вино в трактире хлещешь.

Командир шайки некоторое время очень похоже изображал рыбку, выпучив глаза и безмолвно закрывая и открывая рот, и только потом скомандовал:

— Крутите этого смерда, хлопцы!

Верные опричники бросились в атаку.

Главное — нельзя недооценивать противника! Одного я сразу пропустил мимо себя, слегка подставив ногу для красоты его дальнейшего перемещения. Второй получил кулаком в ничем не прикрытый бубен, который он еще и вытянул в шее — видать, чтобы мне удобней было попасть. Белобрысый начал отходить ко входу в трактир, но я, подскочив, так смачно влепил ему прямым ударом ноги в живот, что бедняга вышиб собою дверь и, пролетев пару метров, грохнулся в центре помещения. Н-да, переоценивать противника тоже особо не стоит.

«Волот» был под завязку набит пьянствующими мужиками. Стойкий аромат спиртного витал в помещении, отпугивая насекомых. Увидев, как белобрысый не совсем обычно попал внутрь, крестьяне притихли и уставились в то место, где только что висела дверь. Я вломился в трактир с крайне мрачными мыслями об окружающем. Ишь, что удумали: развлекаться на ночь глядя, когда за любезно приоткрытыми воротами лес кишит чудовищными тварями — дружелюбными, как десантники в день ВДВ. С такими темпами мои без того мизерные шансы вернуться на родину сломя голову стремятся к нулю. По крайней мере,

жены мужиков точно разорвут меня на части за то, что днем дал работягам повод снять стресс.

— Вы, долба… — начал я, но сразу осекся.

Сколько слышал разговоров местных жителей — ни одного нецензурного выражения на великом и могучем от них не проскочило. Радзивилл в этом плане обошелся культурно. Видимо, бранные функции выполняли родные диалекты. А мат — это такая удивительная штука: мгновенно врезается в лексикон, даже если поначалу его смысл не очень понятен. И вот попадет кто-нибудь из наших сюда, на Поляну, услышит знакомые обороты да и спросит: а кто же это вас ругаться так научил? А ему ответят: был у нас тут один такой, Арсений Владимирович, крыл филигранно, зато доступно — как потомственный сапожник. Срамота какая! Нет, уж лучше пусть кто-нибудь другой позорится.

— Вы что творите, балбесы?! Угробить всех тут захотели?

— Э-э! Что за дела? Ты кто такой? — Один из мужиков поднял на меня свои мутные глаза.

— Кто я такой? — Подскочив к любопытному селянину, я схватил его за шиворот и вздернул с места. — Я — тот, кто проследит, чтобы ночью, когда пачвары ворвутся в Прилесье, их встречала организованная оборона, а не куча пьяных дров! Ясно?

— Ну, так вы же сами сказали, — донеслось с другой стороны трактира, — последние дни прожить весело!

— Это, мать вашу, не значит, что нужно с радостью подавать себя нечистым на блюдечке с гарниром! Марш по домам! Кто тут самый трезвый? — начал я высматривать в окружающих более-менее адекватную личность.

— Юноша, а что вы себе тут, собственно, позволяете? — Это говорил полный, ухоженный господин в длинном шелковом камзоле зеленого цвета нараспашку, одетом поверх отделанной красной вышивкой рубашки. Он встал из-за самого ближнего к стойке стола, за которым также сидел трактирщик и еще один мужчина, как две капли воды похожий на говорившего.

Ага, тут еще и ВИП-столик имеется. Но в моем нынешнем состоянии авторитетные клиенты вызывали такое же почтение, как толстый колорадский жук под подошвой ботинка. Тоже мне — пришли поддержать разлагающееся общество.

— Кто такие? — сурово спросил я, направляясь к ним.

— Я — купец Кампил, — гордо выпятив пузо, представился толстяк, — это — Цикроф и Игмат. Банкет отчасти за наши средства. — Торгаш скорчил такую надменную рожу, будто теперь я должен броситься целовать ему ноги. — И прошу объяснить: что вы сделали с моим сыном? — он указал пальцем в сторону корчащегося на полу белобрысого.

— А, купец! Ну все — песец! Сына своего для начала манерам научи, а потом уже спрашивай, за какие заслуги он дров получил. А ты, — я обратился к Цикрофу, — за дочерью следи, чтобы ее хахали потом ко мне цепляться не вздумали. Теперь о банкете… — Я обернулся к селянам, которые покидать трактир пока не торопились, ожидая, чем закончится разговор: — Мужики, вы посмотрите, во что вас втягивают эти толстосумы! Они же при первой опасности запрягут лошадей и ноги сделают, — а вы на корм пойдете, как миленькие. От вас пользы сейчас — только если потравите нечистых своими проспиртованными организмами. Подумайте о ваших женах и детях, которых вы сейчас подвергаете опасности. — Селяне, конечно, слушали насупившись, но логичность сказанного, похоже, начала пробираться в их загулявшие мозги. — Все! Завтра после работы собираемся возле дома старосты — и дружно идем играть в футбол. Будем физуху отрабатывать. А сейчас — отсыпаться. Свободны!

Народ, переговариваясь вполголоса, потихоньку начал рассасываться. А рулить толпой, оказывается, хоть и рискованно, зато интересно!

— А вас, господа, предупреждаю, — тихо прошипел я купцам: — В случае грандиозного шухера быстрая эвакуация у вас может не получиться. Уж я постараюсь. Отдыхайте…

Я ухватил со стола самый аппетитный окорок, грозно потряс им перед толстяками и вслед за мужиками пошел на выход. В дверях удалось поймать одного из посетителей, которого штормило поменьше, и недвусмысленно втолковать ему, что сегодня ночью на вышках он дежурит вместе со мной. Крестьянин, конечно, для приличия немного поотпирался, но в итоге был вынужден согласиться.

На улице уже стемнело. Я остановился на секунду, чтобы продышаться свежим воздухом.

— Что случилось? — раздался знакомый приятный голос из темноты.

— А, это ты, родная, — обрадовался я и в двух словах поведал Арлете о произошедшем.

Потоки воздуха освободили полную луну от прикрывшей ее тучки. Вокруг стало светло — совсем как в ту достопамятную ночь, когда я впервые здесь очутился. Приятные черты лица девушки теперь можно было рассмотреть во всех подробностях.

— И что теперь? — спросила она.

Эх, теперь вместо теплой баньки с красивой сударыней придется торчать на продуваемой всеми ветрами вышке, отстреливаясь от особо наглых тварей.

— Милая, а у тебя не валяется случайно где-нибудь в загашнике станковый пулемет? На всякий случай? — поинтересовался я. — Хотя дополнительный комплект лука со стрелами тоже сойдет.

— Сейчас лук принесу. Так вы вдвоем только будете? Надо ведь по два человека на вышки да возле ворот четверо, — объяснила охотница и тут же без колебаний предложила: — Давай я с вами ночь подежурю?

— Что ты, смелая моя! Там ведь опасно, да и устала, наверное, за день. Давай, неси амуницию — и спать! На вот, спрячь где-нибудь в укромном месте, — вручил я ей горсть добытых драгоценностей.

Арлета сгребла бриллианты, молча скрылась в трактире и через минуту вернулась в том же виде, с дополнительным вооружением. За это время трофейный окорок мною был полностью уничтожен.

— Я иду с тобой, — безапелляционно заявила она.

Стало ясно, что спорить бесполезно. Если папаша даже рукоприкладством не может отвадить дочу разгуливать по лесам, куда уж мне словами пытаться заставить ее сейчас остаться дома. Барышня-то с характером. Тем более что вдвоем веселее будет.

— Пошли, — согласился я, принимая из рук охотницы обмундирование.

Крестьянин, которого я недавно озадачил, грустно топтался возле ворот, нервно сжимая в руках копье. Молодец! Не отпил еще соображалку, раз оружие прихватил.

— А где Горлан все это время пропадал? — поинтересовалась у него Арлета.

— Дык он — того… самый первый напился и домой спать пошел, — развел мужичок руками.

— Вот это да! — весело воскликнул я. — Небось, лично разливал, а себе побольше. Ладно, полезай на эту, — я махнул в сторону вышки справа, — огня пока не разжигай. Притаись и смотри в оба. Чуть что — кричи.

Селянин кивнул и уныло побрел взбираться на свой пост. Мы с охотницей вскарабкались на соседнюю вышку. Места на обзорной площадке оказалось больше, чем казалось мне снизу. В одном из углов укромно приютился свернутый матрас, набитый соломой, и толстый шерстяной плед — наверное, специально для тех, чья очередь спать на вахте.

При лунном свете вся деревня была видна как на ладони. Неказистые срубы смотрели на нас темными глазницами окон, сразу напомнив мне про страшные рожи волколаков. Однако лес выглядел спокойно и на удивление умиротворенно. Правда, я-то

знал, каким обманчивым это зрелище может казаться с первого взгляда.

Опираясь о высокие борта вышки, мы несколько минут молча смотрели на звездное небо над лесом. Я первым нарушил тишину:

— Что вас держит в этой деревне? Неужели так приятно — постоянно жить в страхе?

— Так было не всегда, — поразмыслив, ответила девушка. — Раньше нечистых здесь бродило намного меньше. А теперь… Мы ведь обеспечиваем деревом чуть ли не половину Мидлонии. Это приносит постоянный неплохой доход, особенно нашим перекупщикам: Кампилу, Цикрофу. Крестьянам тоже достается — не обижены. Многие привыкли к такому образу жизни. Тем более что местные жители ничего толком не умеют, кроме как рубить лес и пилить бревна. Такова воля Велеса. В городе они просто обречены на нищенское существование. Не знаю, что может заставить их покинуть Прилесье.

Мы вновь замолкли. Ветер, лениво шелестя ветвями деревьев, донес до наших ушей звук сладкого храпа с соседней вышки.

— Слышишь, как притаился? — Отчего-то мне стало весело. — Видать, во все глаза смотрит.

Я ухватил девушку за талию, привлек к себе и указал рукой на небо:

— Видишь, вон там звездочка? Светит ярче всех, висит почти над самым горизонтом.

— Да.

— Я назову ее в твою честь — Арлета! Каждый раз ночью, если тебя не будет рядом, я буду смотреть на нее и вспоминать твои глаза.

— Спасибо… — Охотница улыбнулась слегка смущенно, затем обхватила ручонками мою шею и сладко поцеловала.

Сложно описать, что произошло потом. Между нами проскочила искра вожделения, и небосвод закружился, когда мы сплелись в объятиях страсти. Обычное восприятие мира вернулось, когда мы уже лежали на матрасе под пледом, обвившись обнаженными телами, переводили дыхание и испытывали неземное наслаждение. Не знаю, сколько времени прошло, но эти мгновения были, пожалуй, лучшими в моей жизни. Арлета блаженно потянулась своим грациозным телом. Я провел кончиками пальцев по ее гладкому животу, груди, остановился на шее и почувствовал, что самое сладкое еще впереди.

Идиллию нарушило леденящее душу сипение, которое раздалось совсем рядом, снизу. Слишком знакомое сипение. Мы

мгновенно взметнулись со своего лежбища и принялись лихорадочно искать одежду, разбросанную по всей площадке. В этой суматохе Арлета умудрилась краем глаза глянуть, что творится снаружи. С напуганным видом охотница отпрянула обратно и тихо пискнула:

— Вот Паляндра!

— Что там такое? — Я уже напялил штаны и высунулся за бортик.

Зрелище и вправду оказалось жутковатым. Всего в нескольких метрах от кромки леса в один ряд стояло семь безмолвных черных фигур. Человеческие очертания делали тварей еще более пугающими. Их безглазые морды были задраны вверх, будто смотрели на нас. Один из монстров наклонился, провел рукой по земле, шумно вдохнул воздух и, раскрыв отвратительную пасть, со свистом выдохнул. Затем он принялся что-то нечленораздельно и тихо шипеть другому уродцу. Тот просипел что-то в ответ — завязалась неторопливая беседа. Странные, неприятные звуки усугубляли и без того тяжелую атмосферу. Справа что-то слегка скрипнуло, и я едва успел отвести рукой уже нацеленный на пачвар лук Арлеты.

— Не провоцируй, — едва слышно выдохнул я, затем не спеша присел так, чтобы из-за бортика торчали только глаза, и потянул за собой охотницу

— Что они собираются делать? — шепотом спросила она.

— Пока вроде ничего. Совещаются.

Арлета открыла рот, чтобы спросить о чем-нибудь еще, но я оперативно прикрыл его ладонью. В своей неестественной беседе принимали участие уже все нечистые. Один из них ткнул пальцем прямо в нас, и мое сердце тут же громыхнулось в пятки. Но несмотря на то что твари нас, возможно, видели, они все равно продолжали неспешно обсуждать свои дела. Такой нервной обстановки, помнится, не было даже в ту ночь, когда к нам в клуб зарулил мэр города и какой-то бравый отморозок стырил у него бумажник с квартальным бюджетом.

Кроме настойчивого ощущения напряжения, меня одолевало еще и чувство глубокого разочарования. Вот тебе и самое сладкое впереди — всю ночь нам испортили. Ну, пачвары!

Нечистые стояли под стенами Прилесья очень долго, и я уже стал привыкать к их присутствию рядом. Даже начал подумывать — не шугануть ли тварей парочкой выстрелов из лука. Но как только эта смелая мыслишка посетила мою изобретательную голову, нечистые исчезли. Они за доли секунды бесшумно слились с темными зарослями, и через несколько мгновений лишь сиплый вой издалека напомнил об их недавней

вылазке. Мы с Арлетой еще долго всматривались в сумрак чащобы, пугаясь, словно накуренные, каждой подозрительной тени.

— И часто у них тут собрания проходят? — наконец осмелился заговорить я.

— Не знаю, никогда ночью не дежурила. Но чтобы кто-нибудь больше двух пачвар одновременно видел — такого не слышала.

— Неспроста все это… — поразмыслив, отметил я философски.

Ой, неспроста нечистые решили поболтать аккурат напротив поселка. Суворов, небось, точно так же под Измаилом стоял, присматривался и с полководцами шушукался. Тогда, помнится, турок слету вынесли. Не удивлюсь, если пачвары недалеко в лесу еще и лагерь оборудовали, с тренировочным макетом частокола и ворот. Дополнительная проблема заключалась в том, что разведка у местной цивилизации на таком же уровне, что и космонавтика. Сколько этих тварей поблизости, вооружены ли, как нападают, берут ли пленных — неизвестно. Неужели никому из крестьян совсем не интересно, как их планируют подвергать геноциду? Знают людишки только, что пачвары чешутся на солнце, — и все. И довольны! Значит, днем не попадут в рацион лесных соседей. И правильно: если бы у меня, допустим, весь организм зудел, — я бы тоже вряд ли кого стал атаковать. Вот ежели одни только кулаки чесались — тогда другой разговор! Но нынче не до драки. Тут одно ясно: дело пахнет керосином. А лучше бы, конечно, попахивало порохом, который ждет своего часа в патронах, засунутых в ленту, торчащую из пулеметной турели. Но пока на Поляне изобретут все эти аксессуары лишения вражеской жизни, можно запросто попрощаться со своей, поэтому неплохо было бы смыться из Прилесья при первой же возможности. Черт с ним, что здесь шансов вернуться домой больше. Перспектива торжественно отправиться на родину в цинковом ящике совсем не придает оптимизма. Решено! Завтра, не мешкая, любезно, правда, без спросу одалживаем у Игмата коня, вербуем дочку — и сваливаем с выражением тихой грусти на лицах.

И все же не зря этих мрачных лесных товарищей наградили обидным прозвищем «пачвары». Однозначно, по делу! Ведь вроде нечистые ничего экстраординарного сегодня не сделали. Так, потерлись возле ворот, пошептались, вякнули зычно пару раз да и убрались восвояси, — а настроение испорчено напрочь! Мы с охотницей пребывали в довольно хмуром расположении духа, будто угодили под ливень в разгар пикника. Предавшись каждый своим размышлениям, лишь изредка мы перебрасывались короткими фразами. Кидаться друг другу в объятия не тянуло,

учитывая, что это могло проходить прямо у пачвар на глазах, или чем они там на окружающую среду смотрят.

Вспомнился отчего-то бравый охранник с соседней вышки. Его беспечный храп служил неизменным аккомпанементом всех происходящих событий и не прекращался даже во время визита нечисти. Только, может, совсем чуточку притих — интуитивно. На пару децибелов. Спустя несколько минут после того как лучи раннего солнца опустились на крыши домов, наш бдительный спящий соратник прервал свою трель, хрюкнул и разразился заливистым кашлем, оповещая деревню вместо первых петухов о том, что наступило утро. Деревянные хаты, поскрипывая дверьми, стали выпускать на просторы бодрых после крепкого сна местных жителей. Крестьяне, щурясь на утреннем солнце, предприимчиво зыркали по сторонам, потирали руки, находили нужные инструменты и организованно шли работать. С высоты нашего поста Прилесье все больше и больше стало напоминать большой муравейник. Из-за бортика соседней вышки высунулось слегка опухшее лицо и смачно зевнуло. Мы с охотницей не сдержались и одновременно повторили этот заразительный рефлекс.

— Домой? — спросил я.

— Домой, — кивнула сонная Арлета.

Я спустился первым и подал ей руку. Наш ночной стражник уже ожидал внизу, держа копье наизготовку.

— Теперь чего? — с готовностью осведомился он.

— Все нормально? Ничего необычного не заметил? — на всякий случай поинтересовался я.

— Нет! Все спокойно! — бодрячком отрапортовал крестьянин.

— Молодец! Свободен. — Я вяло махнул рукой, и он, довольный, вприпрыжку побежал прочь менять пику на топор или грабли.

А что ему? Выспался — можно и поработать. Мы же с Арлетой устало побрели к трактиру. Хотелось просто приземлиться на подушку и воспроизводить на всю округу те же звуки, что всю ночь издавал наш сотоварищ. И дело даже не в том, что я вымотался физически. Нет, подобные нагрузки, учитывая профессию и образ жизни, полностью могли нивелироваться двумя чашками кофе. Просто на эмоциональном уровне красная надпись «перегруз» методично мерцала перед глазами. Слишком насыщенными выдались прошедшие сутки, и больно уж резкими оказались переходы от радости к страху и наоборот.

— С тобой все в порядке? — Голос Арлеты вывел меня из прострации.

Скорее всего, походка зомби выглядела бы намного более скоординированной, нежели моя. Дойти бы до трактира, пока молодой организм не взял свое. Я встряхнул головой, разгоняя сон, однако избавиться от него таким образом было столь же эффективно, как и от назойливых комаров, которые уже через секунду возвращаются обратно.

— Да. Все нормально, отдохнуть просто надо.

— Тебе бы поесть, помыться… — Девушка сочувственно выгнула бровки.

Я посмотрел на охотницу и даже умудрился удивиться. Когда она успела ополоснуться и поменять одежду? Наверное, вчера у подруги-живодерки. Мой-то наряд примерно до колен вообще пребывал в плачевном состоянии. Руки, лицо и волосы тоже были далеки от мечты Мойдодыра. И этими грязными граблями я сегодня лапал такую красоту! Кладник, лентяй, мог бы и прибраться перед прибытием гостей.

— Ну… я бы умылся, если вода есть.

— Холодная. Могу баню натопить.

— Не надо, и так нормально.

«Волот» встретил нас угрюмым лицом трактирщика. Игмат укоризненно смотрел то на меня, то на дочь, но затем его черты смягчились:

— Ну что там, спокойно?

Вроде папаша сознавал, что своими запасами довел охрану до дезертирства, а расхлебывать проблемы, с этим связанные, среди ночи пришлось родной дочери.

— Нет, папа, неспокойно. Семь пачвар стояли прямо перед воротами Прилесья и обсуждали какие-то свои планы. Еще одна попойка — и они точно воспользуются нашей беззащитностью, — строго заявила Арлета.

Трактирщик как-то весь осунулся и грустно спросил:

— Может, нужно чего?

— Пока нет, спасибо, — ответил я за спутницу. — Может быть, позже.

Арлета провела меня в подсобные помещения, где стояла большая деревянная бочка с водой. Наскоро смыв грязь с лица и конечностей, я пожелал девушке спокойной ночи, чмокнул куда-то в область головы и поплелся в свои апартаменты. Сон жадно набросился на меня, как моряк дальнего плавания на портовую мадам легкого поведения, — едва я добрался до кровати.

Глава восьмая, шпионская

В тот момент, когда я проснулся, меня ожидали две новости. По старой доброй традиции одна из них оказалась хорошей, а другая плохой. Начну, пожалуй, как отъявленный оптимист: с хорошей. Кто-то, и я очень отчетливо догадываюсь — кто, любезно постирал всю мою одежду, включая термоядерные носки с кроссовками. Вспомнилось детство и бедная мамочка, которой приходилось каждый вечер намыливать мою единственную школьную форму, потому что вернуться со стройки чистым не может даже сам сторож, а уж тем более орава одноклассников после уроков. Плохая весть заключалась в том, что рабочий день в Прилесье подошел к концу и все крестьяне послушно толпились у дома Горлана, ожидая, когда я приду и научу их играть в футбол. Сей факт стал для меня еще большей неожиданностью, нежели чистые носки, учитывая, что я напрочь забыл о своем вчерашнем наставлении. Этим известием на самом выходе из трактира меня с радостью ошарашил Игмат и даже покинул свое любимое место за стойкой, чтобы сопроводить к месту сходки. Халдей как открыл рот при встрече, так ни на минуту и не умолкал, даже когда ждал меня под утлой дверью уборной. Видимо, трактирщик лично решил полюбопытствовать, что это за явление такое — футбол! Н-да, придется отложить побег из деревни до лучших времен.

Оглядывая количество собравшихся, я понял: мужики добросовестно отнеслись к моему, так сказать, пожеланию. Даже привели с собой женщин. Видимо, на всякий случай. Детишки, естественно, сами нарисовались. Не было видно лишь купцов и поклонников Ликии. Я взобрался на веранду, где меня уже встречал Горлан со слегка виноватой улыбкой. Стыдно было, видать, за вчерашнее.

— Мужики, короче, нужен мяч. — Без всяких вступлений я сразу решил перейти к делу. — Потом возьмите бревна, шесть штук, инструменты — и тяните все это на поле.

Минут пять, конечно, пришлось потратить на то, чтобы объяснить, как должен выглядеть мяч. Однако дальше работа пошла оперативно. Я выбрал место между речкой и лесом, южнее деревни. Мы отмерили площадку, сколотили и вкопали в землю ворота, затем разбились на две команды по семь человек, остальных я пообещал выпустить на замену. К этому времени местные мастерицы уже приволокли образцы мячей. Я просто диву давался, с какой скоростью они их пошили. Внутри вместо камеры использовали надутый то ли мочевой, то ли желчный пузырь крупного рогатого скота, а может, какую-нибудь другую

гадость. Кожаные латки снаружи выглядели практически без изъянов. Я выбрал экземпляр, наиболее полно соответствующий физическим свойствам обычного мяча, и принялся объяснять крестьянам правила. Когда смысл игры дошел до всех, мы начали.

Сначала, естественно, мужики махали ногами коряво и неуверенно, да и плетеные лапти оказались не лучшей спортивной обувью. Но не прошло и десяти минут, как они втянулись и принялись летать, словно угорелые, по всему полю под радостное улюлюканье болельщиков. Через полчасика жаждущие спорта запасные выходили на замену и уже пытались воспроизвести подсмотренные финты, с помощью которых я обходил защиту. Игра затянула!

Спустя некоторое время, как бы невзначай, мимо прошлась вчерашняя воинственная троица молодцев. Они сперва затесались в ряды болельщиков, а после и в качестве игроков появляться стали. Чего уж там, простил я хлопцев — пускай играют, молодые ведь.

Затем чинно выползли посмотреть на диковинное зрелище Кампил с Цикрофом. Купцы поначалу наблюдали молча, но вскоре все-таки не выдержали — принялись поддерживать игроков ободряющими выкриками типа: «Ну, куда ж ты бьешь, как корова», — или: «Да твоими ногами только навоз топтать». Короче, зуб даю на отсечение — всем понравилось!

Но, несмотря на ажиотаж, лишь только солнце приблизилось к горизонту, селяне принялись дружно сворачиваться. Оно понятно: перед волколаком у лучших бомбардиров по сравнению с остальными лишь одно преимущество — скоростные качества. Со всех сторон доносились обычные для такого момента гордые фразы: «А как я головой…», «А я троих обвел и…», «А видели, как я…» — и так далее. Зато все равно больше всех голов я наколотил. Хотя чему тут удивляться? Жаль, не было перед кем похвастаться: Арлета, видимо, вновь смылась безжалостно истреблять зайцев. Откуда в ней столько энергии?

Между прочим, надо подумать, как уговорить ее на совместный побег, так как осваиваться в незнакомом мире в одиночку слишком непросто. Да и вообще мне отчего-то непременно хотелось, чтобы охотница постоянно вертелась где-нибудь рядом, хотя бы в радиусе метров десяти. Скучаю, что ли, потихоньку… или волнуюсь? А может, посерьезней что?

Тем временем женщины принялись деловито сортировать весело пинавшую мяч малышню и гнать свои чада по домам. Я пообещал мужикам, что с таким составом кубок Лиги чемпионов точно наш, и направился к речке — решил умыться.

Доски деревянного пирса поскрипывали под ногами, но

выглядели вполне надежно. Я нагнулся, набрал воды в ладони, ополоснул лицо. Мое отражение, несмотря на скорость течения, выглядело на удивление отчетливым. Затем оно прищурилось и на долю мгновения изобразило злорадную ухмылку. Я в недоумении обернулся:

— Мужики, а что это здесь… — Но громкий всплеск воды заставил меня вновь обратиться к речке.

Оттуда, вынырнув по пояс, показалась худощавая серая обтекаемая фигура со странным гребнем на голове, загнутым назад, и большущими выпуклыми глазами. Силуэт непонятной водянистой твари казался полупрозрачным. Через его тощее тело можно было различить желтые колосья пшеницы, колышущиеся на противоположном берегу речки, глубокое синее небо и небольшие перистые облачка вдалеке, у самой линии горизонта. Внезапно скользкая рука существа ухватила меня за шиворот и мощным рывком утащила вслед за собой в воду. Стремительный водоворот захлестнул с головой…

…Сознание вернулось ко мне в крайне странном месте. По сравнению с ним самолетный ангар смотрелся бы собачьей будкой для мопса. На первый взгляд казалось, будто я очутился в огромной темной пещере с высоченным потолком. Из множественных щелей в неровных стенах торчала субстанция, похожая своей причудливой формой на застывшую лаву. Это вещество распространяло желтоватое свечение, благодаря которому и можно было частично рассмотреть все необъятное пространство на многие метры вокруг. Почти все: дальняя стена, лишенная осветительной техники, терялась во мраке.

Осознав, что мое тело находится в вертикальном положении, я посмотрел, кто мне в этом способствует, и ужаснулся. Под руки меня держали две пачвары! Если бы я и захотел еще когда-нибудь увидеть этих милых представителей нечисти, то лишь издалека и в прицел снайперской винтовки. Больно уж они смахивали на фотографии людей, утонувших в торфяных болотах тысячелетия назад. Только у пачвар кожа была опалесцирующего черного цвета, сухая и шелушащаяся. А в остальном — полное соответствие: черепа, туго обтянутые кожей, пустые глазницы, тонкие жилистые конечности. Несмотря на кажущуюся хрупкость организмов, твари стояли на земле твердо, держали меня крепко и даже умудрялись постоянно чесать свои сутулые телеса незанятыми руками. Еще я заметил то, что с первого взгляда не бросалось в глаза: их гениталии были прикрыты сливающимися с цветом тела темными повязками. Ишь ты, культурные какие!

Увидев, точнее, почуяв, что я проявляю активные признаки жизнедеятельности в виде вращения выпученными глазами и

головой по сторонам, один из монстров разинул пасть и принялся громко сипеть, словно астматик во время приступа. Через несколько минут откуда-то сверху, из-под самого свода, раздался тихий шелест, и вскоре перед нами величественно приземлилось странное существо, разодетое в груды черной складчатой одежды. Внешний вид его лица чем-то напоминал черепушки пачвар, но при этом отражал тяжкое бремя интеллекта. Возможно, дело было в красных светящихся угольках, которые торчали у загадочного типа вместо глаз. Или в горбатом, как верблюд, носу, который наглядно отличался от вздернутых обрубков остальных тварей. А может, эффект вызывала блестящая серебряная корона, важно торчащая у него на голове.

— Приветствую тебя, чужеземец! — прошипел незнакомый дяденька, и крупные бородавки на его выступающей нижней челюсти затряслись в такт словам.

— И вам не хворать, — отозвался я, глядя с подозрением.

— Рад встретить здесь тебя, второй Великий Пришелец.

— Не сказать, чтобы взаимно. Чем обязан, если не секрет?

— Ох! — существо всплеснуло руками. — Он еще спрашивает! Сначала появился из пустоты, убил моих волколаков, целый день в лесу вчера мозолил глаза всем, кому не лень. И при этом до сих пор остался в живых. Неудивительно, что я так спешил познакомиться с тобой поближе.

Казалось бы, обычная фраза. Но благодаря колоритному шипению этой модифицированной пачвары она приобретала крайне зловещий оттенок.

— А я смотрю, ваши личные шестерки оперативно работают: вы тут в курсе всех событий, — заметил я.

Существо разразилось неестественно странным свистящим хохотом:

— Я знаю обо всем, что происходит на Поляне! Приспешники моего учения есть в каждом городе, в Сейме Чароведения, в свитах этого несчастного князя и короля Ванко.

— Очень перспективно. Правда, сам-то ты здесь, — съехидничал я, однако лишь для того, чтобы вытянуть из этой твари больше информации.

— Да, здесь, — злорадно прошипел мой собеседник. — Но ненадолго. Скоро я и мои творенья выйдем на просторы и сделаем всех этих невежд нашими братьями.

Существо при этом широко раскинуло руки, явно упиваясь безграничностью собственного величия.

— Смотрите, чтобы эти невежды вас не сделали своими сестрами, — намеренно продолжал я сомневаться в способностях нечистого.

Пускай понервничает, побрызжет слюной! Пускай пробует доказать, что у него все получится. А главное — как он планирует этого добиться? В наш век информационных технологий кому, как не мне, знать простую истину: кто осведомлен — тот вооружен. А уж каким образом использовать полученные данные — потом решим. Сейчас главное — что вроде убивать меня пока никто не собирается. Ну и чудненько. Можно дальше развесить уши.

— Да что они против меня? — возразило чудище. — Ты хоть знаешь, кто я такой?

— Наслышан. Кащер, — предположил я, и сразу добавил зачем-то: — Бессмертный.

— Правильно! Бессмертный! — с энтузиазмом подхватил колдун. — Радзивилл Первый, сам того не подозревая, преподнес мне истинно княжеский дар, когда отправился в свой последний поход по Вескеру в глубь леса. Он достался мне живым! Представляешь? Мы много общались, Мстислав оказался незаурядным, очень интересным человеком. Я долго выяснял, чего в пришельце такого необычного и особенного, почему чары не действуют на него? И, знаешь, почти выяснил! Но в один прекрасный день старый князь умер у меня на руках. И я, некогда лучший целитель Мидлонии, не смог ничего сделать. Чары бессильны. Зато благодаря Радзивиллу я все-таки узнал, как сделать их едва действенными против меня. Да, мой организм, как и у всех моих творений, раньше непросто было уничтожить сталью, а теперь еще и чарами!

— Непросто, но все-таки можно. Слыхал я кое-что про некие специфические доспехи, — вспомнился мне рассказ Скокса.

— Да, были такие, — согласился нечистый, погрузившись в далекие воспоминания. — Как же давно все это произошло. Те четыре напыщенных индюка, Верховные Волшебники Сейма, которые пытались меня остановить, даже пикнуть не успели, когда я уничтожил их тела. Но с могуществом так просто не совладать. Оно перетекло в доспехи Верховного чародея — это я почувствовал. Поэтому догадался спрятать их на бескрайних просторах Поляны еще до того, как меня изгнали в лес, и успел наложить мощнейшие охранные чары в этом месте. Тот, кто проберется к доспехам, повстречается со своим сокровенным страхом из самой глубины души, а после умрет!

— Впечатляет… — Я тем временем потихоньку начал уже догадываться о причине, по которой здесь находился.

С князем этот фанатик недоработал насчет иммунитета к чарам, а тут очень кстати объявился еще один экспериментальный материал. Что ж, если так и есть, то, по

крайней мере в ближайшем будущем, никто меня точно убивать не станет. Я решил задать еще один провокационный вопрос:

— Предположим, с чарами все ясно — повезло тебе на этом фронте. Ну, а насчет стали? Преувеличиваешь! Помнится, двух твоих волколаков я нарезал, как цибулю в суп.

— Хм, на этом фронте, похоже, повезло тебе, — Кащер призадумался. — Я осматривал их трупы. Ты слишком удачно поразил в сердце одного и обезглавил другого. Понимаешь, наши ткани стремительно растут и восстанавливаются. Если не задеть жизненно важных органов — мы гораздо быстрее людишек становимся на ноги. Еще будучи простым смертным, я изучал природу кое-какой болезни. При осмотре умерших изнутри оказывалось, что один или несколько органов были поражены особой тканью. Она происходила из того самого поврежденного органа, росла быстро и вскоре переходила на другие места, распространялась, цеплялась за все живое вокруг и разносилась кровью по всему телу. Я долго пытался бороться с этими тканями, давить их развитие чарами, пока меня наконец не осенило! И я — наоборот, начал способствовать их быстрому росту: тем самым по всему организму проходила волна чудесного перерождения, и все видоизменялось, каждая часть человеческого тела по-своему. Мозг, желудок, печень, кровь, кости — все это становилось на порядок более совершенным! В результате появились те, кого вы называете пачварами, — уникальные создания! Быстрые, живучие, умные и дисциплинированные. Я понял, что это — настоящая людская природа, просто еще не пришел час ей полностью открыться. Самые могущественные боги — Велес и Перун, — они дали мне в руки силу! А жалкие людишки пока не доросли до понимания своей истинной сущности. Я пытался им помочь, но они нас отвергли. Они безжалостно изгнали нас. Зато в лесу мне повстречались верные союзники — волки. Эта раса готова воспринять правду и смело идти с моим учением рука об руку. А теперь я чувствую: пришло время! Время вернуться и сделать так, как должно быть в этом мире.

Вот это да! В голове не умещалось все, что открыл мне сейчас колдун. Этот упырь, оказывается, из несчастных онкологических больных делает ужасных монстров! Да еще и называет их венцом творения! Тоже мне эталоны: безглазые, постоянно чешущиеся, угрюмые и, по идее, учитывая зверский метаболизм, вечно голодные. Если некоторые земные знатоки называют генную инженерию кощунством над человеческими ценностями, то что бы они сказали на последствия подобных экспериментов? Таких извращений даже в Голландии не осмелились бы легализовать!

— Жаль, что не у всех людей есть возможность принять нашу

сторону, — продолжал колдун. — У многих просто нет склонности организма к такому перевоплощению. Моим заклинаниям не за что зацепиться, чтобы начать процесс.

— Как не за что зацепиться? — оторвавшись от своих мыслей, удивился я. — Насколько мне известно, в организме любого человека чуть ли не каждый день происходят тысячи таких мутаций на клеточном уровне, просто атипичные формы благополучно гасятся иммунитетом.

— Как это понять? — Кащер недоверчиво насторожился.

Я не мог поверить, что человек, всю жизнь посвятивший себя изучению страшного недуга, не заметил подобной особенности его течения.

— Ну, мы все состоим из очень маленьких клеток. Их миллиарды. И вот из них некоторое количество в день изменяется, они становятся способными дать начало раковой опухоли. Но в здоровом организме особые клетки иммунитета убивают их. А в нездоровом измененные клетки начинают бесконтрольно делиться, подбивают на сие дело своих подруг и образуют опухоль. Поэтому нельзя есть много копченого, генно-модифицированного, курить и отдыхать рядом с ядерными взрывами. По крайней мере, так в какой-то брошюре было написано.

— Да? — Колдун встрепенулся, а затем принялся нарезать круги, активно размахивать руками, рассуждая вслух: — Если это на самом деле так, то я могу немного утончить схему рисунка, измельчить сеть поиска, да в конце концов зайти с двух… Нет! С трех проекций! — Дальше пошел невнятный свист, и последовало торжественное восклицание: — И тогда каждого! Каждого я смогу принять в наше братство!

Вот черт! И что ж я сделал? Только что без задней мысли открыл врагу военную тайну. Стыдно должно быть выходцу с необъятной родины Штирлица! И повернулся же язык похвастать эрудицией… В школе надо было умничать!

— Послушай, пришелец… — начал было колдун, однако замялся и спросил: — Как тебя по имени?

— Арсенал, — грустно признался я.

— Арсенал, ты просто неоценим для нас. Присоединяйся к братству, и вместе мы покорим этот мир!

— Когда покорите? После дождика в четверг? Людей-то много, а вас? Сидели бы в своем лесу да почесывались под солнышком. Чего на лезвия ломиться? — Я сделал вид, что как бы не возражаю, но в целом обстоятельства против нас.

— Ты меня совсем недооцениваешь! — возмутился Кащер. — Все давно спланировано. Я же говорил — в каждом городе у меня

есть последователи. Причем на самых высокопоставленных местах. Перевоплощение увеличило мощь не одного волшебника. Многие хотят владеть такой силой. Слушай меня внимательно. Мидлония и Казмад на волоске от войны, и мои люди, советники властителей, вот-вот подтолкнут их к роковому сражению. А когда битва закончится, из леса выйдут мои творения, и люди, до предела изможденные схваткой, окажутся легкой добычей! Мы наконец установим правильный порядок.

— Я смотрю, у вашей организации длинные руки. Но все равно. Откуда ты знаешь, сколько людей останутся способными обороняться до конца? У тебя ресурсов хватит? Всех твоих пачвар да леших?

— Лешие неподвластны мне, как и остальная, исконно лесная нечисть. Я могу лишь просить их об услугах — как того водяного, что притащил тебя сюда. Но не более. Зато моих братьев, волколаков и наших союзников — лесных волков, будет вполне достаточно, чтобы одолеть целую армию одной из стран. Тем более ослабленную предшествовавшей войной. Нас меньше, но мы сильнее, сплоченнее, выносливей. И у нас есть один козырь, из самой глубины, заветных недр лесной чащи. — Колдун повернулся ко мне спиной и негромко прошипел, однако этот звук, отбиваясь эхом от стен пещеры, становился все более громким и пугающим из-за неестественного искажения: — Цмок!

Через несколько мгновений с неосвещенной стороны пещеры вдруг раздался низкий утробный рев, буквально сотрясший стены, словно там дергали клаксон гигантского парохода. Издалека на огромной высоте появились три узких змеиных головы нереальных размеров и стали приближаться к нам. За головами, гибко извиваясь, потянулись длинные мощные шеи, а за ними вослед из мрака выплыло потрясающе огромное чешуйчатое тело. Чудовище, расправив гигантские перепончатые крылья, взмыло вверх и плавно приземлилось на задние лапы в нескольких метрах от нас, обдав потоком воздуха.

— Это Цмок, — гордо представил товарища чародей.

Я таращился на пятиэтажного Змея Горыныча во все глаза и краем сознания отмечал, как от страха дрожат коленки.

— Зачем нам этот человечишка? — заговорили басом три головы одновременно.

Коленки затряслись еще сильнее.

— Это Арсенал. Он из другого мира и очень полезен для нас.

И тут я полезен, и там, на Поляне, Горлан то же самое говорил, — прям нарасхват мальчишка. Ну а что вы хотели? Дефицитный товар, поставки редкие — по одной штуке раз в двести лет. Сам-то по себе я человек обыкновенный, можно

сказать, даже никчемный, — а тут вон как! В чужих умелых руках даже пригодиться могу.

Глядя на Цмока, я догадывался, что полянцам придется совсем туго, и даже начал сомневаться, чью сторону принять.

— Ну как? Впечатляет? — Колдун явно был доволен произведенным эффектом. — Между нами союз. Цмок помогает нам завоевать Поляну, а я чарами превращаю его в одного из нас — в любой момент, когда он захочет. Все мы не вечны, но мои перевоплощения намного продлевают жизнь.

— Он огнем плеваться умеет? — украдкой, почти шепотом спросил я.

Отчего-то мне показалось, что узнать об этом просто жизненно необходимо.

— А что, должен? — удивился Кащер и обратился к чудищу: — Цмок, ты разве можешь управлять пламенем?

— Нет, — отрезал гигант, ковыряясь короткой передней лапой в носу одной из голов.

— Какой ты тогда, к черту, Змей Горыныч, — разочарованно вздохнул я. Хотя от того, что Цмок не имел пиротехнических наклонностей, значительно легче не становилось.

— Ну, что скажешь, Арсенал? Присоединяешься? — Колдун с нетерпением ждал ответа.

И что ему отвечать? Вряд ли, если я откажусь вступать в союз, Кащер отпустит меня со словами: «Жаль! Ну ладно, иди восвояси». Я был напичкан ценной информацией по самые уши, поэтому с таким грузом беззаботно ускользнуть мне явно не позволят. Согласиться — значит подписать договор на взятие колдуном в аренду моего тела в качестве подопытного кролика. Плюс парочка-другая модных идей нашего мира.

— Это серьезное предложение. Мне надо подумать, — наконец ответил я.

— Да чего тут сомневаться. У людей нет никаких шансов!

— Он отказывается повиноваться? — Все три головы Цмока в одно мгновение оказались в метре от меня.

Каждая из них была размером чуть ли не в человеческий рост. Я попытался инстинктивно сделать шаг назад, но пачвары невозмутимо продолжали держать меня за руки.

— У нас так принято, — неуверенно влепил я свою традиционную для здешних мест отмазку. — Перед принятием серьезного решения сутки на раздумье. Я уже почти согласен, только не надо на меня давить.

— Ладно, — поразмыслив, согласился чародей. — Тогда завтра, не позже. Уведите его.

Пачвары дружно потащили меня спиной вперед, так что всю

дорогу до выхода из пещеры я мог видеть удаляющуюся тушу Цмока и черную фигуру колдуна, освещенных тусклым желтым светом.

Нечистые долго водили меня причудливыми серыми коридорами, винтовыми лестницами и мрачными холлами без всякого убранства и мебели. Мимо постоянно шмыгали по своим делам их собратья с волколаками, впрочем, не обращая никакого внимания на нашу троицу. Наконец мы очутились в небольшом помещении, половина которого была отгорожена решеткой. Твари бесцеремонно швырнули меня в обезьянник и захлопнули клетку на засов. Одна из них осталась сторожить, присев рядом с выходом из комнаты. У меня остались лишь сутки на размышления.

На душе стало невыносимо грустно. Сколько я уже в этом проклятом мирке? Четыре дня? А ощущение такое, будто появился здесь вечность назад. Как же хорошо было дома! Хотя… чего хорошего? Жил один в неопрятной съемной квартире, работал ночами в коллективе отбитых на всю голову вышибал, друзей вообще не было, только знакомые. Не считая Шамана. Да и то — странноватый друг, вечно себе на уме. И чего я добился? К чему стремился? Чего в жизни сделал толкового? Ни-че-го! Сто процентов, меня, кроме Сашки да хозяйки квартиры, никто даже не хватился. Был человек — и нет человека, подумаешь. Единственный светлый лучик за последнее время — это Арлета. Как же хорошо нам было вместе! Эх, будь у меня возможность все изменить — я бы не задумываясь ею воспользовался. И с чистого листа жизнь заново начал. Мы могли бы жить в маленькой хижине на берегу очень тихой реки. Как в песне. Арлета ходила бы на свою любимую охоту, а я… хозяйством, что ли, занимался? Нет, это уже бред какой-то. Ну да ладно, а теперь в перспективе что? Мрачное существование в темных лабиринтах по соседству с отвратительными монстрами. С ними даже поговорить невозможно. А их сумасшедшего создателя лучше вообще не встречать на пути. Тоже мне Гитлер и ненаглядные арийцы. А если Кащер исполнит свой жуткий план? Это ведь более чем реально, в компании с гигантским змеем. Что тогда? В этом мире не останется ни одного нормального человека — одни пачвары. Меня, как сейчас, посадят в клетку, и будут показывать маленьким пачваренышам. А потом съедят, когда надоем, или по пьяни на закуску пустят. До чего я докатился? Стало невыносимо жалко себя и, стыдно признаться, жутко захотелось плакать.

— Ветер был прав: мы снова встретились, — раздался рядом смутно знакомый грубый голос.

Я поднял глаза. Напротив решетки стоял тот самый волк, с

которым давеча мы познакомились в лесу. Видимо, поиздеваться наведался.

— Какой у вас ветер всевидящий. Научи меня с ним разговаривать, — язвительно ответил я.

— Со мной поговоришь. Вставай, нас ждут дела.

— Великие?

— Ветер говорит — да.

Что ж, любопытно. Учитывая тот недвусмысленный разговор в лесу про нечистых. Тогда я подумал, что волки не слишком рады им. Хотя Кащер утверждает обратное.

Я поднялся. Зверь обернулся к стражнику и тихо рыкнул. Тот неуверенно подошел к решетке. Волк поднял переднюю лапу и прижал пачвару к прутьям. Из груди нечистого вырвался приглушенный сип.

— Убей его, — приказал серый.

— Как? — Я был слегка ошарашен происходящим.

— Быстро убей его! Сверни ему шею!

Я просунул руки сквозь прутья, аккуратно, словно фарфоровую, обхватил голову нечистого и резко рванул вокруг оси. Раздался хруст ломающихся позвонков, хищник отпустил тело пачвары, и оно мешком обвалилось на пол. Ничего сложного, как оказалось. Зверь вновь поднял мохнатую лапу, чтобы открыть засов.

— Ты что делаешь? — Моему удивлению не было предела.

— Вызволяю тебя. Или понравилось?

— В гробу приятней.

— Тогда следуй за мной.

Мы бесшумно крались вдоль холодных, мрачных коридоров. Хищник постоянно тянул носом воздух, на основании чего делал выводы — двигаться дальше или затаиться. Издали периодически доносились звуки шагов, но на пути нам никто не повстречался.

— Говоришь, не по нраву тебе тут? — мимоходом спросил зверь.

— Ну да. Не очень комфортная обстановка. Дизайн хромает…

— А мы здесь больше века. Живые. Среди отродий, само существование которых противно природе. А что этот сумасшедший делает с теми из нас, кто близок к смерти?! Превращает в отвратительных волколаков, и все мои братья счастливы, если ему не удается. Вас, людей, ожидает та же участь, даже хуже. Мы просто смирились — притворяемся союзниками, ждем своего шанса. Теперь ты знаешь все. Мы пытались предупредить хотя бы ту охотницу. Но она даже на пять аршин нас не подпускала. Найди доспехи. Выманите колдуна из леса. Убейте его. Мы поможем. Пусть все станет на свои места.

Волкам — лес, людям — Поляна. Исчадиям — смерть.

Вот оно что! Черный король решил, будто серые пешки будут служить верой и правдой, но не учел, что с таким же успехом они могут принять белую сторону. Причем без его ведома и находясь постоянно в угрожающей близости. Надо же, кому рассказать — не поверят! И это, между прочим, еще та проблема. Хотя всем подряд, конечно, таких новостей тоже рассказывать не стоит.

В очередном ответвлении разгуливал солидный сквозняк, и стало ясно, что выход совсем рядом. Через пару поворотов мы вышли в следующий коридор, противоположный конец которого венчало долгожданное отверстие на волю.

— Теперь самое сложное, — предупредил серый, — на выходе всегда двое дозорных. Они своего поста ни за что не покинут до конца смены. Ты должен убить их сам.

— А ты? Почему не поможешь?

— Если я вмешаюсь, колдун увидит на трупах следы когтей и клыков. Ты должен сделать все один, чтобы не вызвать подозрений. Мы потом скажем, что тебя загнали на болото кикиморы. Никто не сможет проверить. Ясно?

— Ясно. — Я сделал пять глубоких вдохов и сжал кулаки. — Ну, что ж, тогда вперед, за свободу!

Продвигаясь к выходу, я все время пытался накрутить себя, разозлить, войти в то спасительное состояние боевого транса, разжигаемое потоками адреналина, но ничего не получалось. Шаман часто говорил, что хладнокровие и расчет в таких ситуациях гораздо полезней, однако в моем организме эти несомненно положительные качества тесно соседствуют с желанием позорно ретироваться. Благо, приступы ярости в последнее время все чаще стали посещать меня по поводу и без него, что, в принципе, позволило в узких кругах закрепить за собой авторитет безбашенного в случае опасности отморозка. Но сейчас, несмотря на все старания, вскипятить сознание никак не получалось. Никто не давал повода.

Я вышел наружу и оказался на небольшой ровной площадке, торчащей из поросшего мхом склона огромной скалы. Была ночь, но яркая луна, как обычно, мягким сиянием освещала окрестности на многие километры вокруг. Верхушки древних елей колыхались внизу, и лишь самые высокие из них едва достигали уровня плато. Кругом простирался лес, до самого горизонта. Похоже, занесло меня вглубь основательно, раз пика этой горы не было видно с Прилесья. Судя по всему, обратный путь затянется надолго, хотя сейчас не это главное.

Меня ждали. Дозорных, как и обещал серый, было двое. Пачвары уже стояли ко мне лицом, ссутулившись больше

обычного, и широко раскинули длинные лапы с торчащими из них острыми когтями. Эх, а мои-то где? Ощутив, что вместо долгожданной злобы меня тяжелым грузом накрывает страх, я съежился в боевую стойку.

Один из монстров широко разинул пасть, коротко прошипел, и они одновременно ринулись в атаку. Первый шквал нападения мне удалось отбить, отделавшись порванной в нескольких местах одеждой и парой неглубоких царапин. Зато свободной от кровавого тумана голове удалось сделать несколько выводов. Во-первых, у пачвар имелись явные преимущества: скорость, хваткость, выносливость и сила. Двигались они довольно резво, цеплялись за любую попавшуюся под руку часть тела, стремясь разорвать ее на куски, и даже не думали утомляться. Но недостатки у тварей тоже водились: полное отсутствие техники плюс крайне маленькая весовая категория. Действительно, стиль у соперников был достаточно немудреным и однообразным — подскочить, схватить и порвать или укусить. Хотя этого вполне могло им хватить, если бы я сам двигался чуть менее расторопно. Пока же все попытки тварей быстро ликвидировались грамотными уходами и точными контрударами в голову или по корпусу. Их легкие тела эффектно отлетали на пару метров и шмякались о землю, правда, тут же вскакивали и без устали рвались в очередную атаку. А я уже начинал потихоньку выдыхаться. Пришло время кардинально менять избранную тактику. Сначала я подумывал сбросить уродцев с площадки вниз, однако сразу отмел эту идею — их крепкие организмы вполне могли выжить после падения и впоследствии помешать дальнейшему бегству, или вообще втихаря увидеть чего не следует и настучать своему хозяину. Нет! Исключительно верняк, с контрольным в голову.

Пришлось переходить к наступательным действиям. Для начала я позволил схватить себя за руку одному нечистому и словчился садануть ему пяткой в коленный сустав опорной ноги. Прием удался мне ценой почти насквозь пробитого когтями предплечья, поэтому зашипели от боли мы одновременно. Монстр подкосился на переломанной конечности и рухнул, а его напарник кинулся мне на спину и впился зубами в шею. Я не заверещал лишь потому, что разум подсказывал не афишировать всему лесу того, что сейчас происходило на небольшой каменной площадке. Со сдавленным рычанием я схватил голову пачвары, случайно пальцами наткнулся на пустые глазницы, засунул их туда как можно глубже и сжал изо всех сил. Что-то хрустнуло, хватка монстра ослабла. Я, не высовывая пальцев из головы урода, выхватил его из-за спины, как японцы меч, и с размаху

влепил черепом о землю. Все, у этого товарища ко мне вопросов больше не имелось. Зато партнер на всех парах и трех ногах уже спешил расквитаться за друга. Я встретил эту передвигающуюся на карачках развалину мощным ударом ноги. Пачвара отлетела назад и распласталась на спине, глухо громыхнув костями по камням. Не давая ей опомниться, я высоко подпрыгнул, поджав ноги под себя, и резко выпрямил их, приземлившись на голову врага. Раздался приглушенный хлопок, и все закончилось. Обе пачвары благополучно испустили дух. А волна боевого азарта, так невовремя появившаяся, лишь начинала набирать обороты. Хотелось рвать и метать, схватить какой-нибудь камень и идти крошить черные черепа. Мой пыл остудил грубый голос лохматого спутника:

— Цел? Проверь. Ты нам всем нужен живым. — Волк уже вынырнул из горного коридора.

Я отдышался, успокоился, пощупал поврежденную руку и шею, покрутил ими — все нормально, нервы не задеты. Кровь из ран, конечно, текла, но не свистала фонтаном. Значит, артерии тоже целы. Обойдемся пока без жгута на шею.

— Порядок, — выставил я диагноз.

— Очень хорошо. Теперь нужно спешить. Скоро их тут много соберется. Дорога неблизкая. — Волк двинулся к обрыву. — Ты молодец, хорошо сражался. Оставил много своей крови. Все подумают, что ты был один.

Я направился за зверем и увидел едва заметные высеченные в скале ступени, ведущие вниз. Несмотря на их маленькие размеры, серый довольно лихо начал по ним спускаться, и я постарался не отставать.

— Послушай, у тебя имя есть? — поинтересовался я в дороге.

— Есть.

Я думал, что волк мне сейчас его назовет, но мы продолжали спускаться молча. Так и не дождавшись ответа, я вновь спросил:

— И какое? — Спустя минуту тишины вопрос прозвучал глупо, но, еще глупее, считаю, было бы не спросить.

— Варррык. — Серый протянул букву «р».

— Это имя, что ли?

— Да.

— Хм… а мне сначала показалось, что ты ругаешься… — И вправду странноватое оказалось имечко.

Хотя для волка, пожалуй, в самый раз. Я тоже решил представиться.

— В нашем мире меня зовут Арсенал!

— А в нашем?

Я слегка смутился. Действительно, как будто меня здесь по-

другому величают.

— Тоже Арсенал.

— Тогда к чему такое пафосное вступление? В нашем мире, в нашем мире… Вы, люди, — странные создания.

— Ты так утверждаешь, будто всю жизнь вахтером проработал и людей самых разных повидал.

— Чего тут такого? — не понял волк.

— Просто, понимаешь… возьмем, например, женщин. Или самок. Ну, как у вас прекрасный пол называть принято? — Я начал увлеченно размахивать руками, рискуя потерять равновесие. — Так вот они — тоже весьма специфические личности. Но одно дело, когда об этом скажет Джованни Джакомо Казанова или Дон Жуан или, на худой конец, я. У нас, знаешь ли, на троих всяких разных дам о-го-го сколько было! Есть из чего делать выводы. — Тут я, конечно, конкретно слукавил: мой-то вклад в общий зачет более чем скромен. Ну и ладно, продолжим. — А другой вопрос, когда так начнет говорить какой-нибудь прыщавый лаборант, у которого мнение о женщинах складывается исключительно на основании общения с любимой мамочкой и двумя страшными сотрудницами. Я клоню к тому, что познакомился бы сначала с нами поближе, а потом уж решал, странные мы или нет. Понятно?

— Мне просто удивительно наблюдать из леса за мелкими, гладкокожими и трусливыми созданиями, которые ходят на задних лапах и разговаривают. А пообщаться с одним из них — тем более удивительно. Вот и все. Вы просто не такие, как мы.

— Это кто трусливый? — возмутился я, пропустив остальную фразу волка мимо ушей. — Это мы, что ли, боимся шайки черных страшилищ во главе с полностью сумасшедшим колдуном и притворяемся их союзниками? Мы вас о помощи просим?

— Тихо, не кричи, — спокойно осадил меня Варрык. — Волшебники очень сильны, но колдуны еще сильнее, хоть их и немного. А волки не трусливы. Мы — осторожны.

— Осторожны, — незаметно скривился я, хотя, конечно, понимал, что серый прав.

Начали противно ныть раны, слегка закружилась голова. Как бы еще заражения не схлопотать. К местным микробам, в отличие от чар, мой организм вполне может быть восприимчив.

Лестница привела нас к небольшой вытоптанной полянке в лесу. Зверь остановился и в очередной раз принюхался, затем опустился брюхом на землю.

— Залезай, — скомандовал он.

— Куда?

— Ну не на дерево же. На спину!

Долго уговаривать не пришлось, и я с радостью оседлал громадного зверя. Вот это да! Я ведь и на лошади-то никогда не катался, а тут — нате вам. Ночная прогулка по лесным дебрям верхом на волке! Если с серым договориться, то можно вообще потом устроить платный аттракцион. Народ в очередь за три месяца придет записываться, сто пудов!

— Держись, — хмуро произнес Варрык. Вот он был явно не в восторге от предстоящего турне.

Я вцепился руками в лохматый загривок, и мы стремительно понеслись в чащу. Путешествие оказалось не столь приятным, как я ожидал поначалу. Волк на бешеной скорости прыгал из стороны в сторону, перескакивая овраги, буреломы и прочие неровности ландшафта. Мало того что за насиженную позицию мне приходилось постоянно бороться со всеми законами физики, так еще и колючие ветки регулярно хлестали прямо по лицу. А то, что поездка может окончиться летальным исходом, я осознал, когда пару раз чуть не оставил в память о себе лесным обитателям свои мозги на низко торчащих сучьях. Пришлось изо всех сил вжаться в пушистую спину лихача.

Прямой рейс «Обитель нечисти — Прилесье» шел долго, с частыми остановками на пронюхивание окрестностей, и в итоге оказался не таким уж прямым. Едва я приноровился к бешеной тряске и даже начал получать сомнительное удовольствие от езды, как мы остановились. Варрык опять просканировал местность своим феноменальным обонянием.

— Слезай, — велел он.

— А трап?

— Что? — недовольно рыкнул серый.

Я понял, что лучше не задерживаться, и мигом спрыгнул.

— Дальше пойдешь один, — продолжил волк, — осталось немного. Скоро выйдет солнце, двигайся на восток. Пока рядом чисто, но все равно! Смотри в оба, опасности избегай: если до рассвета попадутся пачвары или волколаки, постарайся уйти незаметно. Не получится — убей. Полянами не ходи — скорее всего, кладник. Услышишь странные звериные звуки или смех — не бойся. Это кикиморы. Веди себя уверенно, и они не нападут. Встретишь женщину — беги что есть мочи, иначе умрешь. Это лихоманка. Леших сложно не заметить. Они неповоротливы. Просто держись подальше. Другая нечисть в этих краях редко водится. После того как выйдешь — придумай, что сделать, чтобы убить колдуна. Решай по ходу. Для начала найди доспехи. Все.

— А как же Цмок? — вспомнил я. — С ним как быть?

— Не знаю. Придумаем что-нибудь. Главное — избавиться от Кащера.

— Звучит перспективно. А ты? Что сейчас делать собираешься?

— Я возвращаюсь. Подниму тревогу и организую погоню за тобой. Мы подстроим так, будто ты утонул в болоте. Все, нет времени. Прощай.

Волк развернулся и одним гигантским прыжком скрылся в зарослях.

— Прощай, — уныло бросил я всколыхнувшимся за хищником ветвям кустарника.

Надо же, как все просто на словах у этого лесного воротилы. Пойди туда, не знаю куда. Найди то, не знаю что. А для начала из леса выберись. Конечно, ведь прогуливаться здесь вполне безопасно — будто я вокруг опорного пункта милиции круги наворачивать буду. А насчет нечисти каков инструктаж?! Встретишь толпу пачвар — убей всех к чертовой матери. Ха, какие проблемы? Я же в танке! Кикимор, говорит, не бойся! Я и так жаб всяческих недолюбливаю, а уж к тем, которые размером с человека, отношусь весьма негативно. Вплоть до зуда в сверкающих пятках. Ну уж нет, если кого-нибудь особо дружелюбного встречу — сразу взберусь на первое попавшееся дерево. Пускай потом пожарных вызывают и пробуют снять, как бабушкиного кота.

Недалеко, возле одного из стволов, я заметил очень симпатичную, будто специально подготовленную для меня заранее дубинку. Взяв ее в руки, я осторожно двинулся по направлению, указанному зверем. Н-да, деревянная коряга, конечно, не ахти какое оружие, но в любом случае с нею я чувствовал себя немного уверенней. Вообще никогда не понимал сцен в некоторых фильмах, когда человек с испугу бросает прочь пистолет или другой инструмент самообороны и панически дает деру. Что за бред? Нет, в плане убежать — я лично ничего против не имею, но при этом даже самую вшивую пукалку с одним патроном ни за что бы сам не выбросил, если она в состоянии сделать лишнюю дырку в теле супостата. То же самое относится к ножам, тесакам, лопатам и таким вот замечательным дубинам.

Крепко сжимая деревяшку, готовый в любую минуту разнести ее в щепки о первое попавшееся лицо или морду, я осторожно, стараясь не шуметь и прислушиваясь к каждому шороху, двигался в сторону Поляны. Моментами хотелось плюнуть на всю конспирацию и задать дикого стрекача в надежде проскочить все опасности на скорости. Тем более что в тишине грохот сердца, казалось, все равно выдает меня с потрохами всему лесу. Но пока сумасбродные желания получалось подавлять. Эх, знать бы хоть примерно, сколько идти осталось. Варрык, между прочим, вполне

мог возложить организацию погони на лохматые плечи какого-нибудь своего заместителя, а меня, раз я так для всех важен, в целости и сохранности доставить к деревне. Или, может, ему опять что-нибудь ветер в уши наплел? Мол, какие проблемы, старик, Арсенал сам спокойно дочапает, не маленький уже. И серый не стал возражать. Если так, то я этому умнику-ветру когда-нибудь отомщу жестоким образом. Например, воздух испорчу!

Вдалеке раздался истеричный смех кикиморы. Хорошо, конечно, раз вдалеке, но слышен он был прямо по линии движения, — а это не очень здорово. Еще этот не то смех, не то визг звучал как-то странно. Будто нечистую против ее желания лишали жизни. Кто ж так животинку мучает, Гринпис их раздери? Не иначе как серьезный лесной житель, поклонник французской кухни. Сказать, что стало страшновато, так же правдоподобно, как заявить, прищемив дверью палец, что немного побаливает. Короче, жутко стало настолько, что в горле образовался неприятный холодный ком. Похоже, на пути возникла нешуточная угроза. Я крался абсолютно бесшумно, правда, и скорость при этом была впечатляющей — как у беременной улитки. Через полчаса стало ясно: такими темпами можно спокойно и благополучно помереть от голода, не пройдя даже километра. Зато через плотный хвойный покров начали продираться первые солнечные лучики, и вокруг стало хоть не намного, но все же приятнее. К тому же уверенности и оптимизма прибавилось: в свете дня уже было различимо, где простой и безобидный куст или всего лишь трухлявый корч, а не затаившееся безмолвное тело нечистого. Тем более что рандеву с пачварой или волколаком становилось маловероятным. Ну, или увлеченно чешущейся твари запросто можно будет наколотить дубиной по темечку. Этой мысли я злорадно улыбнулся, воинственно потрясая оружием, и решил слегка ускориться.

Однако рано радуетесь, Арсений Владимирович… что это на вас так внимательно из кустов смотрит? Я остановился как вкопанный, глядя на мордочку смутно знакомого зверя. Однозначно из кошачьих, размеры средние, кисточки на ушах… Ого! Да это же рысь! Не знаю, стоит ли ее бояться, но думаю, зверек осознает, что полакомиться мной опасно для здоровья. Чего хочет в таком случае? Ответом на вопрос по бокам зашуршали кусты и показались еще две сообразительные мордочки. За спиной раздался похожий шорох. Все ясно — засада! Все уши мне прожужжали этими нечистыми, а о том, что здесь обычная хищная живность водится, — предупредить забыли. Вчетвером кошки, пожалуй, лихо могут справиться с человеком.

Тут мне даже чудесная дубина вряд ли поможет. И что делать? Вступать в драку или переговоры бессмысленно. Убегать? Так ведь окружили, во-первых, а во-вторых, чуть что — догонят мигом, как кирпич хулигана.

Пока я в недоумении размышлял, сзади донесся звук резкого движения. Пришлось тут же пригнуться и броситься в сторону. Тело кошки пролетело прямо над головой. Вторая рысь, моими стараниями, тоже промазала, и я вырвался из оцепления на оперативный простор. Было решено использовать универсальную в таких ситуациях тактику Джеки Чана: от противника убегаем, а в бубен получает самый резвый из них. Правда, не знаю, как она прокатывает с животными.

Вскоре на пути показалось очень удобное невысокое деревце, толстое и сухое, на которое просто руки чесались вскарабкаться. Да, знаю, рыси тоже умеют лазить по деревьям. Зато здесь они не смогут напасть одновременно, в порядке очереди получая по лбу подошвой кроссовки. Я взмыл на нижние ветви, схватился поудобней и приготовился отбиваться. Но тут произошел неожиданный поворот. Раздался душераздирающий скрип сухого дерева, а мое и без того не слишком надежное убежище принялось вертеться на месте, размахивая сучьями. Подбегавшие рыси в испуге бросились врассыпную. В не меньшем испуге я отчаянно захотел к ним присоединиться. Однако ветви, казавшиеся совсем сухими, тем временем проявляли удивительную пластичность, обвивая мои руки. «Лешего трудно не заметить», — вспомнились слова серого. Не знаю… Наверное, до этого Варрык встречал только леших-неформалов, с корой в металлических заклепках и крашеными листьями, а обычных и органичных вроде этого ни разу не видел. Пытаясь освободиться, я послал к черту всю скрытность и дико заорал, но цепкая деревяшка шансов не оставляла. Ветви, перехватывая по очереди, вздымали меня все выше, пока я не оказался на уровне острого окровавленного сука. Увидев его, я закричал еще сильнее. Деревянные щупальца немного отклонили мое тело назад, чтобы с размаху насадить на орудие убийства, но тут в крону, откуда ни возьмись, залетела горящая стрела. Сухие ветви мгновенно занялись пламенем. Вновь над лесом раздался скрип — на этот раз со страдальческим оттенком. Пылающий леший в приступе ярости чертил мною замысловатые окружности, пока наконец не отбросил в сторону. Смачно состыковавшись поясницей с могучей елью, я сразу вскочил, не тратя времени на стенания. Потом, дома от боли корчиться буду.

— Сюда! — донеслось сверху.

Задрав голову, я увидел Арлету, сидящую на пушистой

елочной лапе, и ринулся к ней, как Гагарин в космос. Не зря все-таки я верещал как сирена — вон чье внимание удалось привлечь. Охотница прижала меня к себе так, что шейные позвонки чуть не хрустнули, затем обхватила лицо ладонями и тревожно всмотрелась:

— О боги! Ты весь в крови! С тобой все в порядке?

— В основном да. Как ты здесь очутилась?

— Мне сказали, что водяной утащил тебя в реку и унес по течению в лес. Я сразу бросилась тебя искать. Слава Перуну, ты жив!

Кажется, я одно время думал, будто в Арлете что-то есть. Оказывается, я был неправ. В ней есть ВСЕ! Все, что нужно любому мужчине от женщины: красота, ум, преданность, да целая уйма достойнейших качеств! Ну, кто бы из наших мадемуазелей ринулся спасать меня в полный опасностей лес? Тут даже двух вариантов не надо, верный ответ ясен и так — никто! Прекрасно помню забавный случай возле клуба, когда двое товарищей мутузили ногами валяющегося парнишку, а рядом стояла барышня и невозмутимо курила. Когда мы оттащили драчунов от несчастного, выяснилось, что это его девушка флегматично табачила в сторонке! Чем не показательная ситуация? Быть может я, как и Варрык, делаю преждевременные выводы, но пока жирные плюсы в репутацию охотницы щедро насыпались моим сознанием.

— Не знаю, что и сказать, милая… ты просто чудо! Спасибо! — Я с благодарностью чмокнул Арлету, однако на продолжение сантиментов совсем не было времени. — Послушай, за мной идет погоня, нужно срочно уходить. Далеко еще до Прилесья?

— Около версты. А что случилось?

— Любопытной Варваре все посмертно рассказали. Веди домой, там все узнаешь. Так, надо только слезть…

— Нет, — Арлета остановила мою попытку десантироваться. — Пойдем верхом — так безопаснее.

— Как верхом? — Ушибленная спина предупреждающе кольнула, чуя неладное в виде акробатических упражнений.

— Смотри: расстояние между деревьями совсем небольшое, можно перепрыгивать с ветки на ветку. В лесу так лучше всего. И безопасней: никто из нечисти не доберется.

Я скептически осмотрелся. Ну да, в теории такое вполне возможно, только вот на практике может вылезти небольшая погрешность, из-за которой каскадеры зачастую обращаются к врачам. Ладно, посмотрим, как это выглядит.

— Хорошо, показывай… девочка, воспитанная белками.

Не успел я ухмыльнуться, как Арлета ловко перескочила на соседнее дерево, с него на следующее и еще на одно. Затем вскарабкалась немного выше, помахала мне рукой, предлагая присоединиться, и продолжила непринужденно порхать метрах в десяти над землей. Сразу чувствовалась либо ее тщательная подготовка на армейской полосе препятствий, либо вся жизнь, проведенная в кронах деревьев. Что ж, надо бы и мне попробовать. Мы с Шаманом, конечно, в такое детство на тренировках не впадали, однако не бежать же за охотницей, как верный пес, задрав голову и высунув язык. Так и в очередного лешего врезаться недолго.

Я сделал первый прыжок. Надо заметить, что ветви огромных елей, находящиеся ближе к земле, располагались не совсем под углом вниз, а скорее перпендикулярно стволу, выглядели толстыми и надежными. Местами они пересекались недалеко друг от друга, и на таких перекрестках даже прыгать было вовсе не обязательно. Поэтому обезьяний метод передвижения здесь вполне имел право на существование.

Сделав еще несколько прыжков, я понял, почему Арлета надевает в лес перчатки грубого пошива и одежду из плотной кожи, наглухо прикрывающую тело вплоть до подбородка. Контакт с подлыми зелеными колючками был фатально неизбежен. Один раз коварный пучок иголок зацепил рану на шее, и я чуть не потерял координацию от боли. Шансы выжить при падении с той высоты практически отсутствовали — только если бы я угодил прямо в полную грязи ловушку кладника. Хотя и там шансов не больше. Но, несмотря ни на что, в процессе у меня стало получаться все лучше и лучше. Арлета вроде как даже решила навязать мне какую-то негласную игру, выбирая для себя наиболее сложный маршрут. Ох, уж эти молодые гормоны, стремление показать себя с лучшей стороны, покрасоваться! Но самое странное — я сам пристроился за охотницей и следовал точь-в-точь как она, доказывая, что у нас тут не единственная королева лиан. В смысле — король тоже есть.

Наконец девушка совершила головокружительный прыжок на дерево, стоящее чуть поодаль, в небольшой низине. Оно, с виду невысокое и тощее, сиротливо ютилось в тени гигантских хвойных подруг, раскинув на удивление пышную лиственную крону, из-за которой абсолютно не было видно, куда прыгать. Плюс, настораживало расстояние. Вообще глупую игру мы затеяли, да еще и опасную для жизни. Хотя такое заявление в данной ситуации будет радостно воспринято как безоговорочная капитуляция, а ведь я крутой! По крайней мере, в глазах Арлеты именно таким и должен быть! Пришлось храбро прыгнуть. Полет

был просто захватывающим — до тех пор, пока я не вонзился в самую гущу. Раздался хруст ломающихся веток, мое тело перевернулось вниз головой, и я каким-то непостижимым образом зацепился за сук. Наверное, тем самым чудом. Приняв более-менее удобное положение, я отыскал взглядом Арлету. Она украшала собой сук неподалеку и с волнением наблюдала за мной.

— Извини, — быстро начала оправдываться она, — я, клянусь, первый раз в жизни решилась на такой безрассудный прыжок. Да и тебя за собой потащила. Не знаю, что на меня нашло…

Девушка выглядела грустной и растерянной.

— Все нормально, — поспешил я успокоить ее. — Сам виноват — поддался на провокацию. В следующий раз оба будем умнее. Просто желание выпендриться порой бывает сильнее инстинкта самосохранения. — Я усмехнулся. — Еще нашумели вон как! Все, теперь тихо и аккуратно. Поскакали.

Однако легко сказать. Деревце-то в низине, рядом ничего в пределах досягаемости не наблюдалось. Порыскав немного по ветвям взад-вперед, мы пришли к единому выводу — все-таки придется спускаться. Арлета первой направилась вниз, но я вовремя успел остановить ее:

— Стой! Быстро наверх!

— Что такое? — удивилась охотница, но при этом пулей вернулась обратно.

«Увидишь женщину — беги», — говорил волк. А именно женщину я сейчас и видел. Она уже стремительно подбегала к нашему дереву. Эта странная барышня была одета в одну рубаху до пят. Свои костлявые серые руки она воздела вверх, прямо к нам. Ее лица не было видно из-за ниспадавших на него длинных седых волос. Подойдя к дереву вплотную, женщина неистово принялась скрести длинными ногтями ствол, словно пыталась до нас добраться. При этом сама не произнесла ни звука.

— Лихоманка! — Голос Арлеты был полон отчаянного ужаса.

— Досюда не достанет?

Мы взобрались довольно высоко, но так, чтобы не выпускать нечистую из вида. Она тем временем принялась безмолвно ходить вокруг, шелестя опавшей листвой, а после уселась под деревом и принялась ритмично раскачиваться, по-прежнему простирая к нам свои кривые руки.

— Не знаю… — Девушка чуть не плакала. — Она не уйдет. Будет ждать, пока не спустимся или не умрем.

— Попробуй убить ее, — предложил я.

— Ее не убьешь обычной стрелой. Мы в ловушке!

— Иди ко мне, — донеслось снизу протяжное унылое завывание.

Да уж, ситуация не радужней, чем на Титанике. Либо попадаем в заразные лапы нечистой, либо дожидаемся погони Кащера, и тут Варрык вряд ли быстро сообразит, как нас отмазать. Хотя… кто сказал, что мы оба должны попасться к лихоманке? А что, если к ее инфекции у меня такая же устойчивость, как и к чарам? Я начал быстро инструктировать спутницу:

— Арлета, слушай, у меня очень важная информация для людей по поводу нечистых. Кто-то из нас должен обязательно ее донести. Сейчас я тебе все расскажу, а потом спрыгну вниз и отвлеку старую каргу. Возможно, ее болезнь, как и чары, не действует на меня. А ты — бегом в Прилесье. Быть может, все обойдется, и там свидимся.

Девушка все это время испуганно смотрела мне в глаза, шевелила губами, лихорадочно мотая головой.

— Нет! — воскликнула она. — Нет! Лихоманка убьет тебя! Не оставляй меня одну! Я боюсь!

Охотница крепко вцепилась в меня своими пальчиками.

— Мы должны, понимаешь? — строго рявкнул я. — За мной погоня! Если мы оба здесь погибнем — все на Поляне будут уничтожены!

— Нет! — Арлета еще крепче сжала руки. — Так не должно быть! Почему? Я только поняла, что такое счастье, и сразу должна его потерять! Я люблю тебя!

Ну, вот и все! В таком состоянии разъединить нас было под силу лишь ядерному заряду, прочно установленному прямо между нами. Никуда она меня не отпустит, да я и сам не пойду. И плевать на всю Поляну. С такой девушкой в объятьях не стыдно умереть. По крайней мере, можно попробовать переждать бурю эмоций, а потом вновь пытаться завести конструктивный разговор.

Я прижал к себе несчастную девушку, которая так поздно и так ненадолго почувствовала вкус настоящей любви, и она разрыдалась на моем плече. Всю жизнь терялся, если барышня начинает плакать, — вот и сейчас, как обычно, сидел, озираясь ошарашенно по сторонам, и молчал, как двоечник у доски.

Когда рыдания охотницы перешли в едва слышные всхлипывания, свысока до моих ушей донесся странный звук. Я глянул наверх и увидел плывущее в нашу сторону искрящееся облачко синего цвета. Оно подлетело почти к самому дереву, покружилось немного и выпустило яркой вспышкой молнию. Я тут же посмотрел вниз, чтобы увидеть, куда она угодила, и каково

же было мое удивление, когда нечистой у подножия не обнаружилось. Лишь горстка пепла осталась на том месте, где она недавно стерегла нас.

— Что за несносный пришелец? Не успел оставить на пару дней, как он уже по самые уши вляпался в неприятности! — Обладателя этого вечно недовольного голоса сложно было с кем-либо перепутать.

Шумно продираясь через густые заросли, из близлежащих кустов появился Скокс.

— Слезайте уже, горе-охотники. Все спокойно!

— Скокс! — радостно воскликнули мы с девушкой в один голос. А я добавил, спускаясь: — Если бы два дня назад кто-нибудь сказал мне, что я буду рад тебя видеть, штрафанул бы такого шутника рублей этак на сорок.

Когда мы наконец ощутили твердую землю под ногами, счастью Арлеты не было предела. Она бросилась обниматься, бормотать что-то нечленораздельное про чудо и продолжала плакать, только уже по другому поводу. Я, конечно, реагировал немного более сдержанно. А чего здесь такого? Подумаешь, опять спасся! За последнее время вполне можно было привыкнуть постоянно ошиваться на волоске от смерти. Надо будет обязательно при первой же возможности глянуть в зеркало — по ходу, я уже седой, как старый спецназовец, если они вообще доживают до старости.

Мы подошли к Скоксу, когда тот увлеченно ковырялся в своих кучеряшках, извлекая оттуда репей. Увидев наши нежности, он слегка вздернул брови, но потом произнес:

— Надо же. У пришельцев, оказывается, хороший вкус. Ну, давай рассказывай — какого лешего тебе в Прилесье не сиделось?

— Предлагаю обсудить это в более непринужденной обстановке. Тема серьезная.

— За ним погоня, — вставила охотница.

— Надо же! Даешь деру от стайки свирепых кроликов? — ухмыльнулся волшебник.

— Ладно. Присаживайся поудобней, — жестом предложил я чародею. — Посидим, потрещим. Действительно, куда торопиться? А в случае чего — ты ведь одним махом угрохаешь и стаю пачвар с волколаками, и отряд колдунов, и Цмока заодно. Смотри только волков не зацепи. Они — наши товарищи!

— Цмока? — Скокс недоверчиво нахмурился. — Откуда ты знаешь про Цмока?

— Я его собственными глазами видел и, надеюсь, в последний раз. Все очень серьезно, Скокс. Пошли.

— Что ж, пойдем, — согласился волшебник.

По дороге я рассказывал спутникам обо всех своих похождениях. Скокс мрачнел на глазах, а вид Арлеты становился все более взволнованным. Зато ни мои провожатые, ни лесные твари даже не пытались перебить меня до самого выхода на Поляну. Волшебник, по-видимому, оказался замечательным пугалом для всех обитателей лесного массива. Мы остановились на опушке, в нескольких сотнях метров к югу от Прилесья, где рассказ был окончен.

Степной ветерок приятно заиграл в волосах, обдал рану на шее блаженной прохладой. Где-то в полях пронзительно кричали перепела. Вдалеке маячили фигурки работающих на опушке дровосеков.

— Так, ну и что теперь делать? — первым спросил Скокс.

— Какой хороший вопрос. Надеюсь, ты его сам себе адресовал? Кто у нас тут самый умный и всемогущий дядька?

— Мне же надо из вежливости спросить ваше мнение, — нашелся волшебник.

— Хорошо. Тогда, расклад такой, — начал я. — Итак, по порядку. У нас имеется один очень чокнутый колдун во главе толпы нечисти. Он ждет начала войны людей друг против друга. Как только до него дойдет известие о старте боевых действий, сразу из леса выскочит опергруппа по добиванию победителя. Плюс в том, что теперь не я один знаю об этом плане, а Кащер будет думать, будто информация благополучно похоронена в болоте. У него не найдется повода изменить свои намерения — только если вдруг всплывет, что я вовсе не тонул. Тогда его гениальный котелок сгенерирует что-нибудь другое, и нам останется лишь догадываться о новых планах колдуна. Если кто-нибудь в деревне увидит меня сейчас — об этом вскоре сто процентов узнают все крестьяне, а там уж и Кащеру сорока на хвосте принесет. Поэтому предлагаю срочно смываться из Прилесья в более спокойную область.

По-моему, получилось логично и убедительно, а главное, с перспективой остаться в живых. Когти рвать отсюда надо шустро и незаметно, как олигархи в Англию. Сначала хотя бы в Крипет, а там и на Гладу нацелиться можно. Где, если не в столице, крупные дела проворачивать, раз уж домой возвратиться не светит? А Скокс вместе со своим Сеймом пускай разгребаются с этими доспехами, войнами, Кащером и Цмоком. Сами довели ситуацию до критической точки — сами пусть и устраняют. Мне еще спасибо сказать должны.

Но у треклятого волшебника, оказывается, нашлось на этот счет совсем иное мнение:

— И что ты собираешься делать в этой более спокойной

области? Отсиживаться? Как думаешь, зачем я сюда вернулся?

— Вас поймешь, волшебников… — Смутное подозрение начало закрадываться в голову. — Может, забыл что-то в прошлый раз? Зубную щетку там или косметичку?

— Нет. Главы Сейма послали меня за тобой. У них есть вопросы. В общем, я, как наблюдатель Западного Региона, обязан выполнить их задание. Тем более что исходя из того, о чем ты сейчас поведал, заваривается очень большая и невкусная каша, и ты в эту кашу ввяз по самые уши. Теперь стоять в сторонке и наблюдать за происходящим, увлеченно раззявив рот, не получится.

— Как? — Моему разочарованию не было предела. — Это же ваши проблемы, и я имею полное право благополучно спихнуть их на мудрые плечи Сейма. А от меня толку — ты сам говорил… Да и Кащер как-то упоминал, что в вашей организации у него свои люди. Спалимся, понимаешь?

— Не волнуйся. С этим что-нибудь придумаем. А сейчас мы отправляемся в Гладу.

Хм, в Гладу? Что ж, в любом случае, наши пути первоначально сходятся. А там, глядишь, ситуация изменится. Может быть, получится отмазаться у великих и могучих да и спрыгнуть с этой затеи.

— Ладно, уговорил. Когда выдвигаемся?

— Завтра, перед рассветом. Пойдем пешком. Заночуем в дороге. Доберемся до Крипета — и оттуда на повозке в столицу.

— А почему пешком? Ты сюда на чем вернулся?

— До Крипета каретой, а там такую волокиту развели с лошадьми, что я этих чинуш сам чуть в каурых не превратил! У них, видите ли, теперь по западному направлению заказные ходят, лишь когда основные маршруты разгрузятся, а ждать свободную телегу — это волк знает сколько дней. В общем, решил — пешком быстрей обернусь. Но я им еще все припомню! Овес вместо обеда жрать будут!

От бюрократических воспоминаний Скокс так разъярился, что непрерывно сжимал кулаки, а цветом лица мог сравниться со знаменем Красной Армии.

— Ладно, тут ясно все. А у местных купцов-богатеев разве лошадок напрокат взять нельзя?

— Нет. Оба торговца с семьями теперь в Крипете и, насколько мне известно, обратно не собираются.

— А трактирщик? У него ведь тоже есть конь, — с надеждой спросил я.

— Да ты просто безжалостное чудовище, хуже пачвары! — вконец разозлился Скокс. — А крестьянам не хочешь оставить

единственную возможность выжить? Они хоть и безмозглые простофили, но ничем не хуже нас с тобой! В Прилесье становится слишком опасно! Местным надо перебираться в Крипет. Без лошади за один день туда точно не попасть. Их ночью в пути загрызут волколаки. А так маленькими группами, потихоньку все переедут. Когда прибудем в город, я дам распоряжение, чтобы там тоже помогли крестьянам с перевозками.

— Ну и чего орать-то сразу? — слегка обиделся я. — Эвакуация — значит, эвакуация. Так бы и сказал. Ничего против не имею. В общем, с утра выходим.

Арлета до этого времени молчала и только с любопытством посматривала то на меня, то на волшебника, но тут вдруг подала голос:

— Я иду с вами.

— Нет! — отреагировал Скокс.

— Да! — ответила девушка упрямо.

— Да, — поддержал я спутницу.

Скокс посмотрел на меня, всем лицом изображая знак вопроса.

— А что? Начнем эвакуацию с нее. Она теперь тоже ценный источник информации. Нет, Арлету в Прилесье оставлять совсем не рекомендуется. Ты же знаешь — женщины страсть как любят поболтать.

Лицо волшебника отображало теперь отчаянную борьбу сомнений. Его брови попеременно подскакивали вверх, будто одна из них отражала все «за», а другая все «против». Наконец, перевесила та, что дрыгалась больше, и чародей вынес вердикт:

— Хорошо, пусть будет так… И хватит улыбаться!

Я еще больше растянул довольную улыбку. А что? Мы тоже условия диктовать умеем.

— Ну и чем до утра заниматься будем?

— Тебя нужно провести в Прилесье, да так, чтоб твоя идиотская ухмылка никому не попалась на глаза. Вечером все пойдут на поле играть в эту дурацкую игру… Вот тогда и проскочим. Отдохнете ночью — и в дорогу.

Мне пришла в голову одна интересная мыслишка:

— Я хочу встретиться с кузнецом. С Азитом.

— Зачем? — удивился волшебник.

Во взгляде охотницы тоже сквозило непонимание.

— Дело есть, причем не твоего ума.

— Тебя же никто не должен видеть, — возразила девушка.

— Ничего, кузнецу можно. У него пачвары когда-то украли жену, и Кащер из нее сотворил пачвару. Думаю, Азит даже под

самыми страшными пытками будет молчать, как памятник, лишь бы нечистый ничего не узнал.

— Азит — пьяница, — напомнил волшебник. — А эти приятели совсем ненадежные.

— Все равно, дело того стоит, — продолжал я настаивать.

— Ладно, посмотрим, — отмахнулся чародей неопределенно.

До вечера, судя по расположению солнца в зените, оставалась еще уйма времени, поэтому я бесцеремонно развалился на траве, закинув руки за голову. Арлета присела рядышком. Скокс немного покурсировал взад-вперед и наконец тоже приземлился. Мы с девушкой принялись непринужденно разговаривать, как водится, ни о чем, а волшебник периодически встревал в беседу со своими едкими комментариями. Так и скоротали время, пока звуки топоров вдалеке не затихли. Мужики дружно скрылись за воротами и через несколько минут вновь объявились, задорно пиная мяч. Настало время футбола, из деревни потихоньку начали выползать стайки сочувствующих.

— Сейчас начнется, — недовольно скривился чародей. — Их там четыре команды. Кто проигрывает — ночью несет вахту. Победители отмечают в «Волоте». Ишь, чего удумали!

Мы подождали еще немного. Когда игра началась, волшебник скомандовал:

— Так, пошли! Эти кроме мячика теперь ничего на свете замечать не будут.

А матч и вправду пошел не на жизнь, а насмерть. Кому ж охота ночью вместо сладкого сна с большой теплой женой под боком торчать на вышке и сканировать заросли? Мы немного углубились в лес, прошли к воротам, вынырнули из чащобы и проскользнули в пустующую деревню.

— Теперь к кузнецу, — напомнил я.

По дороге навстречу нам пробежали двое перепачканных мальчишек, но Скокс чем-то светанул в них из своего чудо-шара, и те прошмыгнули мимо, даже не взглянув в нашу сторону.

Захламленные покои кузнеца со времен прошлого визита ничуть не изменились. Та же куча железяк в рабочем помещении и бутылок — в жилом. И то же неподвижное тело, испускающее дурманные пары, на полу одной из комнат.

— Надо бы разбудить, — попросил я. — Только на этот раз качественно. Чтобы он воспринимал сложные предложения.

Чародей, с выражением крайней брезгливости на лице, извлек свои причиндалы и выпустил в Азита знакомую бабочку. Здоровяк зашевелился, присел и посмотрел на нашу троицу ошалелыми глазами.

— Еще? — предложил Скокс.

— Пожалуй, да, — неуверенно согласился я.

Тело кузнеца посетила еще одна тонизирующая бабочка. Взгляд заметно прояснился.

— Сударь? — хрипловатым голосом спросил Азит. — Чем обязан? Если по поводу когтей — то я никаких гарантий не давал, денег не возвращаю, могу только посмотреть, если сломались.

— Нет. Мы по другому делу. Прилесье нуждается в твоей помощи, — заявил я.

Кузнец изобразил заинтересованность.

— Во-первых — ты меня здесь не видел. Если хоть кому расскажешь — сделаешь Кащеру неоценимую услугу. Знаешь такого?

— Мне ли не знать этого урода, — Азит помрачнел. — Будьте спокойны, ни слова не пророню.

— Хорошо. Значит, слушай: возможно, очень скоро пачвары организуют атаку на Прилесье. Поэтому надо начинать эвакуацию жителей в Крипет. Мне, если честно, жалко вашего единственного коника при трактире. Как бы не издохла животинка от перегруза. Поэтому, предлагаю следующую схему.

Я нашел чистый лист бумаги, достал уголек из камина и принялся грубо чертить принцип работы велосипеда. Пригодились-таки мои скромные современные познания. Параллельно с воспроизведением изображения, я давал кузнецу кое-какие пояснения. Арлета с волшебником любопытно высунули свои носы из-за моей спины, рассматривая чертеж.

— Короче, не знаю, что тут сообразить с резиной и подшипниками, но идею я вам дал — дальше думайте сами. Вариантов много. Можно даже привод раскидать на четверых человек и какой-нибудь кузов присобачить, — подвел я черту под описанием гениального изобретения.

Кузнец в смятении чесал затылок.

— Да уж. Тут без бутылки не разберешься, — резюмировал он.

— Скокс! — я повернулся к чародею. — Ты же волшебник! Смотрящий Западного Региона, или как ты там говорил. Почему на вверенной тебе территории процветает алкоголизм? Ой, понизить надо бы тебя в должности. Чтоб ходил по хатам да тараканов с мышами выводил.

— А что я? — развел руками Скокс. — Пускай едет на юг, в Лиддель. Там замечательный центр с лучшими волшебниками по этой части. А я этих заклинаний не знаю.

— Как не знаешь? А спросить что — язык отсохнет? На этом вашем Сейме. Такие чары полезные! — удивился я.

— А кто ж мне скажет? Давно прошли те времена, когда мы

разбрасывались тайнами направо и налево. Теперь хоть сколько-нибудь, как ты говоришь, полезное заклинание приносит кучу денег, и так просто его никто распространять не собирается. Многие вообще выходят из состава Сейма и занимаются своим делом. Кащер, допустим, в свое время был целителем, и очень даже неплохим. А, например, другой волшебник научился с помощью чар увеличивать в размере грудь. Теперь в очередь к нему стоят женщины со всей Поляны. И даже некоторые мужчины. Живет этот делец припеваючи, потому что чарует за неоправданно высокие деньги. Я сомневаюсь, чтобы он хоть какое-нибудь заклинание помнил, кроме этого, увеличивающего. У каждого свои цели и жизненные ценности. Некоторые чародеи готовы опуститься даже до такого уровня ради материального благополучия. А мне совсем некогда заниматься подобной ерундой и держать в голове сложные заклинания, которые в моей работе еще и абсолютно не нужны.

— А что тогда ты умеешь, кроме как пуляться молниями, шариками и бабочками?

— Практически ничего. Я специалист по разрушению и защите от разрушения.

— Да? При чем здесь тогда бабочка? — не понял я.

— Есть заклинание, эффект которого схож с отравляющим действием больших объемов вина. Бабочка же, как оказалось, устраняет и то, и другое.

В принципе, дальше беседа угрожала перетечь в совсем бесполезное русло, поэтому я вздохнул и обратился к Азиту с просьбой, обреченной на невыполнение:

— В общем, не пей лучше.

— Сударь, не губите. Нет во мне воли к отказу! — Вид кузнеца ничего кроме жалости не вызывал.

— Ай, делай что хочешь! Уже взрослый, — разочарованно махнул я рукой и направился к выходу. — Пойдемте, что ли?

Скокс приоткрыл дверь, высунул голову, повертел ею по сторонам и подал знак — все чисто. Мы вышли на улицу. Рев болельщиков со стороны поля оповестил, что чемпионат еще не закончен, поэтому в трактир удалось попасть беспрепятственно. Волшебник ушел по своим делам, а мы с Арлетой спрятались в ее комнате. Прямо как партизаны-подпольщики. Охотница еще и диверсию умудрилась провернуть, натаскав из кухни кучу еды. Голодные после тяжелого дня, мы принялись безжалостно поглощать аппетитную трактирную стряпню. Часть упаковали по мешкам — в дорогу.

Через часок-другой хлопнула входная дверь, послышались тяжелые шаги — скорее всего, Игмат вернулся с футбола и

расхаживал по дому. Я еле сдержался, чтобы не выползти за дверь и спросить счет. Потом в банкетный зал загрузилась шумная компания и начала праздновать победу. Правда, недолго — все разбрелись в течение двух часов, и наступила полная тишина.

Выспаться, конечно, получилось не очень. А чего вы еще хотели от двух молодых людей разного пола и гетероориентации, закрывшихся в одной комнате?

Глава девятая, зажигательная

Наш сладкий сон прервал Скокс. Он стоял у кровати, выпуская из палочки очень красочный, но раздражающе шумный маленький фейерверк. Стены комнаты освещались тусклыми всполохами крохотных зарядов, а нехитрая мебель отбрасывала при этом причудливые тени.

— Вставайте, бездельники, пора выходить.

Я зевнул и хорошенько потянулся. За окном еще не рассвело.

— Чему только не учат в этом вашем Сейме, кроме как стучать в дверь.

— Может, вообще тараном стоило попробовать для верности? Чтобы точно вся деревня проснулась?

— Сколько сейчас? — потирая глазки, поинтересовалась охотница.

— Час до рассвета, — сообщил волшебник.

— Тогда — пора, — согласилась она.

Мы быстро собрались, закинули на плечи подготовленные заранее походные мешки и тихо вышли на улицу. Прилесье еще спало, но небо на востоке уже занялось ярко-красным пламенем, предвещая скорое появление первых лучей солнца. На западе виднелись освещаемые кострами силуэты вышек. Мы подошли к восточным воротам, волшебник остановился, немного поколдовал, и створки распахнулись.

Что ж, появился здесь я по-татарски, а ухожу по-английски. Оставшееся за нашими спинами Прилесье в целом произвело на меня не самое однозначное впечатление. С одной стороны — радушная встреча голодных волколаков, путешествия по кишащему нечистью лесу, возложенное на плечи задание, которое должно заботить даже самое последнее ничтожество на Поляне гораздо больше, нежели меня. И в довесок — только сейчас, покидая эту милую деревушку, я осознал, насколько в ней опасно находиться, а уж тем более сразу же в нескольких метрах за частоколом. Увидеть Париж и умереть — оно, конечно, несложно. А вот вы попробуйте увидеть Прилесье и выжить — не факт, что получится. Пробежаться голышом по Пентагону и то, наверное, проще. А с другой стороны, живут здесь хоть и простоватые, но при этом очень даже неплохие люди, под носом у которых сейчас организуется внеплановый скачок эволюции человечества, между прочим, без какого-либо согласия широких масс этого самого человечества. Но, несмотря на постоянное чувство находящейся рядом опасности, крестьяне отважились впустить среди ночи в деревню весьма подозрительного типа, которому любой

нормальный человек из нашего мира даже домофоном дверь в подъезд не открыл бы. Ну и, учитывая мое не совсем воспитанное поведение, могли с легкостью выгнать к чертям без лишних зазрений совести, — а не выгнали!

Вне всяких сомнений, хорошие люди живут в Прилесье. Плюс ко всему — именно в этой деревушке мне удалось встретить девушку, из всех знаменитых положительных качеств которой можно вычеркнуть лишь одно: комсомолка. Но ничего страшного! С этим жили, живут и успехом пользуются не меньше. Единственные, кто попытался огорчить меня, — так это ребята из высшего общества, зато все остальные оказались абсолютно вменяемыми. Хотя нет! Какие остальные? В Прилесье из пацанов только эти трое и были. А так — мужики в годах да барышни всех возрастов. Ну, детишки еще. Кстати, да: куда же все хлопцы подевались? С этим вопросом я обратился к Арлете. Мы к тому времени уже вовсю пылили по дороге, вилявшей между колосящимися полями.

— Как где? — поразилась моим невежеством охотница. — В армии, где ж еще! Раньше все земли семьи отходили по наследству только старшему сыну, а остальные шли служить. Но теперь, из-за грозящей войны с Казмадом, забирают всех подряд от шестнадцати до тридцати пяти лет.

— Да? Тогда как же отпрыски купцов? Такие воинственные — им, как я поглядел, дай только шашку да верного коня!

— Воинственные, пока мама с папой рядом, — вмешался Скокс. — Как ты думаешь, почему чада столь важных родителей торчат в жалкой деревушке?

Тут меня осенило:

— Косят!

Волшебник несколько секунд пытался проследить логику моей мысли, но все-таки принялся объяснять:

— Нет, не косят, а укрываются от воинской повинности!

— В нашем мире это, по сути, одно и то же, — в свою очередь пояснил я. — Так вот к чему был тот банкет, оплаченный частично купцами, — чтоб задобрить крестьян, иначе те могли ненароком сдать парней кому не надо.

— Да, верно, — добавила охотница. — А еще мужикам стали больше платить за дерево и в Крипет последнее время возили бесплатно.

— А сейчас в город, небось, перебрались всем семейством? Пусть лучше сынки в армию идут, чем их волколаки нашинкуют?

— Вот именно! — подчеркнул Скокс. — Купцов я знаю давно. У этих чутье на опасность. Чуть что — в кусты! Вот их девиз. Я бы и так неладное заподозрил, да тут еще ты, с врожденным

умением вляпаться как раз в те неприятности, на которые у богатеев чутье.

— Н-да, первыми с тонущего корабля сбегают крысы, — задумчиво проговорил я. — И прошу заметить: мы с вами в их числе.

Беседа заглохла, и заводить ее никто не стал. Так и шли долгое время в тишине. Я скучающим взглядом окидывал окрестности, но их унылый вид настроения не поднимал. Куда ни посмотри — всюду ровное, как грудь гимнастки, пространство, покрытое сплошь желтоватой выцветшей травой, да пара небольших дубравушек по сторонам, в одну из которых незаметно привела нас дорога. Передвижением руководил волшебник, он и скомандовал привал. Лично я мог бы чесать без остановок до самого вечера и питаться на ходу — физуха позволяет. По Арлете тоже трудно было сказать, что она нуждается в отдыхе. А вот Скокс завалился под молодой дубок с явным облегчением.

— Давайте, доставайте, чего там набрали!

— Эх, потеряем старика, — с улыбкой обратился я к охотнице, присаживаясь рядом.

— Какого? — не поняла она.

— Не дойдет, — продолжая лыбиться, кивнул я в сторону чародея. — Его вон даже мешком не загрузили, а он уже дышит как пенсионер после гопака.

Охотница хихикнула и принялась ковыряться в своей поклаже, извлекая припасы.

— Тогда на плечах меня понесешь, — с неожиданным спокойствием отнесся к издевке Скокс. — Потому что если я не дойду — к утру вы будете, скорее всего, немножко мертвыми.

— Ой, да слышал я! Прям уж волколаки эту дорогу ночами патрулируют? Что-то не верится. Может, пронесет.

— Послушай, пришелец! Я уже устал тебе объяснять элементарные вещи! Знаешь, кем были волколаки до того, как стали нечистыми?

— Ну, волками, — не очень уверенно, ожидая подвоха, ответил я.

— Молодец, правильно! — словно ребенка, похвалил меня волшебник. — А знаешь, что у волков развито лучше всего?

Вспомнив поведение Варрыка, я осмелился предположить:

— Нюх?

— И откуда же ты к нам такой умный свалился? — продолжал Скокс, не меняя интонации. — Правильно, нюх! И он у волколаков, учитывая полное отсутствие зрения, скорее всего, развит еще лучше. Они за километры чуют, есть кто-нибудь на дороге или нет. И вот выйдут они вечерком на опушку, понюхают

и скажут: «Ай, как вкусно пахнет!» И прибегут к вам быстрее скакунов из княжеской конюшни. А вы тут сидите без чародея, бедолаги несчастные, и думаете: кого бы сегодня покормить своими непревзойденными окороками?

Это заявление меня слегка насторожило.

— Шутки шутками. А они случайно не смогут установить по запаху, что это именно я сейчас резво улепетываю из Прилесья? И вместо погони взять да настучать Кащеру? Тогда он обо всем узнает!

— Вот именно поэтому, если я вдруг очень устану, ты понесешь меня на плечах. Полностью запаха устранить я не могу, но тебя волколаки не узнают. Так что ночью непременно ждем попутчиков, и в ваших интересах, чтобы я был полон сил!

Скокс растянул издевательскую ухмылку до ушей, схватил что-то из еды, вальяжно разместился под деревом и принялся увлеченно жевать. Я тоже невозмутимо присоединился к трапезе. Подумаешь, будто волшебников никогда в жизни на горбу не таскал! Запахи он, видите ли, устраняет! Тоже мне дезодорант ходячий.

Когда с завтраком было покончено, мы вновь отправились в путь. Я все шел и удивлялся: ведь вроде все вокруг ничуть не отличается от нашей местности. Никаких значительных отклонений типа гигантских цветков с жилищами крохотных крылатых человечков вместо пестиков, или обширных кратеров, населенных большеголовыми светящимися трутнями. Короче, удивляться особо нечему. А вот через два шага в лес уж лучше действительно повстречать каких-нибудь трутней или человечков, так как остальные обитатели зарослей не только экзотичны, но еще и крайне агрессивны.

И еще: откуда же берется эта энергия, позволяющая одним взмахом исковеркать все, что находится под рукой, включая человеческий организм? Где источник, генератор этих самых чар? Может, они, как полезные ископаемые, когда-нибудь — хлоп! — и закончатся? К тому времени полянцам реально придется изобрести порох. Иначе луками они просто не отстреляются от многочисленных естественных врагов. Зато гениев, таких, как сумасшедший Кащер, заметно поубавится. И все-таки в какую цену волшебникам обходятся их манипуляции? В любом случае, когда качаешь из Интернета что-нибудь бесплатно, за трафик-то платить приходится. С чарами, думаю, аналогичная схема: даже если ресурсы неисчерпаемы, все равно их использование вряд ли осуществляется на халяву и, чувствую, где-то вылезает боком. Вопрос только — где? Об этом захотелось поначалу спросить Скокса, но вид у волшебника был таким напряженным, что я

решил отложить вопрос до лучших времен, а возможно, и до лучших собеседников.

Чародей сделал очередную остановку в траве на обочине как раз когда солнце нещадно пекло прямо в темя, выжигая все попытки зарождения даже самой примитивной мысли. До этого я больше часа тупо вышагивал вперед, полностью обесточив головной мозг. Пускай отдыхает. После обеда охотница достала странноватую посудину, похожую на котелок, накидала в нее каких-то травок из личных запасов и залила водой. Скокс швырнул под сие изделие крошечный сгусток чар, и содержимое тут же вскипело. Получился очень даже неплохой чаек, попробовать который я уже однажды имел удовольствие. Тонизирующее пойло начало стимулировать умственную деятельность почти сразу, но вместо того чтобы настроиться на продуктивный или хотя бы позитивный лад, мысли принялись клониться в сторону предстоящей неизбежной встречи с волколаками.

Я вынужден был признаться, что при первом общении с этими нечистыми исход оказался для меня крайне удачным. И меч был под боком, и сработал я на удивление ловко. События последних дней вообще убедили меня денно и нощно не расставаться с оружием. Я решил, что можно даже использовать любимые когти во время еды — вместо традиционных ножа и вилки. Что касается сегодняшнего дня, то в преддверии долгожданного свидания наличие под боком волшебника, само собой, не могло не внушать оптимизма. Однако где гарантия, что все пройдет гладко? Скокс ведь сам говорил про мою уникальную способность влипать в истории. Хотя, если быть откровенным, эти злосчастные истории сами липнут ко мне, без всякого содействия со стороны моей ленивой персоны.

Я нисколечко не сомневался в том, что волшебник без проблем сможет размазать по окрестностям пару-тройку неосторожных волколаков одним движением палочки. Но даже самые надежные «калаши» порой могут дать осечку. Отрадно, конечно, что наш спутник является спецом по уничтожению, а не как тот пластических дел мастер, про которого Скокс недавно рассказывал. От этого бизнесмена могла быть лишь одна польза: если бы он увеличил тварям грудь настолько, чтобы она мешала им адекватно перемещаться.

А вдруг монстров соберется целое стадо? Сможет ли тогда наш самоуверенный сообщник устроить врагам адский фейерверк в стиле залпа «катюши»? В общем, никогда не отличавшийся пессимистическими склонностями, мой рассудок принялся готовиться к худшему. Например, к тому, что Скокса хватит

кондрашка.

Я озабоченно взглянул на чародея. Нет, ничего, вроде бодренький. Он забавно шагал, высоко вздымая коленками полы балахона, и что-то бурчал про себя, сердито нахмурив брови. Ну, этот, положим, не пропадет. А вот девочка моя? Арлета спокойно шла рядом и, заметив мой взволнованный взгляд, грациозным движением головы откинула волосы за плечо и очаровательно улыбнулась. Я нервно ответил взаимностью. Похоже, единственным человеком, который всерьез опасался предстоящей ночи, был я. Нет, ну действительно, чего взвинтился — не первая брачная ведь! Но тревога не покидала меня до самого вечера, а с заходом солнца еще и усилилась.

Наш кудесник решил устроиться на ночлег в чистом поле — чтобы издалека видно было приближающегося врага. Мы расположились, поужинали, а от костра предпочли отказаться: опять же для лучшей обзорности, которую по традиции обеспечивало безоблачное лунное небо.

— Ну что, кто первым не спит? — спросил волшебник.

Ничего себе, он еще и дрыхнуть вознамерился! Вот нервы у человека!

— Вы знаете, что-то мне не спится, поэтому ложитесь. Я присмотрю пока.

Чародей, казалось, иных слов услышать и не ожидал, поэтому мигом свернулся на моем походном мешке и через минуту сопел вовсю. Арлета положила голову мне на колени и тихо попросила:

— Расскажи о своем мире.

Вот уж озадачила. Это что-то из разряда: почитай-ка ты мне, мама, «Войну и мир» на ночь, от корки до корки… давно не слушал… а батальные сцены, если можно, с выражением.

— Наш мир, — начал я, — называется планета Земля. Откуда он появился — точно никто сказать не может.

— Даже ты?

— Ну, я уж тем более. Одни считают, что его создал Бог. Другие твердят о теории Большого взрыва. Для уточнения некоторых нюансов даже большой адронный коллайдер построили, чем испугали некоторую часть особо суеверного и отсталого человечества. Без журналистов там, конечно, не обошлось. Так вот, большую площадь поверхности планеты занимает вода, которую мы называем океаном. По его бескрайним водам к берегу катятся большие волны, на которых очень любят плавать серфингисты. Они делают это весьма красиво, правда, иногда кормят акул…

Я гладил девушку по волосам и тихим, спокойным голосом рассказывал ей всякую ерунду, которая в несметных количествах

обитает в моей голове. Не знаю, каким образом это сказалось на процессе ее засыпания, но низкий тембр собственной речи немного успокоил меня самого. Охотница и волшебник уже давно разгуливали по царству Морфея, наслаждаясь зрелищами, позволяемыми распущенностью их подкорки. А я все вглядывался в горизонт, и в полудреме фантазия безустанно чертила надвигающиеся из далекого сумрака видения. То мне казалось, будто безмолвная одинокая фигура пристально наблюдает за нашим лагерем издалека, ожидая остальных тварей, то уже виделись несколько волколаков, мчащихся к месту ночлега, а один раз даже почудилось, что сам Цмок летит за своими жертвами.

Но тут над полем разнеслось то, чего я боялся больше всего: пронзительный сиплый вой, предвещающий чью-то преждевременную кончину. Только чью?

— Скокс! — чужим голосом позвал я. — Вставай, они уже идут!

Но чародей, оказывается, был готов. Он достал шар с палочкой и внимательно всматривался в темноту. Охотница тоже поднялась и приготовила оружие. На лице ее не было ни капли страха, только глубокая сосредоточенность. Однако поражаться выдержке барышни совсем не было времени. Издали уже стали проясняться темные силуэты нечистых.

Их было трое. Что ж, не так все страшно. По одному на брата, если мыслить арифметически, а если логически — пусть лучше Скокс один всех мочит. Но по мере приближения монстров оказалось, что ситуация не так уж проста: на спине одного из волколаков кто-то сидел. Волшебник извлек из шара синюю ленту, нарисовал заклинание и замахнулся палочкой, но атаковать временил. Тройка нечистых не стала нападать слету, а остановилась в десятке метров от нас. Наездник соскочил на землю, и стало видно, что это странная пачвара, в общих чертах похожая чем-то на Кащера. И был у нее в одной руке наливающийся зеленью шар, а в другой кривая палочка. Перед нами, вне сомнений, стоял настоящий колдун и всем своим видом подтверждал мои недавние опасения. Волколаки, располагавшиеся по сторонам, принялись медленно подкрадываться к нам с флангов.

— Скокс, — прошипел нечистый. — Как давно мы не виделись!

— С тех самых пор, когда Сейм освободил тебя от обязанностей в Северном Регионе, ведь так, Гербат? — волшебник говорил спокойно, хотя, уверен, сидел на измене конкретно и плотно.

Наличие колдуна сделало перевес явно не в нашу сторону — как если бы на точнейшие аптечные весы вдруг положили наковальню. Раз уж Кащер в свое время, практически сразу после собственного перевоплощения в пачвару, одолел четверку самых крутых представителей Сейма, то что уж от нашего рядового Скокса, кроме лужи, останется?

— А щенок-то не умер, оказывается, — колдун оттопырил длиннющий указательный палец в мою сторону. — Какой промах! Надо непременно исправить. Хорошо, что они взяли меня с собой.

Чародей провел худой ладонью по морщинистой спине волколака и рассмеялся, заливаясь прерывистым свистом. Четвероногое чудовище осклабилось и глухо зарычало.

— Скокс! — шепотом позвал я, пока нечистый в одиночку наслаждался собственным чувством юмора.

Волшебник стоял, стиснув зубы, и, казалось, ничего вокруг не слышал.

— Скокс! — чуть громче повторил я.

— А? Что? — вынырнув из задумчивости, оглянулся он.

— Твои собаки, мой — колдун!

— Как?

— Делай что хочешь, но чтобы волколаки меня не зацепили.

— Угу, — неуверенно кивнул чародей.

Колдун, просвистев своим смехом нечто, напоминающее водевиль, вновь заговорил:

— Глупцы, не понимаете своего предназначения! Вам даруют могущество, а вы отказываетесь от него…

Американских фильмов, что ли, насмотрелся? Там тоже любят потрещать, вместо того чтобы молча добить. И, пользуясь эффектом неожиданности, не давая закончить напыщенную речь (возможно даже, заранее подготовленную), я в лучших традициях буржуйских блокбастеров рванул вперед. Надо сказать, реакция у проклятой нечисти еще та! В меня сразу же полетело бесформенное зеленое облако заклинания, но именно такая реакция тварей была нам необходима. В легком смятении колдун швырнул поток чар как раз в того, кому глубоко фиолетово на содержимое волшебного зеленого шара. Вот и облако, столкнувшись со мной, благополучно рассеялось в атмосфере.

Волколаки тут же ринулись на защиту своего предводителя, но Скокс выпустил картечью поток заклинания, который раскидал двоих чудовищ по сторонам. В третьего волшебник не попал, и тварь почти сшибла меня с выверенной траектории. Даже малейшее столкновение грозило закончиться катастрофически, так как нечистого чародея следовало достать за доли секунды, иначе тот мог успеть сообразить, в кого на самом деле

необходимо шарахнуть очередным заклинанием. Зато Арлета сработала безошибочно: стрела угодила волколаку прямо в морду, и он отклонился достаточно, чтобы я успел проскочить мимо, — аккурат к колдуну для общения тет-а-тет. Нечистый попробовал стрельнуть в меня чарами еще раз — естественно, безуспешно — и принялся растерянно пятиться назад. Быстро настигнув колдуна, я уклонился от удара когтистой лапы и всласть оторвался на его худощавом теле, буквально изрубив на фарш. Лезвия проникали в плоть легко, практически без сопротивления, как игла шприца в ягодицу. Колдун жалобно посвистывал, пока после очередного взмаха не лишился горла. Еще удар — и на землю падает отсеченная рука. Выпад — лезвия насквозь прошивают грудную клетку твари. Будет знать, как щенком обзываться! Первые технические испытания боевых когтей в полевых условиях протекали успешно.

Когда растерзанное тело изменника Сейма наконец упало, я обернулся к спутникам. Они к тому времени уже добивали корчащихся в агонии волколаков. Замечательная у нас получилась связка, можно даже сказать — универсальная. Таким составом кого хочешь угробим! Скокс выстрелил молнией, приговорив последнего монстра, вытер пот со лба и, вместо того чтобы похвалить или хотя бы поблагодарить, решил провести разбор полетов:

— Зачем ты убил колдуна? Тебе следовало выбить шар или палочку, а потом допросить его! Как ты не понимаешь? Ну и елупень же мне попался! — Он устало закатил глаза.

В этом весь Скокс! Как-то влиять на него или перевоспитывать абсолютно бесполезно, поэтому я лишь отмахнулся от волшебника и подошел к Арлете:

— Нормально все? Не сильно испугалась?

— Нет. Я знала, что все закончится хорошо. — Охотница невозмутимо закинула на плечо лук.

Мне бы ее уверенность. С таким даром предвидения эту девочку надо водить по всем казино, чтобы подсказывала, после какой ставки все будет хорошо.

Чародей продолжал негодующе бубнить, уже обвиняя Сейм, правительство и каких-то личностей поименно во всех проблемах и неурядицах этого неорганизованного мира. Что ж, у каждого свои выходы после стрессовых ситуаций.

— Что дальше? — осведомился я у него.

Скокс не ответил, пока не завершил гневной тирады, и лишь затем соизволил произнести:

— Сейчас же выдвигаемся! Если второй волной появится точно такая компания — мы уже знаем, как с ними справиться. А

если вдруг их прибудет больше — нас просто растерзают.

Мы с Арлетой принялись без возражений собираться в дорогу. Тем временем волшебник осматривал окрестности, что-то прикидывая.

— Если через час никто не объявится — можно будет идти без опаски, — наконец заявил он.

— Что, до рассвета не успеют вернуться отсюда в лес? Зуд замучит? — улыбнулся я.

— Зуд… — Скокс немного помолчал. — Зуд — это самая страшная вещь, которую только могла придумать природа. Жаль, на тебя не действуют чары. Я бы показал тебе, что такое настоящие мучения. Еще ни одному человеку не удавалось сохранить тайну под пыткой чесотки.

Я очередной раз поздравил себя с уникальной устойчивостью к заклинаниям. Уж Скоксу-то врожденная вредность непременно позволила бы с удовольствием периодически угощать меня какой-нибудь волшебной гадостью.

— Да, поэтому через час нам точно ничто не будет угрожать, — повторил чародей. — Утром сделаем остановку, и с таким темпом после обеда уже будем в городе-факеле.

— Что за город-факел? — не понял я.

— Крипет по-другому называют городом-факелом, — пояснила охотница.

— Почему?

— Увидишь — поймешь, — отрезал Скокс.

Все произошло, как и говорил волшебник: через три часа начало светать, и вскоре солнце вовсю слепило нам глаза. Все! С этого момента о нечисти можно забыть и встречать ее лишь в ночных кошмарах! А там уж я могу себе хоть гранатомет, хоть гаубицу сочинить, и тогда — держитесь, твари!

С утра мы последний раз подкрепились и отправились в последний рывок на пути к городу. Местность несколько изменилась: равнина все чаще стала переходить в небольшие холмы, а кустарники с прочими зарослями попадались в гораздо больших количествах. Передвижение слегка усложнилось, зато глазу хоть нашлось на чем остановиться.

Один раз прямо из рощи на нас выскочил ошалелый кабан и тут же, не успел я отвесить челюсть, был подстрелен Арлетой. Она отточенными движениями принялась наскоро свежевать тушу, рассовывая по мешкам самые мясистые куски, шкуру и клыки. Мы с волшебником смирились с этим порывом рефлексов и молча ожидали в сторонке, пока охотница завершала свои манипуляции. К тому времени челюсть моя успела отвиснуть окончательно. Хрупкая девушка разобрала солидного хряка

нереально быстро — как солдат винтовку, и вскоре о нем напоминала лишь кучка сиротливой требухи. Закинув на спину потяжелевшие килограммов этак на десять мешки, мы опять двинулись в дорогу.

Когда солнце обосновалось в зените и вновь предприняло свои попытки вскипятить содержимое черепной коробки, из-за поворота неожиданно, как первая беременность, выскочил он самый — город-факел. Крипет я узнал сразу и даже ничуть не сомневался, что это на самом деле он. Увидев такое зрелище единожды, уже ни с чем и никогда его не спутаешь. Кто-нибудь видел в своей жизни деревянный небоскреб? Нет, Крипет, конечно, не был небоскребом в прямом смысле этого слова, но просто более здоровенной конструкции из дерева раньше мне видеть не приходилось. И более нелепой, впрочем, тоже. Причем из любого материала. Кучи дощатых и бревенчатых сооружений совершенно разной формы и размеров были коряво налеплены, взгромождены друг на друга, а между ними по множественным настилам и мостикам сновали без тени опасения суетливые людишки. Высился этот конгломерат разношерстных теремков не менее чем на пять этажей в привычном понимании этого слова, а шириною мог поспорить с парой-тройкой среднестатистических стадионов. Типа Стэмфорд-Бриджа или Сан-Сиро. Местами виднелись торчащие из земли, доходящие до самых верхних уровней города массивные деревянные сваи, которые, видимо, служили более-менее надежным каркасом для крепления всего этого хлама. Теперь ясно, куда и на что уходят все дары Прилесья. Сразу в нескольких местах над Крипетом виднелся вьющийся сизый дымок, однако паникой в окрестностях не попахивало, да и пожарных в округе не наблюдалось.

Вопросы возникли сразу, и несколько. Во-первых, как можно жить в такой свалке скворечников? Во-вторых, зная людские наклонности, каким образом ее до сих пор случайно не спалили детишки? Не зря же город-факел! И в-третьих, как здесь компенсируют отсутствие (а она сто процентов отсутствует) канализации? Тут даже выражение «удобства во дворе» не сильно применишь ввиду отсутствия дворов. Да, еще одно чуть не забыл: что ж там такое горит, если все спокойно к этому относятся?

— Ах, как давно я не была в Крипете, — мечтательным голосом вмешалась Арлета в ход моих размышлений. — Ведь именно здесь в детстве я научилась так ловко прыгать. Мы с мальчишками наперегонки лазили с первого на четвертый ярус, а потом вниз.

Поток ментальной деятельности несколько сбился с намеченного курса: а где же я научился так лихо скакать по

веткам? Пожалуй, нигде. Скорее всего, в генотипе завалялось наследие далеких предков эпохи позднего палеолита.

— Ты здесь жила? — спросил я.

— Да, но потом, когда мне исполнилось тринадцать, нам с отцом пришлось переехать в Прилесье.

Спрашивать о причине, вынудившей их покинуть город, а также о судьбе до сих пор ни разу не упомянутой с момента нашей встречи матери Арлеты как-то не очень хотелось. Я всегда был любопытным в меру, поэтому нос мне разбивали из-за других особенностей характера. Если бы моему генератору соплей еще и за любознательность доставалось — имел бы он весьма плачевное состояние. А так вроде ничего такой шнобель, почти ровный. Тем более что с этими скрытыми фактами биографии моей спутницы, несомненно, связана какая-нибудь душераздирающая история, после прослушивания которой придется из вежливости долго извиняться за то, что полез ковыряться в ее печальном прошлом, и обильно посыпать соль на раны. В общем, тему я решил сменить, а заодно и расширить кругозор:

— Неужели никто еще не догадался зимой опосля трактира погреться у костра, да и сжечь ненароком весь город?

— В Крипете использование огня в неположенных местах карается смертной казнью, — объяснила, заодно и предупредила охотница.

Что ж, вполне мощный стимул не баловаться со спичками.

— Да, после того как город лет семьдесят назад сгорел почти дотла из-за трех пьяных наволочей[7], было решено ввести такое правило, — добавил Скокс. — Теперь Крипет буквально пропитан огнеупорными смолами и чарами. Правда, огонь все равно можно разводить только в специальных помещениях — жарках, обработанных мощными заклинаниями и обитых изнутри металлическими листами.

— Во многих домах есть камины, — снова заговорила Арлета, — но их разрешено разжигать только два месяца в году, во время заморозков. Вокруг них тоже накидана куча заклинаний. На втором ярусе построены три общественные бани.

— А еду где готовить? В этих самых специально оборудованных местах? Как в общаге — кухня на этаж?

— Да, на первых двух ярусах так и есть. На третьем по большей части живут купцы, ремесленники, пара стражников, и некоторые из них могут себе позволить отдельную жарку, или одну на несколько семей. А на четвертом ратуша и дома только самых богатых людей. У них и камины, и жарки отдельные, и толпы следящей за всем этим добром прислуги.

— А зимой что? Зубами лязгать, коли камин семье не по

карману?

— Зима… — протянула Арлета. — Зимой день в заботах, а вечер в трактирах, если хорошо летом поработал. Там не замерзнешь.

— А что зима? — возразил волшебник. — Бывало, если снег не выпадал, некоторые умудрялись даже голыми на улице переночевать.

— К чему такой экстрим — голышом на дворе дрыхнуть? — удивился я.

— А ты погуляй ночкой по первому ярусу, — саркастически заявил Скокс. — Не то что без одежды — без головы заночевать можно. Все отбросы города и близлежащих деревень собираются там.

— Ну, это само собой. Как же в мегаполисе без андеграунда! Кстати, насчет отбросов. Туалет в городе есть?

— Есть. Помногу, на каждом ярусе, — ответила охотница.

— Ясно, а на четвертом, как и с каминами, — у каждого свой плюс биде и джакузи, — предположил я.

Что ж, не все здесь так запущено. Правда, вопрос утилизации удобрений все-таки оставался открытым. Я очень опасался условий антисанитарии, может, даже чрезмерно. Местным-то перпендикулярно, они ведь чуть что — сразу к волшебнику на прием. А мне, ввиду отсутствия в Мидлонии развитого фармацевтического рынка, в частности антибиотиков и противовирусных препаратов, слишком не хотелось лицом к лицу встречаться с микрофлорой, промышляющей на Поляне. Придется раздобыть бутыль спирта и таскать за собой, чтобы в случае чего обрабатывать раны и органы пищеварения. Да, и с едой надо будет как-нибудь поаккуратней — травануться и помереть на горшке в мои планы пока не входит. Хотя жил ведь как-то здесь Радзивилл Первый да здравствовал, по крайней мере, физически. Психические отклонения — уже другой разговор, а в целом — вполне безопасная житуха была у князя. Может, и меня пронесет, в хорошем смысле этого слова.

Город между тем приближался. Волшебник подвел нас к, пожалуй, самому оживленному месту этого муравейника. Вокруг суетилась куча людей, изображая бурную деятельность. Они разбирали дощатый подъем, ведущий на деревянный мостик вверху. Рядом с рабочими стояли двое мужиков с алебардами, одетых в одинаковую форму. Стражники ленивыми взглядами окидывали трудящихся, позевывали и периодически внимательно таращились в сторону ветхих трущоб, уходящих в глубь города, расположенных повсюду вокруг прямо на земле и образующих, как я понял, тот самый знаменитый первый ярус. Завидев нас,

вялые служители порядка приосанились и скорчили до нелепости серьезные лица.

— Что здесь происходит? — подходя, строго спросил у них Скокс.

— Ваше могущество, ремонтируем пандус. Подгнил чуток — вчера сударь Пениум поднимался, и под ним доски провалились.

— Если Пениум и дальше будет столько жрать, под ним весь Крипет скоро проломится!

Стражники не удержались и скуповато хохотнули. Потом один из них произнес:

— Ваше могущество, с южной стороны можете подняться, или по первому ярусу вглубь немного пройдете, там тоже пандус есть.

— Знаю. Пока до южного подъема дойдем, уже вечер настанет. Пошли, — скомандовал нам волшебник, направляясь в трущобы.

— Может, сопровождение организовать, ваше могущество? — предложил стражник.

— Мне ваше сопровождение — что орлу двух комаров приставить, — сердито буркнул им Скокс, а нас предостерег: — Смотрите в оба: тут воришек больше, чем блох на дворняге.

Мы пересекли черту города и пошли гулять по первому ярусу. Хотя гулять — это последнее, чем хотелось бы заняться в данной местности. А первое — это спешно покинуть ее. Под ногами постоянно хлюпала грязюка сомнительного цвета и происхождения. Солнечный свет проникал сюда в крайне ограниченном количестве, делая очертания гнилых покосившихся лачуг совсем непривлекательными. Сверху постоянно раздавались гулкие шаги расхаживающих по дереву горожан, отчего первое время я себя чрезвычайно некомфортно чувствовал, опасаясь падения на голову с высоты кучи досок и чьего-нибудь мягкого, но тяжелого организма. Здесь же, на первом ярусе, люди вокруг сновали крайне подозрительные. Одни быстро шастали из подворотни в подворотню, пряча вороватые взгляды под козырьками в клочья изорванных головных уборов. Другие, немощные калеки, сидели прямо в грязи, протягивая руки к прохожим, и ежесекундно издавали странные звуки, похожие на завывания пачвар. Встречались бродящие по улочкам нищие, лохмотья и вид которых полностью скрывали их половую принадлежность. Пару раз на глаза попадались женщины, в коих мой опытный взгляд угадывал особ если не легкого, то крайне облегченного поведения. Как-то я даже заметил ребенка. Судя по всему, это была девочка. Она смотрела на нас из глубины разваливающейся халупы. Ее огромные глаза на худющем лице внимательно наблюдали за нами и при этом абсолютно ничего не

выражали, как будто были пустыми. От этого взгляда стало даже как-то не по себе. А самая главная отталкивающая черта первого яруса — это, без сомнения, чудовищная смесь самых отвратительных в мире запахов. У меня складывалось впечатление, что добегать до туалета здесь считается дурным тоном. И это, между прочим, еще не самое плохое. Время от времени возникало такое ощущение, будто кое-где, совсем рядом с нашим маршрутом, имеется в наличии не совсем живой человек, причем уже далеко не первый день. Борьба с чувством тошноты приобрела жизненно важный оттенок, именно поэтому выражения лиц у нас с волшебником во время прогулки были примерно одинаковыми.

Внезапно я почувствовал чужеродное шевеление в левом кармане штанов. Ненавязчиво прихватив обнаглевшую руку, я довел ее обладателя, пытавшегося вяло выкрутиться, до первого попавшегося несущего столба и с глухим стуком познакомил их поближе. Лохматый бродяжка при встрече с препятствием откинулся навзничь и ухватился за нос, из которого вовсю брызнула кровь.

— Ой! Что случилось? — как бы невзначай, с усмешкой взялся я за голову. — Не ушиблись?

Я помог встать незадачливому карманнику, но тут же ударом в грудь вернул его в изначальное положение.

— Да что ж вы так неаккуратненько? — весело подмигнул я спутникам.

Скокса явно позабавило зрелище, однако при этом волшебник выглядел абсолютно по-глупому. А все оттого, что пока наш несравненный чародей довольно скалился, другой воришка уже полным ходом извлекал из рукава кудесника волшебный шар. Судя по всему, наша компания попалась на четко спланированный развод.

— Стой! — вылупив глаза, возопил я, но было уже поздно.

Карманник резво бросился наутек, сжимая в руках добычу. Арлета тут же скинула заплечный мешок и рванула в погоню. Волшебник пару секунд обескураженно хлопал веками, но, сообразив что к чему, решил было присоединиться к охотнице. Я схватил его за рукав:

— Куда уж тебе, раззява! На! — Я бросил под ноги Скоксу поклажу и понесся вслед за беглецом, скрывающимся в дебрях трущоб.

Огибая лачуги, перепрыгивая попрошаек и обильно разбрызгивая вонючую грязь, мы мчались за вконец потерявшим всякий страх щипачом, который в одночасье лишил ужасного волшебника всего могущества. В голове заводным ритмом

ударных и электрогитар навязчиво стала играть смутно знакомая, очень динамичная мелодия. Ворюга улепетывал не оборачиваясь и явно со знанием дела. Очередной раз вильнув между кривыми хибарками, он скрылся в здании, разительно отличавшемся от остальных своим вполне крепким видом.

— Там ход наверх — давай за ним, а я низом пойду, — бросила охотница и метнулась за поворот.

Что ж, ей виднее. Я распахнул плечом дверь, за которой только что скрылся беглец. Не обращая внимания на жавшихся в испуге по углам обитателей, я взмыл вверх по лестнице, располагавшейся прямо напротив. Всего в нескольких метрах выше слышалось торопливое громыхание шагов, поэтому сомневаться в правильности выбранного направления не приходилось. Одолев два пролета, я сшиб с ног какого-то зеваку, увлеченно задравшего голову, и оказался в самом верхнем помещении. Наскоро осмотревшись, я заметил в дальней стене маленькое открытое отверстие и выскальзывающую оттуда наружу стопу злоумышленника. Хорошо еще, что успел увидеть, так как лаз почти сразу захлопнулся крышкой, замаскировавшись начисто. Интересно, а что если ворюга теперь стоит снаружи и ждет моего появления? Эдак можно и украденным шариком по голове отхватить, если ее первой высунуть из дырки. Но я все-таки последовал за жуликом и вскоре очутился на деревянном мостике, вдоль которого с одной стороны располагались дома, а с другой торчали перила.

Внизу, с довольно приличной высоты, виднелись красоты первого яруса, там же выжидающе смотрела наверх Арлета. Я указал ей направление движения и вновь бросился в погоню. Мелодия, название которой я все пытался вспомнить, по-прежнему громыхала в сознании, причем весьма органично подходила к заданному темпу бега. Воришка наяривал по мостику, расталкивая ошарашенных прохожих. С другой стороны этой импровизированной улицы зеркальным отображением шел ряд бревенчатых домов и такой же деревянный настил с перилами. Местами два мостика сообщались друг с другом перемычками, а периодически давали боковые ответвления на другие улицы. Карманник шустро лавировал по этим чудесам инженерной мысли, углубляясь в город-мечту любого паркуриста или ямакаси, но я не отставал и даже успевал знаками показывать Арлете, куда бежать. Достигнув одного из перекрестков, щипач, видимо, захотел спрыгнуть вниз, но вонзившаяся в дом прямо перед его носом стрела несколько сбила с толку беглеца. Этого времени мне как раз хватило, чтобы выполнить намерение воришки, правда, в несколько ином виде. Ударом ноги я отправил

его на первый ярус. Проломав перила, бродяга в головокружительном полете приземлился спиной в грязь, застонал, выгнулся дугой, но встать не пытался. Синий шар Скокса, изрядно запачканный грязью, откатился в сторону. К нему тут же подскочила охотница, сгребла в руки, а после склонилась над телом карманника. Глянув по сторонам, вскоре я нашел удобный несущий столб и съехал по нему вниз. Мелодия в голове оборвалась, но тут же всплыло и ее название «Ride the chariot to the devil»[8], и группа «SUM-41», исполнявшая эту инструменталку на просторах моих извилин. Как-то удачно в этот раз подбор музыки получился, а то всякая ерунда обычно приедается.

— Ну что, живой? — спросил я у охотницы, и та утвердительно кивнула. — Допрыгался? Каскадер-самоучка, — уже к воришке обратился я.

Мужичок опять простонал, закашлялся, затем сплюнул в сторону и растянулся в болезненной ухмылке:

— Попались… кхе-кхе… куропатки! Попались! — Бродяга засмеялся, но гримаса боли тут же обезобразила его лицо, и воришка схватился за ребра.

— Откуда столько оптимизма? — не понял я такого разительного несоответствия настроения щипача сложившейся ситуации.

— Ну-ка, ну-ка! И кого это к нам занесло с верхних ярусов? — раздался голос из-за спины.

Там стояли трое оборванцев, а в руках у них что-то неприятно и раздражающе сверкало металлическим блеском.

— Небось, карманы жмут, аж помереть хочется, — донеслось из соседней подворотни.

Оттуда тоже нарисовалась полностью аналогичная троица.

— Добро пожаловать, милостивые судари! — Еще двое стояли в тени с третьей стороны, закрыв оставшиеся пути отступления.

Теперь причина веселья настигнутого нами воришки стала ясна, как небо, в котором неожиданно прогремел гром. Черт, надо было нанимать экскурсовода! Осмотревшись вокруг, я лишний раз убедился, что все варианты просочиться наружу заткнуты плотнее, чем пробка в бутылке вина. Эх, опять вляпались! С привычным лязгом показались лезвия когтей, рядом со скрипом выгнулось древко лука. Теперь что, прорываться? Через тех двоих? Но эти бандиты вроде как раз самые здоровые, и места для маневра в том проходе меньше всего. Нападать на какую-нибудь тройку? А не дай бог умудрятся чирикнуть ножичком. Арлету, между прочим, в случае чего волшебники отшепчут, а меня кто станет заштопывать? Короче, я принял решение: поднял из грязи нашего беглеца и многозначительно поднес когти к его

горлу. Будем надеяться, что жизнь боевого товарища ценится здесь больше ломаного гроша.

— С нас нечего взять, кроме пары лишних дырок в ваших телах. Дайте нам уйти.

Бандиты сообразили, что уже не до шуток, все нахмурились как один и начали медленно приближаться.

— Не рекомендую, — как можно более спокойно произнес я. — Еще один шаг — и моя подруга одного — двоих из вас без труда снимет еще на подходе. Я тоже постараюсь. Мы с ней любим соревноваться. Этого, — я встряхнул воришку, — считать не будем, правда, Арлета? — Я бодро улыбнулся спутнице. — Не слишком ли много потерь среди личного состава из-за какого-то шарика?

— Арлета? — донеслось удивленное восклицание со стороны прячущегося в тени дуэта.

Охотница обернулась к говорившему. Тот вышел на свет, и его теперь можно было детально рассмотреть. Что ж, перед нами, как пить дать, предстал атаман шайки собственной персоной. Молодой, статный, с, наверное, по их меркам лихо закрученными, а по нашим — просто дурацкими, темными усами. В ярко-алом кафтане, подпоясанном черным кушаком с золотыми нитями, полосатых шароварах, заправленных в чудом сохранившие блеск и чистоту на первом ярусе сапоги. В правой руке он держал, методично помахивая из стороны в сторону, шипастый шарик, насаженный с помощью цепи на посеребренную рукоятку. Его левая рука не слишком вежливо указывала на охотницу, периодически дергаясь от радости. Короче, вылитый джентльмен удачи, работник ножа и топора.

— Не верю своим глазам! — продолжал удивляться он. — Арлета! Это ты?

— Реван? — спросила охотница недоверчиво.

— Ха-ха! — обрадовался разбойник. — Точно! Ты меня помнишь! — Затем поднял вверх руку, обращаясь к своей банде: — Опустить оружие. Свои!

Надо бы отдать атаману должное — бродяги мигом попрятали погремушки. Дисциплина в тусовке этого главаря не хромала. Охотница тоже закинула за плечи лук и облегченно улыбнулась.

— Сколько лет, сколько зим! — Атаман спокойно приблизился и в дружественном жесте раскинул руки. — Где ж ты пропадала столько времени?

— В Прилесье, с отцом, — Арлета обнялась с молодым человеком.

— Ну и как там старик Игмат поживает?

— Неплохо. Трактир держит.

— Так и знал, что не пропадет мужик! — обрадовался атаман и уже другим тоном добавил: — А ты так изменилась!

Ого, мне как раз конкурентов больше всего не хватало! Я и так сейчас в сторонке стою и всем организмом ощущаю себя третьим лишним. И вообще — как же эталоны местной красоты? Где же приверженность к пышным формам? Или это лишь к деревням относится? Пришлось как бы невзначай прочистить горло, напомнив охотнице, с кем она здесь оказалась.

— Ах, да, — опомнилась девушка. — Арсенал, это Реван. Мой друг детства.

— Знаю, — с невозмутимостью агента ноль-ноль семь заявил я.

— Откуда? — в один голос заявили собеседники. Только у бандита это получилось крайне настороженно.

— Что еще может связывать приличную девушку и городского разбойника, кроме детских игр? — продолжил я в стиле Шерлока Холмса.

— А вы кем будете, сударь? — осведомился атаман.

— Это секретная информация. И если вы, не доведи Перун, узнаете, кто я есть на самом деле, мне придется вас убить. Надеюсь, вас удовлетворит, если я скажу, что меня зовут Арсенал и я очень близкий друг Арлеты. Не так ли, моя хорошая?

— Да, — несколько удивленная, кивнула охотница.

— Что ж, — вымолвил молодой человек, немного поразмыслив, — друг моего друга — и мой друг тоже.

Разбойник протянул мне руку. Без спешки, но и не слишком медленно я вытянул свою в ответ, и мы обменялись рукопожатиями.

В эту минуту, кряхтя и отдуваясь, вытирая обильно выступившую на лбу испарину, сгорбившийся под тяжестью двух мешков на спине, к нам из-за кривого домишки вышел Скокс. Вот уж кто объявился совсем вовремя, как Дед Мороз на Восьмое марта.

— Наконец-то! — Чародей растолкал замешкавшихся бродяг, подошел ближе и скинул поклажу. — Сколько можно вас искать?

Я вообще поражаюсь, как в этих катакомбах можно хоть кого-нибудь найти, да и вообще отважиться пойти на поиски.

— Нашли его? — строго зыркнул волшебник.

Арлета, неуверенно озираясь — видимо, всерьез опасалась за жизнь товарища по песочнице и его команды, — протянула Скоксу шар. Чародей выхватил инструмент из ее рук, запихнул поглубже в рукав и взглядом из-под нависших грозно бровей окинул окружающих. Пойманный нами жулик артистично

прикинулся мертвым.

— Я хоть и сам прозевал, но если еще раз что-нибудь подобное случится — Сейм Чароведения в полном составе начнет зачищать от вас первый ярус, как от паразитов. Потом хлева тут построим. Пусть лучше крупный рогатый скот здесь обитает, чем такой, как вы!

Было видно, что главарь банды, как и все обычные люди на Поляне, боится злых волшебников не меньше, чем крановщик землетрясения, однако посчитает себя последним трусом, если не ответит на предупреждение чародея чем-нибудь гордым, оскорбительным и справедливым.

Из всех собравшихся, лишь мне без напрягов давалось общество Скокса, поэтому понятно кому довелось разряжать обстановку:

— Ой, давай, грузи по полной! У Сейма с одной стороны пачвары, с другой — Казмад, а волшебники все бросят и дружно кинутся заниматься дезинфекцией на первом ярусе Крипета. Не смеши! — Я обхватил чародея за плечо и шепнул на ухо: — Отойдем, поговорим.

Поманив охотницу за собой, мы отлучились в сторонку. Скокс начал сразу нас отчитывать:

— Вас и на минуту одних оставить нельзя! Уже с бандитами поякшаться успели!

— Мы в детстве дружили, — попыталась оправдаться Арлета.

— Подружили — и хватит! С такими только в детстве дружить можно, а после — все!

Собственно говоря, в данном случае с волшебником я был полностью солидарен. Нечего моей девушке с фартовыми зависать. Но совершенно неожиданно у нее сформировалось иное мнение:

— Все равно в Гладу только завтра сможем выехать. У его могущества здесь много дел, — обратилась она ко мне, указывая на бродяг. — Давай останемся с ними. Крипет — большой город, мало ли кто может здесь тебя увидеть, а на первом ярусе у Кащера точно нет сообщников. Тем более что мне кажется, Реван сможет нам помочь с сокровищами кладника.

Я задумался. Пожалуй, где-то в ее речи логика проскальзывала, хотя истинные свои намерения охотница высказывать явно не торопилась. За Скоксом осталось последнее слово.

— Хотите ночевать в навозе? Что ж, пожалуйста! Только чтоб завтра не жаловались! Утром возле городского стойла. Знаешь где?

Арлета кивнула, и когда чародей отвернулся, чтобы

удалиться, чуть не захлопала в ладоши от радости.

— Вот я тебя не пойму. Сейчас бы стрясли с нашего Скокса нормальный номер на двоих, в баньке попарились. Так нет же! Говори давай: что забыла в этой клоаке с ее бригадиром?

Девушка помахала рукой взъерошенному атаману.

— С волшебником было бы скучно. А здесь, — она с легким оттенком тоски во взгляде посмотрела вокруг. — Здесь прошло мое детство. С тех пор многое изменилось, но все же эти места напоминают мне про те времена, когда можно было беззаботно резвиться с друзьями и не думать о тяготах будущего.

— И все? Просто ностальгия? — разочарованно спросил я.

Хотя…

Вспомнился наш двор, наши бравые похождения в детстве. Да уж, если собраться всей компанией тех времен, было бы о чем поговорить за баночкой крепкого лимонада.

И о казаках-разбойниках по всему району. Как-то мы, будучи разбойниками, аж втроем залезли на ель, которые в рядок стояли возле одного из училищ с художественной направленностью. Внутри как раз в это время гремела дискотека. Команда казаков повертелась вокруг, нас не нашла и двинулась на поиски дальше. Только Леха, веселый такой дружище, помочился на ствол дерева, которое мы облюбовали. Пока думали, как будем слезать, из здания училища вышла барышня и, приспустив юбку, присела как раз под нашей елкой. Не знаю, чего ей там понадобилось и чем именно это хвойное всех привлекало. Возможно, внутри училища собралась большая очередь в уборную, и даме пришлось сгонять на природу, а Леха как раз напустил под нами феромонов. Короче, представляю себя на месте девушки: выходишь, присаживаешься под елочку по своим делам, а тут вдруг все дерево начинает неистово ржать. Мадам пришлось в спешке покидать место дислокации. Нам, собственно говоря, тоже.

Или как мы с другом ходили по дворам с поломанными пистолетами и старыми солдатиками, высматривая малолетнюю наивную жертву. Боюсь, лица нынешних торговых представителей и пиар-менеджеров залились бы стыдливым румянцем, понаблюдай они, как мы впаривали своим сопливым клиентам всякий никчемный хлам в обмен на почти новенькие, еще исправные игрушки.

И об экстремальных играх на стройке вспомнили бы несомненно. Это сейчас молодежь скачет по препятствиям, лишь бы скакать, и называет такую деятельность паркуром. А мы при этом еще устраивали командные гонки друг за другом, и величали эту игру скромным, незамысловатым названием «чай-чай, выручай». Причем летали мы по стройке, где успели возвести

лишь первый этаж, панельных перекрытий еще не было и, учитывая недавнюю перестройку в стране, они еще не скоро намечались. Мы гоняли по ребрам возведенных стен, перепрыгивая с одной на другую, на высоте двух с половиной метров. Тогда адреналин погони начисто сглаживал чувство опасности. Не знаю, насколько нынешние экстремалы просчитывают все перед прыжком, но у нас тогда однозначно времени на раздумья не хватало. Главное — смотаться от погони, ну или наоборот, выскочить наперерез жертве. Если бы мама с папой такие забеги увидели — с месяцок точно я бы на мягкое место присесть не рисковал.

Или как мы с Шаманом играли в ниндзя. Надо было со двора от одной точки дома добраться до этой же точки с противоположной стороны, да так, чтобы никто из прохожих нас не заметил. Как-то раз мы уже прокрались из двора на проспект, где между пешеходной дорогой и автомобильной в два ряда шли кусты. Саня пополз вдоль того ряда, что был ближе к трассе, а я возле самой пешеходной дорожки. Мимо проходила большая компания молодых людей, и мы затаились. Тусовка уже почти прошла мимо, но тут девушка, которая плелась в хвосте, посмотрела в мою сторону и с радостным восклицанием: «Ой, собачка!» — начала тянуть ко мне руку. Концепция нашего клана позволяла мне и Сашке быть воспринятыми кем угодно: хоть кустом, хоть собакой, хоть кучкой вымершего мамонта. Лишь бы в нас не распознали тех, кем мы являемся на самом деле. В этом вся философия ниндзя. Поэтому, чтобы не выдать себя, мне пришлось грозно гавкнуть. Девушка с визгом отскочила и мигом присоединилась к хохочущей над ней компании. Через пару секунд я услышал давящегося от смеха в соседних кустах Шамана.

Да вообще целую кучу интересных и забавных случаев можно было бы вспомнить: и как в прятки ночью играли, и в футбол, и про войну дворов. Сразу в одиночку все не упамятовать. Да уж, если детство Арлеты хотя бы наполовину было таким насыщенным, как у меня, то ее стремление зависнуть на ночь в этом отстойнике вполне можно понять.

Реван подошел к нам после того, как Скокс уже скрылся в лабиринтах первого яруса. Теперь, когда опасность миновала, можно было вовсю показывать свою удаль, тявкая, словно вшивая Моська на прошедшего мимо слона.

— Вы своему волшебнику так и передайте, что ему еще сильно повезло: нас этими сеймами не запугаешь!

— Завтра, если найдется время, я устрою тебе возможность передать ему эти слова лично, — с улыбкой пообещал я.

Разбойник растерялся, нервно засопел и ничего не ответил.

— Да ладно вам, ребята, — махнула рукой охотница. — Пойдемте посидим где-нибудь, поговорим. Вспомним былое, а? Реван? Где, кстати, Малик с Руселом сейчас обитают?

— Действительно, айда в трактир! — зацепился атаман за возможность спрыгнуть с малоприятного разговора и жестом предложил нам следовать за собой. — Русел сейчас важный боярин, — по ходу начал рассказывать Реван. — На четвертом ярусе живет, в собственном доме, с женой, детьми, холопами. В ратуше заседает. Ходят слухи, что в Гладу перебраться хочет, делами государственными воротить. А Малика, — голос бандита погрустнел, — стража прошлым летом казнила. Мы тогда в засаду попались, троих они поймали, Малика тоже.

Воцарилось соболезнующее молчание. Арлета переживала скорбное известие, а мне лично было все равно, я молчал из вежливости. Да и о чем тут с ними разговаривать? Зато чуть позже гомон моих спутников могли остановить лишь два точных выстрела. Каждое предложение у них начиналось с «А помнишь, как…» — и дальше эмоциональный текст, изобилующий непонятным для меня жаргоном, в конце которого звучал неизменный смех. Интереса к их байкам у меня, как и у всякого непосвященного, было по минимуму. Так часто бывает, когда два старых приятеля в разговоре друг друга понимают с полуслова, а остальным со стороны их треп кажется общением людей, щедро наделенных умственной отсталостью. Вот и мне приходилось снисходительно пропускать мимо ушей восторженные порывы ностальгии. Единственное, что держало меня на первом ярусе, так это правильно сделанное некогда замечание Антуана де Сент-Экзюпери: «Мы ответственны за тех, кого приручили». Раз уж обзавелся девушкой — будь любезен сопровождать и ее, и подруг по всем опасным районам. Ах, да! Еще здесь можно втихую реализовать брюлики.

Мы прошли рядом с основательным, довольно мощным для первого яруса зданием, из трубы которого медленно выползал черный дым. Он густо струился между деревянными перекрытиями, просачиваясь на верхние ярусы отравлять легкие тамошних обитателей. Это была жарка, о чем сообщила мне охотница, на секунду отвлекшись от совместных воспоминаний. Рядом с данным чудом кулинарной мысли пристройкой красовался сам трактир под загадочным названием «У дятлов». Туда нас и завел атаман.

Никакого намека на пернатых стукачей в заведении не было. Может, просто хозяева нашли в себе какие-нибудь общие черты с дятлами, а может, считали таковыми всех посетителей. Кстати,

последних, учитывая наступление вечера, прибывало все больше. Атаман распахнул дверь, и компания потрепанных бродяг тут же кинулась врассыпную из-за дальнего столика, уступая место новоприбывшим. Мы плюхнулись на пустые стулья, Реван щелкнул халдею и двумя жестами на пальцах объяснил заказ. Его шайка, между прочим, не присоединилась к хозяину, а незаметно проскользнула в зал и диффузно рассосалась по заведению, не спуская бдительных взоров с предводителя. Наш столик моментально заполонился вином и яствами, словно был оборудован скатертью-самобранкой.

Реван, ухватив кружку и жирный кусок мяса, с довольной улыбкой откинулся на спинку стула. Как Юлий Цезарь, он умудрялся делать несколько вещей одновременно: есть, пить и ораторствовать. Последнее действие, к сожалению, из-за первых двух получалось не очень, но Арлету, видимо, это никак не смущало. Меня — так и подавно. Главарь налегал на вино, как верблюд на воду, будто в последний раз. Охотница лишь пригубила напиток, а я решил, что в таком заведении потреблять алкоголь не только низко, но еще и опасно. Не удивительно, что наш джентльмен удачи довольно быстро потерял джентльменский вид.

Ночь потихоньку окутывала Крипет, и в помещении сначала тусклым светом, а затем все ярче и ярче, будто в прямой зависимости от сгущения мрака вокруг, загорались голубые фонарики конической формы, которые были вразброс натыканы повсюду как внутри трактира, так и на улице. Выглядело вполне мило, если бы не рожи, которые они освещали. Заметить такие чудесные приборчики раньше, при свете дня, мне не позволила, естественно, природная невнимательность.

Наш клиент — Реван — меж тем приблизился к оптимальной кондиции. Пришло время браться за дело, ради которого, в принципе, и был смысл оставаться на первом ярусе с этой компанией. Я подсел ближе к атаману и заговорщицким тоном спросил:

— Реван, Арлете и мне нужна твоя помощь. Мы можем тебе доверять?

— Конечно! Да я заради друзей!.. — неуклюже вскинув руку с кружкой, громко заорал собеседник.

Я приложил палец к губам, успокоил атамана и продолжил:

— В общем, у нас есть одно дело. Только провернуть его надо без шума. Ходят слухи, что никто лучше тебя с ним не справится.

Реван приосанился, отхлебнул несколько глотков и попытался изо всех сил сосредоточиться:

— Что за дело?

— Понимаешь, нам нужно продать драгоценности, довольно большое количество. Сам знаешь, это можно проделать официально, правда, скорее всего, пойдут ненужные слухи, разговоры. Могут появиться неуместные вопросы. Понимаешь? — Главарь кивнул и с трудом поднял голову в исходное положение. — Нам нужно сделать все тихо. Я не знаю, кому все сбываю, и это лицо, в свою очередь, не знает, кто ему все сбыл. Без имен и явок. Конфиденциальность — вот что для нас превыше всего. Ясно? У тебя ведь есть человек, с которым ты работаешь? Которому ты продаешь добычу?

— Есть, — невнятно буркнул Реван.

— У тебя получится провернуть с ним нашу небольшую сделку?

— Угу…

— Ну так что, пошли к нему?

— Пошли, — неожиданно быстро согласился разбойник.

Он грузно поднялся из-за столика и, расталкивая плечами посетителей, зигзагом направился к выходу. В дверях нас нагнал один из опричников атамана.

— Вы куда? — взволнованно спросил он.

— К скупщику, — бросил главарь и вывел нас наружу.

Волшебные фонарики своим приглушенным светом создавали мрачноватую атмосферу, хотя в другом месте могли выглядеть вполне романтично. Однако мы находились на первом ярусе, поэтому с трудом различимые в полумраке силуэты развалюх и скрытных местных жителей обретали весьма настораживающие очертания. Реван шел молча, растрачивая все физические и умственные усилия на поиск маршрута. Мы с Арлетой следовали в двух шагах от него, а коллеги атамана веером распределились за нашими спинами и старались двигаться незаметно. Вскоре один из них присоединился к нашему арьергарду.

— Скупщик живет на третьем ярусе, — шепотом сказал он. — Сейчас туда опасно идти: стража в это время усилена.

— Почему? — не понял я.

— Время такое, — взволнованно пояснял бандит. — Самое то для наших дел, поэтому контролируют каждую сажень. Через два часа уже спокойней будет, да и стражники подустанут. Давайте позже пойдем. А то и сами подставимся, и скупщику проблем наделаем.

Действительно, сверху постоянно раздавались тяжелые шаги патрульных, на которые раньше я попросту не обращал внимания, опять же ввиду своей проклятой невнимательности. Наверное, именно из-за нее меня постоянно преследуют неприятности. В общем, полученная информация несколько меняла дело, и мы

решили прислушаться к совету разбойника. Я собрался было догнать Ревана, однако тот быстро развернулся и жестом подозвал к себе говорившего с нами подчиненного. Бандиты перекинулись парой словечек, и осторожный член шайки вернулся к нам:

— Реван, оказывается, сам все уже продумал. Мы подождем возле лаза на второй ярус, выйдем, когда все более-менее успокоится.

Атаман в это время задумчиво смотрел по сторонам, затем наконец выбрал направление и указал следовать за ним.

Мне показалось странным, что в хлам нетрезвый Реван оказался способным разработать самостоятельно какой-то план.

Через несколько поворотов мы зашли в некую сараеподобную конструкцию, как я понял, предназначенную для десантирования на верхний ярус в обход официальных подъемов, охраняемых стражей. Вся шайка проскочила внутрь, а замыкающий бродяга щелкнул дверным замком. Возможно, дело было в своеобразном освещении, однако атаман, стоявший в дальнем углу со скрещенными на груди руками, казался мне слишком свежим для своего состояния.

— Сколько у вас товара? — на удивление ровным голосом спросил он.

Краем глаза я отметил, что все разбойники грамотно расположились вокруг нас. Будто хоровод водить собрались.

— А тебе зачем, Реван? — мы с Арлетой переглянулись.

— Я же должен знать, о чем вести речь со скупщиком, — усмехнулся главарь.

Охотница пожала плечами, сняла мешок и достала оттуда горсть наших драгоценностей.

— Ничего себе! — алчным огоньком зажглись глазенки предводителя. — Тут же целое состояние! Вы что, кладника грабанули?

Мы с девушкой вновь переглянулись, улыбнувшись догадливости Ревана.

— В том-то и дело. Мы не хотим никому отвечать на подобные вопросы, которые, к сожалению, неизбежны. Потому и обратились к тебе, — объяснил я.

Атаман подумал немного, затем глубоко вздохнул, словно собирался с духом, и произнес:

— Арлета, зачем он тебе? Кто он для тебя такой? Что тебя с ним связывает? Давай лучше к нам! Мы будем вместе, как в старые добрые времена, помнишь? Мы ведь были такими хорошими друзьями! Но, знаешь, я всегда испытывал к тебе нечто большее, чем просто дружба. С такими деньгами, Арлета, мы

заживем с тобой в роскоши и счастье! Соглашайся, Арлета! Давай! Ну же!

Бандит натянуто улыбался, ожидая ответа. Охотница смотрела то на меня, то на Ревана растерянными глазами. Я же наполнился яростью до предела: еще капля — и взрыв неизбежен. Так вот он какой, настоящий план хитрого атамана!

Хотелось сказать охотнице, что все это нелепая буффонада, что, сколько бы там денег наши брюлики ни стоили, ее дружок в два счета прокутит все напрочь и дальше будет промышлять разбоем. Ей тоже свою роль придумает, как той милашке, что развела меня в «фольксвагене» перед самым турне на Поляну. Но не сказал. Не сказал, потому как хотел, чтобы она сама, без вмешательства извне, сделала свой выбор. Охотница в очередной раз посмотрела на меня, и в ее глазах отражалась грусть.

— Извини, Сеня… — Так я попросил ее называть меня две ночи назад.

Ярость, переполнявшая организм, исчезла, будто из меня достали затычку и все эмоции попросту вытекли. В душе поселилась абсолютная пустота, вакуум. С этой секунды практически все, происходящее вокруг, перестало меня интересовать.

Арлета подошла к улыбающемуся во всю рожу Ревану, встала рядом и положила руку ему на плечо.

— Я очень рад, что ты сделала правильный выбор, — сказал он девушке, пристально глядя на меня.

— Это было несложно. Если бы ты знал, как он мне надоел! С момента встречи эта княжеская ищейка не дает мне покоя.

Что еще за новости? С какой это стати меня причислили к семейству собачьих, да еще и с княжеской псарни? Охотница, похоже, окончательно и бесповоротно испортила отношения с мозгами.

— Что с ним будет? — спросила она.

Вокруг зашуршали разбойники, доставая из закромов одежды на свет божий свои железяки.

— Порежем, когти снимем, тело сбросим в подворотню, да и дело с концом, — спокойно, будто вершилась судьба молодого бычка на скотобойне, ответил атаман.

Он поднял руку, и круг бандитов начал смыкаться.

— Стойте! — громким возгласом остановила их Арлета. — Он не достоин такой простой смерти.

Разбойники застыли.

— Что? Так сильно раздражает? — удивился Реван.

— Ты даже не представляешь!

Девушка плавными шагами подошла ко мне и начала ходить

вокруг.

— Мне надо, чтобы его казнили на глазах у всего Крипета. Я подожгу ему одежду, и мы вышвырнем его под ноги страже. С огненосцами разговор короткий: его даже слушать никто не станет — потушат и утром же снесут голову.

Откуда в казавшейся сначала кроткой и спокойной охотнице столько подлого коварства? Что я успел ей такого сделать? Разбойники тоже недоумевали и украдкой поглядывали на своего не менее озадаченного предводителя. Тот все-таки принял решение:

— Конечно, прирезать было бы проще, но если тебе так хочется…

Охотница с довольным выражением на милом личике подошла к двери, ведущей на лестницу, открыла ее.

— Добро пожаловать, — любезно пригласила она меня.

Конечно, я всячески стеснялся и смущался — короче, тупо стоял на месте. Кто-то из бандитов поторопил меня неприятным ударом меж лопаток, а двое других, подхватив под руки, потащили наверх. Лестница вела в чердачное помещение, где пришлось расстаться с любимыми коготками и в скрученном состоянии ожидать в углу исхода этого мероприятия.

Командовала охотница. Она сидела возле отверстия на второй ярус, приоткрыв крышку, и ждала, когда появятся стражники. Пару раз мимо проходили патрули, но Арлета по каким-то своим соображениям не торопилась кидать им под ноги пылающего меня. Наконец, услышав неторопливые шаги вдалеке, она подала знак приготовиться. Бандиты подтащили меня к отверстию на второй ярус и усадили напротив девушки, копошившейся со спичками. Видок у меня, наверное, был крайне жалким, как у мокрого котенка. Охотница украдкой глянула по сторонам, затем обернулась ко мне, улыбнулась и обнадеживающе подмигнула. Но при этом чиркнула спичкой, подожгла рукав и скомандовала разбойникам выброс балласта. Несколько сильных рук спешно ухватили меня за шиворот и эвакуировали наружу.

Одежда не успела даже толком разгореться, и я двумя хлопками потушил ее, лишь только поднялся на ноги. В двух шагах с выпученными глазами и отвисшими челюстями стояла пара стражников, и когда я их увидел, весь замысел Арлеты стал понятен, как задачка для детей младшей ясельной группы. Патрульные оказались, как бы это помягче выразиться, полными корчами. Один из них, длинный и худой, поразительно смахивал на алебарду, которую сжимал в руках. Второй был точной копией колобка, перекормленного дрожжами.

Охотница, оказывается, за считанные секунды все продумала еще в тот момент, когда Реван сделал ей провокационное предложение. Она якобы согласилась присоединиться к банде, обезопасив тем самым себя. Затем придумала бредовую историю про то, что я княжеский агент и жутко ее достал. Короче, нарисовала повод лично со мной расправиться, а теперь выпустила вроде как на растерзание, но с ее грамотным подбором стражников, получается, что на свободу! Ай да молодец, девчонка, — все повелись, даже я! Теперь главное самому не сплоховать.

— Сударь, вы нарушили золотой закон Крипета! — наконец произнес один из патрульных, который длинный. — Мы вынуждены задержать вас!

Ага, сейчас! Только на коленки встану и руки за голову закину.

Бедным, ни в чем не повинным стражникам пришлось сполна расплачиваться за все мои недавние расстройства. А что делать, если эмоции вновь наполнили тело, и главенствующей из них на данный момент было какое-то агрессивное веселье. Патрульные даже не успели вскинуть алебарды.

Вообще алебарда — довольно дурацкий выбор оружия в условиях узких пространств на деревянных настилах. Гораздо эффективней, конечно, было бы оснащение короткими кинжалами или чем-нибудь типа того. Но мне ведь от этого только проще.

Длинному досталось большеберцовой костью по боковым мышцам бедра (очень больно, между прочим), а потом короткая «двойка» по чайнику. Ему вполне хватило. Товарищу влетело меньше. Толстяка я просто немного вывел из равновесия, и его неповоротливый организм сам поспешил приземлиться. Все, теперь наутек, пока подмога не слетелась. Жаль только, что я не имею ни единого представления, хотя бы в какую сторону бежать.

Тишину разорвала давящая на барабанные перепонки трель свистка — кто-то из стражников успел оклематься и позвать на помощь. Вдалеке загрохотал галопом топот приближающихся сослуживцев. Началась игра в кошки-мышки. Что ж, посмотрим, как у вас функционирует «план-перехват».

Бесчисленные тренировки с Шаманом и качественная подошва кроссовок позволяли мне двигаться довольно тихо — лишь изредка предательски скрипели доски под ногами. Стражники, наоборот, оповещали всю округу о своем перемещении задорным громыханием сапог и руганью. Зато их было много, да и город они, скорее всего, знали как свои три — пять пальцев. Ну, это в зависимости от их наличия ввиду боевого

прошлого. В голове вновь заводным мотивом карета понеслась к дьяволу.

Я лавировал по пустынным перекрытиям Крипета, мгновенно сворачивая в сторону, едва заслышав шаги стражников. Конечно, можно было спрыгнуть на первый ярус — там уж точно любые поиски заглохнут, однако этот вариант я решил приберечь на крайний случай. Один раз пришлось даже спуститься с мостика и повиснуть над землей, зацепившись за перила, ожидая, пока проскочат два случайно зажавших меня патруля. Ребята прогарцевали мимо, ничего не заметив, а вот я услышал, как они всю дорогу твердили о нарушителе золотого закона Крипета. Интересно, про кого это, хе-хе?

Вскоре погоня совсем сбилась с направления и дружным кагалом поскакала куда-то в сторону от меня. Тоже мне ищейки! Дворняги натуральные! Зато можно перевести дух, но расслабляться пока рано. Не в джакузи ведь.

Пришлось немного поплутать в замысловатых развязках второго яруса, настораживаясь при каждом подозрительном шуме. Вскоре удалось наткнуться на подъем, ведущий к переходам верхнего уровня. Что ж, глянем, чем народ побогаче живет. Судя по массивным очертаниям строений, люди здесь обитали вполне серьезные. Н-да, пронеслось в голове, это у нас в мире люди пытаются разбогатеть, карабкаются к верхушкам общества, чтобы позволить себе роскошный транспорт, еду и отдых, а тут все старания лишь ради совместной кухни да туалета на несколько семей. Несомненно, есть чем гордиться. Хотя в то же время я вынужден был признать, что обстановка на третьем ярусе по своей чистоте и опрятности конкретно превосходила таковую на втором. Про первый вообще молчу. Да и некоторые домишки все-таки претендовали на то, чтобы называться изысканными или хотя бы в какой-то мере подвергшимися извращенной мысли дизайнера.

Несколько раз я проходил невдалеке от шумных кабаков, на пороге которых толпились разноцветные как в плане одежды, так и в плане рож ночные гуляки. К богемным заведениям я решил не приближаться, чтобы не привлекать внимания почтенной публики, а особенно стражников, которые крутились вокруг трактиров как собаки возле накрытого стола.

Прогулки по не доросшему до настоящей роскоши третьему ярусу вскоре наскучили, и я решил позырить, что делается на самом престижном из них. Однако подняться туда было не суждено: на всех подъемах торчали крепкие и плотно вооруженные стражники — не чета тем, что пытались меня задержать.

Остаток ночи до самого рассвета пришлось провести в унылых прогулках по деревянным настилам и мостикам. Позже я спустился на второй ярус, где, по моему мнению, работала наименее бдительная и физически (а скорее всего, еще и умственно) слабая стража. Через несколько минут блужданий, я обнаружил в задней стене одного из шумных трактиров укутанную мраком нишу, в которой до самого утра можно было незаметно спрятать даже новехонький блестящий трактор. Принюхавшись, выяснилось, что бесплатных туалетов на такой пригодной для этого безобразия территории тоже никто не устраивал, поэтому я с облегчением окунулся во тьму и присел в уголке. За стеной зычно протекало веселье, и его монотонный гул усыплял не хуже димедрола. Последней здравой мыслью было беспокойство, как бы случайно не всхрапнуть на всю округу, но вдруг все голоса в кабаке резко перестали шуметь, и наступившая внезапно тишина вырвала меня из погружения в сон. Я уже начал было ерзать, чтобы подняться, но из-за стены вновь раздались звуки. Казалось, будто внутри кто-то играет на арфе. После мелодичного проигрыша послышался приятный голос солиста:

На землю спускалась глубокая ночь,
Он шел через лес, чтоб спасти свою дочь,
И ноги несли напролом мужика.
Судьбину свою знал он наверняка.
Но, стиснув топор, он шагал лишь вперед,
Со скудной надеждой, что дочка — живет…
Услышал сипенье, разжался кулак:
В ночной темноте его ждал волколак.[9]

Окончания этой малоперспективной истории дослушать не получилось из-за начавшейся в трактире потасовки. Методичное постукивание кулаков по рожам опять ввергло меня в сонливое состояние, а чем закончилась песня, узнать не довелось. Решил узнать завтра у Арлеты или волшебника.

Глава десятая, интригующая

Проснуться пришлось от не очень приятного ощущения, будто за мной кто-то наблюдает. Открыв глаза, выяснил, что это не кто-то, а целая горстка горожан. Возглавлял толпу обозревающих невысокий активный мужичок с небольшим листочком в руках. Он постоянно вертелся вокруг своей оси, перешептывался с окружающими, тыкал свой листок им под нос, а в меня пальцем. Плюсом в этой крайне настораживающей ситуации было лишь то, что обычную утреннюю сонливость как рукой сняло. Я вскочил, наскоро осмотрелся и спросил:

— Граждане, что это вы на меня пялитесь как на обезьяну в зоопарке?

— Уж не ты ли это, голубчик? — Вместо ответа мужичок показал свой листок.

Там было изображено мое свирепое выражение лица, между прочим, к чести художника, весьма правдоподобно. А снизу самой настоящей кириллицей значилось: «Поимка живым за вознаграждение». Ну, живым — и то радует.

— Да что же это вы, православные, совсем с дуба рухнули? — удивился я, осознавая, что несколько переборщил с вероисповеданием горожан. — Я ведь только утром приехал! И что? Сразу в розыск! Тут какое-то недоразумение. Смотрите — вон повозка моя стоит с товарами, а кучер на козлах все вам подтвердит.

Я начал протискиваться к перилам сквозь толпу жаждущих вознаграждения за мою голову, призывая всех в свидетели своей невиновности.

— Вон, смотрите, — ткнул я пальцем в первую попавшуюся лачугу и сиганул вниз. — До свиданья…

Общественность возмущенно зароптала, а наиболее смелые участники внушительного коллектива поимщиков устремились вслед за ускользающим вознаграждением. За что, собственно говоря, и были вознаграждены парой тумаков и затрещин.

Ну вот, теперь на первом ярусе я был своим среди своих — злостным хулиганом и правонарушителем. А ведь в Прилесье, согласно должности, обязан был с таковыми бороться. Как быстро и низко я пал! Правда, особые угрызения совести по этому вопиющему поводу меня отчего-то не мучили. Важнее было найти место назначенной Скоксом сходки. Вроде договаривались возле конюшен. Туда я и направился, выведав маршрут у некоего существа первого яруса, показавшегося мне наиболее приличным.

Конюшни располагались у самой окраины восточной части

города. Как и следовало ожидать, стойла находились непосредственно на земле-матушке, а значит, довольно тесно граничили с криминогенной зоной Крипета, поэтому и охранялись вполне соответственно. Этот факт вызвал некоторые затруднения. Я был уверен, что здешняя стража не хуже остальных ознакомлена с моим фотороботом.

Покружив, как голодный койот, вокруг конюшни, я заметил в сторонке нервно приплясывающего чародея и охотницу рядом. Девушка озиралась по сторонам и небрежно помахивала боевыми когтями. Ну не чудо ли она у меня? Умудрилась не оставить без любимых цацек своего молодого человека! Я радостно им свистнул и замахал руками. Едва заметив меня, Скокс угрожающе скривился, и я всерьез успел пожалеть, что показался ему на глаза. Нетерпеливым жестом он позвал меня присоединиться к ним, и я, опасливо поглядывая на стражу, украдкой просеменил к спутникам.

— Ну что, искатели приключений, доигрались? — Волшебник извлек из-под полы балахона знакомый портрет и принялся с энтузиазмом размахивать злосчастной бумажкой перед моим лицом. — Уже слышал про ваши похождения! Все, судари преступнички. Сдаю вас под арест! До самой Глады поедете у меня в закрытой повозке, а то, не приведи Перун, еще пару попутных деревень спалите!

Я вовсю улыбнулся и подмигнул Арлете. Лучшего подарка невозможно было и придумать! Наконец-то, после всех передряг, выдалась возможность спокойно отлежаться с любимой в отдельной карете.

— Скокс, это суровое наказание, но справедливое, — серьезно заявил я волшебнику и, подумав, добавил: — Между прочим, пара бутылочек вина будет неплохо способствовать нашему перевоспитанию.

— По коням, бездельники, — мрачно произнес чародей и быстро швырнул в близстоящих стражников какое-то заклинание.

Мы направились к двум крытым повозкам, уже запряженным двойками. Понятно, что благодаря чарам волшебника я интересовал охрану не больше, чем льва помидор, и мы с Арлетой бодро погрузились в свой дилижанс. Убедившись в полной безопасности, я даже позволил себе несколько вольностей, прикрикнув кучеру:

— Шеф! Два счетчика! В столицу двигаемся.

Карета у нас была просторная, оборудованная мягким широким сидением сзади, а свободное место впереди предназначалось для багажа. По бокам в дверцах торчали небольшие оконца, предусмотрительно оснащенные шторками.

Скокс закрыл повозку, едва мы туда загрузились, щелкнул замком и фыркнул напоследок в окошко. Через несколько мгновений кортеж тронулся, и я задернул шторки.

Арлета рассказала, как ночью улизнула от спящих в угаре бандитов, прихватив с собой мои когти, наши бриллианты и пару меховых воротников, которые Реван украл давеча у одной богатой вдовы. А я поделился впечатлениями от ночной погони. Правда, в конце рассказа получилось так, будто я один перебил чуть ли не половину городских стражников. Ну и ладно, зато за смелость и отвагу, проявленные в повествовании, я был награжден сладким поцелуем. А дальше началась довольно скучная на события, но приятная на времяпрепровождение поездка.

Хотя, конечно, не все было так замечательно. Три дня пути местами напоминали мне тот самый единственный памятный отдых в Турции, где все включено и абсолютно не о чем беспокоиться. Никуда не надо идти, ничего не надо делать. Алкоголь, еда, любовь — под рукой все и бесплатно. Травоядное существование напрочь вышибает минимальную способность мыслить, в особенности перспективно. Но все-таки Турция — это две недели примитивного времяпрепровождения, а у нас оно длилось лишь три дня. Да и настрой в последнее время царил совсем не отпускной. Потому и мыслишки в голове кое-какие возились — как раз в те промежутки, когда повозка тряслась только из-за неровностей дороги, а не из-за того, что происходило внутри. Причем думалось, как ни странно, про дирижабли.

А что? Сварганить такую конструкцию особого труда не составит, по крайней мере, с первого взгляда особых сложностей не видно. Хотя, возможно, инженеров с опытом такая самоуверенность изрядно повеселит. Ну, да и черт с ними, с инженерами. Посмотрел бы я на них в моей ситуации, когда будущее радужных перспектив не сулит, а настоящее представляется последними днями Помпеи. Да, тревожные мысли о предстоящих событиях стали посещать меня все чаще. Днем-то еще ничего, но вот ночью, когда обостряются чувства страха и опасности, воспоминания о пачварах, Кащере, Цмоке мешали заснуть часами. А иногда монстры приходили ко мне в кошмарах, и тогда я, проснувшись, как в детстве, тихонечко лежал под пледом в страхе пошевелиться.

За эти три дня начал в полной мере осознаваться размах грозящей беды, а также ее серьезность. Потому и появилась мысль перенестись по воздуху над хищными лесами вокруг Поляны и найти новую. Спасти как можно больше людей и начать там все заново. Хотя где гарантия, что нечисть со временем не доберется и до тех мест? Конечно, мера не радикальная, но кто

знает… Возможно, удастся перенестись так далеко, через горы, моря и океаны, что Кащер еще не скоро туда нагрянет, и новая встреча нечисти с человечеством будет беспокоить умы других поколений.

На фоне этих переживаний постоянно брезжила мифическая надежда, что вот-вот на моем пути откроется серебристое окошко телепорта, и я опять вернусь в тот мир, где самым большим страхом большинства людей является опоздание на работу и увольнение. Но дорога шла своим чередом, пейзажи в окошке менялись, спасительный телепорт все не появлялся, а столица Мидлонии между тем приближалась.

В Гладу мы въехали глубокой ночью, когда я после очередного рандеву с Цмоком в ужасе дрожал под одеялом. Колеса шумно загрохотали по брусчатке. Спокойной ночи, уважаемые горожане, как говорится. И вправду, по децибелам наши экипажи можно было смело сравнить с трактористом, который выбрался на служебном транспорте в вино-водочный с утра пораньше за опохмелом. В общем, на Поляне резины, скорее всего, еще не изобрели.

Когда Скокс открыл нам дверь во внешний мир, я устало в него вывалился, зашвырнул на плечо какие-то тюки и поплелся к распахнутым дверям напротив кареты с уверенностью, что экипаж остановили возле гостиницы. Из-за поворота на солидной скорости навстречу нам выскочила крытая повозка, запряженная взмыленной двойкой. Из окон транспорта пучком торчали руки, заполненные бутылками, а также доносились бессвязные вопли, отдаленно напоминающие песню. Оказывается, есть в Гладе персонажи, которые ночами шумят сугубо из удовольствия. Однако у каждой самой что ни на есть веселой затеи есть своя обратная сторона. В окне над моей головой раздался злобный рев:

— Да будьте вы прокляты, паскуды!

И о крышу кареты социопатов разлетелась вдребезги пара овощей не первой свежести. Или пара фруктов. В темноте, да не в своем мире, сразу не разобрал. Тем более жутко тянуло спать. Я принял к сведению агрессивность местных жителей, пропустил девушку с волшебником вперед и поплелся за ними следом. В ярко освещенном холле нам наперерез бросился полуметровый человечек, награжденный от природы густой растительностью и огромным носом. Он пригласил нашу троицу следовать за собой. Слева, за стойкой портье, стоял практически близнец нашего провожатого. Вдалеке с подносом, усыпанным яствами, прошмыгнула такая же невысокая, как и все остальные, женщина.

— Мы у гномов? — смог удивиться я.

Недоросль тут же обернулся и по степени нахмуренности

бровей мог серьезно соревноваться с нашим чародеем.

— Вы у Громов, молодой человек. Гномы содержат свою никчемную забегаловку через два квартала. Если желаете всю ночь протискиваться между гигантскими потными телами к своему номеру и наслаждаться зловониями — то я вас не держу, можете идти к ним!

Уж этого мне точно не хотелось, а в особенности героически преодолевать два квартала. Правда, что к чему, я так и не понял. Все нюансы недружелюбным шепотом прямо в барабанную перепонку объяснил Скокс:

— Сеть гостиниц этих карликов пользуется самой наилучшей репутацией среди приличных людей. У Громов останавливаются все иногородние волшебники Сейма, губернаторы и старосты. А вот их страдающие гигантизмом конкуренты Гномы с радостью примут пустоголовых елупней — таких, как ты. У них всегда рады отбросам. Мне твое содержание здесь и так влетает в копейку, а ты еще хозяину грубить вздумал?

— А я что, виноват, что они на гномов похожи? — в ответ прошипел я.

— На Гномов похожи стоящие на задних ногах лошади гренадеров княжеского полка, а эти просто карлики.

— Это у вас, а у нас похожи!

— Кто? — совсем запутался чародей.

— Да ну тебя! Будто тебе на самом деле интересно, кто у нас на кого похож!

— Действительно, — согласился Скокс. — Все, спать. Завтра ответственный день.

Меня с девушкой заселили в один номер, и я с удовольствием отрубился до самого стука в дверь…

…В дверь настойчиво стучали.

— Головой постучи! — Н-да, общение со мной и Скоксом не прошло для Арлеты мимо.

— Его могущество просил передать, что будет ждать вас в Сейме к десяти утра, — донеслось снаружи.

— А сколько сейчас?

— Девять тридцать.

Мы с охотницей переглянулись.

— Ты знаешь, где находится этот Сейм? — спросила она меня.

— Милая, ну ты даешь! Конечно, знаю! Так же хорошо, как ты знаешь дорогу к египетским пирамидам.

Из-за двери вновь раздался тот же голос, на этот раз с нотками радости:

— Его могущество сказал, если вы не успеете вовремя — он

вас превратит в праздничный фейерверк!

— А он случайно не говорил, что я обычно делаю с маленькими Громами, которые невовремя будят меня? — Да уж, Арлета сегодня — сама любезность.

За дверью послышались торопливые удаляющиеся шаги. Несмотря на то что мы опаздывали, настроение было вполне отменным. Оказывается, весьма приятно смотреть не только на то, как обаятельная красавица снимает с себя кожаную одежду, но и как надевает ее.

Двое карликов, дежурящих в холле, проводили нас далеко не самыми дружелюбными взглядами. В честь хорошего настроения мы им ответили довольными улыбками. А вот спрашивать у Громов, где Сейм, — не решились. Мало ли, укажут еще из вредности дорогу к местному гей-клубу. В общем, спросили у прохожих. Оказалось, идти следовало не слишком далеко и почти без поворотов.

Глада представляла собой вполне приличный город с широкими улицами, высокими зданиями каменной или кирпичной кладки, в основном четырехэтажными, а также с виду адекватными, снующими по своим делам жителями. Различного рода кареты и экипажи в обилии рассекали по улицам столицы, но пробок замечено не было. Брусчатка сверкала чистотой, даже под многочисленными коваными лавочками вдоль проспектов и бульваров не валялось гор шелухи от семечек, а урн для мусора по дороге я насчитал целых семь штук. Цивилизация! Вдалеке, прямо из центра города, вырастал огромный холм, вокруг которого словно гирлянды на елке серпантином вились крепкие стены, а вместо звезды на макушке красовался каменный замок с узкими высокими башнями, судя по всему — княжеский.

Вскоре мы вышли на большую площадь, в центре которой находилось еще одно немаленькое сооружение, своей продолговатой формой напоминавшее Колизей. Вверху от краев к центру сходились массивные металлические балки, казалось, хромированные, на коих посредине крепился большой золотистый шар, ослепительно блестевший на солнце. Согласно подробному описанию прохожего, это явление архитектуры и являлось тем самым Сеймом. Осталось найти вход, причем довольно быстро, так как времени у нас оставалось всего пять минут. Высокие полупрозрачные ворота из непонятного материала нашлись быстро. К ним вела широкая мраморная лестница. Возле ворот прохлаждались двое молодых людей, одетых в балахоны типа того, что носил Скокс. По внешнему виду парней можно было смело утверждать: они медленно умирают со скуки. Не успели мы приблизиться к воротам, как ребята

мгновенно встряхнулись.

— Куда? — спросил один из них, гордо задрав к небу свой нос.

Очевидно, принял нас за безродных плебеев. Хотя с родовитостью у нас и вправду не все грандиозно.

— Внутрь, — не сбавляя скорости, бросил я.

— Туда нельзя, — растерянно пробормотал охранник, но сноровисто вытащил из рукавов шарик с палочкой и нарисовал фигуру.

Второй проделал ту же процедуру, и между их жезлами протянулась волшебная лента наподобие финишной. Взоры юных волшебников излучали уверенность, граничащую со щенячьим восторгом. Я решил повеселить начинающих чародеев и спокойно прошел сквозь преграду. Затем остановился, почесал затылок и шагнул обратно. Отреагировали парни по-разному: один вытаращил глаза, второй — наоборот, близоруко прищурился, не веря своим очам.

— Нам нужно к Скоксу, где можно его найти? — поинтересовался я у пареньков.

— Но вам сюда нельзя, — в замешательстве произнес тот же товарищ.

— Послушай, я ведь спросил — где Скокс, а не можно ли нам пройти, правда?

Молодой человек угрюмо кивнул. Вся его мощь содержалась в шарике с палочкой, а отнюдь не в узеньких плечиках по пять сантиметров, поэтому вел паренек себя соответственно — смотрел в землю, шмыгал носом и помалкивал.

— Так что будем делать? Вы можете с ним связаться?

Молодой человек обратился к другу:

— Не помнишь, как интерком делать?

— Вроде так… — Товарищ поразмыслил и вскоре изобразил палочкой фигуру.

— Ну, ты с ним тогда и говори, а то у меня на связных чарах один раз чуть руки не оторвало. Никак до ума не доведу.

Знаю я, что тут за чары. Хитрый жук явно слыхал о Скоксе не раз, возможно, даже сталкивался с грозным волшебником лично, потому и разговаривать сейчас боится. Наш сердитый приятель не только руки может оторвать, если что. А вот незадачливый коллега привратника пожал плечами, швырнул фигуру заклинания вверх, и она салютом разлетелась во все стороны. Через несколько секунд сквозь стену к волшебнику прилетел синий луч. Юный охранник еще немного поколдовал и заговорил:

— Ваше могущество, к вам тут двое пришли… да… да… — Парень вдруг покраснел, затем побледнел и наконец бросился

открывать ворота.

Скорее всего, где-то в коридорах Сейма надрывно визжал на молодого коллегу Скокс.

Изнутри обстановка в здании напоминала университет: куча людей, галдящих и хаотично шастающих во все стороны, длинные коридоры, кабинеты, и совершенно непонятно куда идти, если ты здесь впервые. Мы попытались спросить, где найти Скокса, у проходившего рядом волшебника, но тот даже не удостоил нас взглядом и с надменным выражением поросячьего лица прошествовал дальше. Появилось жгучее желание догнать напыщенного толстяка и в легкой неэтичной форме объяснить некоторые правила этикета, но меня прервал голос за спиной:

— Сударь, сударыня, его могущество Скокс ждет вас в Большом Зале, — говорил молодой волшебник с длинными русыми волосами, из-за которых мне сначала показалось, что это волшебница. — Я вас проведу, следуйте за мной.

Вот! Первый вежливый человек за несколько суток.

— Благодарю. — Мы пошли за чародеем.

Молодой человек привел нас к массивной двойной двери красного дерева, развернулся и приложил указательный палец к губам:

— Тсс… Тихонечко заходите — и на цыпочках к Скоксу. Сейм уже начался.

Волшебник впустил нас внутрь, приоткрыв одну створку двери. Большой Зал действительно был немаленьким. Огромное круглое помещение напоминало кратер. Книзу шли ряды парт, за которыми пытались заснуть волшебники постарше и перекинуться в картишки более молодые, что живо напоминало обычный лекционный зал. Из самого центра кверху шел прозрачный цилиндр, а в нем, на солидном расстоянии от пола, лицом к нам парила пятиметровая женщина и о чем-то вещала. Надо же, какая у них удобная волшебная кафедра!

Симпатичное лицо лекторши носило на себе печать, которую обычно я узнаю безошибочно, — стерва. Типичная. Не знаю, как мне удается в них это замечать. Может, по сочетанию изгиба бровей, линий возле рта, едва заметных складок на лбу и слегка поджатых губ? А может, интуитивно? Ну и обязательно женщина должна быть красивой, иначе какая же из нее стерва! У данного экземпляра также и фигура была на высоте. Интересно, в этом мире у нее такое же представление о своей внешности, как у Арлеты? Очень сомнительно. В столице живет как-никак. Тут, небось, нравы совсем другие.

Я отыскал глазами Скокса. Он был… учитывая, что Большой Зал представляет собой круг, волшебник стоял где-то в двадцати

градусах от нас. Да, кстати, наш друг почему-то именно стоял, а не сидел за партой, как большинство прочих чародеев. Мы начали тихонько пробираться к нему. Я заметил, что в процессе нашего перемещения вдоль стенки ораторствующая женщина по-прежнему находилась к нам лицом. Что ж, и это вполне удобная волшебная примочка, хотя думаю, многие из присутствующих здесь не отказались бы уточнить, как обстоят дела с ее задней частью стройного тела.

Когда мы подошли к волшебнику, я заприметил одну важную деталь — его взгляд. Как он смотрел на нее! Это выражение лица всем очень хорошо знакомо: когда вот-вот из приоткрытого рта начнут свисать слюнки. Короче, в отличие от всего прочего на Поляне, эта дама нашему чародею была глубоко не безразлична. Да уж, а еще говорят, что противоположности притягиваются. Тут две абсолютно родственные стихии: Скокс и стерва. Стерва и Скокс. Чудесный дуэт, не правда ли? Только вот судя по доле тоски во взгляде нашего товарища, не было у них никакого дуэта…

Я дернул волшебника за рукав, но реакции не последовало, после второго раза ситуация не изменилась, поэтому в третий раз я чуть не порвал ему балахон. Зато Скокс обернулся:

— А, явились. Рядом садитесь и ждите.

Ну, мы так и сделали. Ждать, однако, пришлось долго. Неугомонная тетка все трещала какой-то непонятный бред, изнуряя слушателей. Кто она вообще здесь такая? Об этом я и спросил сидящего ниже чародея, вежливо похлопав того по лысине.

— Верховная Волшебница, ее могущество Гиссандра, — был ответ.

О как! Дожили. Бабу чарами заправлять поставили. Чудится мне — до добра такие выходки не доведут. Князь — псих, а главная волшебница — стерва. Замечательно. С кем воевать собрались? Ах, еще и на два фронта война грозит? Ну, тогда удачи!

Наконец дело все-таки дошло и до рассмотрения нашего вопроса. Дали слово Скоксу. Правда, в кафедральный цилиндр не позвали — видать, данный девайс предназначен только для особей верховного статуса. К чести нашего друга, отчитался он быстро и четко. Мол, прибыл невесть откуда юродивый, притащил меч говорящий, невероятным образом узнал суть надвигающегося на Поляну заговора и в полном здравии присутствует ныне на собрании. Для убедительности еще пальцем в меня ткнул. Дальше начался такой замес, которого в Сейме никогда не бывало и, скорее всего, не будет. Но уж лучше по порядку. Неладное я

заподозрил, как только недоверчиво улыбнулась главная после речи чародея.

— И ты утверждаешь, что прибыл к нам из другого мира с мечом из нашего мира?

— Скокс объяснил все доступно, с его словами я согласен. Зачем переспрашивать?

— Да как же ты докажешь, что ты — Второй Пришелец?

— Вообще-то третий. Второй у вас меч стянул. Кстати, раз уж клинок говорящий, — то почему бы у него не спросить?

— Меч больше не говорит и лежит под надежной стражей в хранилище.

— Вот оно как… Ладно, а вы попробуйте огреть меня заклинанием — все сразу станет ясно.

Скокс демонстративно швырнул в меня чарами, что завершилось традиционным нулевым эффектом. Зато эффект пошел по аудитории: бурное перешептывание охватило все ряды Большого Зала.

— Тишина! — грозно гаркнула Гиссандра. — Всем известно, что первый мидлонский князь Мстислав Радзивилл покинул пределы поляны по Вескеру двести лет назад. Он, скорее всего, угодил Кащеру в руки. Ты — отпрыск Радзивиллов, ныне прислужник нашего врага. Обманом пытаешься ввести нас в заблуждение! Тебя надо казнить!

Ничего себе заявочки! А как же следственный эксперимент хотя бы?

— Мадам, зачем же сразу так категорично? Ваша версия не менее фантастична, чем моя, но я-то говорю правду. Совсем скоро начнется война с Казмадом, и вас попросту сомнут с двух сторон!

— Это бред! С каких двух сторон? Откуда у Кащера войско? Три пачвары, два волколака и один колдун — это настоящая угроза для Мидлонского княжества?

— Соотношение явно больше, чем вы назвали. Плюс Цмок.

— Не смеши. Сказки про Цмока рассказывать будешь детям. Тебя слабо подготовили, лазутчик. Тебе удалось выбраться из леса живым, и это может говорить лишь об одном: ты — Кащеров прихвостень. Без его поддержки в лесу не протянуть и пяти минут!

— Но волки! Они против колдуна! Они мне помогли!

— Ха-ха! Волки, вы слышали? Твои выдумки одна бредовее другой. Надеюсь, теперь всем ясно, кто наш пришелец есть на самом деле? — Волшебница окинула взглядом зал. — Предлагаю казнить. Как обычно, голосуем.

Демократы чертовы. А ведь и вправду со стороны мои доводы, должно быть, выглядят полной чушью! Я беспомощно

взглянул на Скокса. Тот не меньше моего был растерян и в ответ лишь развел руками. Арлета тихо шепнула на ухо:

— Бежим!

Другого выхода у нас не было, вернее, у меня. Волшебники тем временем принялись дружно швырять волшебные голоса в цилиндр.

— Нет, ты оставайся, тебя не тронут, — начал я инструктировать охотницу. — А если побежишь, могут случайно зацепить чарами. Я вас найду, будьте у Гномов.

— У Громов?

— Нет, именно у Гномов.

И я рванул к выходу.

— Задержать его! — гневно заорала Гиссандра.

Секунды замешательства сменились дружным гулом, и от летящих в меня разноцветных чар зарябило в глазах. Правда, это было единственным, что мешало мне в ту минуту. Благо, хваленая чародейская рать очень боялась останавливать меня физическими методами, а те из волшебников, что стояли на пути, можно даже сказать, вежливо уступали дорогу. Поэтому под шквальным бесполезным огнем я пулей выскочил из зала и помчался к выходу. Повезло, что не забыл, в какой стороне он находится. Входные ворота я распахнул с разбегу, отчего створками чуть было насмерть не пришиб наших знакомых привратников. То, что отчаянного преследования не будет, стало ясно сразу же после пересечения площади. Обернувшись, я увидел на входе Сейма несколько свесивших языки на бороды волшебников. Великие чародеи едва справлялись с одышкой и яростно махали мне вслед кулаками. Я им тоже показал кое-что из жестов и, от греха подальше, рысцой удалился в глубь города.

Теперь ситуация намечалась непростая. Мне только в Гладе фотороботом своим любоваться не хватало. А еще нужно было что-то делать с нахлынувшей яростью. Это ж надо! Я им помочь хотел, со всей душой! Спасти, можно сказать, пришел, а они, сволочи, казнить меня удумали! Да вам так и надо, чтоб волколаки с пачварами на части растерзали! Придет война — ой, как пожалеете!

Да что там ждать! Непременно хотелось, чтобы надменные волшебники пожалели о своем подлом поступке прямо сейчас. Хотя не обязательно волшебники, на данный момент под горячую руку сойдет кто угодно, пусть только слово не так скажет. Но, к сожалению, жители столицы вели себя вежливо, скорее даже равнодушно, так что повода затеять драку не находилось. А может, оно и к лучшему, потому что ритм и суета большого города не дают яркой эмоции, хорошей или плохой, держаться

долго, и вскоре она равномерно распределяется по многочисленным прохожим вокруг, смазывается, стирается. Город зомбирует своим хаотичным движением, но несмотря на это, придает ясность рассудку. Спустя двадцать минут я полностью остыл и уже четко знал ближайшие планы на будущее. Следовало всего-то прийти в забегаловку Гномов и посоветоваться со спутниками насчет того, что делать дальше.

Позже контакт с трезвым мышлением пошел еще лучше! Проходя вдоль одного из торговых рядов, я решил украсть широкополую шляпу, чтобы спрятать лицо. Следующей, еще более гениальной мыслью стало внезапное осознание того, что мой многострадальный, разодранный в нескольких местах спортивный костюм с прожженным рукавом несколько не вяжется с одеждами окружающих, поэтому опознать меня сможет кто угодно, даже если я вообще без головы ходить буду. Затем я понял, что шляпа в сочетании со спортивным костюмом смотрится убого, и такая глупая комбинация только станет привлекать к себе излишнее внимание. Ну а под конец меня вообще осенило, правда, по несколько иному поводу: Кащер ведь говорил, что у него в каждом городе есть приспешники, причем на самых высоких уровнях. А эта Гиссандра сегодня всеми способами и сразу стремилась меня заткнуть, чтобы никто даже не заподозрил, будто я могу знать правду. И меч! С чего бы это он вдруг взял — и замолчал? Неужели обиделся? Вряд ли. Скорее всего, трещит без умолку, из-за чего и был обернут в кляп и спрятан от чужих ушей подальше, якобы под охрану, до лучших времен. А что, сходится! Она Верховная — ей верят.

Кажется, нарисовалась крыса. Но как выбить из нее явку с повинной, и вдобавок список подельников? Задача сложна, как химический состав коктейля, который срубил меня на Девятое мая. Бармен, подонок, чего ж он туда намутил? Но ладно, это совсем другая история.

Хотя весь день до вечера я шнырял по столице именно с тем навязчивым воспоминанием про День Победы. Ну что значит — шнырял? Крутился в неприметных местах возле гостиницы Гномов, ждал Скокса и Арлету. Несколько раз в поле зрения попадались люди в балахонах с озабоченными лицами, но меня не замечали. Стражников я также старался избегать. Откуда мне знать, какие отношения между чародеями и княжеской гвардией?

Мои спутники появились, когда начало темнеть. Сразу вслед я не пошел, а немного подождал снаружи. Через пятнадцать минут, убедившись, что хвоста за друзьями нет, внутрь двинулся и я.

Вот, казалось бы, всего пару сотен метров от люксового

заведения Громов, а обстановка — точь-в-точь как на первом ярусе Крипета. Особенно запах. На мгновение даже показалось, что за дальним столиком прикорнул лицом в похлебке старый друг Арлеты Реван. Правда, обознался. Зато удивил персонал: таких громил я отродясь ни в одной качалке не видывал, не то что в Крипете. И все огромные как на подбор, даже официантки. Обе. Я подошел к портье, или как он здесь называется?

— Эй, богатырь. Только что тут волшебник с сударыней были. Я с ними. В каком они номере?

— Тринадцать, — не отрываясь от протирания пустого бокала, ответил верзила.

Интересно, неужели все бармены во всех мирах только и делают в свободное время, что протирают стаканы? Номер апартаментов моим спутникам достался, между прочим, хреновенький. Надеюсь, это суеверие распространено только в нашем мире. Я вошел в указанную комнату. Волшебник развалился на кровати, закинув руки за голову, а охотница сидела за столом и тревожно барабанила пальцами по поверхности. Увидев меня, она тут же сорвалась с места и бросилась навстречу.

— Все нормально, — успокоил я ее.

Однако женское проявление жалости к обиженным и обездоленным надо было еще переждать.

— Ты знаешь, когда нас допрашивали после твоего побега, меня чуть было не убедили, что ты лазутчик, — подал голос чародей.

— И что же оставило тебя с прежними взглядами?

— Скорее всего — чутье… Ведь если подумать — действительно, что тебе мешало, будь ты человеком колдуна, втереться крестьянам Прилесья в доверие, инсценировать свое похищение, а затем и возвращение. И принести нам из дебрей свежую ложную новость. Только тут два непонятных явления: зачем Кащеру пускать слух о своем нападении на Поляну? Особой выгоды пока не вижу. Было бы проще, если бы ты, допустим, сказал, что колдун тихонечко помирает на опушке в окружении горстки последних пачвар. Тогда, чтобы на радостях добить его, власти собрали бы войско, да на всякий случай побольше, и пошли бы с победными песнями и плясками в ловушку. Другой вопрос — почему ты не обрадовался, когда я сказал тогда, под Прилесьем, что повезу тебя в Сейм? Ведь ты, как лазутчик, должен был донести ложные сведения в стан врага. Но при этом еще и отпирался, как заправский осел, от своего задания. Вот это странно. Поэтому я тебе, пожалуй, верю. Хотя Сейму об этих доводах, естественно, ничего не говорил. Они столь же

убедительны, как и твои.

— Что ж, раз веришь, значит, придется поверить и еще одному факту: Верховная Волшебница Мидлонии служит Кащеру.

Скокс чуть не подавился.

— Гиссандра — служка нечистого? Да ты издеваешься! Как кошка может служить собаке?

— Взгляни правде в глаза, включи свое могущество! — с сарказмом начал я. — Она — женщина. А женщина, добившаяся власти, крайне амбициозна и целеустремленна. Если она знает о чем-то большем, чего ей удалось достичь, она станет добиваться большего! Кто может быть более могущественным, чем Верховный Волшебник? Только Верховный Волшебник после мутации Кащера! И ваша Верховная об этом прекрасно знает, к этому она стремится. Ты думаешь, почему Гиссандра сегодня на Сейме не дала сказать ни слова в мое оправдание? Да потому что я — реальная и единственная угроза их плану. И уничтожить меня надо было сразу, как только я объявился. Что в принципе она и попыталась проделать! А меч? Ты куда его дел? Подожди! Не отвечай. Дай сам догадаюсь. Говорящий клинок ты послушно передал ей, и с тех пор его больше никто не видел. А через пару дней она всем заявила, будто меч вдруг взял — и замолчал. Так было?

— Да… — Скокс выглядел совсем потерянным. — Но нет! Этого не может быть! У тебя нет доказательств!

— Это да, — обронил я устало, — но ты должен помочь мне их раздобыть.

— Да иди ты в лес, если хочешь, чтобы я этим занимался!

— Скокс, я все понимаю, у тебя безответная любовь, но на кону человеческие жизни!

Волшебник густо покраснел, еще мгновение — и, казалось, его голова лопнет, как перезрелый помидор. Он вскочил и с неразборчивым взвизгиванием зашагал к выходу. Однако чародея опередили — дверь снаружи настежь распахнулась и в комнату с лязгом ворвались десятка два стражников.

— Именем князя Радзивилла Седьмого! — рявкнул первый из-под шлема. — Вам приказано следовать за нами. Великий князь хочет видеть. Мы не желаем вам зла.

Все-таки выследили! Но каким образом? Я же так осторожничал.

— В смысле, зла не желаете, но следовать при этом приказано? То есть, в случае чего, — зло все-таки неизбежно? — уточнил я.

— Что? — Для главного в этой шайке стражника лингвистическая конструкция оказалась чересчур сложной.

— Проехали. А что это среди вас ни одного волшебника нет? — Я нагло улыбался, заранее представляя латников грудой металлолома. — Ну-ка, Скокс, покажи им, что бывает с теми, кто без стука открывает ногой дверь.

— Вот ты им и покажи. Развернись, спусти штаны и покажи, — спокойно произнес кудесник и легонько постучал по шлему одного из бойцов. — Они насквозь пропитаны чарами — пока я сниму защиту, нас всех в лоскуты раздерут.

— А-а! — Ситуация оказалась обманчивой, и я нервно сглотнул. — Тогда сдаемся.

Нас окружили плотным кольцом и повели к выходу. Хорошо еще — браслетов не надели.

Наша дружная и многочисленная компания не произвела на посетителей заведения Гномов никакого впечатления. А что, любой из них имел полное право оказаться в нашем незавидном положении, поэтому каждый усиленно делал вид, будто происходящее совсем его не касается. На улице ожидали добычу три запряженных двойками лошадей ментовских «бобика», в которые мы и загрузились. Мне довелось ехать в одном экипаже с главным стражником, поэтому я осмелился уточнить у него парочку вопросов:

— Слушай начальник, так чего это среди вас нет ни одного волшебника? Это разве не их приказ нас взять?

— Нет, мы редко сотрудничаем с Сеймом.

— А как вы узнали, где нас найти?

— У князя густая шпионская сеть, но тебе не обязательно знать подробности.

Ишь, какие скрытные! И что это вдруг от меня понадобилось старому шизофренику, или какой там у него диагноз? Сейчас князек еще прицепится, будто я в Мидлонии нарисовался, чтоб свергнуть их великую психиатрическую династию! Появилось навязчивое ощущение, будто завтрашнего утра мне совсем не видать, как местным жителям Парижа. Хотя я и сам ни разу во французской столице не бывал. Между прочим, в целях безопасности лучше бы остался у Кащера в плену — там хоть убивать не собирались до поры до времени.

Когда мы подъехали к холму, на котором располагался княжеский дворец, стражник захлопнул створки окон экипажей.

— Это что за конспирация? Вы что, секретным тоннелем нас повезете? — от балды предположил я.

Конвоир посмотрел на меня с подозрением и вкрадчиво спросил:

— А ты откуда знаешь?

Вот черт! Поди теперь докажи им, что я не шпион с

революцией в голове и гранатой за пазухой!

— Да просто загадки хорошо в детстве угадывал.

— Ну-ну…

Ответ явно неудовлетворительный, на двоечку. Хотя любой дурак догадался бы, что нас везут через тоннель: не было того ощущения наклона, которое обычно возникает при подъеме в гору. Вскоре экипаж остановился, и нас выпустили. Место напоминало некую смесь подземной стоянки с конюшней. Повсюду громоздились кареты, ржали лошади, пахло навозом. Нас проводили — кто бы мог подумать! — к лифту. Не знаю, какой бедолага там вверху крутил шестеренки, но кабинка поднималась довольно быстро. Открывшаяся дверь вела в длинный коридор, увешанный факелами. Несмотря на огонь и пушистые ковры, устилавшие пол, кругом сквозило ледяной прохладой и сыростью. А может, страх перед неизвестностью вызывал подобные ощущения?

Нас водили переходами через просторные залы и гостиные, оружейные и столовые, пару раз было заметно, что даже по одним и тем же помещениям. Опять следы путают, параноики несчастные. Удивляло, что во время пути Скокс молчал, как набивший щеки хомяк. Никому не угрожал, не проклинал, не грозил страшной расправой, а в какой-то грустной задумчивости вышагивал за нами. Наконец возле массивной дубовой двери, украшенной резьбой и обрамленной золотом, нас остановили.

— Сударыню и его могущество сейчас проводят в их покои. А вас, милостивый сударь, прошу к его величеству.

По взмаху руки главного стражники увели моих спутников, а сам он отворил передо мной дверь. Что ж, внутри было вполне уютно. Все устлано цветастыми коврами, будуар в углу, высокое окно, выложенное мозаикой, портреты каких-то дядек на стенах, вперемежку с холодным оружием, огромный пылающий камин. Комнатенка, в принципе, как положено у князя. Только вот сам князь несколько удивил. Он сидел на полу, носом уткнувшись в карту, черкал на ней пером витиеватые каракули и, самое главное, выглядел едва на пару лет старше меня. Вот тебе и старый шизофреник!

— Ах! — радостно воскликнул он, подскочил с места и пригласил войти. — Милейший, давно вас жду. Знаете, по вашему поводу у меня есть кое-какие планы. Присядьте… да вот хоть здесь, на ковер. Любезнейший, слыхали вы когда-нибудь, что через притоки Вескера на территорию Казмада можно пробраться против течения с помощью моего прибора? А оттуда на Линкос я готовлю атаку через тоннель, который будут рыть кладники! Они ведь не осмелятся ослушаться Великого князя. Значит, дальше, я

хочу внедрить в покои этого злосчастного короля Ванко лихоманку, и тогда малой кровью, да что там, совсем бескровно, ха-ха-ха, мы освободим престол тирана…

У князя словесное недержание было таким неукротимым, что любая бабуля, торгующая семечками, просто подавилась бы своей продукцией от зависти. Взгляд самодержца говорил лишь об одном: «Я — полный и безоговорочный псих». Странно еще, что тело правителя украшала шелковая сорочка под жилеткой тончайшей кожи, а не смирительная рубашка.

В процессе монолога Радзивилл заметил все еще стоявшего в дверях стражника и, не останавливая трескотни, с нетерпением замахал на того руками, чтоб, мол, освободил помещение. Служивый лишь пожал плечами и удалился восвояси.

В этот момент я увидел, что такое настоящая метаморфоза! Лицо князя изменилось до неузнаваемости. Идиотская улыбка сползла на нет, брови нахмурились, а взгляд из абсолютно сумасшедшего стал пронзительным, колючим и тяжелым.

— Здрасте, — зачем-то неуверенно поздоровался я.

— Ты, значит, и есть тот самый Второй Пришелец? — властно спросил Радзивилл.

— Если быть точным, то третий.

— Зачем ты здесь?

— Где здесь? Конкретней можно?

— Здесь! — рявкнул князь, и я едва сдержался, чтобы не подпрыгнуть от удивления. — Что тебе нужно в Мидлонии?

Ох, что-то с этими психопатами совсем за здоровье страшно. И чего князь так вызверился?

— Я сюда случайно попал. У нас, в смысле, в нашем мире ставили телепорт в ваш мир. А я убегал от разбойников, споткнулся — и попал в него.

— И что? Зачем тогда собрался в Гладу? Что тебе здесь понадобилось?

— Да ничего мне от вас не нужно! Я бы с вашей Поляны домой первым рейсом отправился! Очень мне по кайфу ваши условия без душа и унитаза! Просто так сложились обстоятельства.

— Рассказывай, что за обстоятельства, — уже более спокойно предложил князь.

Ну я и рассказал все как было, с самого начала и вплоть до того момента, как нас взяли у Гномов. Даже своими подозрениями по поводу Великой Волшебницы поделился.

— Хм… — протянул Радзивилл. — То есть ты хочешь сказать, что власть на Поляне тебя совсем не интересует?

— Да заладили вы тут со своей властью! К чертям ее, эту

вашу власть! Я обычный пацан, который хочет хорошей жизни, а не геморроя на всю задницу! Мне оно надо — ваши тонкие интриги, бессонные ночи, ответственность за людей? Легкие деньги — вот моя мечта. Тихо и спокойно иметь свое место под солнцем, заколачивать миллионы и в ус не дуть. Тем более что я знаю, как это сделать в Мидлонии в случае, если домой вернуться не судьба. Нет, ну действительно — справа Казмад, слева Кащер, какие-то волшебники туманные под боком. Да я бы, наоборот, с удовольствием все это на чужие плечи скинул! Даром такого подарка не возьму.

Правитель задумался.

— Возможно, ты и прав, — наконец произнес он. — Власть — очень тяжкое бремя. Но это мое бремя, которого лишили наш род уже давно. Далеко не первое поколение княжеством правит Совет Старейшин. Это правильно: ни дед мой, ни отец не могли управлять державой из-за слабости ума и недостатка воли. Но я не такой, я родился другим, здоровым, однако все зашло чересчур далеко. Теперь Совет слишком волен в своих решениях. Мне приходится притворяться, чтобы остаться в живых, чтобы вернуть власть тому, кто достоин ею обладать по праву, — роду Радзивиллов!

Вот оно как! Да уж, по актерскому мастерству князя Большой Театр плачет, я бы даже сказал — исступленно рыдает. Это ж надо столько лет ломать комедию! Тем временем Радзивилл продолжал:

— А я действительно достоин! Совет в своей гордыне совсем не видит, что творится у них под носом. Сеть доносчиков Совета широка, но горстка верных мне людей работает лучше. Мы уже давно подозревали серьезную измену некоторых волшебников Сейма княжеству, намекали на это Совету, но наше сборище жалких стариков ничего не желает понимать. Мы первыми узнали, что ты объявился в столице. И только мы в состоянии защитить Мидлонию от врагов… — Радзивилл слегка перевел дух после тирады и доверительным тоном продолжил: — Пришелец, насколько мне известно, тебя зовут Арсенал? — Я кивнул. — Так вот, Арсенал, я выложил перед тобой все карты, доверил свою жизнь. Ты знаешь: в опасности не только Мидлонское княжество. Под угрозой каждая человеческая жизнь на Поляне. В том числе и твоя. Вероятность, что ты сможешь вернуться домой, очень мала. Поэтому хочу сказать одно: как ни странно это звучит, но только у меня достаточно ясности ума, чтобы увидеть наступающую беду, и только мне под силу ее остановить. И ты можешь мне в этом помочь. Предлагаю союз — что скажешь?

Вот неудача! Ну почему бы просто не оставить меня в покое?

И что значит «могу помочь»? Массаж расслабляющий сделать или грудью на амбразуру? Такая неясность настораживает. Правда, отказывать князю было бы глупо и опасно, в первую очередь — для жизни.

— Согласен, — вяло кивнул я.

— Замечательно, Арсенал! — обрадовался Радзивилл и крикнул куда-то в сторону. — Пагом!

Тут один из висящих на стене ковров неожиданно сдвинулся, и в комнату из потайного помещения вышел двухметровый детина с булавой наперевес.

— Как хорошо, что не придется тебя убивать, Арсенал. Я же знал, что ты здравомыслящий человек, — улыбнулся князь. — Это Пагом, моя правая рука.

— Здрасте, — я сглотнул ставший колом в горле ком.

— Итак, — потер ладони Радзивилл. — Приступим. На повестке дня — предатели. Что скажешь, Арсенал?

— Ну… э… — я слегка замялся. — Я думаю, что Верховная Волшебница Гиссандра непосредственно работает на Кащера.

— Кто-нибудь еще?

— М-м… Наверное. Думаю, их несколько.

— И какие будут предложения? — Князь все время спрашивал именно меня.

— Не знаю. Может быть, проследить за ней, приставить шпионов, пускай подслушивают ее разговоры.

— Это почти невозможно. В Сейм пробраться никак не получится, длительную слежку волшебница, тем более уровня Верховной, скорее всего, заметит без труда. И вообще этот метод займет чересчур много времени.

— Тогда выловить в подворотне и шпарить утюгом, пока не расколется.

— Ты имеешь в виду — пытать? — ужаснулся князь.

Пагом лишь хмыкнул. Радзивилл подумал и решил:

— Вариант, конечно же, отменный. Но как мы узнаем, говорит ли она правду? Нам надо, чтобы Гиссандра наверняка, с первого раза выдала сообщников. Иначе мы переполошим их улей, причем зря.

— Тогда остается одно — втереться в доверие.

— Точно, — князь щелкнул пальцами. — Вот над этим ближайшее время мы и будем думать. Но! Как говаривал мой предок Мстислав Радзивилл, утро вечера мудренее. Поэтому, Пагом, проводи Арсенала в покои, где уже заждалась его милая спутница Арлета. Завтра мы соберемся на этом же месте и продолжим.

Тоже мне, мозговой штурм устроить решил. Такое ощущение,

будто князь потихоньку подводит меня к какой-то мысли, которую сам уже давно сообразил.

Я в задумчивости поплелся за помощником правителя. Что ж, конструктивно работать с темной лошадкой княжества, хоть и немного вслепую, все же лучше, чем быть мишенью для всех местных организаций. Еще одна мысль никак не давала мне покоя, но только Скокс мог прояснить ситуацию по этому поводу.

Правая рука Радзивилла привел меня к комнате, из которой секундой ранее выпорхнула пухлая дама преклонного возраста, скрипнув суставами, присела в книксене и спешно удалилась. Гостевые хоромы князя отличались довольно скромным вкусом, зато в них было уютно. Внутри, сияя от счастья, на широченной кровати сидела довольная Арлета.

— Что ж тебе эта мадам такого веселого рассказала? — спросил я, когда Пагом закрыл дверь.

Глаза охотницы вспыхнули восторгом, и она принялась перечислять:

— Во-первых, Ланна сказала, что ты будешь первым советником князя по секретным вопросам, во-вторых, тебе скоро присудят титул графа, и самое главное: мы будем жить в княжеском дворце! — Девушка вскочила на ноги, сверкнула улыбкой и принялась скакать на огромной кровати словно кенгуру, с радостью хлопая ладошками.

Вот счастья-то! Как мало все-таки бабам надо… на первое время. Вот у меня с оптимизмом не все обстояло так гладко. Я уж не стал говорить ей о гораздо большей туманности будущего, нежели она представляла. Случиться ведь могло всякое. А ну как просечет этот местный Совет Старейшин, что Радзивилл не такой уж и псих? Заметят седовласые мудрецы инородную бурную деятельность под боком да и накроют нашу конспиративную шарашкину контору. И дай бог, если вновь посчастливится унести ноги. Опять же против самой Верховной Волшебницы придется козни сочинять — тоже мероприятие не из разряда «на расслабоне». Но зачем забивать всей этой дурью голову наивной деревенской девочке? Тем более не исключено, что комната прослушивается каким-нибудь хитрым устройством типа дырки в стене. Поэтому я беспечно заявил:

— Милая, все это — ерунда! Главное, нам дадут черную тонированную карету с блатными номерами и мигалкой!

И черт с ними, с этими проблемами! Будь что будет, бывали ситуации похлеще — и ничего.

Арлета продолжала задорно скакать на кровати, вот и я решил тоже испытать на прочность гостевое ложе, правда, несколько иным способом. Едва я начал распускать руки, как в

комнату ворвался шипящий Скокс.

— Это недопустимо! Как они посмели отобрать у меня жезл с шаром! Неслыханная наглость! А вы тут чем занимаетесь? — Волшебник остановился и окинул нас презрительным взором. — Ну конечно! Вот поэтому в семьях недоумков оравы отпрысков: что бы ни случилось, они все равно детей делают!

— Скокс, без своих девайсов тебе единственная дорога — шутом работать. Хотя и с ними туда же, — не остался я в долгу.

— Поговори тут! Истинные мастера без них тоже кое-что умеют, — и чародей расставил в стороны руки.

Воздух тотчас начал вибрировать, стягиваясь волшебнику в ладони, через минуту загустел и обрел синюю окраску. Скокс медленно собрал чары вместе и нарисовал заклинание, которое взорвалось перед ним и облепило стены.

— Теперь можно и поговорить. Что он тебе предлагал? Разоблачить Гиссандру?! — Скокс гневно вздувал ноздри.

— Ты что? Радзивилл просто предложил поиграть в игру: кто дальше зашпульнет козлик из носа. Ты разве не знал, что у князя напряженные отношения с мозгом?

— Если с нее хоть один волос упадет — я этот дворец вместе с князем и Советом разнесу к Паляндре. Поверь, я сумею! — хищно прищурился чародей.

Выглядел он угрожающе, правда, меня самого уже изрядно взбесила прямолинейность волшебника.

— Скокс! Ты слепой, как трехдневный котенок! Твоя Гиссандра с радостью все сделает вместо тебя, когда станет колдуньей! И дворец снесет, и нас с тобой, и вообще всю Поляну!

— Это невозможно!

— Хорошо, — без лишних эмоций ответил я и примирительно выставил перед оппонентом ладони. — Возможно, ты и прав. Правда, решить наш спор могут лишь неоспоримые доказательства.

— Ха! — волшебник закатил глаза. — И ты их собрался добыть?

— Непременно, только если ты не станешь мне мешать в этом. А если еще и поможешь — получишь пряник.

Скокс задумался, подперев кулаком подбородок.

— Что ж… мешать не буду. Но раз у нас все-таки спор, то с условием. И, кстати, пряник себе оставь. Когда все твои никчемные попытки уличить Гиссандру в связях с Кащером завершатся неудачно, я хочу, чтобы ты встал перед ней на колени на главной площади Глады и прилюдно попросил прощения.

Это было слишком непредусмотрительно со стороны дальновидного чароплета. Чтобы я валялся в ногах какой-то

мрази, на глазах у толпы людей, да еще и просил прощения? В груди вскипела злоба. Я за долю секунды оказался возле Скокса, схватил его за грудки, пригвоздил спиной к ближайшей стене и принялся буравить взглядом. Видимо, зрелище впечатляло, так как волшебник в смятении отвел глаза.

— Согласен, твое жалкое могущество! Только и у меня тоже будет условие спора, — рыкнул я. — Когда окажется, что твоя несчастная любовь плевала на всех людей в этом мире, а на тебя в первую очередь, и единственная ее цель — это сила Кащера, когда я докажу это, ты сам, лично казнишь свою Великую Волшебницу! Ты вырвешь ее безжалостное сердце! Согласен?

Скокса, похоже, моя речь тоже знатно зацепила, и он ответил злым пронзительным взором:

— Согласен.

Я отпустил волшебника, и он тихо вышел вон. От напряжения, казалось, в комнате звенели стекла.

Дело приобретало принципиальный оборот. Теперь во что бы то ни стало надо разоблачать эту стерву. Любой ценой! Интересно, не приложил ли сам князь руку к нашей конфронтации с волшебником? Ему этот спор выгоден, как ни крути. Скокс теперь, кстати, скорее всего, будет всеми мыслимыми и немыслимыми способами вставлять мне палки в колеса. Но ничего, главное — кто, что и куда вставит последним! Осталось только придумать, как вывести Великую на чистую воду.

— И что ты собираешься делать? — озвучила мои мысли Арлета.

— Пока не знаю.

— Я не хочу, чтобы ты стоял перед этой змеей на коленях.

— Скорее уж сдохну, — вздохнул я, глянул в глаза девушке и понял, что Скокс безнадежно испортил нам вечер.

Засыпали мы каждый со своими тревожными мыслями. Меня все беспокоил один важный нюанс, по поводу которого я собирался проконсультироваться у Скокса, но теперь этот вариант отпадал. А дело все в коммуникационных чарах. Мне никак не давали покоя те два студента на входе в Сейм, которые с помощью мобильных чар связались с волшебником внутри. Ведь что мешает Гиссандре звякнуть Кащеру таким образом, сболтнуть лишнего про мои похождения, и тут же великий злыдень придумает новый план геноцида? На этот раз обратно в лес за подробностями я точно не пойду. С такой дилеммой и заснул.

А утренние лучи солнца, пробившись сквозь шторы на окне, принесли мне пробуждение и пару свежих наглых, безумных идей.

Глава одиннадцатая, соблазнительная

Князь с ехидной полуулыбкой смотрел мне в глаза:

— Потянешь?

— Придется. Тем более что это лучший вариант, почти что идеальный.

Задача нарисовалась хоть и непростая, но выполнимая. Эх, кого у меня только не было: официантки, закройщицы, училки, медсестрички, бухгалтерши, пара юристок и даже одна, спасибо Шаману, настоящая участница боев без правил. Но вот Верховных Волшебниц как-то не попадалось. А что? Как еще развязать язык этой даме, если не соблазнить? И кому, как не мне? Любого другого за подобную наглость волшебница размажет по городским окрестностям, а на всей Поляне есть лишь один человек, для которого Гиссандра просто женщина, без лишних наворотов. Осталось только пересечься с ней на узкой дорожке да без свидетелей. А поиском такой удобной дорожки должны были заняться люди князя. То есть выяснить: где бывает, где ночует, с кем общается, в какие солярии, бутики, магазины и салоны красоты заходит, а потом связать все это в самые популярные маршруты.

— Гениально! — Радзивилл откинулся на спинку кресла и похлопал в ладоши. — А ты что на это скажешь, Пагом?

Здоровяк лишь пожал плечами. Князь продолжил:

— Мы займемся разведкой. Думаю, в течение седмицы подыщем для вас укромное романтичное местечко. — Тут, наконец, бодигард правителя оживился и, хмыкнув, оскалился. — Тебе и твоим друзьям в это время на улицах пока лучше не светиться. Сейм поставил на уши всю Гладу, скоро вас уже в канализации начнут искать. Так что если хочешь яркую, но короткую судьбу гладиатора нашей Арены, можешь выйти подышать свежим воздухом. Хотя, думаю, волшебники перестрахуются и даже такого удовольствия тебе не дадут. В общем, погуляешь по дворцу перед своим амурным заданием, на кухарках потренируешься… — После этих слов Пагом насупился, из чего стало ясно, что сердце местных поварих занято прочно, и туда лучше не соваться.

— Пожалуй, обойдусь без тренировок, — проговорил я, косясь на двухметрового амбала. — Все, могу идти?

— Погоди. На вот, почитай, — князь протянул мне вскрытый конверт. — Вчера перехватили гонца. Мчал во весь опор на запад.

Надеюсь, поймешь — кому и от кого.

Изящной кириллицей письмо гласило следующее: «Мой повелитель, в Гладу прибыл молодой сударь, который обо всем знает. Схватить не удалось, ищем всеми силами. Какие будут дальнейшие распоряжения?» Сие сообщение означало, что сотовые чары на большие дистанции пока не изобретены, раз волшебники пользуются гонцами. Это радовало, как, впрочем, и удачный перехват корреспонденции тоже.

— Верной дорогой идем, товарищи, — усмехнулся я, возвращая Радзивиллу письмо.

— Вот только длинная она и тернистая — дорога наша. Но ничего, мы справимся, — сверкнул глазами князь и швырнул письмо в камин — А это чтиво Кащеру вредно. Бессонницу заработает.

Ах, княжеский дворец! Огромные красивые залы и галереи, витражи и орнаменты, роскошь и богатство, праздность и беззаботность — красота!.. Черта с два! Мрак и скукотища — вот что такое жизнь в княжеском дворце. За сутки я его излазил вдоль и поперек. Размазанную повсюду лепнину и фрески без проблем воспроизвел бы по памяти, насколько могли позволить кривые в плане художеств руки, а многочисленные витражи просто хотел разбить, из любопытства. Брызги разноцветного стекла во все стороны — должно было получиться красиво. Правда, накладно для кошелька. Княжеские сауны — конечно, это нечто! Но не сидеть же в них круглосуточно.

Из людей на глаза попадались только стражники, прислуга и Скокс пару раз. Последний, проходя мимо, имел обыкновение с надменным выражением лица отворачиваться в другую сторону, из-за чего нередко спотыкался о всяческие канделябры. В общем, кроме Арлеты и поговорить-то не с кем было. Совет Старейшин проводился за пределами дворца, поэтому старческих нравоучений тоже вкусить не светило. Ни Интернета, ни баскетбольных площадок, ни кинотеатра. Что за жизнь? Охотница хоть подругу себе нашла в лице Ланны, доверенной советницы Радзивилла по каким-то там швейно-кулинарным вопросам. А меня тянуло круглосуточно завывать на луну. Благо, хоть кормили во дворце знатно.

Третий день нашего злачного пребывания на княжеских харчах порадовал одним любопытным случаем. Бесцельно бродил я по коридорам резиденции, и взор мой обратился на происходящее во внутреннем дворе. Там шеренгой стояла группа молодых ребят, человек сорок, в одинаковой серой форме. Выглядели они подавленными и растерянными. А все потому, что к каждому из них по очереди подходил громила Пагом, что-то

говорил и пристально заглядывал в глаза. Один из парнишек не выдержал давления и принялся мотать головой, размазывая по лицу слезы. Чуть поодаль стоял мрачный молодой человек и наблюдал за действом. Жилистый и худощавый, он при этом выглядел еще более грозно, нежели Пагом. Ощущалась в этом типе какая-то внутренняя агрессия.

Терзаемый любопытством, я спустился к ним и пристроился в стороне. Княжеский охранник уже оканчивал досмотр, а разнюнившийся плакса был отделен от основного коллектива и теперь пребывал в компании двоих таких же любителей изображать трагедию. И этими двоими, к моему приятному удивлению, оказались те самые герои, которых богатые родители пытались припрятать от рук армии в Прилесье, — сыновья местных купцов. Точно! Деревенские Агамемнон и Менелай, которые попытались клеить со мной разборки из-за своей «прекрасной» Елены. То есть Ликии, вроде так ее звали. Проходя мимо них, я ткнул одного локтем в бок, вежливо поздоровался: «Привет, придурки», — и с довольной ухмылкой прошел поближе к шеренге парней.

По завершении своей устрашающей процедуры Пагом отошел на несколько шагов назад и принялся басом декламировать, видимо, давно изученную наизусть речь:

— Именем князя Радзивилла Седьмого вы все отстранены от мамкиной сиськи, дабы принять честь в столь сложное для государства время быть рекрутированными в мидлонскую армию. Каждому из вас присуждается звание рядового, будет выдано оружие, форма, довольствие и возможность проявить свои лучшие качества на благо княжества!

Далее все как обычно — про любовь к родине, изощренные пытки трусливым изменникам и счастливый шанс из розовощеких слюнтяев превратиться в настоящих мужчин. Закончились его слова следующим образом:

— Вошли вы сюда как стадо баранов, а в расположение своей части вернетесь ровным боевым строем, и этим сейчас займется помощник командира роты, в которой вы будете служить, поручик Атом. Цените момент, щенки, потом вас будут гонять только младшие унтера с прапорами.

Угрюмый парень, что стоял в сторонке, молча кивнул Пагому, шустро проскользнул к рекрутам и тихо, почти шепотом, но весьма убедительно приказал всем строиться по росту. Ослушаться дураков не нашлось. Я тем временем подошел к правой руке князя.

— Очень у вас интересное место для селекции новобранцев.

Здоровяк полуобернулся ко мне и нехотя ответил:

— Традиция такая.

— В княжеском дворце ощущается торжественность момента?

— Угу…

— А что, кроме тебя смотр больше некому делать? Вон хотя бы поручик?

— Я же говорю: традиция. И первую строевую подготовку здесь проводит сам командир роты — тоже заведено так. Правда, сегодня у капитана не получилось, ну да волк с ним, — отмахнулся княжеский помощник.

— А с этими тремя что делать будете? — не унимался я.

— С теми, что ли? — Пагом посмотрел на троих плаксивых изгоев. — Ничего, пристроим куда-нибудь. Чистить конюшни, еду варить, мало ли. В армии не только солдаты нужны.

Ой, как хорошо. Надо будет как-нибудь походатайствовать, чтобы прилесскую золотую молодежь определили ассенизаторами.

— Кстати, раз у вас тут все так торжественно, как в детском садике на утреннике, отчего родителей не пригласили, песенки строевые не разучили? — продолжал я любопытствовать.

Здоровяк смерил меня презрительным взглядом и ничего не ответил. Пока рекруты чуть ли не с кулаками решали, кто из них выше ростом, к нам подошел поручик. Краем взгляда мне удалось разглядеть черные черепа на лацканах его зелено-серой формы.

С виду вряд ли кто дал бы молодому человеку больше тридцати. В его внешности явственно выделялись жесткие, заостренные черты лица, нахмуренные брови, ранние складки у рта и на переносице, которые говорили о непростом, волевом характере военного. И глаза… Эти глаза, казалось, повидали многое за его не слишком длинную жизнь.

— Здравия желаю, — сквозь зубы процедил служивый.

— И вам не хворать, — кивнул я.

— С кем имею честь? — Молодой человек при этом посмотрел на Пагома.

— Это некий Арсенал, новый помощник князя… Эм-м… Так сказать, по бабской части, — сказал здоровяк и расхохотался.

— Я бы сказал, по секретным операциям, — с холодной улыбкой поправил я.

— Ну конечно! — еще больше зашелся смехом Пагом. — Тайный советник! Представляешь, чего посоветовал? Родителей этих птенцов сюда водить и песенки петь.

Поручик на этот раз с немым вопросом уставился на меня.

— Про родителей — это, конечно, шутка. Но вот насчет песен — почему бы и нет? Ритм помогает идти в ногу. Строевая песня поднимает боевой дух солдат. А противник думает, будто

враг силен и ничего не боится, раз уж песни распевает, и, соответственно, начинает бояться сам.

— Это интересно, — задумался Атом всерьез, а Пагом прекратил ржать и насторожился. — Ведь можно попробовать. Вы знаете какие-нибудь строевые песни, сударь Арсенал?

Тут я немного смутился. Не ожидал, что наш разговор выльется в этакую затею. Горланить пьяным в компании друзей — всегда и без вопросов, но вот учить строевым песням толпу пацанов — это увольте. Консерваториев не заканчивали, да и вообще в сии заведения наведывались исключительно ради съема будущих звезд шоу-бизнеса. А вдруг сударь поручик шутить изволили? Сейчас я своими воплями как надорву глотку, а они животы от смеха. С другой стороны, назвался груздем — просим в пиццу.

— Знавал я одну, подходящую, — решился-таки я.

— Тогда за дело, — пригласил пройти к строю поручик.

— Чудные вы люди, обер-офицеры, — пожал плечами Пагом, но противиться эксперименту не стал.

Насчет намерений Атома я все понял спустя пять минут строевой, в течение которых с новобранцев сошло семь потов. Это был яростный фанат армейского дела. Дисциплина, четкость, педантичность — скорее всего, такие слова транспарантом висели над его кроватью. Чтобы достичь максимальной эффективности действия бойцов, он был готов идти на все, даже петь песни. Чем мы и занялись, едва стадо рекрутов начало в общих чертах напоминать строй и худо-бедно шагать в ногу. Через два часа результат был потрясающим. Разбив толпу своих орлов на четыре колонны, поручик орал:

— Р-р-раз… р-раз… раз, два, три-и…

Тут же стройный хор подхватывал:

Зеленою весной
Под старою сосной
С любимою Ванюша прощается.
Кольчугой он звенит
И нежно говорит:
«Не плачь, не плачь, Маруся-красавица!»…[10]

Не знаю, как бывало на предыдущих подобных мероприятиях, но, несмотря на приличную нагрузку, молодежь воспринимала все происходящее весело и задорно. Женская часть персонала дворца вовсю строила из окон глазки юным новобранцам. Атом тоже остался доволен, в конце обучения он мне так и заявил:

— Что ж, сударь, я доволен. По всему видно, что песня

положительно влияет на общее настроение солдат и в то же время, при должном подходе, пагубно не повлияет на дисциплину. Благодарю за помощь. Всегда будем рады видеть вас в офицерской ставке нашего батальона.

Поручик откланялся и погнал своих подопечных на выход, раздавая по ходу команды:

— Из дворца выходим строем, идем через Гладу — и на подходе к части запеваем!

Меня же распирало чувство гордости. Вроде ничего сверхъестественного не сотворил, но вот распирало! Давненько не испытывал таких ощущений. Рядом стоял задумчивый Пагом.

— Лучший боец княжества. Велес его знатно талантом одарил. Пришел откуда-то с юга два года назад — и сразу стал самым лучшим на столичной Арене. Атома тогда заприметил князь и взял на службу. Двадцать пять, а уже поручик, одной ногой штабс-капитан, — отчего-то разговорился здоровяк.

Я в местных званиях и табелях о рангах разбирался не больше, чем в особенностях закатки огурцов, поэтому насколько Атом прыгнул выше головы, не оценил. Попрощавшись с великаном, я шустренько побежал хвастаться своим сегодняшним подвигом перед Арлетой, дабы нарваться на щедрую похвалу. Представляю, если бы она узнала, что я с госпожой Гиссандрой собираюсь делать! Небось, так бы похвалила, что даже самые отъявленные мазохисты содрогнулись бы в ужасе.

А на следующий день состоялось внеочередное собрание у князя: разведка нарыла кое-что любопытное, и операция «пикап» начала переходить в активную фазу. Кроме традиционных Радзивилла и Пагома, в кабинете также находился мужичок с невзрачной внешностью и неприметной одеждой. Он и докладывал о результатах слежки:

— Удалось выяснить, что на пять дней в Гладу приезжает выставка-ярмарка самоцветов. Бриллианты — слабость Верховной Волшебницы. Сударыня Гиссандра перемещается без охраны: все брошены на ваши поиски. Однако ездит она всегда в крытой карете. Ярмарка открыта со вчерашнего дня и развернута неподалеку от ее особняка, поэтому существует вероятность, что Верховная пожелает посещать ее пешком. У вас четыре дня, чтобы что-то придумать.

Все, даже Пагом, погрузились в размышления. Не знаю как у остальных, но у меня план созрел довольно быстро, тем более что первая мысль обычно является самой правильной.

— Ваше величество, у вас в казне бриллианты случаем не запылились? — поинтересовался я.

— Совет Старейшин ограничил доступ в казну еще моему

деду, — хмуро произнес правитель. — Но если нужно, есть у меня огромный изумруд. Недавно кое-какие дельцы с северных районов Казмада пытались подпольно перепродать — мои люди накрыли.

Господи, с кем приходится иметь дело! Да я самый богатый из всех здесь присутствующих! И, судя по всему, со своими сокровищами придется расставаться.

— Ладно, план такой. Есть у меня пара брюликов. Наш человек должен затесаться с ними в торговые ряды. Пара маркетинговых ходов — и Верховная не сможет пройти мимо. Вот тут-то ее должны заинтересовать огромным изумрудом, который, к сожалению, прибудет лишь к вечеру, под самое закрытие. Опять же при грамотном пиаре она как миленькая припрется за цацкой хоть на ночь глядя, когда народу на улицах будет поменьше. Тут я и возьму ее в оборот.

— Как мы ее привлечем именно к нашему товару? — деловито спросил князь.

— Как-как? Это же сокровища самого кладника, что, кстати, правда. Красиво даем знать об этом народу — и отбоя от желающих не будет.

— И как сделать, чтобы Гиссандра сломя голову прибежала за изумрудом именно вечером?

— Тупо сказать, что камень уже с нетерпением ждут десятка два родовитых покупателей, и утром он уйдет с молотка. Но из уважения к столь серьезному клиенту, как сударыня Гиссандра, можно за космическую сумму определить камешек сразу после его прибытия.

— У меня есть человек, который безупречно все исполнит, — подал голос начальник разведки.

А нет ли у него сотрудника, который и за меня все идеально исполнит? Что-то я начинал нервничать перед ответственной операцией. Сейчас еще получится, что все сработали по высшему разряду, один лишь я облажался. Как же подступиться к этой мадемуазели? Надо что-то думать…

Арлета обычно в мои дела своего носа не совала, но когда речь зашла о лишении капитала, проявила изрядное беспокойство. Что, куда, кому да почему? Долго пришлось объяснять, что князья ныне совсем обнищали, а для поправки общих дел требуются финансовые вливания. В общем, уйти удалось, лишь навешав лапши про сказочное богатство в будущем.

Ровная походка, улыбка до ушей и уверенность в себе — вот чем раньше приходилось пользоваться, чтобы подойти к даме. Далее сценарии всегда подбирались разные, но заранее

планировать свои действия мне ни разу не приходилось. Как-то интуитивно все неплохо выходило. На эту самую интуицию я понадеялся и в этот раз. Но сперва — обязательный церемониал.

Для начала пришлось в кои-то веки на Поляне гладко побриться. Нашлось во дворце некое подобие геля для волос, и даже подходящий парфюм, который очень смахивал на тот, что я предпочитал на Земле. В княжеском гардеробе среди парадных павлиньих костюмов нашлась вполне подходящая одежка. Местный стилист с сомнительной ориентацией витиевато называл каждую деталь гардероба, но для меня это были просто стильные черные брюки с пиджаком того же цвета, белоснежная рубашка и кожаные черные полуботинки на высокой подошве из неясного материала. Глядя на себя в зеркало, с букетом цветов нежно-голубого цвета, я понял, что если Верховная Волшебница устоит перед таким мачо — значит, она, несомненно, была некогда стерилизована в интересах науки. А что, уверенность в себе во многом достигается именно такими умозаключениями, вовсю отдающими здоровым нарциссизмом. Да что уж там говорить, так хорош, как в тот вечер, я не был ни разу даже на Земле.

В конце всех приготовлений карман моего нового пиджака был оснащен зачарованным камнем, который работал по принципу передающего и записывающего звук устройства. В общем, жучок и диктофон в одном флаконе.

На предварительном этапе операция была проведена в стопроцентном соответствии с планом. На ярмарке Гиссандра как ледокол рассекла толпу, собравшуюся вокруг товаров из норы кладника, проглотила наживку и вечером с горящими глазами неслась совершать вожделенную сделку по приобретению изумруда. Н-да, будь я огромным бриллиантом — моя миссия оказалась бы простой, как сельский туалет. Сейчас же неизвестно, как все обернется. Ожидая начала операции, я весь извелся, как неврастеник перед собеседованием.

И вот наконец из-за поворота показалась бодро идущая фигура объекта. На пути обратно домой лицо Верховной Волшебницы изображало неподдельное блаженство, будто она только что испытала мультиоргазм. Сочтя это за счастливый знак, я выскочил из кареты, в которой поджидал свою жертву. Все, раз решился — пора действовать! Начинаем!

Благодаря новому аксессуару Гиссандра отказывалась замечать что-либо вокруг, поэтому окрик из подворотни заставил ее вздрогнуть и тут же вывести в пространстве оборонительный рисунок.

— Ваше верховное могущество, какая неожиданная

встреча! — с невозмутимой улыбкой приблизился я к волшебнице.

Блаженство на ее лице сменилось страхом, быстро перешедшим в удивление. Гиссандра не удержалась и спустила-таки в меня волшебную стрелу.

— Не очень вежливо с вашей стороны, однако будем считать это стрелой Амура, — продолжал я улыбаться.

Редким прохожим в этот вечерний час еще за пару кварталов до нашего неожиданного с мадемуазель рандеву люди князя настоятельно рекомендовали выбрать другой путь ввиду обширных дорожных работ. Поэтому двоим влюбленным в перспективе молодым людям никто не мешал. Гиссандра осмотрелась по сторонам.

— Что вы собираетесь со мной делать? Убить? — пытаясь сохранить хладнокровие, спросила она.

Да что вы, просто изнасиловать — пронеслось в голове со смешком.

— Убить такую обворожительную женщину, как вы, я бы никому на свете не позволил, особенно себе. Я здесь, чтобы пригласить вас на вечернюю прогулку по Гладе.

Тут Верховная Волшебница была одарена букетом, который она рефлекторно поднесла к лицу, чтобы ощутить аромат цветов.

— Чего вы добиваетесь? — Гиссандра, подумать только, слегка смутилась!

Неужели ей никогда не дарили цветов?

— Позже. — Я подхватил ее под руку, немного сжал, чтобы она толику мгновения ощутила грубую мужскую силу, и увлек за собой. — Все объяснения потом. Сейчас лишь скажу, что, с первого взгляда, едва я увидел вас, в моей груди разожглось пламя горячего чувства. Каждое мгновение после нашей встречи я грезил лишь вновь полюбоваться вашей несравненной красотой, потеряться в завораживающей бездне ваших глаз. А теперь, несмотря на все опасности, я не выдержал, не смог остаться в стороне и решился подойти.

Смятение волшебницы можно было понять. Кажется, как и Арлете, ей никто никогда не осмеливался говорить чего-либо подобного.

— И вы все время следили за мной? — робко спросила она.

— Конечно! Я почти все время был подле вас, — рассмеялся я. — Кто бы догадался искать меня в непосредственной близости от самой Верховной Волшебницы. Где угодно, только не рядом с вами.

— Так вы хотите сказать, что…

— Да! — прервал я даму, двумя широкими шагами опередил

ее, повернулся и посмотрел в глаза. — Да, влюбился без ума! Да — смело! Но чего тут такого? Кого бы вы хотели видеть рядом с собой? Кого-то из вечно лебезящей перед вами свиты — или сильного мужчину, которому не нужно от вас ни положения, ни власти, ни могущества, лишь ответного чувства!..

Я поправил прядь ее волос, мягко проведя пальцами за ушком, взял ладонь в свою руку и поцеловал. Верховная Волшебница еще даже не совсем поняла смысл слов, сказанных в ее адрес, однако маска жесткой правительницы уже разлеталась в пух и прах. Жаль, что чародейка провела за ней слишком много времени, — торопить событий не стоило. Тем более что тень подозрения все равно читалась во взгляде Гиссандры. Главное — не дать ей опомниться, постоянно держать ситуацию под контролем. Следовало лишь уверенно продолжать развивать успех, идти по накатанной колее, набирая скорость постепенно, а затем окончательно срывать башню этой мадам. И мне в этом должна была помочь другая башня — пожарная, которую я заприметил, еще когда караулил волшебницу в карете.

— Как насчет взглянуть на ночную Гладу с высоты птичьего полета? Держу пари — зрелище потрясающее. Готов поспорить: такого ты точно никогда не видела. — И, не дав Гиссандре опомниться от резкого перехода на «ты», я потащил ее к пожарной части.

Дверь к тушителям я распахнул чуть ли не ногой.

— Чего расселись, не видите — дама желает подышать свежим воздухом. Ведите нас на вышку!

Проблема заключалась в том, что саму Верховную Волшебницу Мидлонии пожарная дружина в лицо идентифицировать не смогла, а уж спасителя всея княжества — тем более. Поэтому, естественно, мужики начали артачиться:

— Какого лешего? — вскочил один из них, скорее всего, старший. — Сейчас в острог обоих запихаем — будете там дышать свежим воздухом!

— Да как ты смеешь разговаривать с Верховной Волшебницей?! — вспыхнул я.

Гнев хоть и был показной, но вот удар по морде пришлось влепить самый настоящий. К службе МЧС я вообще-то всегда отношусь с уважением, но на сей раз что ж поделать — задание. Этой маленькой акцией я показал волшебнице, что готов защищать ее честь, достоинство и здоровье в любой ситуации, и что она, несмотря на свой собственный статус, в моем обществе может чувствовать себя как за каменной стеной. Желание, свойственное каждой нормальной женщине.

— Гиссандра, покажи-ка этому невеже свое удостоверение,

или хотя бы шарик… — На первом свидании, между прочим, нельзя надолго прятать улыбку, поэтому через секунду я опять вовсю скалился.

Мадемуазель послушно вытащила волшебный шар, который у нее наливался розовым свечением.

— Гламурненько, — хмыкнул я.

Две минуты спустя мы уже стояли на смотровой площадке пожарной вышки, наслаждаясь тем видом, что щедро предоставляла нам светящаяся в ночи Глада. По моему предложению, кудесница проводила для меня маленькую экскурсию по достопримечательностям города. Я же в это время держал в руках ее ладонь и аккуратно поглаживал, интуитивно прикидывая, где следует легонько прикоснуться, а где слегка надавить. Кисть руки — просто кладезь чувствительных точек. Надо лишь уметь на них нажимать. Невооруженным глазом было заметно, что необычная просьба и место ее исполнения очень заинтересовали Верховную Волшебницу. Уразумев, что ничего плохого с ней не случится, Гиссандра немного успокоилась и раскрепостилась. Теперь во время своего рассказа она то и дело с любопытством украдкой посматривала на меня. На первого в жизни мужчину, который не побоялся, который посмел быть с нею настоящим мужчиной. На того, с кем она могла быть просто женщиной.

— А вон там, это что горит?

— Как что? — улыбалась Гиссандра. — Это же наш Сейм, откуда ты так ловко ушел.

— Хм… ничего у вас иллюминация, — отметил я и обернулся в другую сторону. — Посмотри, как дворец красиво смотрится.

А княжеские хоромы и вправду выглядели сногсшибательно, переливаясь тысячами разноцветных огоньков. Особенно хороши были витражи, подсвеченные изнутри. Но длительное любование красотами города — это не совсем то, что необходимо на первом свидании.

— Послушай, ты с парашютом никогда не прыгала? — с лукавой усмешкой поинтересовался я.

— Нет, а что это?

— Понятно… знаешь какие-нибудь чары для левитации?

— Это не совсем для левитации. Есть одно заклинание, которое немного изменяет притяжение.

— Покажи!

Волшебница удивленно повела плечом, но через пару секунд передо мной вспыхнул рисунок.

— Просто замечательно, — обрадовался я. — Заранее прошу прощения, но я так давно мечтал о подобном…

После этих слов я совершил, возможно, самый рискованный поступок в своей жизни: сгреб в охапку девичий стан и сиганул вниз. Конечно, заклинание могло требовать более длительной подготовки либо просто быть рассчитано лишь на одну щуплую волшебницу в полста килограммов без багажа. Но случилось то, что случилось: Гиссандра, несмотря на переживаемый ужас, вскинула в полете палочку с заряженными чарами вверх и выпустила заклинание, которое стало похоже на гипертрофированный воздушный шарик. Одной рукой я держался за талию волшебницы, другой схватился за жезл, чтобы снять с нее часть веса, при этом всем своим видом изображал уверенность и хладнокровие, хотя сердце билось где-то в районе пяток. Когда мы наконец приземлились, ошеломленная Гиссандра еще долго не могла нормально вдохнуть, а затем принялась колотить меня кулачками в грудь, приговаривая:

— Ты сумасшедший, я никогда в жизни еще так не пугалась!

Потом вздрогнула, поежилась как от холода и, в конце концов, прижалась ко мне, повторив:

— Никогда в жизни я так не пугалась…

— Ну что ты. Все еще впереди. С Ледяных скал, например. Как тебе?

Волшебница посмотрела на меня как на психа, дважды удивленно хлопнула веками, но вдруг весело рассмеялась. После, когда я провожал Гиссандру домой, мы непринужденно беседовали обо всем на свете. Тень подозрений, сомнений и тревоги с лица волшебницы почти исчезла. Уже возле ворот ее особняка мы договорились на следующий день встретиться в одном ресторанчике. Целоваться на прощание не стали — после первого свидания не положено.

Что ж, этим вечером я дал Гиссандре возможность в кои-то веки почувствовать себя настоящей женщиной, а также предоставил богатую пищу для размышлений на ночь глядя. Завтра нахлынувшая волна впечатлений отойдет, и у волшебницы появится больше простора для трезвого осмысления сложившейся ситуации. Скорее всего, чародейка вновь наденет маску Верховной, однако приподняв ее раз, я гораздо проще сумею сделать это вновь.

Через два квартала меня поджидала карета, в которой сам Радзивилл Седьмой ожидал развязки событий.

— Ну что? Как все прошло? — Князь сгорал от нетерпения.

— Блестяще, — ответил я. — Удалось разбудить самое неукротимое женское чувство — любопытство. Теперь она костьми ляжет, чтобы узнать своего ухажера поближе. Кстати, завтра у нас ужин в «Рояле», нужны будут деньги. Сколько

сегодня разведка наторговала на рынке бриллиантами?

— Где-то на три — четыре новеньких княжеских дворца. Наши аристократы как узнали, что камни из сокровищницы кладника, — скупили в три цены все. Сударыня Верховная Волшебница тоже совершила выдающийся вклад. Вот куда пошли сборы Сейма. — Настроение у подпольного правителя было хорошее.

А вот у меня — наоборот, портилось с каждым приближающим ко дворцу метром. Умом-то я понимал всю логичность своих поступков, но вот почему-то не знал, как после сегодняшнего вечера смотреть Арлете в глаза. А дальше что будет? Неужто пробудившаяся спустя двадцать пять лет блаженного сна совесть замучает меня с летальным исходом? Да еще этот завтрашний разговор в ресторане «Рояль» не давал покоя. Очень уж он будет определяющим во многих вопросах.

Так обычно бывает перед экзаменом: сутки ходишь сам не свой, дрожишь в предчувствии, нервничаешь. Вытягивая билет, ощущаешь, как бешено колотится сердце, но когда посмотришь на вопросы, все меняется коренным образом. Начинаешь прикидывать, насколько хорошо ты знаешь ответы, где для тебя в них белые пятна, при незнании которых может самодовольно поглумиться подлый экзаменатор; на каких аспектах можно смело акцентировать внимание, а где неприметно пройтись вскользь. В конце концов, потихоньку достаешь нужную информацию из памяти, расслабляешься и готовишься к ответу. В общем, с облегчением страх отходит на задворки сознания, уступая место логичному рациональному мышлению.

Такое же состояние было у меня пред ужином с Гиссандрой. Целый день напролет я не знал чем себя занять, поэтому прокручивал перед глазами самые яркие варианты возможного фиаско, отчего, само собой, на душе легче не становилось. В первый-то раз особо некогда было нервничать. Мы разрабатывали последовательность операции, я готовился, мылся, брился, выбирал одежду. Тем более что свидание оказалось полной неожиданностью для волшебницы, и весь ход событий пребывал под моим тотальным контролем. На этот раз она готова к встрече. А вдруг я не оказал на нее достаточного впечатления в прошлый раз? Может быть, еще не доехав до ресторана, я буду скручен в плотный узелок и оперативно предан забвению как угроза на пути к ее могуществу? Понятно, что вероятность подобного исхода невелика: я отлично помнил, насколько зацепил ее. Но шанс возникновения осложнений постоянно давал повод засвербеть внутреннему напряжению, которое с самого утра не давало покоя. Хотелось взять пульт и перемотать жизнь вперед,

но приходилось мучиться до вечера, страдая впридачу еще и от безделья. Однако все резко изменилось перед самой встречей с «объектом». Серая, тревожная жизнь начала наливаться смелыми яркими красками, как только что поставленный фонарь под глазом.

«Рояль» оказался шикарным заведением. Больше всего мне понравилось, что не было в нем аляповатой помпезности, при которой каждый угол и каждая выемка помещения соревнуются друг с другом в роскоши, а любая ниша готова проломиться от непомерной тяжести украшений. Исходя из названия, чего-то подобного я поначалу и ожидал. Нет, все было четко и со вкусом. Хотя, кто я, собственно говоря, такой, чтобы вообще оценивать подобные заведения? Как среднестатистический обыватель, волею судьбы занесенный в ВИП-кабак, я вынужден был тихонько присвистнуть на входе, отдавая мысленный респект разработчикам, и скромно приземлиться за своим столиком. Гиссандра уже ждала меня. Ее строгое сосредоточенное лицо говорило о том, что мне в этот раз не удастся так легко прибрать инициативу к своим рукам. Но совсем о другом говорило ее умопомрачительное серебристое платье, идеально подчеркивающее все прелести точеной фигурки. Желание произвести впечатление на своего ухажера проскальзывало не только в наряде, но и в движениях, жестах, взгляде Верховной Волшебницы. Что ни говори, Гиссандра выглядела великолепно. И выглядела она так исключительно ради меня. Собственно, с какой такой радости я взялся бы выполнять подобные задания, не будь объект настоящей красавицей, хоть и с несколько стервозным оттенком.

— Нам нужно серьезно поговорить! — едва я присел, тут же выпалила волшебница.

Но, переключенный где-то внутри организма тумблер на режим «крутой перец» не позволил пойти на поводу женщины. Я вальяжно развалился на стуле, схватил наполненный вином бокал и отсалютовал даме.

— Разговор — не волк, в лес не убежит. Разве мы с тобой торопимся куда-то? Давай поднимем бокалы и выпьем за бездонность твоих глаз, что раз и навсегда пленили меня.

Верховная Волшебница хоть и нехотя, но подчинилась. За короткий промежуток времени я успел неплохо просканировать зал «Рояля» на предмет шпионов. Конечно, матерых и опытных соглядатаев такой дилетант, как я, все равно не разглядел бы в упор, но откровенных наблюдающих взглядов заметно не было. Этот факт означал, что волшебница еще не определилась окончательно, как же поступить со своим неожиданным

воздыхателем, поэтому лишних лиц в наш роман привлекать пока не стала.

— Признаться, вы умеете впечатлять, сударь, — пригубив напиток, заявила Гиссандра. — Однако нам надо расставить все точки над «i». Вы ведь не думаете, что мы можем быть вместе?

Вот как мы заговорили. Типа, я не такая, я жду трамвая. А вчерашнее наше рандеву — не более чем легкое недоразумение. Все правильно, мадам пытается сохранить лицо и попутно набить себе цену, изображая недоступность. Вот только совсем иные мотивы изображает ваша улыбка, взгляд и, как на заказ, высоко вздымающаяся грудь.

— Во-первых, если мне не изменяет память, мы еще вчера перешли на «ты»? — в ответ улыбнулся я. — А во-вторых, что же, по-твоему, так сильно мешает нам встречаться? Что тебя смущает? Может быть, то, что у меня нет знатного рода и звания? Так зачем они тебе? Верховная Волшебница и Великий Пришелец — звучит так, что лучше не придумаешь, согласна? Быть может, богатство? Тоже сомневаюсь, что тебя оно интересует сверх меры. Могущество? Никто в этом с тобой не сравнится, поэтому любой другой, даже самый сильный, волшебник подле тебя будет выглядеть сопляком. Но ведь не я. Так в чем тогда дело? Какие у нас могут быть проблемы? — я пристально смотрел на собеседницу.

Ох, как же она была хороша. Я осознал, что готов добиваться этой женщины любой ценой, так она была соблазнительна. И тут дело даже не в задании разоблачить ее, и не в споре со Скоксом. Просто вид волшебницы, один только вид вызывал безудержный всплеск гормонов, совладать с которым было не под силу ни мне, ни, тем более, Гиссандре. И, глядя друг другу в глаза, мы оба прекрасно понимали это, и никто из нас не был против дальнейшего естественного в природе развития событий. Однако имелось кое-какое обстоятельство.

— Мы не можем быть вместе. Просто пойми это. Я не могу тебе всего объяснить… — Напускная строгость Верховной Волшебницы сменилась легкой печалью. — Я много думала сегодня. Ты… не такой, как все. Ты вызываешь во мне странные чувства, будишь нечто неизведанное. Ты мне нравишься. Но тебе просто жизненно необходимо исчезнуть из Глады. Есть одна причина, которой лучше никому не знать.

— Что, даже мне? — весело поинтересовался я. — Ладно, а как ты отреагируешь на то, что я знаю твою причину?

Сперва на лице Гиссандры проскользнуло неподдельное удивление, а затем волшебница заметно насторожилась.

— Да расслабься ты. Я знаю все и про Кащера, и про то, что

хочешь стать колдуньей, — с улыбкой продолжал я.

Верховная Волшебница воровато глянула по сторонам, будто прятала за пазухой соседского петуха. Оно и ясно: ей не хотелось, чтобы наш разговор слышали посторонние уши-локаторы.

— Откуда ты знаешь? — спросила она шепотом.

— Да я же говорю, расслабься. Чего так напряглась? Откуда знаю? Да Кащер сам все сказал. Когда ты на Сейме обвиняла меня, что, мол, я работаю на колдуна, — от правды отошла недалеко.

— Не может быть! — Гиссандра округлила глаза.

— Почему? Очень даже может. Я был в лесу, знаю планы Кащера, лично видел Цмока. В общем, считаю вполне логичным присоединиться к колдуну, так как победа в противостоянии с людьми однозначно за ним.

— А что ты делаешь здесь, в Гладе?

Я выдал приготовленную заранее легенду:

— Ну, подумай сама. Какая от меня польза в лесу? Да и скучно там, как на турнире по шахматам. — Я наклонился ближе к волшебнице и заговорщицким тоном продолжил: — Кащер прислал меня сюда, чтобы я помог местной коалиции разжечь войну между Казмадом и Мидлонией. Я уже втерся в доверие к князю после своего выступления в Сейме. Дело осталось за малым. Но теперь я так не хочу форсировать события. После нашей первой встречи все проблемы отошли на второй план, и как можно больше я хочу оставаться вместе с тобой, наслаждаться твоим очаровательным обществом.

Гиссандра пребывала в смятении. Она смотрела куда-то в глубь ароматного борща, или что мы там заказывали, и попеременно теребила то волосы, то скатерть, то бретельку платья.

— Но я еще седмицу назад послала гонца Кащеру. Сообщала в послании о тебе, — наконец произнесла волшебница.

— И что? Сколько ждать посланца обратно? К лесу, положим, он уже добрался. Пока передаст письмо, пока дождется ответа, пока, наконец, прискачет обратно. Еще неделька. И весь сыр-бор, чтобы получить указание типа: пришелец поможет вам все организовать.

— Почему же он сразу не предупредил?

— Зачем? Чтобы одновременно со мной в Гладу прибыл посыльный? Так я могу и сам тебе все сказать, зачем лишние тела и движения?

— Действительно… — Гиссандра задумалась.

— Да что мы все о делах? Здесь и сейчас мы с тобой по совершенно иному поводу, — я взял волшебницу за руку. — И

теперь нам ничто не сможет помешать! Мы с тобой будем вместе. Ты ведь счастлива это слышать, правда?

Верховная Волшебница медленно подняла на меня свои глаза, смущенно улыбнулась и тихо произнесла:

— Да.

Все! Птичка в клетке. Теперь никуда ей от меня не деться — завязла прочно, как в зыбучий песок, и постепенно погружается все глубже, пока не окажется в чувствах с головой.

Далее вечер пошел как по маслу: мы ужинали, болтали, на удивление много смеялись и танцевали. С последним элементом досуга получилось не очень эффектно, так как выделывать па — явно не мой конек, хотя волшебница тоже в этом плане далеко не блистала. Зато в процессе мы вдоволь наприжимались друг к другу, разжигая волны страсти. Заведение покинули ближе к полуночи.

К ее дому шли не спеша, взявшись под руки, а у калитки нас поджидал долгий, пылкий, сладкий поцелуй. Да, на втором свидании как раз можно. Гиссандра в таком важном искусстве, как любовный поцелуй, показала себя немногим лучше пятнадцатилетней девчушки с помидорным стажем. Однако рвения и смелости ей было не занимать. Собственно, такие моменты мне больше всего нравятся не за качество исполнения, а за искренность. Осталось узнать, какова Верховная Волшебница в более интимных ситуациях. Для этого мы и условились о следующей встрече в княжеском номере гостиницы Громов, располагавшейся в центре Глады. Последний этап моей приятной миссии.

По пути домой, в служебной карете Радзивилл светился, как надраенная перед парадом кирза. Меня же вновь обуревали противоречивые чувства. С одной стороны, какого черта я должен испытывать мучительное чувство вины перед Арлетой? У нас просто нет другого выбора, чтобы спасти человеческую популяцию, — это жизненная необходимость. С другой стороны, стыдно было за то, с каким удовольствием я провожу время с волшебницей и как нетерпеливо предвкушаю завтрашнее близкое знакомство с ее прекрасным телом. А ведь и вправду хотелось неимоверно. Проклятая ведьма сводит меня с ума!

Уже в нашей комнате Арлета выспрашивала очередной раз подробности прошедшего дня, а я с виноватой улыбкой нагло врал ей и с умилением смотрел в ее наивные глаза. Когда мы ложились спать, я, вместо того чтобы, как обычно, развалиться на полкровати, прижал девушку к себе и зарылся лицом в ее роскошные волосы. Наверное, этим проявлением нежности я просил у нее прощения за то, что втихаря вытворяю вечерами. Так

и заснули.

Этот день разительно отличался от прошедшего в эмоциональном плане. Мандража и неуверенности не было. Я точно знал, что все получится. Ну а как могло быть иначе после безупречно проведенной подготовки и стопроцентно достигнутого результата. Вообще Гиссандру можно было брать тепленькой хоть сейчас. В смысле, арестовывать. Записей на волшебном камне-диктофоне хватало, чтобы разоблачить ее в пух и прах. Оставалось только выяснить у предательницы полный список сообщников. Однако, учитывая предварительную обработку, с этим вообще не должно было возникнуть никаких проблем.

В номере все ждало своего часа: вино, цветы, свечи, легкая романтическая музыка из зачарованного проигрывателя и широкая кровать умеренной жесткости. Главное — не торопить события. Вся фишка этого вечера — добиться полного доверия волшебницы, заставить ее раскрыться. Для этого мало просто затащить ее в постель. Нет! Надо наоборот, чтобы она меня туда затянула! Убедить, что ничто не происходит против ее воли. Тогда останется лишь ненавязчиво задавать случайные грамотные вопросы, и Гиссандра расскажет все свои тайны.

На этот раз я пришел первым. Убедился, что коротышки приготовили все по высшему разряду, зажег ароматические свечи, включил музыку, плеснул в бокал вина и откинулся в ожидании на спинку глубокого кресла.

Пожалуй, предвкушение чего-то грандиозного во многом гораздо приятнее, нежели само событие. Нет, конечно, я не имею в виду чего-то наподобие пребывания в тюрьме с надеждой на амнистию, но вот, например, секунда, разделяющая старый и новый год, не идет ни в какое сравнение с часами сладостного предвкушения праздника. Как поется в одной песне: «The chase is better then the catch»[11]. Хотя… конечно, кому как. Вот я сейчас растягивал мгновения до встречи с самой Верховной Волшебницей Великого княжества Мидлонского и обалдевал от того, на что я замахнулся! Кого мне выпала честь занести в свой заветный список «С ней у меня было»! А ведь такой неприступной казалась поначалу!

Раздались легкие шажочки в коридоре, дверь тихо скрипнула. Вот и она! Сегодня Верховная Волшебница красовалась воздушным цветочным платьицем, способным вышвырнуть из головы мужчины все ненужные мысли, оставив место для основных инстинктов. Я поднялся с кресла, провел даму внутрь и вручил бокал вина. С первого взгляда в Гиссандре ощущалась некоторая неуверенность и смущение. В принципе, сей феномен

вполне объясним: интимное свидание — вовсе не то, чем она занималась всю жизнь, и чар, которые могли бы ей помочь в этом деле, не существовало. Что ж, значит, в меру напоить волшебницу отнюдь не помешает. Именно этим я увлеченно занимался где-то в течение часа, отвлекая Гиссандру комплиментами и разговорами. Таким образом, незаметно в ее голову пробралось едва ощущаемое головокружение и развязные мыслишки. Пришло время пригласить даму на танец. Контрольный танец.

Что надо сделать, чтобы девушка сама набросилась на вас, будто завершила только что кругосветное плавание исключительно женским экипажем? Может кто-то не знает? Тогда постараюсь ответить. Вот зачем тогда природа наделила мужчин руками, а противоположный пол щедро обогатила эрогенными зонами? Наверное, для того, чтобы эти части тела изредка встречались. А если в деле небольшой дозой присутствует такой катализатор, как алкоголь? Вот вам и ответ.

Не успел я завершить полного круга рукоблудия по телу волшебницы, как она тигрицей накинулась на меня, повалила в постель и принялась неистово срывать одежду. Дальнейшее описывать не имеет смысла. Все подобные сцены давным-давно во всех подробностях засняты талантливыми немецкими режиссерами. Могу лишь коротко резюмировать: для первого раза Верховная Волшебница справилась великолепно.

Осталось не запороть самого главного, то есть не поддаться соблазнительному желанию всхрапнуть в стену, пока партнершу мучает словесное недержание.

— Это так хорошо! — сладко потягиваясь, говорила Гиссандра. — Если бы я только раньше знала, как это хорошо! Ты ведь мой первый и единственный мужчина. У меня сейчас такое ощущение, будто я всю свою жизнь прожила зря. Слишком долго держалась подле богини Девои. А я-то думала до этого, что подобное не для меня — для других. Глупых и ветреных. Безвольных. Какая ошибка! Просто не было никого, кто смог бы раскрыть мне глаза. Спасибо тебе огромное!

— Да не за что. Обращайся, какие проблемы! — едва сдержал я зевок.

Волшебница на мою реплику внимания не обратила и продолжала:

— Теперь я в смятении. У меня ведь была самая главная цель в жизни — стать колдуньей. Обрести невиданное могущество. Но теперь появилось нечто, возможно, не менее важное, чем давняя мечта. И я не знаю — что выбрать, как поступить? Ведь, наверное, если Кащер превратит меня в колдунью, между нами все оборвется? Что же нам делать?

Наконец возникла пауза, непосредственно предназначенная для того, чтобы я ее заполнил. А что можно было на это сейчас ответить? По большому счету, я мог спасти Верховную Волшебницу от роковой ошибки стать ошибкой природы. Да, любовь — поистине великое чувство, ради которого женщины способны отказаться от всех остальных чудес на свете. Только для этого на чародейке придется жениться или, по крайней мере, длительно сохранять отношения. Но сердце, а скорее, даже более низкое и мягкое место чуяло, что Гиссандра в роли жены — это близкая альтернатива самоубийству. С ее-то стервозным характером, если я не ошибся в его идентификации. Это сейчас все мягко, сладко и пушисто. А потом, спустя некоторое время? Ведь конфетно-цветочный период не резиновый. Мне ли не знать, как трансформируются чувства у подобных женщин со временем? Надолго ли хватит первоначального запала страсти чародейке? Скорее всего, через годик-другой изнуряющей нервотрепки она заявит нечто вроде: «Да на тебя я потратила лучшие годы жизни, ты, ничтожество!» И вновь доминантной мыслью в уме Верховной Волшебницы засветится идея о перевоплощении в колдунью. Да и вообще единственная в двух мирах девушка, которую я могу представлять в качестве спутницы жизни, — это, несомненно, Арлета, и только она. Чего тут разводить внутреннюю демагогию?

Поэтому я сказал кудеснице следующее:

— Знаешь, ты все время слишком торопишь события. Пытаешься заглянуть как можно дальше в будущее и совсем не умеешь наслаждаться сиюминутными радостями. Тебе сейчас хорошо?

— Да, — уверенно кивнула Гиссандра.

— Вот и расслабься, получай удовольствие от момента. А то все тебе Кащер, перевоплощения. Это еще когда будет… а вот войнушку с Казмадом совсем скоро завязывать придется. Об этом стоило бы и задуматься. Кто там у нас еще в штабе сообщников?

— В смысле, в Сейме? — уточнила волшебница.

— Ну, в Сейме, вообще в Гладе, пусть даже и не волшебники. Всех, кого знаешь. Мне ведь Кащер сказал у тебя обзаводиться информацией.

— Вообще-то нас не так уж много… — Гиссандра повернулась набок, положила руку мне на грудь и принялась размеренно поглаживать на ней волосы. — Волшебников из тех, что его могущество пока не может сделать колдунами — ну ты знаешь, не всех Кащер может перевоплотить сразу, в основном ближе к старости, — так вот, волшебников семь человек, двое из Совета Старейшин — и еще пара армейских начальников, из высокопоставленных.

— Имена, звания. Мне все важно.

Верховная Волшебница назвала двенадцать имен. Все! На этом наивном перечислении подпольщиков миссию можно было считать выполненной, а в качестве бонуса на прощанье изведать еще одну порцию волшебных утех.

Хорошо, конечно, когда жизнь бьет ключом, но совсем плохо, если ключ этот разводной и лупит по голове. Едва мы собрались на второй заход, как дверь номера с треском распахнулась и комнату начали заполнять стражники с воплями об имени князя. Среди активных действующих лиц я разглядел сперва сосредоточенного Пагома, а затем и самого Радзивилла. Князь протиснулся вперед, сверкая глазами:

— Предательница! Теперь всех вас выведем на чистую воду! Взять ее! — орал он.

— Да вы что творите? Подождать не могли? С ума сошли совсем? — я взметнулся с постели.

Такой исход в мои планы не входил. Изначально я собирался разойтись к утру по домам. А вот в пути Верховную и повязали бы. Да так должны были все изобразить, будто камень-жучок, содержащий в себе диктофонные записи с доказательствами, подбросили мне случайно. Просто не хотелось выглядеть в ее глазах негодяем и рушить представления о высоких чувствах, даже несмотря на то что сама она та еще злодейка и ради собственной прихоти готова была жертвовать человечеством.

— Спокойно, Арсенал, — князь жестом остановил меня. — Слишком рискованно ее отпускать. Могла успеть наговорить чего лишнего своим сообщникам. Сейчас самое время, прости за нарушенную идиллию.

Гиссандра, к моему удивлению, совсем не пыталась вырываться из рук стражников, осыпать всех угрозами и всячески сопротивляться аресту. Сейчас она была похожа на маленькую девочку, которой по ошибке подарили очень большую и красивую куклу, а потом, спустя несколько минут счастья, взяли да и отобрали. Во взгляде Верховной Волшебницы струилась горечь, глубокая тоска, разочарование и боль. На глаза железной леди начинали наворачиваться слезы. А во мне жгучим пламенем разгоралось чувство стыда. Но то были еще цветочки! Наблюдая, как уводят обернутую в какую-то простыню волшебницу, у входа я увидел потерявших от недоумения чувство пространства и времени Арлету со Скоксом. Охотница, едва мы с ней пересеклись взглядами, закрыла лицо ладонями и выскочила из номера прочь.

— Какого черта! — взревел я и рванул за девушкой.

Однако пробиться к выходу сквозь толпу дружинников оказалось проблематично. Когда это мне удалось, Арлеты и след

простыл. Ну и где теперь ее искать? Кипя от ярости, я ворвался обратно в комнату. На этот раз пришлось плюнуть на все свои предубеждения. Нецензурная брань изливалась из меня таким потоком, что, услышь меня выпускная группа профтехучилища, ребята с удовольствием на будущее конспектировали бы все в блокноты.

— Кто ее привел? — Я в бешенстве озирался по сторонам. — Кто, спрашиваю?! Ты?

Я повернулся к волшебнику, подскочил к нему и замахнулся для удара, но бить не стал. Скоксом, видите ли, овладела апатия. Он прислонился к стене и бездумно созерцал самую далекую точку во вселенной. Еще один тоскует о своей любви. Сегодня, для того чтобы появился шанс спасти миллионы задниц, мне пришлось разбить три сердца. Отчего же тогда на душе так хреново?

— Арсенал, — прозвучал в тишине голос князя. — Это какое-то недоразумение. Твоих друзей никто не брал. Я не знаю, откуда они здесь.

— Кажется, я знаю! Ну что, доволен? — встряхнул я все еще молчащего Скокса. — Доволен, я спрашиваю? Какая же ты все-таки тварь! Ненавижу все ваше племя чароплетов несчастных!

Едва натянув штаны с рубашкой, я выскочил на улицу. Останавливать меня никто не решился. По Гладе я бродил всю ночь. Ходил и не видел, куда иду. Три раза чуть не попал под колеса экипажей. Один раз ко мне попыталась пристать местная шантрапа — видимо, забрел в специфический район, — однако что-то их остановило, и трогать меня не стали. Уже утром незнамо как я добрел до княжеского дворца, куда меня беспрепятственно впустили, пришел в комнату, где когда-то жили мы вдвоем с Арлетой, сел на пол, обхватил руками подушку и принялся пялиться в стену.

Глава двенадцатая, командировочная

Возможно, некоторые мои недруги могут назвать меня хамом, наглецом, подлецом, кидалой и беспринципным негодяем. Может быть, таковым я и являюсь на самом деле. Однако после всего содеянного за последнюю неделю даже такую отрицательную личность, как я, может плотным покрывалом накрыть черный депрессняк. С горем пополам я еще мог оправдать свои действия и пережить их последствия, но потерю самого дорогого, чего удалось добиться в этом мире, простить себе было невозможно. А ведь все могло пойти совсем иначе. Если бы каждый следовал плану до конца — не было бы стыдно перед Гиссандрой, ничего не узнал бы Скокс, и Арлета по-прежнему светилась бы счастьем рядом со мной. Зачем же этот князь вломился в гостиницу раньше времени?

Три дня безвылазно провел я в гостевых покоях, три дня ничего не ел, лишь изредка пил воду. Как-то заходил Пагом. Плел бессвязную несуразицу, мол, ему жаль, что все так получилось, извинялся за нелепые попытки поиздеваться надо мной тогда, во внутреннем дворе. Заглядывал один раз и Радзивилл. Тоже соболезновал, оправдывался государственной необходимостью. Их речи я оставлял без ответов и вообще каких-либо знаков внимания. Не имело смысла. Каждый день появлялась Ланна, приносила еду и воду, пыталась покормить, но после неудачных попыток со вздохом покидала комнату. А на четвертый день меня посетил поручик Атом.

— Слышал, что на тебя чары не действуют, — с порога заявил вояка. — Ну, ничего. В нашей деревне волшебника отродясь не было, так что приходилось выкручиваться самим. Держи.

И он протянул мне флягу.

— Это что? — даже не из любопытства, а скорее по привычке спросил я.

— Говорю же, в моей деревне волшебников не было. Лечились сами, как могли. Это по бабушкиному рецепту. Ты пей — оно поможет.

Ну, я и хлебнул, чего уж там. Щедро так хлебнул, без задней мысли. Выражение полного безразличия на лице пришлось наспех сменить выпученными в панике глазами. Атом тоже прилично забеспокоился и вырвал флягу из рук:

— Ты что ж так резко, а? Его маленькими глоточками пить надо!

А у меня за грудиной жгло так, будто я проглотил раскаленную арматуру. Впервые за прошедшие трое суток я поднялся с места, да еще и начал нарезать круги по комнате, пока Атом не выловил мой беснующийся организм и не влил в него стакан воды. Полегчало. Но…

Уже через пять минут я был в стельку пьян и со слезящимися глазами рассказывал этому практически первому встречному человеку о своей несчастной любви. Вот, оказывается, какие знатные декокты намешивала бабка поручика. Вот что значит участкового волшебника на селе не было — сразу настои гнать сподобились!

Прерываясь рыданиями, я не останавливался, пока не излил собеседнику всю душу, и практически в ту же минуту меня отпустило. Откатилась пелена опьянения и утащила за собой тучи депрессии. Нет, настроение, конечно, не обернулось таким, что впору прыгать, радоваться и хохотать, но легче на душе стало неимоверно. Я встряхнул головой, охая и вытирая слезы.

— Кстати, к чести князя, — он организовал тщательнейший поиск твоей девушки, — сообщил Атом, заметив, что я уже адекватен. — Подключил практически всех людей, но она даже следов не оставила. Потрясающе ловкая сударыня.

— Это верно. С ее образом жизни — куда уж ловчее, — философски отметил я, все еще мотая головой, а затем обратился к поручику: — Надеюсь, на этом действие твоего лекарства заканчивается? Больше побочных эффектов не будет?

— От бабкиных отваров за всю ее жизнь только два человека померло. Я, конечно, не так хорошо, как она, их готовлю, да к тому же пару компонентов забыл…

— Не надо, — прервал я военного. — Дальше не надо. Пусть лучше мои шансы на выживание останутся тайной. Надежда, знаешь ли, умирает последней. Значит, так… за целебный коктейль, конечно, спасибо. Только, сдается мне, вряд ли ты это по доброте душевной. Князь опять хочет чего-то, правильно?

— В общем, чего таить: да. Посовещались мы, решили — хватит уж тебе кручиниться. Пора пользу людям приносить, — ответил честно поручик.

— Что? Опять?! — мгновенно завелся я. — Сколько можно пользу приносить? Я вам что, ходячий благотворительный фонд? Или должен чего-то, что ли? Да я тут ради вас и так в сто раз выше головы прыгнул, как блоха! Там в лесу неоднократно сдохнуть мог, здесь ваши темные интриги расковыривал. И что мне все это дало? Были бриллианты — нет бриллиантов. Была девушка — нет девушки. Была, в конце концов, стабильная психика — и ту расшатали! Какого хрена я для вас еще чем-то

жертвовать буду?

Атом растерянно смотрел в пол, хотя именно его вины в том, что со мной произошло, не было.

— Арсенал, нам очень нужна твоя помощь. Пожалуйста, — наконец бесхитростно произнес он тихим голосом.

Тут я запнулся. Ответ поручика был короток, ясен, без напыщенных речей и обещаний, но, самое главное, искренен. Тем более что водится во мне одна особенность: если меня о чем-то вежливо попросить — отказываюсь не часто. Ключевое слово тут — «вежливо». В общем, пришлось задуматься.

С одной стороны, разрушенным счастьем я был обязан именно князю и его людям. Но, с другой, в данный момент на Поляне заняться пока было нечем, а праздное безделье — это бесплатный пропуск хандры в душу на after party (дословно — после вечеринки, клубный сленг). Тем более что вдруг без меня действительно всем придется туговато? Вряд ли, конечно. Хотя, возможно, кое-какая помощь со стороны пришельца может оказаться действительно полезной. Вдруг бездействие окажется чреватым печальными последствиями? Поляна — это вам не капитал-шоу «Поле чудес». Тут на кону не автомобиль, а человеческие жизни, включая мою. С программы после неудачи можно запросто вернуться на историческую родину, а отсюда, скорее всего, не получится. Ах, да, кстати, чуть не забыл: в случае отказа, вполне возможно, князь прикажет меня казнить, несмотря на все боевые заслуги. Медаль на грудь — и кол под зад. Какая чарующая перспектива!

— Вообще-то мне надо срочно найти Арлету, — для начала все-таки попытался я отмазаться.

— У тебя в одиночку нет никаких шансов, а князь на первое время людей не выделит. Когда разберемся со всем, найдем твою женщину. Обещаю.

— Ладно, — нехотя протянул я. — Чего надо-то?

Было заметно, что Атом хоть и скупо, но по-настоящему обрадовался. Он повел меня на очередной совет к Радзивиллу и в дороге по-военному кратко излагал обстановку:

— За три дня изменилось многое. Взяли всех сообщников Кащера. Выяснили имена предателей в других городах. Посланы гонцы и группы дознания. Начинаем план ложной переписки с врагом. Нашли говорящий клинок. Идет работа по утверждению князя на трон и возвращению правителю всех полномочий. Сейчас будем составлять оперативный план дальнейших действий. Вчера Верховную Волшебницу Великого княжества Мидлонского Гиссандру казнили…

— Как казнили? — воскликнул я. — Уже? Зачем?

— Она… — поручик подыскивал подходящее слово, — в общем, говорят, онемела. Ни с кем не разговаривала. Никаких сведений от нее не добились, поэтому его величество решил казнить.

Я со всей силы пнул первую попавшуюся на пути табуретку, отчего та рикошетами полетела вдоль коридора. Возникло такое пакостное ощущение, будто я сам затащил волшебницу на эшафот и своими руками привел приговор в исполнение. Кстати об исполнении.

— Кто казнил? — мрачно спросил я.

— Его могущество Скокс, — был ответ.

Ясно, старый паразит все-таки выполнил условие спора. Что ж, быть может, благодаря этому я буду презирать его меньше.

Должно быть, присутствовавшие на совещании у князя лица сочли мое выражение несколько мрачноватым и, может, даже грозным, иначе с чего бы они прервали такую оживленную беседу, едва я вошел? А пребывали в резиденции Радзивилла следующие товарищи: сам правитель, его неизменный помощник Пагом, неприметный начальник разведки, еще пара человек в штатском и собственной персоной его могущество, будь он неладен, Скокс. Тоже в советчики набился, что ли? Пока я сомневался, закатить показательный скандальчик для профилактики либо вести себя культурно, мои мысли прервал князь:

— Арсенал, рады тебя видеть во здравии. Еще раз хочу сказать, что нам всем очень жаль, но по-другому поступить мы не могли. Добро пожаловать в строй. — С одной стороны, Радзивилл вроде говорил сухим, официальным тоном, но вот чувствовались порой нотки сочувствия в его поставленном голосе.

Хотя по большому счету в гробу я видал его сочувствие, равно как и чувства прочих в этом помещении. Тем более что в глазах советников никаких соболезнований не просматривалось. Они исподволь поглядывали на меня со смешанным чувством любопытства и восхищения. Ну конечно, такую женщину охмурить умудрился. Небось, еще все диктофонные записи с зачарованного камня прослушали. И не раз.

Один лишь Скокс прятал взгляд. Неужто стыдно? Стыдно, что не поверил в очевидное, да еще и подлым образом отомстил за это? Не скрою, сам я осознавал весьма отчетливо, что по отношению к чувствам волшебника поступил не слишком благородно. А как по-другому надо было делать? Не будь Скокс таким тупоголовым, согласись он сотрудничать с самого начала, может, нашли бы иной выход.

Тут меня осенила еще одна мысль. Ведь если бы вместо меня

с Гиссандрой под моим чутким руководством зажигал Скокс — чародей легко и безболезненно смог бы перетянуть ее на нашу сторону. По крайней мере, до тех пор, пока грозный, но весьма наивный волшебник не осознал бы, какая мегера ему досталась. Ведь единственное, что меня самого удержало от подобного шага, — это чувства к другой женщине. Короче, вариант с кудесником в качестве действующего лица мог оказаться идеальным. Но получилось то, что получилось. Такая вот судьба-злодейка — у нее всегда свое видение дел.

— Итак, Арсенал, надеюсь, Атом уже ввел тебя в курс дел? — уточнил правитель и после кивка поручика продолжил: — Мы сейчас тоже обсудили почти все, так что коротко подытожим основные моменты. Значит, так, сударь Мартолен, повторите свои основные задачи.

Начальник разведки с ленцой, неведомо который за сегодня раз, начал перечислять:

— Глобальный арест предателей по всем городам Мидлонии, тщательный допрос и казнь. По возможности выяснить личности сообщников Кащера в Казмадском королевстве. Часть людей обрубают корни Совету Старейшин. Мы вербуем их лучших исполнителей, а тех, кто станет отказываться принципиально, — убираем. По Казмаду определенного плана нет. Король Ванко, согласно последним данным, собирается выступать с войском на княжество в течение месяца. Необходимо предупредить этот шаг, возможно, с помощью диверсии. Тогда, не опасаясь атаки в спину, путем ложных сообщений выманиваем нечисть из леса и уничтожаем всех. Главное, чтобы королевство не успело опомниться слишком рано. На две полномасштабные войны подряд армии княжества не хватит. Ну и к появлению Кащера из леса желательно иметь полный комплект доспехов, некогда зачарованных духами Верховных Волшебников. Рабочее название «Живые доспехи».

Начальник разведки закончил и занял свое место. Князь взял слово:

— Да, с Казмадом пока разумных версий нет. Над этим будем усиленно работать…

— Не пойму я все-таки, — прервал Радзивилла крепкий мужчина, судя по выправке и ощущению, будто гражданская одежда выглядит на нем инородным объектом, он являлся одним из приближенных к правителю военных, скорее всего, какой-нибудь генерал. — Почему бы нам не договориться с Казмадом и не объединить усилия против нечисти?

Вместо князя ответил разведчик:

— У Кащера в королевстве намного больше последователей,

нежели в княжестве. Наше предложение ими в свете будет изображено как бред и ловушка. Собственно, то же самое, что произошло с сударем Арсеналом в Сейме Чароведения. Плюс мы раскроем перед ними карты. Нет, ваше благородие, так действовать слишком рискованно.

Вояка, видимо, удовлетворился ответом и молча сел на место. Князь продолжил:

— Пока ничего путного с Казмадом не решили, так что будет над чем поразмыслить перед сном. Но верю, все у нас получится. Теперь по поводу «Живых доспехов». Ваше могущество Скокс, меч уже у вас — что он говорит?

Волшебник подобрался и усталым голосом заговорил:

— Спустя все время заточения с рассудком у этой железяки, сами понимаете, не все в порядке. Общаться с ней сложно. Говор вовсе неразборчив. Но, по крайней мере, он утверждает, будто может указать путь к схрону остальных фрагментов. Это на территории Казмадского королевства. Где-то в бескрайних степях неподалеку от городка Гозырь. Какой-то склеп. Из всего бормотания также удалось выяснить, что несколько раз туда, в схрон, забредали случайные люди, но все отчего-то умирали внутри. Причем бывали случаи, когда за короткий промежуток времени заходили несколько человек по очереди, с теми же последствиями. Из вышеупомянутого можно сделать вывод: в склеп может единовременно проникнуть лишь один искатель приключений насмерть. В общем, как бы то ни было, внутри неизменно погибали все визитеры. Кроме одного. Последний устроил там грохот, как на ярмарочном фейерверке, и под шумок стянул Верховного Волшебника в лице известного нам клинка. Вот все, что нам известно.

— Ну, тут все просто, — князь склонился над картой Поляны, разложенной посредине комнаты. — Вот Гозырь. Туда и отправится группа, чтобы изъять наши сокровища. Пойдет его могущество Скокс, чтобы держать связь с мечом, поручик Атом и сударь Арсенал.

С удивлением я посмотрел на волшебника. В не меньшем недоумении тот пялился на меня. Пришлось презрительно фыркнуть и отвести взгляд. Во-первых, чесать на вражескую территорию с очередным рискованным заданием, понятное дело, совсем не хотелось. Во-вторых, в компании со Скоксом. Желательно, чтобы в команде царило взаимопонимание, а не взаимная неприязнь. Поэтому я открыл было рот, чтобы возразить, однако Радзивилл мягко, но властно прервал меня:

— Не обсуждается, — отрезал он. — Командовать походом будет поручик Атом. Он же доберет необходимое количество

подходящих по его мнению людей. Ваше могущество, как я уже говорил, вы будете налаживать связь с клинком, у вас есть необходимый опыт для этого. А ты, Арсенал, нужен, чтобы войти в склеп и забрать остальные доспехи. Если твой предшественник смог, кому, как не тебе, еще раз попробовать?

Ну, что тут сказать? За-ши-бись! Мгновенно вспомнились речи Кащера по поводу тайника. Каждый, кто туда войдет, увидит свой самый сокровенный страх, а затем склеит ласты. Что, собственно говоря, и происходило со всеми энтузиастами, если верить переводу Скокса. Отлично! Мысль же князя выглядела преждевременной, как удар в челюсть перед гонгом. Если один пришелец вернулся живым, значит, второй тоже как-нибудь проскочит. Не слишком ли рано выведена сомнительная аксиома?

Также прекрасным образом всплыли в памяти рассказы моего псевдосумасшедшего соседа по подъезду Леонтия Павловича. Со слов старика, в склепе Кащера фашисты устроили ему засаду. И неизвестно, чем все могло закончиться, если бы доблестный советский воин не преодолел своего сокровенного страха и не швырнул во врагов гранатой. Кстати, откуда в этом мире взяться настоящим фрицам? Ниоткуда! Скорее всего, солдаты возникли с помощью чар. Причем очень хитрых чар, если они подействовали на второго Великого Пришельца. Значит, и на меня подействуют. Но я-то без гранаты!

Кстати, а каков мой самый сокровенный страх? По-моему, до дрожи в коленках я боюсь акул, хотя ни разу не видел их вживую. Впрочем, для того чтобы я испугался этих рыбешек, нужны определенные условия. Если вдалеке от берега в одиночку бултыхаться на волнах и увидеть торчащий из воды устрашающий гребень — запаникую так, что воды в море станет немного больше. Но как их на суше бояться — ума не приложу. На суше они вовсе не страшны. А уж в подземном склепе — и подавно. Как же меня там собираются пугать морскими хищниками? Ладно, разберемся в дороге или на месте. Отказываться все равно нет смысла — заставят.

— Арсенал, — голос князя вывел меня из размышлений. — Нам предстоит война с необычным противником — с нечистью. У тебя уже имеется опыт схватки с ними — как с пачварами, так и с волколаками. Я не зря пригласил командующих кавалерийским корпусом генерал-поручика Герадима и пехотным корпусом генерал-лейтенанта Демитера. Что ты можешь посоветовать им в тактике, вооружении, броне солдат?

По глазам обоих генералов можно было понять, где они видали мнения и советы какого-то сопляка, а также в какие малоприятные и труднодоступные места отослали бы его самого.

Однако при князе открыто сопротивляться не стали. Но вопрос, как ни крути, важный, поэтому не хватало, чтобы дутые армейские индюки просто из вредности, назло сделали все наоборот и поставили весь исход битвы под угрозу. Пришлось немного схитрить:

— Ваше Величество, что я буду время зря тратить. И так видно, что их высокоблагородия без меня все прекрасно понимают. Что ж они, разве не знают, что пачвары — быстрые и ловкие твари, поэтому нет необходимости зашивать солдат в плотные латы, делая их излишне грузными и неповоротливыми. Медлительных пехотинцев твари просто свалят на землю и выцарапают глаза сквозь щели в забралах. Конечно, генералы снарядят своих бойцов легкими кольчугами и жесткими кожаными накладками. Этого, понятно же, будет вполне достаточно. И как будто сударь генералы не понимают, что длинными тяжелыми двуручниками, топорами и молотами по пачваре вовсе сложно будет угодить. Конечно, понимают! Небось, уже начали тренировать солдат и офицеров биться на коротких легких саблях. Ведь знают все, старые хитрые стратеги, знают!

Генералы гордо надували щеки, увлеченно кивая.

— И лучников побольше, побольше. Стрелы тоже нужны легкие. У тварей и так никакой брони, только скорость. А от легких, стремительных стрел не увернутся. Да что я все говорю! Их высокоблагородия давно уже, наверное, всем своим офицерам такие распоряжения раздали.

Что ж, как бы ни было противно, ради общего дела пришлось нагло подхалимничать и льстить. Зато я мог быть твердо уверен — генералы претворят мои советы в жизнь. Князь с улыбкой подмигнул, когда я закончил, — заценил, видать, психологический подход.

— Что ж, — подытожил правитель, — ближайшие задачи понятны, приоритеты расставлены. Итак, всем спасибо, и за дело. За Княжество!

— За Княжество! — нестройным хором подхватили остальные.

Это еще что за новый слоган? Поднимает корпоративный дух, наверное?

Уже в коридоре поручик посвящал меня в тонкости нашего похода на казмадские земли. Атом собирался взять еще троих солдат, отличавшихся от остальных соратников сообразительностью и хорошими навыками. Выход он запланировал на завтра, а чтобы перейти без подозрений границу с королевством, решил замаскировать нас всех под бродячий цирк. Идея крайне удивительная и вязалась с образом серьезного

поручика не лучше, чем боксер с декоративной собачкой подмышкой. Атом пояснил, что косить под цирк необходимо, чтобы он под видом жонглера смог без проблем перевезти кинжалы на территорию Казмада. Чародею улыбнулось побывать иллюзионистом, ну а мне, кто бы сомневался, выпала честь попробовать себя в роли клоуна.

Мои сборы длились недолго: нацепил когти под рукава рубахи и… все, пожалуй. Ближе к вечеру меня поймал взмыленный придворный стилист и с причитаниями, что, мол, найти такого неуловимого мстителя, как я, совершенно невозможно, вручил перевязанный пакет. Внутри красовался мой новый рабочий костюм: желто-красный, с отливающим токсичной синевой взъерошенным париком. Ежели кто-то наивно предполагал, будто я когда-нибудь в здравой памяти по своей воле напялю на себя это развеселое убожество, то он слегка ошибался. Хотелось верить, что выданные шмотки пригодятся мне лишь на таможне, и не для того, чтобы потешать доблестных служителей границы, а с целью провести стандартную процедуру: вот клоун, а вот — его униформа. Дабы вписаться без подозрений в стройные ряды циркового коллектива.

Остаток дня заняться было нечем, поэтому я провел его в мечтах и надеждах. Мечтал, что, когда все закончится, Радзивилл поможет быстро найти Арлету. Надеялся, что найду слова, которые убедят ее простить меня. В конце концов, был уверен — охотница непременно выслушает, поймет и вернется. Ведь она у меня такая умница! Ну конечно, поймет, я ж ей не всю правду стану рассказывать. Н-да, врать, пожалуй, придется так, что, будь на моем месте Пиноккио, его нос обогнул бы земной шар и уткнулся ему в затылок. И это всего лишь за предполагаемых полчаса извинений. Ничего, главное, чтобы простила. Ах, мечты, мечты… как сладко с вами засыпать.

Скорее всего, по циркадным ритмам весь состав нашей экспедиции, за моим исключением, был укомплектован стопроцентными, несгибаемыми жаворонками. Иначе с чего бы это меня подняли с постели еще затемно и вялым багажом потащили паковать в огромный и нелепый цирковой обоз. При этом все остальные члены похода, по крайней мере, старались выглядеть бодрячком. Поручик Атом раздавал короткие указания, которые беспрекословно исполнялись тремя его архаровцами. Скокса он в такие мелочи запрягать не решился, щадя авторитет волшебника. Я же недолго рассуждал, помочь воякам или завалиться дрыхнуть на тюки в багажное отделение: так как совесть еще не проснулась, с благородством и альтруизмом решено было повременить. Едва я принял удобную позу, в обоз

юркнул Скокс и присел рядом. Одним глазом я выжидающе на него уставился.

— Раз уж нам опять предстоит долгая дорога вместе, считаю, что надо бы объясниться друг перед другом, — пояснил свое присутствие волшебник.

Мой глаз продолжал смотреть на чародея, отчего тот вздохнул и продолжил:

— Я не знал, что так получится. А если бы знал — то не сделал бы этого. Просто в тот день мне случайно стало известно, что вы заканчиваете свою операцию. Вот мы и увязались за княжеским эскортом. Я все не мог поверить, что Гиссандра предала нас, поэтому решил убедиться воочию. Сначала, когда я увидел вас вместе, было горько. Потом, когда довелось прослушать записи с камня, стало еще горше. Но вынужден признать: ты был прав, и у тебя не было других вариантов. Мы с Гиссандрой оказались по разные стороны понимания жизни. Потому я казнил ее лично. И если это хоть каплю тебя утешит, то я даже самой последней пачваре не пожелаю пережить то, что со мной творилось, когда пришлось побывать палачом. Слишком тяжко это было сделать. Как и ты, я долго приходил в себя, осмысливал, переживал. Мы все отчасти виноваты — я, ты, Радзивилл, Гиссандра. Но главный виновник беды — Кащер! Без сомнений! И сейчас я помогаю князю лишь для того, чтобы добраться до мерзкого колдуна.

— Ты хоть самое главное понял? — после паузы спросил я.

— Я понял две вещи, — хмуро проговорил волшебник. — Если бы я с самого начала поверил — все могло бы сложиться иначе. Коренным образом. Но сейчас ничего не вернуть. Придется жить с тем, что мы натворили. Выкручиваться. И если для самого себя я не смогу исправить наши ошибки, то уж точно помогу тебе с твоей проблемой.

Интересно, с чего бы он так раздобрился?

— Ну а какая вторая вещь, что ты понял? — поинтересовался я.

Скокс хитро прищурился и усмехнулся:

— Я понял, что ты не такой уж елупень, каким показался мне сначала.

Я хмыкнул и беззлобно ткнул волшебника в плечо. Что ж, добрыми друзьями, скорее всего, мы никогда не станем, но уж точно не врагами.

Поручик Атом решил сжалиться надо мной и позволил хорошенько выспаться, прежде чем собрал всех над картой во время одной из стоянок. Во-первых, он представил нам с чародеем новых лиц. Рядовых, между прочим, принято величать

по кличкам, а не по именам. А уж фамилий, как и у всех полянцев, ребятам вовсе не досталось. Одного из них, высокого, с атлетическим телосложением, следовало называть Дроздом, другого, низкого и крепко сложенного, сослуживцы окрестили Черпаком, а третий, тоже невысокий, но пластичный и гибкий, в армейских кругах звался Прутом. После знакомства поручик разрисовал на карте наш примерный маршрут и объяснил, как вести себя на границе. Хотя как сказать, объяснил? Просто велел молчать всем как партизанам, а все переговоры соблаговолил взять на себя. Никто и не вздумал перечить. Завершив краткий инструктаж, командир приказал продолжать движение.

Сама граница, кстати, располагалась недалече от столицы Мидлонии, и уже к полудню мы торчали в очереди на переправу. Компанию нам составляли в основном торговые караваны. Дельцы из княжества в королевство тащили торф из окрестностей Тросянских болот, пушнину из многочисленных пущ на северо-западе и лен с шелком, а в обратную сторону везли потрясающую бескостную рыбу Казмадского моря, лошадей, взращиваемых на просторах степей королевства, и лучшие сорта вин с южных виноградников. Плюс торговцы гоняли туда-сюда всяческие великолепные в своей ненужности поделки ремесленников обоих государств. Оружие при всем при этом переправлять через границу в обе стороны строго воспрещалось. Именно за этим в основном следила таможня, и именно ее кропотливой работой были обусловлены нехилые очереди. Ребята потрошили каждую повозку неистово и самозабвенно. Мидлонский таможенный пункт располагался на западном берегу Вескера и досматривал караваны из королевства, и, соответственно, на восточном берегу хозяйничали казмадцы. Широкую дорогу, именуемую Большим Торговым Гостинцем, через реку соединял массивный каменный мост, движение по которому шло во встречных направлениях.

Я скептически осматривал вереницу обозов и с недоумением переводил взгляд на нашу телегу. Никак не мог понять — к чему было устраивать весь этот маскарад с цирком? Если я мог своим «фольксвагеном» перевезти через границу полноценный танк в пять-шесть рейсов, то занычковать тройку кинжалов среди барахла обычной торговой повозки труда мне бы точно не составило. Однако Атом, несомненно, гордился своей гениальной идеей с цирком, поэтому омрачать его светлых помыслов не хотелось.

Занимала меня еще одна мыслишка: с чего бы это власти запрещали брать с собой оружие? Вроде Ледяные скалы границей разделены пополам, и железных болванок хватает обоим государствам. Боятся, что просочатся инновационные

технологии? Бред. Какие навороты можно придумать с холодным оружием? Вот если бы огнестрельное — тогда да. Или они наивно предполагают, будто лишенные сбруи на границе злоумышленники не смогут приобрести чего-нибудь подходящего на вражеской территории?

— Конечно, нет! — позже объяснял поручик. — Почти нет. На границе на нас наденут зачарованные браслеты, владельцам которых в Казмаде ни один торговец не решится продать даже столовое серебро. Снять такие браслеты могут лишь таможенники на обратном пути либо весьма опытный в подобных делах волшебник. В королевстве такого найти крайне сложно. Есть, конечно, возможность приобрести что-нибудь из оружия на черном рынке или у внедренных людей, но в первом случае слишком велик риск нарваться на облаву, а во втором — выдать своих и опять же подставить самих себя. Можно украсть или отобрать, но сам понимаешь, каково это при наших задачах. А так — у нас идеальный вариант.

— Есть еще один вариант, — меня осенила веселая идейка. — Я без проблем снимаю с себя зачарованный браслет и затариваюсь в ближайшей лавке на всех по полной программе.

На лице Атома явственно было написано что-то типа «раздери меня пачвара, как я сам до этого не догадался!»

— Да ну! — после нескольких секунд ошеломленного раздумья замотал головой поручик и, ничем не аргументируя своего ответа, спешно удалился узнавать, как дела с очередью.

Тоже мне великий стратег выискался! Смятение всегда сосредоточенного вояки меня изрядно насмешило. Ладно уж, пусть будет по-твоему.

Когда цирковому обозу настала пора быть досмотренным, инспектировать нас выбрался чуть ли не полный состав местного таможенного отделения. Видимо, цирки на Поляне были занесены в Красную Книгу — оттого и ажиотаж. Конечно, раззявив рты никто не стоял — скорее, наоборот, к нам относились с показным скептицизмом. Пытались открыто сомневаться в наших способностях и взять на «слабо». Но все это лишь для того, чтобы посмотреть бесплатное представление. Атом сразу просек настроения масс, поэтому развернул небольшое шоу работникам границы и ближайшим челнокам. Поручик, оказывается, на самом деле умел неплохо жонглировать, что без труда изобразил зевакам, Прут проявлял на публику чудеса гибкости, Черпак показал пару силовых упражнений, а затем в паре с Дроздом рядовые проделали несколько акробатических трюков. Даже Скокс презрительно зарядил в воздух пару-тройку фейерверков. В общем, к таким случаям наша труппа была готова. Ну почти… С

весьма угрюмым выражением я наблюдал за творящейся феерией. Это на что сейчас они намекают? Что скоро мой выход на потеху общественности? Вот уж фигушки!

Вскоре показательное мини-представление закончилось.

— А это у вас кто? — наконец обратил на меня внимание старший смены.

Все остальные таможенники тоже заинтересовались моей скромной персоной.

— Это клоун, — ответил честно Черпак.

— А чего такой хмурый, клоун? — уже ко мне обратился начальник. — Повеселил бы нас, что ли?

— Я вот что-то съел намедни весьма несвежее, да и желудком с детства не вышел, а от вида твоего воротит совсем, так что подойди-ка поближе, человече, чтоб меня стошнило тебе на сапоги, — вот и повеселимся все вместе.

Склонив голову набок, я непринужденно улыбнулся. За спиной начальника сослуживцы и вовсе еле сдерживали смех.

— Вы не обращайте внимания, — подскочил к старшему Дрозд. — Он у нас личность творческая, утонченная. Сейчас не в духе просто. Так мы поедем?

Все-таки сообразительных ребят набрал Атом, а главное — с инициативой.

Шеф таможни тем временем задумчиво рассматривал свою обувь, а после махнул рукой и приказал украсить наши запястья волшебными браслетами. Собственно говоря, аксессуары представляли собой обычные металлические кольца с незамысловатым креплением, просто поверх дополнительно заговаривались штатным чародеем, который, между прочим, провожал нашего Скокса презрительным взглядом. Кудесника вполне можно было понять: ведь этот приграничных дел товарищ, скорее всего, наивно предполагал, будто наш волшебник действительно так бездарно использует свои возможности.

Сразу после таможенного пункта располагалась группа шатров, которые облюбовали для себя суровые крепкие ребята бандитской наружности. Один из них подскочил к нам и предложил охранные услуги в пути. Пришлось объяснять, что взять с нас нечего, кроме пары тряпок да провизии, соответственно и в охране мы не нуждаемся. Мужик оказался неназойливым и сразу отвалил. Зато вереницы торгашей от эскорта не отказывались. Скорее всего, надеющихся на свои собственные силы челноков уже через пару километров потрошили те самые ребята, что на таможне предлагали охрану.

Через сотню-другую метров после пересечения границы я без труда отстегнул свой браслет и с удовольствием натянул

извлеченные из подготовленного заранее тайника когти. Затем дал политическую свободу товарищам. Скокс все хвастался, что мог бы и сам отстегнуть крепление, правда, ему для этого требовалось вспомнить кое-какое заклинание. В процессе освежения памяти по поводу сих чар волшебник мог на практических испытаниях ненароком оторвать кому-нибудь руку с мясом. Об этом уже я ему напомнил, и волшебник примолк. Поручик же все время чесал затылок в недоумении. После того как весь состав компании простым и немудреным способом оказался лишен волшебных браслетов, мы могли сойти за граждан Казмадского королевства и покупать оружие в неограниченных количествах, поэтому его затея с цирком оказалась бесполезным маскарадом. А впоследствии еще и вредным.

По предварительным подсчетам, на выполнение задания нам требовалось чуть больше недели. Столько времени полагалось затратить из-за маршрута, специально подобранного в обход крупных городов. Не хватало еще выступления каждый день закатывать — ведь прошедший сквозь мегаполис транзитом цирк выглядел бы сверхподозрительно. Мелкие приграничные городишки с расквартированной там в немыслимых количествах солдатней мы тоже старательно огибали. Вообще, чтобы не привлекать лишнего внимания, я предлагал перекрасить наш обоз в нейтральные цвета и двигаться, изображая туристов, жаждущих искупаться в Казмадском море. Далее следовало пространное объяснение, что с нетерпением искупаться в этом, несомненно, сказочном водоеме желают лишь сказочные идиоты и самоубийцы из-за кишащей в сих водах не менее сказочной нечисти. Туда, оказывается, и рыбаки наведываются с риском для жизни, что делает вкус местной рыбы еще более пикантной, а стоимость морепродуктов — совсем запредельной. При этом насчет банальной перекраски вагона и разработки новой легенды никто лишних действий совершать не собирался и более гениальных идей не высказывал. Всех устраивало прикидываться циркачами. Ну и я рыпаться перестал. Лень — страшная штука!

Двое суток мы ехали без приключений. В пути встречался разный люд: и крестьяне, и торговцы, и солдаты, и простые путники. И все как дошколята провожали нашу повозку восхищенными взглядами, что меня лично раздражало и нервировало. Чересчур много внимания к секретной операции. А один раз к нам прицепился вообще странный пассажир. Одет он был прилично, даже слишком прилично для обычного путешественника. Будто минуту назад вышел из театра и уже собрался в ресторан. Этот непонятный тип оказался

единственным из всех, кто шел с нами в одну сторону и осмелился попросить подвезти. Веских причин отказать ему не придумали, поэтому пришлось взять на борт. Естественно, наши традиционные беседы относительно задания смолкли. Впрочем, вообще все старались свести общение к минимуму, дабы не выдать незнакомцу лишним словом свое мидлонское происхождение. Один лишь общительный Дрозд взял на себя функцию развлекать попутчика непринужденной беседой. Однако несмотря на, казалось бы, увлеченный разговор с рядовым, возникало ощущение, будто загадочный пассажир цепким взглядом не оставлял без пристального внимания ни одной детали наших действий и не пропускал мимо ушей ни одного шепота. В общем, все вздохнули с облегчением, когда этот молодчик наконец покинул обоз. И, на свою беду, начали активно дискутировать по поводу его подозрительной личности, перебирая все варианты, кем попутчик мог быть и что мог бы сделать, узнай он про нашу миссию.

Уже потом, к вечеру, когда все успокоились и начали забывать странного человека, я наткнулся взглядом на интересную и коварную вещицу. Это был камешек — точно такой же камешек, что лежал в моем кармане, когда я соблазнял Гиссандру. Жучок-диктофон, в общем. И кто его подкинул — догадаться не составило бы проблем даже отъявленному олигофрену. Сначала я поднял находку, привлек всеобщее внимание выпученными глазами и приложил палец к губам, а затем показал зачарованный приборчик. Атом и волшебник сразу сообразили в чем дело, рядовые же с подобными артефактами, видимо, никогда не сталкивались, поэтому подобный вопрос следовало ожидать:

— Это что за штука? — интересовался Черпак.

— Страпон, — ответил я. — Пошли, покажу, что это такое.

Жестами я предложил остальным вести дальше непринужденную беседу и начал тихонько по одному выводить всех наружу и объяснять, в чем дело. Вскоре рядовые солдатскими байками пудрили мозги тем, кто подслушивал нас через волшебный камень, а мы с волшебником и поручиком держали совет на улице.

— Итак, ему все известно, он слышал все наши разговоры, — констатировал Атом.

— А нам неизвестно, что он предпримет дальше, — продолжил Скокс.

— Что если этот казачок уже успел доложить о нас всем подряд, и за нашей телегой теперь охотится пол-казмадской армии? — забеспокоился я.

— Вряд ли, — успокоил Атом. — Он, скорее всего, еще анализирует данные.

Решение созрело мгновенно:

— Предлагаю в таком случае устроить для нашего слушателя небольшой радио-спектакль.

Знающие мои методы коллеги по заданию заинтересовались.

Через минуту я вовсю подмигивал рядовым, в смысле, чтобы подыграли.

— И все-таки, если это был шпион, представляю, как бы его наградил король Ванко, возьми он всех нас, а? Что скажете? — Я вновь принялся обсуждать личность нашего туманного попутчика.

— Да уж, купался бы в золоте, наверное, до конца своих дней! — поддержал меня Дрозд.

— Не, вы что! — встрял Атом. — Куда бы он в одиночку сунулся? Надо быть полным елупнем, чтобы соваться на нас без прикрытия. Скорее всего, подмогу вызвал бы.

— Ага, и дели тогда с подмогой барыши на всех, — заметил Скокс. — Я бы на его месте нашел способ взять нас в одиночку. Ну, нанял бы пару наемников за гроши, друзей в конце концов позвал.

Еще с полчаса мы спорили, как нас лучше всего было бы взять в плен, а потом все разом взяли да и занемогли. По легенде, от скудных кулинарных способностей Черпака.

— Ох, как живот болит! — причитал каждый из нас. — Черпак, ты нас чем накормил?

— Ах, — добавлял я. — Так плохо мне бывает лишь когда я шампанское с водкой на Новый Год мешаю!

А Черпак оправдывался:

— Да разве ж я специально? Мне самому плохо — хоть помирай!

Вот так была заброшена вкусная наживка. Расчет был на то, что жадный до королевской похвалы разведчик ломанется к нам как одинокий стервятник на легкую добычу, без посвящения в детали сослуживцев и начальства, чтобы отличиться перед королем лично в поимке лазутчиков.

Благо, изображать стенания пришлось недолго. Спектакль под названием «тяжелое отравление шпионов», развернутый на тактически подготовленной к нападению местности, длился не больше часа. Вскоре холм, на котором раскинулся наш страдающий лагерь, был окружен десятком вооруженных людей, среди которых со сверкающей улыбкой крутился наш попутчик. В негустой группе бойцов к тому же ошивался какой-то древний седой старикан. В целом, как мы и планировали, наш хитрый друг прихватил с собой минимум людей. С осторожностью несколько

из них поднялись наверх. Мы в это время дружно валялись на траве, изображая несусветные муки.

— Сударь! — воскликнул наш знакомый. — Позвольте представиться вам, начальник разведки Гозырьского округа Ремиль. А ведь я сразу заподозрил в вашей нелепой повозке неладное. Два дня в пути — и ни разу не остановились в крупном городе. Будто совсем не прибыль вас интересует.

Разведчик начал расхаживать между нашими телами с довольной ухмылкой.

— Так удачно вышло — завтра у меня как раз шестидесятилетие, и если бы вы знали, какой подарок преподнесли мне к юбилею. И все ваши идеи, выложенные как на блюдечке, прямо вслух, в мои уши. Благодарен! Ценю. Ведь если бы не вы, я и впрямь согласовал бы все с вышестоящими инстанциями, и все лавры, несомненно, достались бы им. Огромное спасибо! Признаться, не ожидал, что из Мидлонского княжества к нам прибудут столь умные и в то же время столь глупые люди.

— Не ожидал? — прошипел Атом. — А вот мы как раз этого, милейший, от тебя и ждали.

Поручик взметнулся с места и стремительным выпадом вспорол кинжалом Ремилю брюхо, омрачив тем самым начальнику разведки весь канун праздника. Королевский прихвостень умер с маской несказанного удивления на лице. Зато бдительное окружение шпиона среагировало мгновенно, и кровавая сеча развязалась в считанные секунды.

Казмадские бойцы были хороши, но, как я уже говорил, Атом отобрал в отряд лучших солдат. Плюс за нас играла выбранная заранее на возвышенности позиция. Рядовые стояли спиной друг к другу и успешно отражали атаки врага, мы же с Атомом работали в паре. И, надо сказать, работали так, будто всю жизнь сражались вместе в одной связке. Мы прикрывали друг друга, понимали намерения партнера с полувзгляда, синхронно маневрировали. Правда, я бился не в полную мощь. Просто на самом деле не хотелось брать грех на душу и убивать живого человека. Одно дело — приговорить нечистого. Тут вообще никаких проблем, но вот лишать жизни людей раньше не приходилось. К тому же не хотелось делать этого в чужой войне, к которой лично я не имел никакого отношения. В общем, с риском для собственной жизни я старался не наносить смертельных ударов, а пытался лишь вырубить соперников, что удалось дважды. Хотя поручик с подопечными врагов не жалели — кровушка вокруг них брызгала фонтанами.

Но самая главная битва происходила не посредством стали.

Среди атакующих был волшебник, тот самый старик, и с ним схлестнулся наш Скокс. Дуэль чародеев удалось наблюдать лишь краем глаза, но и этих впечатлений хватило с лихвой. Палочки невидимыми в своей скорости движениями чертили смертельные чары, ежесекундно с них срывались мощнейшие атакующие и могучие обороняющие заклинания. Боевые формы чар ослепительными разноцветными брызгами взрывались о защиту обоих кудесников, и уразуметь, на чьей стороне инициатива, не было никакой возможности. Жаром кипела битва, соперники оказались равными, бой шел до первой ошибки. Наконец, что называется, молодость победила опыт. Скокс, вместо того чтобы отразить очередной выпад оппонента, сделал кувырок в сторону, пропустив заряд чар мимо, и сразу швырнул во врага подобие кометы. Старик не успел выставить щит, его тело с хрустом откинуло на несколько метров назад и размазало по земле. Скокс тут же вскочил на ноги, зачерпнул из шара энергию и сменил цель. С его палочки сорвался веер лучей, который раскидал наших оставшихся противников словно кегли в боулинге. Все, на что бойцы были способны после волшебной пайки, — это тихонько постанывать. Надо же! Если Скокс может вытворять с людьми подобное, на что же тогда способны хваленые колдуны? Добить стенающих казмадцев труда не составило.

Все соперники были мертвы, а наш отряд, как ни странно, не потерял ни одного бойца. Победе долго радоваться не стали, а наскоро отряхнулись, вытерли кровь с лезвий, спрятали тела поверженных врагов и спешно двинули дальше.

Это нападение было тревожным звоночком для всех. Стало ясно, что с нашей маскировкой не все ладно. Однако в целях экономии времени решили пока ничего не менять. Хоть в бою все сработали чисто, мы условились в последующем ни в коем случае не брать попутчиков и разговаривать исключительно про животных, которых в нашем цирке так не хватает. В целях конспирации.

Третьи сутки пути длились в бесконечных степях. Города здесь вовсе не встречались, лишь пара обветшалых поселков располагалась вдоль дороги. Один раз совсем рядом с нашим обозом пронесся табун самых настоящих диких лошадей, а так, в общем, особо ничто не запомнилось.

К вечеру активизировался наш провожатый меч. Скокс внимательно его выслушал и скомандовал поворачивать с дороги. По пересеченной местности мы тряслись до полуночи, когда клинок вдруг объявил остановку. Судя по всему, склеп должен был располагаться где-то неподалеку. Все понимали, что в темноте поиски того самого погреба могут оказаться

затруднительными, однако любопытство заставило нас вместо заслуженного отдыха прочесывать местность и высматривать запрятанное колдуном хранилище. Вооружившись факелами, долго бродили мы по просторам окрестностей, но ничего похожего на вход не находили. С одной стороны, казалось — неужели действительно так тяжело найти дефект в виде погребка на ровной степной поверхности? Ан нет, задача получилась не настолько простой, тем более — темень окружала нас кромешная, как у фараона в саркофаге. Естественно, когда-нибудь должен был настать переломный момент, после которого мы дружно послали бы поиски куда подальше и завалились спать, и это мгновение неуклонно приближалось, набирая скорость. Но вдруг в темноте послышался голос Прута:

— Нашел! Здесь.

Мы собрались вокруг небольшого холмика. Его западный, более крутой склон украшала невысокая, в четыре локтя, трухлявая деревянная дверца, которая, казалось, рассыплется в пыль, если рядом чихнет мышонок. На земле рядом валялся давно сбитый ржавый замок. В общем, картинка во тьме при свете факелов вырисовывалась готическая и почему-то слегка пугающая. Прут взялся за ручку и потянул дверь на себя. Та со скрипом открылась. Отвесный ход вниз терялся во мраке, а из неровных земляных стен и полукруглого потолка во все стороны торчали корни кустарников. Кривые, вытоптанные прямо в грунте ступеньки носили на себе следы подошв самых разных форм и размеров. Все они были направлены внутрь, в сторону тьмы. Ни одного оттиска в обратном направлении. Никто не возвращался оттуда к свету. Хотя нет! Вот едва различимые следы носков сапог. Скорее всего, их оставил Палыч. Получается, сосед убегал в такой панике, что едва касался ногами земли! Из глубины погреба отдавало могильной сыростью.

— Ну что, может, сразу все и решим? — вопросительно посмотрел на меня поручик.

— М-м… — растерялся я и застыл в раздумье.

А ведь и вправду, чего тянуть? Все равно рано или поздно придется спускаться в страшный склеп, так почему бы не сейчас? Тем более что, дожидаясь утра, еще надумаю себе всяких кошмаров — потом от одного взгляда на дверцу волосы по всему телу дыбом стоять будут. А сейчас, пока еще до конца не осмыслил, что передо мной, и что может ждать там, внутри, может, действительно рвануть?

Я сделал три глубоких вдоха, парой взмахов размял конечности, выпустил когти и сделал первый шаг вниз. Следом второй, третий. И тут меня застопорило. Зачем-то я решил

напоследок взять консультацию у провожатого клинка: мало ли чего полезного могла рассказать железяка. В каком углу хотя бы валяются эти доспехи и сколько их всего? Не дай бог, забуду еще что-нибудь из металлолома. Придется второй раз бегать. Развернувшись, я увидел недоумение на лицах спутников. Они тревожно и бесшумно, как в немом кино, переговаривались о чем-то.

— Что такое? — спросил я.

Ответа не последовало. Хоть мы и стояли в метре друг от друга, но было такое ощущение, будто ребята меня не видели и не слышали. Ситуация почему-то показалась пугающей, и я пулей вылетел на улицу.

— О! — воскликнул Черпак. — Так быстро?

— Нет, я кое-что хотел спросить. У меча, — скороговоркой выдал я и отошел подальше от входа.

— Когда ты зашел, дверь исчезла, — сказал слегка озадаченный поручик.

— Как исчезла? — не понял я.

— Просто так. Смотри.

И Атом зашел внутрь, а вход и вправду исчез — перед нами высился простой холмик, ничем не отличающийся от остальных холмиков на всем свете. Скокс ткнул жезлом в то место, где только что красовалась дверь, и тот вошел в землю на несколько сантиметров. Секундой позже из вновь появившегося погреба вышел поручик.

— Вот такой фокус, — подвел он черту.

— Что ты хотел спросить у клинка? — поинтересовался волшебник, пока я с удивлением рассматривал материализовавшуюся только что дверцу.

— Ну, в общем, что он может рассказать про погреб. В смысле, как там и что внутри?

— Не дождешься ты подробностей. У него маразм. Не помнит ничего.

— Ясно, — протянул я в задумчивости. — А какие доспехи оттуда еще надо вытащить?

— Шлем, щит и кирасу.

Тут, наконец, у меня созрела та мысль, которая крутилась в голове после того, как Атом показал трюк с исчезающим входом.

— Слушайте! Так раз кто-то из вас туда может проникнуть, а потом дверь пропадает, значит, это какие-то чары. А если один из вас зайдет, а потом я сквозь эти чары тоже пролезу, это же получается, что мы вдвоем туда сможем попасть? Можно и так попробовать! Ну что? Кто со мной?

Я смотрел на лица нашей компании и понимал, что моей

радости никто не разделяет. Все молча отводили взгляд.

— Знаешь, Арсенал, — наконец ответил за всех Атом, — из этого погреба ведь никто из наших живым не возвращался.

— И что? Палыч, который вытащил оттуда меч, между прочим, тоже в склепе свой страх увидел. И что-то мне подсказывает — он тоже там, скорее всего, мог остаться навсегда, если б не граната. А у меня пиротехники нету.

— Он все-таки вышел оттуда живым, — оправдывался поручик.

— Ладно, а если я в этом погребе погибну? Придется ведь кому-то из вас туда сунуться следующим! Тогда что? Вдвоем ведь намного больше шансов!

— У нас приказ: если ты не выйдешь в течение суток, отправляться с мечом обратно в Гладу. Нет смысла еще терять людей.

Ах, вот оно как! Вон как меня используют эти трусы несчастные! Я ведь себя изначально как минимум слоном в этой игре чувствовал, а тут, оказывается, пешка разменная! Выходит, мною можно рисковать, а вот остальными — нет. Хотя чему тут удивляться? Чего я, собственно говоря, хотел от чужого мира? Доброты, понимания, уважения? Черта с два! Выжмет из меня князь все возможности по максимуму — и в урну. А начну артачиться — в расход, причем руками моих же сотоварищей по команде. От таких размышлений стало грустно, и желание лезть смерти в пасть ради какого-то левого дяди расхотелось.

— Устал я. Завтра спущусь. Мне кажется, надо быть в форме, чтобы удачно туда зайти, — заявил я и молча пошел спать.

После этого инцидента моя цель встретиться с Арлетой, заслужить прощение и добиться своего счастья обострилась, отбросила все лишнее, стала более четкой, обрисованной. Просто другого смысла своего существования в этом мире я не видел. В этом мире, где меня либо презирали, либо не замечали, либо пытались бессовестно использовать в своих целях. Ради того чтобы вернуть простые, искренние чувства, что были между мной и охотницей, я готов был пройти через все испытания, выжить, а потом, когда-нибудь, со скупой сочувствующей улыбкой соболезновать князю по поводу его краха, подстроенного согласно моим нуждам. И с чувством самоудовлетворения лицемерно корчить из себя заботливого друга. А завтра я просто войду в этот погреб и достану все доспехи, но не для княжества Мидлонского, а чтобы выжить! И для этого важного мероприятия невеселый ход мыслей следовало перенастроить на безбашенный позитив! Хотя бы попытаться…

Так как спалось все равно плохо, я поднялся на удивление

раньше остальных, вместе с утренней зарей, и принялся раздавать налево и направо тонизирующие пинки, приговаривая:

— Ну-ка, давайте резче, служивые! Чему вас там на вашей армейке учат? Сейчас я быстренько за железом туда и обратно, чтобы к этому времени кофе уже дымился! И помчимся бегом домой, а то наше развеселое цирковое пятно со всех спутников и деревьев видно. Нечего в этом захудалом королевстве задерживаться.

Пока народ нехотя потягивался и зевал, я без лишних раздумий схватил факел, зажег его, подошел к погребу и отворил дверь. Днем в глубине спуска тьма, казалось, была еще гуще, чем ночью. Утро в степи выдалось теплым, но изнутри склепа ледяным контрастным душем в лицо пахнуло сыростью, и по спине маршем прошлись мурашки. Весь положительный настрой, над которым довелось работать чуть ли не целую ночь, за считанные секунды растворился в атмосфере.

Но я встряхнул головой, разбросав налипшие предательские мыслишки о малодушном побеге, резко выдохнул и с уверенностью начал спуск. Назад не оборачивался — смысла в этом не было. Никто из якобы друзей сейчас не мог помочь мне даже подбадривающим жестом или взглядом.

Открытая настежь дверь пропускала дневной свет не более чем на пять-семь ступенек, а дальше даже полыхающий факел с трудом отвоевывал у темноты клочки пространства.

Поначалу ничто не омрачало движения вниз, но вскоре меня начало беспокоить странное, неприятное ощущение. С каждым шагом в груди противным колокольчиком нарастал звон тревоги. Еще через несколько ступеней внезапно смолкли звуки просыпающейся степи за спиной. Начало сдавливать голову, как под водой на глубине. Казалось, туда сейчас что-то прорвется. Я не знал, каков мой самый сокровенный страх на самом деле, и от мысли, что сейчас придется с ним встретиться, становилось… страшно. Вдруг нестерпимо захотелось убежать из этого странного места, придумать любую причину, чтобы вернуться обратно, к солнечному свету. В мыслях я уже панически карабкался вверх по ступенькам, но тело непослушно шагало дальше. Что там ждет впереди? Кто? Почему голову охватил невидимый стальной обруч и тянет меня вниз? Я все-таки обернулся назад. Выхода совсем не было видно. Тьма уже обступила меня со всех сторон и продолжала тисками стягивать череп, а ноги по-прежнему несли вглубь. Отчетливо было слышно, как грохочет испуганное сердце.

Внезапно, без каких-либо внешних предпосылок и дуновений ветра, погас факел. В кромешной тьме я споткнулся о корень и

кубарем покатился со ступенек. Когда удалось остановиться, я панически вжался в стену, прислушиваясь к окружающим звукам, представляя, будто нечто страшное склонилось совсем рядом и дышит мне в лицо. Но было тихо. Ощупав лихорадочно карманы, я нашел зажигалку, и через несколько сравнимых с вечностью секунд свет факела вновь прорвал темноту. Обстановка вокруг изменилась. Похоже, мое падение завершилось уже в самом склепе. Свет влился в небольшое прямоугольное помещение, осветив его почти до дальнего противоположного конца. Стены, пол и низкий потолок здесь были вымощены камнем, а в конце стоял невысокий постамент, на котором кучей желтоватого железа приютились Живые доспехи. При виде долгожданной цели смелости ничуть не прибавилось, даже наоборот! После пары осторожных шагов тревога в груди забилась диким зверем. Ну где же, где? Ведь вот — доспехи, значит, и то, о чем предупреждали, должно появиться на свет. Ожидание кошмара становилось невыносимым. Я начал лихорадочно осматриваться по сторонам в поисках своего сокровенного ужаса. Кого же я встречу? Кого я так сильно боюсь? И тут в дальнем углу, едва освещенном светом факела, в колыхающейся тени, шевельнулся с трудом различимый силуэт. Мгновением позже я смотрел в пустые глазницы мрачной безмолвной фигуре, которая олицетворяла мой настоящий кошмар. Это была Смерть. Да, та самая, жуткая, заставляющая кровь стынуть в жилах, Смерть с большой буквы. Старуха в черном балахоне и с косой в руках.

И я все вспомнил! Как еще в детстве наткнулся на книжку со страшными рассказами, прочел один из них, про нее и маленького парнишку, которого она поймала. А в конце рассказа на картинке была нарисована она. И я так испугался этой истории, что долго еще не мог засыпать в одиночестве. И эта Смерть с тех пор засела глубоко в моем подсознании, она несколько раз приходила ночью, во сне, чтобы забрать меня с собой. А теперь страх детства был разбужен, он стоял прямо передо мной, и я вновь чувствовал себя маленьким напуганным мальчиком.

Смерть начала медленно двигаться в мою сторону, а я не мог отвести от нее взгляда, лишь дрожал всем телом и надеялся поскорее проснуться. Когда черный силуэт достиг середины комнаты, я смог-таки сделать маленький шаг назад, и под ногой что-то хрустнуло. Этот звук невольно заставил меня опустить глаза, и стало видно, что я наступил на человеческую кость, которые были разбросаны в обилии по полу.

Зашелестели полы балахона, и, подняв глаза, я увидел, что нас со Смертью разделяют уже лишь полшага. Костлявая рука

тянулась к лицу, обдавая кожу трупным холодом. Ужас оцепенения схлынул под новой волной страха, и я еще попятился назад, наступил на что-то круглое, похоже, череп, поскользнулся и упал на спину.

В этот миг со стороны входа над моей головой со свистом пронеслась короткая стрела, прошив Смерть насквозь, отчего та подернулась ряской, будто голографическое изображение. Снаряд с треском разлетелся о каменную стену за ней. Внешний вид старухи с косой начал искажаться.

Я спешно обернулся назад. Справа от ступенек в комнате, оказывается, была выдолблена большая глубокая ниша, которой изначально заметно не было, так как она располагается за спиной входящего. И в этой нише сидело нечто невысокое, подвижное и чрезвычайно злобное — агрессия существа ощущалась чисто интуитивно, буквально шестым чувством. Я схватил факел и вскочил на ноги, не зная, от кого теперь ожидать угрозы. Смерть пыталась приобрести начальную форму, но не очень удачно, а потом, видимо, плюнула на это дело и растворилась в воздухе. Тем временем существо в нише начало издавать неприятные шипящие звуки, грозно ворчало и быстро копошилось. В два прыжка я оказался недалеко от него. При свете факела стал различим отвратительного вида шевелящийся сгусток змей, из которого росло серое туловище в локоть высотой с короткими ручками и маленькой уродливой головой. А ручки, между прочим, сжимали портативный арбалет, уже заряженный и нацеленный мне прямо в грудь. Резкое смещение направления движения — и вторая стрела тоже летит мимо своей цели. Третьему снаряду из этого арбалета сегодня вылететь было не дано. Ударом когтей сверху я раскроил голову мутанта на три части и тут же отскочил назад — опасался укуса какой-нибудь гадюки. Этого хватило вполне. Мерзкое существо недолго билось в агонии, сопровождаемой диким шипением. Через минуту карликовое тело перестало дергаться, а змеи, по счастью, умерли вместе с хозяином.

Тут я ощутил, что голова прояснилась, сбросив с себя незримые оковы, тревога ушла. Ум заработал трезво. Тьма расступилась. Я осмотрелся и вздохнул полной грудью. Что ж, можно было и проанализировать ситуацию.

Итак, главным действующим лицом в данном склепе, оказывается, был именно этот мелкий нечистик. Так как его функции распространялись как на местный люд, так и на нас с Палычем, — значит, чары тут ни при чем. Скорее всего, это существо свободно владело грандиозными экстрасенсорными и телепатическими способностями, то есть без труда проникало в

голову жертве. Дальше последовательность поведения твари незамысловата: она с легкостью раскапывает в памяти несчастного самый яркий страх и вызывает иллюзию этого страха. Пока жертва пялится в оцепенении на тещу, мышь, фашистов или, как в моем случае, Смерть, наш хитрый повелитель змей выпускает бедняге в затылок стрелу. За доказательством сего факта далеко ходить не пришлось: на полу среди костей без труда удалось откопать пару арбалетных болтов. Схема проста и убийственно эффективна. Кащер нашел замечательное решение проблеме с хранением вражеских доспехов. Правда, Палыч-то не растерялся и огрел иллюзию гранатой. Небось, при этом оглушил змеиного уродца и не заметил контуженого тела в нише, когда выбирался обратно. А вот если бы я случайно не зацепился за череп и не упал в нужный момент, — мои косточки непременно пополнили бы коллекцию хозяина склепа. А это лишний раз доказывает, что как бы редко к тебе гости ни заходили, убираться в квартире все равно периодически необходимо.

Все, ребус решен, теперь — к делу. Тем более что хотелось все-таки быстрее выбраться на свет: после пережитого сердце колотилось по инерции. Я ринулся к доспехам и задел ногой кучу костей, зацепив при этом что-то тяжелое. Из-под останков с веселым гулом выкатилась граната. И опять душа ушла в пятки. Это, конечно, не самый сокровенный мой страх, но нахождение в замкнутом помещении с только что потревоженной гранатой, без сомнения, радости не вселяет. Я вспомнил, как Леонтий Павлович рассказывал, будто он метнул в фашистов аж две штуки, только вот с первой от страха запамятовал сдернуть чеку. Значит, эта и есть та самая, первая.

Через десять секунд взрыва не последовало, и я аккуратно подобрал оброненную соседом лимонку. А хлопушка, между прочим, оказалась действительно так называемой лимонкой — Ф-1, оборонительная. И сохранилась в хорошем состоянии, по крайней мере на вид. Что ж, такой девайс на современной Поляне может знатно пригодиться. Правда, говорить об этом пока мы никому не будем. С такой мыслью граната перекочевала в карман.

— Арсенал, как ты там? — раздался голос поручика издалека.

— Нормально! А что такое? Забеспокоились?

— Просто дверь появилась, а тебя все нет.

— Ну и заходите, раз появилась, — предложил я.

— Так ведь нормально все, чего мы пойдем? Тащи сюда доспехи!

Вот ведь каков лучший боец княжества — боится! Кого же ты в душе так страшишься, что не желаешь сюда зайти?

Спустя минуту я вывалился из погреба, сверкая доспехами, которые в лучах солнца даже сквозь плотный слой пыли принялись отсвечивать яркими золотистыми бликами.

— Ну что там? Как? — навалились все с расспросами.

— Доспехи требуют, чтобы им дали посовещаться с Верховным. Ну, то есть с мечом, — встрял с переводом Скокс.

— Да пошли они, — презрительно бросил я. — Такого ради них натерпелся. Валялись там черт знает сколько лет, еще подождут. Пусть вон к солнышку привыкают. Короче, слушайте.

Я отвернулся от груды железа и принялся в красках описывать спутникам свой спуск. Скокс шустро сгонял за клинком, не слишком учтиво швырнул его в кучу приятелей и присоединился к слушателям.

— Да ладно, — протянул Дрозд после окончания рассказа. — Неужели сам Князь Змей?

— Конечно, смотри ты, — проворчал волшебник. — Будет тебе сам Князь Змей охранять чье-то барахло. Он по преданию обитает глубоко под землей, ближе к центру, и не такой злобный, как эта тварь. Скорее всего, логово там устроил его слуга или нежеланный отпрыск. Жрал помаленьку любопытных. Только вот каким образом Кащер умудрился с ним договориться?

— Кащер и с первым Радзивиллом по душам пообщаться успел. Талантливый дипломат, задери его волчара! — буркнул я.

— Колдун гениален. Достойный соперник нашему князю, — констатировал Атом.

Утверждение, конечно, спорное. Достоин ли сам Радзивилл Седьмой быть серьезным визави Кащеру? Да что бы этот князь без меня вообще делал? Только и может, что чужими руками жар загребать, да не свои ягодицы на ежика сажать! Сам бы, небось, даже «За Княжество!» в этот погреб не полез. Вслух, конечно, порочащих власть мыслей никто не произнес.

Доспехи вскоре были спрятаны по неприметным закуткам обоза, и наша компания, наскоро перекусив, пустилась в обратную дорогу.

Путь из гостей или командировки обратно, домой, традиционно считается более легким и быстрым, даже если маршрут один и тот же. Видимо, как-то скрашивает дорогу ощущение того, что скоро увидишь родные стены. Конечно, в нашем случае все оказалось не слишком радужно. Возможно, из-за того, что у одного из нас в этом мире своего дома официально не было, равно как и заверенной в паспорте прописки либо регистрации.

Хотя поначалу все шло по сценарию. Мы даже умудрились без приключений добраться почти до самой границы, с которой

нас разделял всего лишь один более-менее крупный городок — последний из тех, что следовало втихаря обогнуть. И тут нам в дороге встретилась внушительная делегация из трех солидных черных карет, смахивающих на катафалки, окруженная крепкой охраной. Эскорт не спеша двигался в одну сторону с нами, секъюрити тщательно прочесывали местность орлиными взорами, а мы так торопились перейти границу, что даже осмелились обогнать этот караван. А до развилки с объездной, так сказать, трассой вокруг последнего на пути городка оставалось всего ничего — пара верст. Плелись бы лучше у них в хвосте. Так нет же — не терпелось, как алкашам под магазином без пяти минут перед открытием! Охраняемые кареты нам, конечно, удалось обойти, но не успели мы оторваться на пару саженей, как наш обоз догнала пара стражников.

— Стойте! — властно крикнул один из них.

Все насторожились и дружно расселись поближе к тайникам с оружием, готовые тут же вступить в скоротечную схватку, а затем, по предварительному сговору, делать ноги. Атом высунулся вести переговоры.

— Губернатор Евдолим желает побеседовать с вашим хозяином, — донесся голос охранника.

— Я хозяин, — ответил поручик. — А что надобно?

— Нам откуда знать? Велено доставить, так что пошевеливайся.

Поручик спрыгнул на землю и проследовал за стражей. Тем временем в обозе показался сидевший на козлах Черпак.

— Что такое? — осведомился он, извлекая из щели в днище кинжал. — Опять подозревают?

— Да волк их знает, — отозвался Прут, проверяя защелку на замаскированном запасном выходе.

— То, что цирку нужны животные, — еще не повод подозревать, что мы крадем лошадей. — Округлив глаза, я побарабанил кулаком по голове Черпака.

Нашел когда про подозрения спрашивать: вдруг опять жучка подкинуть успели? Договорились же только про животных разговаривать! Черпак все быстро сообразил и демонстративно прикрыл рот ладонью. Напряженная обстановка длилась минут с десять, затем объявился Атом и жестами собрал нас в круг.

— Не знаю даже, что сказать, — смущенно выговорил он. — Похоже, придется выступать в этом городе. Их губернатор когда услышал, что мы умеем делать, так ухватился за наш цирк, будто мы бесплатно раздаем золото.

— Ты что, не мог придумать вразумительной отмазки? — зашипел я.

— Смог! Десять отговорок нашел, но он обещал, что небольшое представление оплатит как два полноценных концерта. Ну представьте, какой артист откажется от такого? Я сказал, что мы сейчас подумаем.

— Может, ну его к лешему? Откажемся — и рванем во весь опор. Глядишь, пронесет, никто ничего не успеет заподозрить. А когда заподозрят — мы уже в Мидлонии будем… — Последние предложения Дрозд говорил еле слышным шепотом.

— Границы достигнем в лучшем случае к ночи, — рассуждал Скокс. — У них времени разобраться со странным цирком — завались. Придется дурачиться. Иди, соглашайся. И улыбайся этим пачварам побольше, циркач недоделанный!

Атом вздохнул и побрел договариваться с губернатором. Мало того, еще и застрял у него в карете. Ему, видите ли, выпала честь разделить почетную трапезу с сударем Евдолимом. А нам велено было колесить в город и остановиться в таверне. Выступление запланировали на вечер следующего дня.

Городок оказался небольшим и довольно компактным. Обнесенный каменной стеной, он должен был стать крепким орешком в случае наступления армии противника. Таверна, в которую нас заселили, была доверху набита казмадскими офицерами, что невольно заставляло чувствовать себя как минимум индейцем в ковбойском баре.

Мало того что мы бездарно теряли время, так вдобавок оно текло медленно и скучно. Решили на улице не рисоваться и все время до выступления проводить в номере, якобы в процессе подготовки. А так как мы всерьез опасались прослушки помещений, пришлось постоянно разговаривать все про тех же осточертевших животных. Хотели сначала, чтобы Скокс попробовал заглушить чужие чары и прикрыл дыры в стенах, но потом передумали. Откуда цирковому фокуснику такие трюки знать? Не положено, по идее. Вообще изначально была мысль свалить из города, как только наши пути с губернатором разойдутся. До назначенного времени выступления мы могли успеть пересечь границу. Но только где гарантия, что за нами не следят? Вот если бы мы застраховались от подобных случаев… Но страховых компаний в Казмаде не существует, гарантий никто не дает. Поэтому пришлось тупить в таверне. Тем временем в городке развернулась настоящая пиар-кампания нашего шоу: повсюду развешивали огромные цветные плакаты, надрывно трубили глашатаи, печатали объявления в газетах. Судя по всему, намечался аншлаг. В таком случае точно придется остаться — негоже ведь разочаровывать раскатавших губу малолетних ребятишек.

На следующий день перед выступлением волновались все. Одно дело в родной роте показывать свои выкрутасы, а на почтенную незнакомую публику — это совсем по-другому. Даже Скокс немного нервничал. Что уж говорить обо мне? До сих пор мне в голову не приходило, чего же такого феерического я могу изобразить в роли клоуна. Как рассмешить местный народ и не обзавестись при этом парой пятен от гнилых помидоров и тухлых яиц? Дилемма не для профессора математики, однозначно. До последнего я надеялся спрыгнуть на расстройство кишечника и не выходить на сцену вообще. Однако на всех афишах среди прочей информации было четко написано: до надрыва животов и смертельных колик вас будет смешить цирковой клоун. По ходу, вариантов отвертеться не оставалось. Хоть на горшке — но выступи.

На центральной площади к назначенному времени собралось столько народу, будто в городе проходил финал чемпионата мира по футболу. Припаркованные на всех прилежащих улицах телеги говорили о том, что гостей из окрестных деревень тоже понаехало немеряно. Значит, система информирования по принципу «сорока на хвосте принесла» работает в здешних краях исправно и оперативно. Иначе откуда неместные узнали бы о нашем приезде за такой короткий срок? Расквартированная в городе солдатня заполнила собой весь центр площади. Что ж, служивые любят развлечения не меньше остальных. Многим зевакам пришлось убедиться, что площадь не резиновая, и вскоре на крышах домов стали появляться любопытствующие головы молодежи. В основном, конечно, молодежи, потому что пару морщинистых беззубых лиц наверху я все-таки тоже приметил. Стало немного забавно: ведь весь народ собрался ради такого действа, которое в моем мире даже забесплатно не всякий пошел бы лицезреть. Кроме, конечно, диковинных фейерверков Скокса. Хотя наш состав при всем при этом решил выложиться по максимуму своих возможностей.

Первым вышел поручик под громыхание волшебных взрывов. Скокс не скупился на чары. Атом поприветствовал общественность, в первую очередь первые ряды, где с комфортом располагался губернатор и особо приближенные из свиты, затем уже простых обывателей. Красиво говорить поручика в армии явно не учили, а выступать перед огромной аудиторией — тем более, поэтому он заметно смущался и нервничал. Вот если бы по программе выступления пришлось кого-нибудь проткнуть насквозь, тогда Атом не сплоховал бы, а так… Выручил болтун Дрозд, который выскочил на сцену перед командиром, бестактно оттер того в сторону и взял дело в свои руки. Усиленным чарами

голосом рядовой рассыпался в благодарностях о радушном приеме, поговорил о красотах сего замечательного мегаполиса, нес еще какую-то чушь, а затем под все те же взрывы началось само представление.

Ход событий существенно не отличался от того, что мы изображали на таможне. Только все это было щедро приправлено пиротехникой Скокса, что, несомненно, производило на публику неслабое бонусное впечатление. Это меня нынче сложно удивить работой жонглера или акробатическими этюдами Черпака с Дроздом, которые в нашем мире без труда можно увидеть в исполнении прогрессивной молодежи в местах ее массовых скоплений. Что мне до пластики Прута, когда на Олимпийских играх в программе по гимнастике я и не такое видал. Да и фейерверками по большим праздникам все мы, земляне, давно успели насытиться. Зато на здешнюю, неискушенную публику наши номера оказывали громоподобное впечатление. Зритель терзал глотки в восторге.

Но лишь до тех пор, пока не пришло мое время. Себя в тот момент я мог с полным правом называть грустным клоуном, или просто Пьеро. Что делать с этой толпой, жаждущей смеха, я не знал. После того как Дрозд объявил выход самого смешного в мире человека, Скокс злорадно толкнул меня между лопатками, и я кубарем выкатился на сцену. Народ заржал. Что ж, начало вполне обнадеживающее. Печальными глазами я проводил Дрозда за кулисы. Рядовой всем своим видом сочувствовал мне, но помочь ничем не мог. В растерянности я безмолвно открывал и закрывал рот, как выброшенный на берег карась, а многотысячная толпа притихла, в ожидании необузданного, искрометного юмора.

И от безысходности я начал травить анекдоты! Про Вовочку, про Чапая, про немца, русского и поляка. Про Поручика Ржевского, в конце концов. Только слегка переделывал на ходу под местную аудиторию. А что мне еще оставалось делать? Зато каков был эффект! Сначала собравшийся люд похихикивал, а уж потом, по нарастающей, втягивался — и в конце чуть не валялся на земле от дикого хохота. Да уж, толк в смачных анекдотах я знаю. Разносимый чарами голос достигал самых дальних уголков площади, знакомя каждого со славянским народным творчеством. Кстати, оказалось очень удобно, что хоть на мой голос чары могут воздействовать, как усиливая его, так и записывая на жесткие волшебные носители.

В тот момент, когда люди уже с мольбой смотрели на меня, держась за надорванные животы и утирая слезы, в дальнем конце площади я заметил подозрительное движение толпы. Группа

всадников рассекала людское море, а первым ехал человек с разбитым лицом и невежливо тыкал пальцем в мою сторону. В оставшихся целыми чертах его фейса я узнал одного из тех бойцов, с которыми у нас недавно состоялась кровавая схватка на холме. Как раз которого я из человеколюбия лишь оглушил, а ребята, видимо, забыли добить и просто швырнули в кучу к трупам товарищей. Надо же, как облажались!

К удивлению почтенной публики, на сцене произошла чудная метаморфоза. Веселый клоун вдруг оскалился, рявкнул все еще усиленным голосом: «Уходим!» — и выпустил из предплечий когти, вспоров рукава цветного костюма. Далее аудитория лицезрела представление, которое тоже не каждый день увидишь: экстренная эвакуация опытного боевого отряда. За доли секунды состав нашей кампании брызнул в разные стороны. Скокс, кряхтя и выкрикивая ругательства, собрал в кучу доспехи, поколдовал палочкой и преобразился в седого ворчливого старичка. В таком неприметном камуфляже волшебник мирно ретировался от толпы подальше. Остальные члены отряда тоже затерялись между зрителями. За кем оставалось гнаться преследователям? Конечно же, за самым приметным — за клоуном! Первым делом я избавился от идиотского синюшного парика. Уже на бегу я заметил, что это цветное недоразумение приземлилось на чью-то лысую башку, и отчего-то мне подумалось, что там оно, несомненно, приживется. Далее в расход пошел красно-желтый кафтан. Штаны пока я решил сохранить, чтобы не рассекать на главной площади в одном исподнем. Не хватало еще, если поймают, плюс ко всему идти по статье «за нарушение общественного порядка» или типа того. Перед летающими вентилятором когтями народ шустро разбегался, но гораздо охотнее толпа давала дорогу всадникам. Необходимо было срочно выходить на оперативный простор и скрываться переулками.

Когда лишь несколько метров разделяло меня и тот самый оперативный простор, за спиной уже отчетливо стали слышны выкрики с требованиями остановиться, а также призывы к окружающим способствовать поимке. Смельчаков нашлось немного. Лишь один пьяненький обыватель вожделенно потянул ко мне трясущиеся ручонки, предвкушающие выпивку на гонорар за помощь правоохранителям, однако с располосованным плечом, визжа от боли, отскочил в сторону. Ничего, в любом случае потребует от властей спирта для дезинфекции раны, полученной в яростном бою с преступником, и вряд ли будет расходовать его по прямому назначению.

Более не встречая препятствий, через десяток шагов я

оказался на широкой улице. Все жители городка, скорее всего, дружно торчали на площади, поэтому вокруг было безлюдно. При беглом взгляде назад выяснилось, что разогнать лошадей до галопа преследователям не позволяет лишь горстка шустро разбегающихся людей. Не пройдет и минуты, как всадники получат значительное преимущество в скорости. Этот город я знал плохо — скажем так, вообще не знал. Даже названия не удосужился запомнить. Но и без того становилось ясно — вряд ли рядом с центральной площадью располагаются какие-нибудь нищенские трущобы, в которых так легко уйти от всадников. Что ж, придется делать ноги по длинным просторным улицам, без шансов юркнуть в узкий переход.

Однако после первого поворота удача улыбнулась мне: рядом, возле распахнутой двери одного из домов, на привязи стоял конь. Конечно, первой мыслью было уйти с помощью непарнокопытного, но мой личный опыт езды на горбу у скаковых животных ограничивался поездкой по лесу верхом на волке, а вот оппоненты явно могли похвастать более широкой практикой. А вдруг это вообще престарелая кляча, подрабатывающая на пенсии, которая обсядет после стометровки рысцой. Поди угадай с первого взгляда, сколько ей лет. А может, ее кормили аж неделю назад или только что проскакали пол-Поляны во весь опор. В любом случае все преимущества на стороне преследователей. Ну уж нет, мой план вырисовался иным образом.

Я рассек узду, за которую была привязана лошадка, и неглубоко, всего лишь сантиметра на два вогнал ей в ляжку лезвия когтей. Ее реву мог позавидовать бурый медведь-шатун, засунувший лапу в капкан. Задние копыта несчастного животного чудом разминулись с моими зубами, угрожающе просвистев рядом с лицом. Слови я такой чудовищной силы удар — даже родная мама с трудом смогла бы меня опознать. По пустой улице гулким стуком разлетелось цоканье копыт. Несомненно, всадники всю эту какофонию живой природы отлично слышали и, по идее, должны были решить, что преследуемый оседлал коня и скрылся. Я же юркнул в открытый проход, прикрыл дверь и сел под окном. Несколько мгновений спустя послышалось, как за стеной промчался конный отряд. Погоня взяла-таки ложный след.

Появилась возможность вздохнуть с облегчением. Но лишь на секунду: оказывается, в углу помещения незаметно приютился чернявый парнишка и удивленно смотрел на меня. Заметив его силуэт, я поначалу вздрогнул от неожиданности, а затем чертыхнулся. Что ж ты на цирк-то глазеть не пошел, как все нормальные дети, а? Растерявшийся подросток явно сомневался,

сматывать ли отсюда по-быстрому, орать как ужаленному или тупо ждать развития событий.

— Даю сто рублей, если посидишь тут молча пару минут, идет?

Хлопчик шмыгнул носом и кивнул. С улицы начал доноситься шум толпы: любопытные увязались за погоней.

— А чего на цирк смотреть не ходил? — решил я разбавить унылое молчание.

— Дык это… мамка сказала за складом смотреть.

— А сама где?

— Цирк смотрит, — грустно вздохнул пацан.

Вот они какие, местные родители! Все лучшее — детям, называется. А потом будут удивляться, почему сынок оформил их в дом престарелых задолго до наступления маразма.

— Слушай, я тут подумал. Что тебе эти сто рублей? Давай-ка я тебе настоящие клоунские штаны отдам, вот только ты мне нормальную одежду взамен принеси. Как тебе?

Паренек весь засветился, как звезда на новогодней елке, и радостно кивнул. Хорошая реакция на выгодное предложение, тем более что сотки рублей для закрепления первой сделки у меня не было. Плюс после такого жестокого кидалова со стороны матери не хотелось разочаровывать парнишку второй раз за день.

— Ну так неси давай, чего расселся!

Шалопай вихрем взметнулся с места, и через минуту я уже примерял на себя обновки. Паренек презентовал незнакомцу обычную серую одежду праздного обывателя, что, собственно, в данный момент подходило больше всего. Даже размер почти совпал. Таким образом, расставшись с мальчуганом чуть ли не лучшими друзьями, я вышел на улицу и тут же растворился в людской массе. Оставалось найти товарищей по заданию.

Условно мы договорились при подобных случаях сваливать ношу доспехов на Скокса, что произошло без проблем, и после собираться на западном выезде из города. Атом говорил, будто там располагается, радуя горожан, знаменитый бордель. Так как народу рядом всегда трется немеряно и можно легко затеряться среди посетителей, было решено встречаться возле этого милого заведения. Сориентировавшись по солнцу, я двинул в сторону заката. По незнакомому городу пришлось, конечно, немного поплутать. Мало того, что чем ближе подступала периферия, тем сложнее было разобраться в путанице улочек и подворотен, так еще и усиленные патрули заставляли зачастую менять маршрут, дабы не мозолить лишний раз глаза доблестной страже. К тому же частенько встречались армейские отряды, которые, скорее всего, тоже подключили к поискам диверсантов. В общем, к

оговоренному месту я добрался часа через полтора. Оказалось, что либо мои спутники знатно шифруются, либо еще не подошли. А может, вообще решили не ждать меня. Короче, никого из наших вокруг не было. Я неловко топтался на месте, постоянно оглядываясь, дабы не нарваться на стражу, успел полюбоваться завлекающими в бордель красавицами и прочитать все вывески вокруг.

Когда на горизонте нарисовалось бесстрастное лицо Прута, я, можно сказать, даже слегка обрадовался. Едва удержался, чтобы не сорваться с места и не побежать навстречу. Правда, рядовой, хоть и явно меня заметил, — никаких признаков узнавания не подавал. Просто шел прогулочным шагом, посвистывал, руки держал в карманах. Однако на лице бойца читалась легкая тревога. За несколько метров до меня он как бы невзначай осмотрелся, а затем просто прошел мимо. Я лишь успел почувствовать, как на долю мгновения рука Прута побывала в моем кармане. Таким же прогулочным шагом я не спеша ретировался в подворотню и достал из кармана записку. Она гласила следующее: «Выходы из города перекрыты. Возможна слежка. Скокс успел уйти. Выбираемся по отдельности, через два дня встречаемся на границе. Ждем друг друга еще день, затем переходим. Заметай следы тщательно. Как выберешься — избегай идти дорогой». Вот такие чудесные новости! И где мне перевалить через городскую стену в таком случае? Сразу всплыли кадры из фильма «Кавказская пленница» с двумя психами да детскими качелями в эпизодической роли, которые помогли Шурику преодолеть препятствие. У меня, к сожалению, таких замечательных помощников под боком не имелось. В общем, я решил, что просочиться наружу в ночное время будет проще, а пока пошел искать бреши в городской защите.

Слоняясь меж навозных куч сомнительных кварталов этого коварного городка, ближе к ночи я, наконец, нашел то, что искал. Правда, двое оборванцев, кажется, тоже нашли то, что искали, — то есть невесть каким ветром забредшего в их родные пенаты приличного человека. Я стоял возле выбитых в стене отверстий, очевидно, предназначенных для скрытной переправы за черту города, когда меня окликнули:

— Эй ты, куда собрался? — прозвучал противный скрипучий голос за спиной.

Я обернулся. Да уж, персонажи передо мной оказались колоритные и, можно сказать, бесстрашные. Конечно, внушительными габаритами я похвастать не могу, но даже рядом со мной эти товарищи смотрелись обезвоженными пигмеями.

— Че надо? — рыкнул я, ожидая, что одним голосом этих

бродяг как ветром сдует.

Однако ребята оказались продуманными.

— Нам-то ничего не надо, а вот братьям нашим меньшим…

Оборванец хитро присвистнул, и будто из засады, с радостным тявканьем из всех подворотен стали выскакивать разнокалиберные дворняги, быстро организовываясь в солидную стаю. Уже через минуту на меня дружно рычала злобная свора. Ишь, какой царь зверей выискался. Самого дрессировщика с товарищем, небось, собаки не жрут сугубо из-за специфического запаха, а вот деликатеса в виде честного горожанина псы отведать не прочь. Сплоченный единым чувством голода коллектив, видимо, в нетерпении ожидал лишь заветной команды «фас!», а их художественный руководитель и вдохновитель с наслаждением оттягивал приятный момент. Вот кого нам в цирке-то не хватало!

Но я решил не давать оборванцам поводов для радости, поэтому со всей возможной прытью начал карабкаться на стену. Мое позорное бегство лучше всяких вербальных команд послужило собачкам сигналом к атаке. С оглушительным лаем различных видов дворняг стая бросилась за желанным ужином. Самый длинный из них щелкнул пастью в считанных сантиметрах от моей ноги, а вот самый умный представитель своры, не отличаясь крупными размерами, воспользовался спиной более внушительного коллеги в качестве взлетной полосы — и спустя мгновенье повис, вцепившись мне в икру. Я сдавленно крякнул, сдерживая вопль, дабы не привлечь внимания патрулирующей на стене стражи. Подергав обзаведшейся паразитом ногой, избавиться от нахала не удалось, лишь боль усилилась. Со столь неудобной ношей я решил добраться до верха, а там уже преподать дворняге краткий курс жесткой дрессировки. Едва перевалившись на площадку, я откинулся на спину и принялся долбить животному по голове. Хватка ослабла, мне удалось избавить свое мясо от зубов голодного хищника. С трудом поднявшись на ноги, я увидел застывшее от изумления лицо стражника, стоявшего неподалеку. Недолго думая, я запустил озверевшего пса патрульному в рожу, пока тот не опомнился. Зато дворняга сориентировалась мгновенно: ей ли не все равно, чью плоть неистово терзать? Душераздирающий визг разнесся над городом. Началась беспощадная схватка человека с животным, следить за которой, к сожалению, не нашлось времени. Я сиганул вниз, даже не видя в темноте, куда приземляюсь. Стыковка с грунтом отдалась болью в искусанной голени, кувырком я погасил инерцию. Уже на бегу прикидывал, где здесь можно раздобыть курс прививок от бешенства. За спиной, на площадке

стены началось суетливое метание. Я надеялся, что боевой дух позволил псу одержать верх над более тяжеловесным соперником, и это должно было дать мне дополнительную фору.

Проковыляв пару километров к югу, обнаружил, что на моем пути раскинулась густая дубрава. Там, уставший и обессиленный, я, наконец, позволил себе отдохнуть, с трудом взобравшись на толстое дерево.

Глава тринадцатая, крадущаяся

Из глубокого сна меня вырвал назойливый свист местных птиц, а вот приятно дремать дальше помешала пульсирующая боль в укушенной голени и затекшая спина. Старый дуб — это вам не ортопедический матрас. Солнце едва взошло, но нежиться на сучьях времени не было. Разум подсказывал, что не помешало бы срочно эмигрировать в Мидлонию. Может, даже под видом несчастного хромого беженца. Хотя для начала стоило определиться с направлением движения. Лишних приключений совсем не хотелось. Зато хотелось есть и пить, особенно пить — наверное, потерял из-за бродячего питомца пару стаканов крови. По крайней мере, штанина поврежденной ноги ниже колена обзавелась внушительным красным пятном.

Вокруг не было слышно ни одного звука, способного указать на присутствие рядом людей. Возможно, и погони за мной никто не устраивал. Неужто блохастый друг человека сделал свое дело, проглотив единственного свидетеля, и теперь некому рассказать, что же произошло ночью на стене? Хотя, конечно, вряд ли этот Шарик смог насмерть загрызть взрослого мужика — мелковат. Если только тот стражник от страха и ошеломления не заработал амнезию, — тогда еще хоть как-то можно объяснить отсутствие поисков.

Я медленно сполз со своего ложа, краем уха уловил радостное журчание воды неподалеку и направился на звук. Водицы из родника я отпил литра полтора одним присестом, правда, потом еще минут пять ныли зубы и саднило горло — такая она была ледяная. Вот бы еще какое-нибудь доброе мясистое млекопитающее само неподалеку разожгло костер и совершенно случайно свернуло себе шею. Или чтоб хотя бы местные ягоды росли сразу с ярлычками, на которых написано, ядовиты они или нет. Вздохнув, под гулкое урчание в животе я потихоньку побрел на запад.

К полудню я уже шагал параллельно дороге, ведущей прямо в сторону княжества. Тщательно осматриваясь по сторонам, я старался сразу спрятаться, едва заметив признаки появления людей. Маскироваться в условиях степной местности оказалось непросто, но до поры до времени проносило. Тем более что путники на дороге встречались не очень часто. Я даже вынужден был отметить, что не так уж тщательно ищут нашу подпольную бригаду. Скорее всего, мистер шпион, который подкинул жучок нам в телегу, за собой на тот свет унес все сведения о нашем подставном цирке, а выживший в схватке боец, что вывел на нас

облаву во время недавнего представления, сам не слишком отчетливо понимал, что мы за птицы. Лишь бы поймать, а там — кому надо разберутся.

Я шел весь день и всю ночь без остановок. Усталости особо не чувствовал, а мысль о возможной ночевке на земле под чистым небом лишь подстегивала. К утру мозг перешел в автономный режим и управлял организмом с помощью автопилота. Первый осознанный импульс, достойный тщательной обработки, наведался туда из глаз, которые приметили вереницу повозок торговцев. Верный признак приближающейся границы. Еще пара километров — и я в безопасности! Волна радости в уставшем теле привела к тому, что я уже плелся к цели, особо не прячась и не оглядываясь, — а зря!

— Эй ты, ну-ка сюда! — рявкнули совсем рядом, сбоку, отчего я вздрогнул и остановился в ступоре.

Среди поросле́й кустарника совершенно неприметно прятался от солнца небольшой отряд солдат. По ходу, привал устроили. Под самыми густыми зарослями развалился офицер низкого звания, о чем говорило его тощее телосложение и относительная молодость: он-то меня и окликнул. Я продолжал стоять, будто ноги забетонировали.

— Сюда иди, говорю! Или ты общего языка не понимаешь?

Реакции с моей стороны опять же не последовало. Я глупо надеялся, что мной никто не захочет заниматься, и поэтому я смогу потихоньку пойти восвояси. Не тут-то было.

— Ты глухой, что ли? — не унимался офицер.

— Ваше благородие, это, наверное, с юго-восточных округов. Там вообще дикий люд живет, общего языка не знают, — предположил один солдатик.

Офицер пожал плечами, сплюнул и продолжил общение:

— Ты с юго-востока, дурень?

— London is the capital of Great Britain[12], — зачем-то выпалил я.

А что, вдруг отпустят неместного дурачка, чего с таким возиться?

— О как заговорил! — обрадовался командир. — Ты хоть понимаешь, о чем я тебя спрашиваю?

— Who is on duty today?[13] — продолжал я блистать знаниями, почерпнутыми из школьного курса.

— Точно недалекий, — вставил солдатик. — Отпустили бы вы его, ваше благородие. Нельзя издеваться над убогими.

— Asshole[14], — согласился я со служивым, козырнув словечком, далеким от школьной программы.

— Не знаю, не знаю, — протянул офицер. — С чего бы он со

своего болота под границу притянулся? Небось, замышляет чего, негодник. Перун тебя раздери! Нынче времена такие, подозрительные. Слыхали, что тут недавно один цирк чудил? Надо бы его в часть: пусть переводчики поработают. Если чист — отпустят на волю.

— Fucking shit[15], — угрюмо прокомментировал я решение командира.

Как оказалось, в казмадской армии советы вышестоящим по званию рядовыми раздаются охотно, зато их приказы исполняются беспрекословно. Меня тут же взяли под конвой и препроводили в военную часть, которая, как назло, располагалась в трех часах пешего пути отсюда. А ведь свобода была так близко! Расслабился под конец, в лучших традициях наших спортсменов, а результат — гол на последних минутах!

Одинокая военная часть раскинула свои серые каменные укрепления на возвышенности небольшого плато и выглядела довольно неприступной. Внутри вовсю кипела подготовка бойцов. Солдат муштровали строевой подготовкой, гоняли по полосам препятствий, часть из них тренировалась на стрельбище, некоторые отрабатывали верховые навыки. Меня вели по направлению к приземистому двухэтажному штабу, а я все удивлялся — как им хватило мозгов запустить потенциального лазутчика на территорию военного объекта без оформления пропуска? Ладно еще это, но ведь никто, по идее, не отменял обыска подозреваемых! Скорее всего, при определенных обстоятельствах я бы и сам не догадался на их месте поискать когти под рукавами, но уж по карманам пройтись — истинно святое дело! Чудеса, одно слово. И разгильдяйство — второе.

Внутри части меня со всеми сопутствующими объяснениями представили невысокому свирепому человечку, который поначалу обложил проклятиями всех в радиусе пяти метров, затем уже перешел ближе к делу:

— Где, забери вас Паляндра, я найду сейчас переводчика? Единственный, кто хоть чуть-чуть волокет в этом их бормотании, сейчас в отъезде. Будет дня через три!

— Так что с этим делать, ваше высокоблагородие?

— Швырните пока в острог, ко второму.

Меня опять куда-то потащили. На отшибе части располагался неприметный бункер с массивной железной дверью, который и должен был стать моим пристанищем как минимум дня на три. Когда замки за спиной защелкнулись, я наконец позволил себе смачно выругаться.

— Смотри-ка, помнишь ведь родные обороты, — насмешливо прозвучал из темного угла смутно знакомый голос.

Я посмотрел в ту сторону и обомлел. Чтоб меня на куски разорвало и обратно сшило! В углу, опершись спиной к стенке, скромно сидел на корточках сам Шаман! Мой друг! С Земли, из прошлой жизни! Представить только! Вот это да! Вообще-то кого-либо из нашего мира на Поляне я даже не надеялся увидеть, но вот самого Сашку, да еще и в такой непростой сложившейся ситуации! Не может быть! А вдруг все-таки местный — просто похож? Я решил уточнить на всякий случай:

— Саня?

— А кто ж еще? Да ладно, хорош глаза выпучивать. Я тоже неслабо удивился, когда тебя сюда привели.

— Саня! — Далее следовал поток изысканных матюков, которые неизменно сопровождают каждую радостную встречу старых добрых друзей.

Да мы с Шаманом тут сейчас такую кашу заварим! Сейчас так у нас дела пойдут, что ни Казмаду, ни Кащеру мало не покажется. Радзивиллу, пожалуй, тоже перепадет! Да мы вдвоем горы в этом мирке свернем! Вот кого мне так не хватало!

Конечно, минут пять мы убили чисто на бурное приветствие, еще столько же я пытался унять эмоции (Шаман, как обычно, был спокоен, будто намедни объелся транквилизаторов), а вот потом уже стали разбираться, что к чему.

— Ты как здесь очутился? Давно на Поляне? — спросил я.

— Через два дня, как ты пропал, я тоже сюда перебрался. Правда, на саму Поляну попал позже.

— Это как понять?

— Долгая история, как-нибудь потом расскажу. Короче, неделю назад под Ледяными скалами попался на глаза воякам, они решили взять меня в плен, а я и не сопротивлялся. Служивые решили сразу везти меня в столицу, показывать какому-то их королю, в чем я, собственно, тоже не возражал. Решил узнать об окружающей обстановке из первых уст государства. Здесь промежуточная станция, скоро должны везти дальше. Ну а ты как тут?

— О! — вздохнул я. — Мне есть что рассказать…

В мельчайших подробностях я изложил Шаману положение вещей на Поляне и свой собственный взгляд на происходящее. Потратил целый час, но времени у нас было в избытке. Саня после окончания рассказа серьезно задумался.

— Онкоген, говоришь? — спросил он наконец.

— Что за онкоген такой? — не понял я.

— Это латинское слово из двух частей. Onco — значит опухоль, gen — порождать. Порождающий опухоль. Ваш Кащер — онкоген.

— Ну да, выходит. А что?

— Да так… пока не суть важно. — И вновь друг задумался.

Я тоже погрузился в мысли. Итак, на нашей стороне такой несомненный козырь, как Сашка Шамов. Каким же макаром воспользоваться неожиданным счастьем и что, вообще, предпринять на данный момент? Прорываться через вооруженную часть или рвать когти, когда нас будут перевозить? А может, вообще…

— Ладно, что делать-то будем? — наконец ожил Шаман.

— Пожалуй, поступим согласно твоему начальному плану и двинем на короткую аудиенцию к королю Ванко.

— Это еще зачем? Я и без него теперь все знаю.

— Ничего страшного, мы не за информацией. Только надо сделать так, чтобы к нему стопроцентно доставили нас обоих, вместе. Хотя… наличие двоих пришельцев на территории Казмада просто обязано заинтересовать короля. Осталось только сообщить об этом здешним воякам.

Случай представился на следующий день, когда пришли забирать Шамана, чтобы продолжить его движение по этапу. Что ж, дело за малым: договориться, чтобы и меня прихватили вместе с другом.

— Слышь, солдатик, ты передай-ка своему командиру, что у него тут двое Великих Пришельцев томятся, — попросил я одного из конвоиров.

— Ух ты! На нашем заговорил! — ухмыльнулся служивый.

— На нашем заговорил, — передразнил я. — Это мой земляк Радзивилл Первый твоих предков-неандертальцев на этом языке разговаривать научил. И мы можем еще кое-что полезное рассказать, если тебе, конечно, хватит мозгов доложить об этом начальству.

Солдатик смотрел на нас с подозрением, потом скептически хмыкнул и вышел наружу. Через десять минут, покрывая руганью окрестности, в бункер заскочил тот мелкий крикун, который упек меня сюда.

— Где вы тут Великих Пришельцев увидели? С ума посходили совсем? Двоих сразу! Сейчас пойдете у меня в степи виноградники выращивать, и если в следующем году на моем столе не будет стоять первосортного вина — никакой Дажбог вам не поможет! Где они — эти, что ли?

Командир от физического и эмоционального перенапряжения вид имел багровый, пыхтел грозно, а кулачки сжимал нервно.

— Да, мы — Великие Пришельцы, — гордо произнес я.

— Тогда я внебрачный сын Ярилы и Девои, — рявкнул начальник.

— Ваша родословная на данный момент нас мало интересует, тем более что сообщать о таком неприемлемом в приличных кругах способе вашего зачатия было вовсе необязательно.

— Его высокоблагородие намекает на то, что он сын богов, — подобострастно пояснил один из солдат.

— Заткнись! — прервал командир подчиненного.

— Ладно, хватит время терять. Мы на самом деле те, кем себя называем. Доказать несложно.

— Это как же? — прищурился вояка.

— На нас, как и на любых уважающих себя пришельцев, абсолютно не действуют никакие чары, — заявил я.

— А вот это мы сейчас и проверим… — Начальник радостно потирал ручонки. — Позвать сюда полкового волшебника!

Несколько человек одновременно ринулись исполнять приказ, едва не вышибив тяжелые двери.

Знакомая мне процедура прошла без каких-либо накладок. Флегматичный мужичок средних лет в потертом балахоне шарахнул по нас стандартной формулой и лишь пожал плечами, когда вместо пепла увидел живых и здравствующих тех же двоих молодых людей.

— Ну что? — спросил чародея коротышка.

— Что-что? Не действует, — констатировал кудесник, пожал плечами еще раз и направился на выход.

— И что мне теперь с ними делать? Они хоть пришельцы? — вдогонку обратился командир к волшебнику.

Тот лишь повторил свой, видимо, излюбленный жест — пожал плечами.

— И что мне теперь с вами делать? — Начальник переадресовал вопрос нам.

— Как что? Королю везти, на смотрины, — подсказал Шаман. — А то гляди, на нас ведь еще и оружие ваше не действует. Глядишь, перебьем вас всех да и уйдем к соседям. А так мы пока добрые.

Я укоризненно глянул на Сашку. Не хватало, чтобы этот коротыш решил проверить, на самом ли деле нас мечом невозможно изрезать. Однако начальник от слов Шамана спохватился и спешно принялся готовить нас к отъезду. Правда, служивые даже вполне учтиво успели напоследок подать нам завтрак, оказавшийся на удивление вкусным и питательным. Вот так бы сразу.

Мы колесили в столицу Казмадского королевства Линкос. Нас везли туда, не подозревая, что на самом деле в наших планах — остановить войну с Мидлонским княжеством, а если бы узнали, как мы собираемся это сделать, — непременно порешили бы на

месте. С тех пор как я ввязался в большую игру, затеянную седьмым по счету Радзивиллом, меня не переставало переполнять ощущение участия в чем-то важном и грандиозном. Я чувствовал себя одним из основных звеньев, человеком, всегда находящимся на острие атаки, выполнившим вкупе с остальными посвященными значительный объем работ по достижению общей цели, генератором идей и их же исполнителем. Памятника за это я пока не требовал, но от уважения и хоть какого-нибудь почета не отказался бы. А что в ответ? Наглый поворот князем действий под себя, из-за которого рушится моя личная жизнь и начинает мучить совесть. Проданные влет сокровища кладника пошли, скорее всего, в княжескую казну, на обеспечение работы его людей. После — приказ сунуться одному в самое страшное место на свете без какого-либо прикрытия. При этом никакой благодарности с его стороны. Ощущение дружного движения к общей цели и чувство единения со сплоченным механизмом таяло. Наоборот, было заметно, как эгоистичные руки Радзивилла жестко и единолично правят бал согласно своим понятиям, не размениваясь на мелочи. Хотя себя самого мелочью назвать было трудно, даже глядя субъективно. Как ни крути — полезных для княжества дел я наворотил побольше любого коренного жителя страны. И еще могу, только мотивация слабая. Однако в Линкос мы все же ехали. Ехали, чтобы решить еще одну проблему князя, над которой сам он бился безуспешно. Ехали, чтобы убить короля Ванко.

В дороге разбирали детали предстоящего дела. Хотя какие там детали? Про этого правителя и особенности его охраны мы ровным счетом ничего не знали. Просто в общих чертах я пояснял Сашке последовательность наших действий:

— Сначала надо вычислить людей Кащера из окружения Ванко, дождаться начала боевых действий против Мидлонии, а потом уж валить его.

— Я вот никак не пойму: почему бы мне просто не пришить его сразу? К чему все твои сложности?

Кстати, очень мило со стороны Шамана было согласиться взять на себя непосредственно сам акт лишения короля жизни. Убить ни в чем не повинного человека мне самому было бы морально непросто. Про технический аспект мероприятия пока вообще молчу. Возможно, правитель Казмада и не был мальчиком-одуванчиком, но лично мне он ничего плохого не сделал. Такова уж этническая специфика — пока нас не трогают, мы тоже никого не трогаем. В общем, не будь рядом друга, мне, скорее всего, пришлось бы провоцировать короля на драку и впоследствии превышать допустимые пределы самообороны, что,

понятно, осуществить возможно лишь в самых смелых теоретических домыслах.

— Понимаешь, тут все слишком запутанно, — начал я объяснять другу основные моменты, заодно проясняя ситуацию для самого себя. — Главная цель — выманить колдуна из леса и уничтожить его. И свой нос оттуда он высунет, лишь когда убедится, что началась война между людьми. Об этом, по идее, колдуну должны сообщать гонцы от его прихвостней, особо приближенных к правителям. Так вот, последовательность следующая. Сначала мы узнаем, кто подрабатывает шестерками Кащера в окружении Ванко. Узнаем, но ничего не делаем. Мы дожидаемся, когда королевское войско созреет к войне и начнет массовое движение в сторону противника. Шестерка чародея сразу отправит посыльного, чтобы сообщить Кащеру о начале войны. И как только гонец с этой новостью ускачет, мы — хлоп! Мочим Ванко. Все! Тут всем станет сугубо не до боевых действий. Думаю, начнется неистовая грызня за трон. Сообщник Кащера, по идее, отправит нового гонца, чтобы обновить информацию о происходящем в королевстве, но мы его перехватим. Следовательно, колдун будет наивно думать, что Казмад уже выдвинул войска на фронт. Мы тем временем чешем в Мидлонию, покамест отказываемся от благодарностей за блестяще проведенную работу в тылу врага — будет не до этого — и отправляем Кащеру еще одного вестника. В княжестве функционирует поддельная переписка с нечистым. В сообщении пишем, что сеча между королевством и княжеством идет не на жизнь, а насмерть. Кащер только этого и ждет, бросает клич своим пачварам и выдвигается добивать, как он думает, остатки человеческих армий. Тем временем войско Мидлонии в полном составе подтягивается к западной опушке и радушно встречает орду нечисти. Примерно так.

Шаман переваривал сказанное несколько минут.

— Ну и загнул же ты, стратег, — наконец усмехнулся он.

— Сам удивляюсь. Правда, в уме загнуть — это еще полдела. А вот в реале провернуть… не знаю. Как-то сложно все это.

— Да ладно, звучит как неплохой план. Детали разберем на месте. Ты мне одно только скажи, я тут подумал… Как эти пачвары собираются захватывать Поляну, если мучительно чешутся на солнце? Допустим, доберутся до какого-нибудь городка, что ближе к лесу, вынесут жителей, днем попрячутся в подвалах. От рассвета до заката даже относительно небольшой группе людей, не обязательно военных, времени будет вполне достаточно, чтобы намертво забетонировать большую часть уродов, ну или сжечь по возможности.

Не сказать, чтобы я сам об этом никогда не думал. Но более-менее внятных вариантов ответа на данный вопрос пока не находилось.

— Да черт их знает! Сто пудов хитрый колдун все продумал. Меня гораздо больше еще один маленький нюанс беспокоит, хотя назвать его маленьким язык не поворачивается: лесной бомбардировщик под названием Цмок. Как его без ПВО сбивать? Этот Змей Горыныч одним своим видом внушает ужас. Что же будет, если он людей начнет на куски рвать? Как бы панику солдатам не вселил…

— Ты, главное, сам не паникуй. Я этому змею лично все три башки откручу и пепельницы из черепов сделаю.

— Ты Саня, конечно, крут, но если бы у тебя еще был опыт убиения слонов и носорогов голыми руками — я бы себя намного уверенней чувствовал.

Чем дальше мы углублялись на территорию Казмадского королевства, тем чаще в пути встречались военные подразделения, двигавшиеся навстречу. Собственно говоря, самих нас в Линкос транспортировали в составе длинной вереницы пустых обозов, предназначенных для загрузки под завязку провиантом или оружием в центре снабжения и последующим возвращением в сторону границы. Надвигающейся войной буквально пахло в воздухе. Хотя по выражениям лиц встречавшихся нам на пути солдат нельзя было сказать, что ребята при первой же возможности сломя голову рванут в атаку. Скорее, наоборот. В глазах воинов на пару с пустотой царило безразличие. Либо идеологический отдел армии плохо поработал, либо служивые у кладника в яме видали близящуюся войну. По сути, солдат принуждали сражаться чуть ли не со своими кровными братьями за земли, на которых их предки жили дружно бок о бок много лет. За земли, которые были разделены по прихоти горстки амбициозных людей, некогда стоявших у руля единого Великого княжества. Служивым предстояло проливать кровь на войне, смысла в которой ни у кого из них не было. А если у солдата нет идеи, за которую можно умереть, то нечего в таком случае ожидать от него боевых подвигов.

В общем, я даже рад был, что у нас с Шаманом появилось желание и возможность остановить эту никчемную и бессмысленную свистопляску. Даже таким жестким способом. Ну да ладно, агенты под прикрытием не должны чураться никаких методов исполнения задания. Это я к тому, что когда Саня под боком — абсолютно ничто не страшно, и все происходящее воспринимается как веселая игра, тем более все равно в дороге делать было нечего. Теперь вот забавы ради мы прикидывались

жутко секретными суперагентами. Сашка — Бондом, а я — майором Исаевым. Только бы не опоздать двоим шпионам: очень уж массивные военизированные потоки стекались мимо нас к границе. Глядишь — пригласят нас на аудиенцию к правителю, а он уже шашкой на полях брани размахивает или руководит ходом действий с далекого бугра. Было решено в таком случае зайти к самодержцу с тыла и в лучших традициях спецагентов подстроить несчастный случай. Например, избить до смерти возле стойла, чтобы все списали на взбесившихся лошадей.

Всю дорогу мы развлекали друг друга такими зарисовками. Как-то раз я втихаря, чтобы вояки не заметили, умудрился даже похвастаться перед товарищем своими когтями. Шаман, помнится, увидев мою сбрую, уважительно цокнул языком.

Но когда одним прекрасным утром нас наконец-то ввезли в столицу Казмадского королевства Линкос, резко стало не до забав. На авось в дело не кидаются даже отъявленные камикадзе: они тщательно выбирают наиболее уязвимую и тактически важную для противника цель, а после рассчитывают траекторию своего последнего в жизни полета. Мы с Шаманом, хоть он и любил Японию, не являлись камикадзе, соответственно, кроме основного удара, должны были спланировать пути отступления. Конечно, глазеть по сторонам в новом для себя городе и разрабатывать возможные эвакуационные траектории — две немного разные вещи, однако мы старались в дороге запомнить все детали и особенности хотя бы того маршрута, по которому нас везли в резиденцию короля.

Линкос, в отличие от мидлонской Глады, выглядел более провинциальным и компактным. Все-таки было заметно, что этот город получил статус государственной столицы намного позже своего основания, а изначально, скорее всего, позиционировался как центр какого-нибудь округа. Только народу здесь нынче проживало, между прочим, на полноценный мегаполис. Теснота улиц и отсутствие даже самой примитивной регулировки движения местами приводили к массовым скоплениям людей, кое-где образовывались пробки, стопорилось движение. Благодаря подобной архитектуре и массовой урбанизации населения все местные жители выглядели нервными и беспокойными. Один раз мне даже показалось, будто проходившая рядом бабка, глядя на нас с Шаманом, тихо буркнула себе под нос: «Понаехали тут». Чем мы так себя выдавали за неместных — я не понял.

Если честно, мы рассчитывали, что Великих Пришельцев, да еще и в количестве аж двух штук, незамедлительно представят правителю. Но с нас быстренько сбили спесь, разместив даже не в

королевском дворце, а на какой-то четырехэтажной съемной хате с окнами, заделанными решетками, и массивной входной дверью. Зато в оживленной части города. Выглядело как миниатюрная тюрьма или отдельный изолятор временного содержания. Молоденький офицер, который всю дорогу трясся рядом с нами в повозке и, видимо, наивно предполагал, будто тщательнейшим образом стережет двух подозрительных личностей, перепоручил нас местной страже.

— Говорят, что пришельцы, как сам Радзивилл Первый. Пойду начальству доложу. Вы их у себя пока держите, — коротко пояснил им служивый и удалился вместе с остальной процессией.

Здешние охранники без лишних церемоний доставили нас на второй этаж и запихнули в камеру. Повезло еще, что не развели по разным номерам. Провожатый стражник велел сидеть тихо и закрыл нас на пять замков и три засова. Хорошо, хоть не замуровал для верности.

— Ну и что делать будем? — поинтересовался Шаман.

— Черт его знает. Я как-то по-другому визит в столицу представлял. Подождем до завтра: если никаких движений не будет — выйдем, прогуляемся.

— Тогда до завтра. — Саня уселся в позу лотоса и закрыл глаза.

Вот спасибо, про медитацию он вспомнил! Пока в дороге было весело и нашлось о чем поговорить — так он даже не думал в себя погружаться, а теперь, когда скука и безделье намечаются на целый день, сразу нырнул! А мне что делать?

Я нарезал пару кругов по помещению, несколько раз пнул стены — оказались крепкими. Ту же манипуляцию провел с нижней частью спины Шамана — только ногу себе ушиб, а ему хоть аппендикс вырезай. В конце концов, я не выдержал — уселся рядом с другом и тоже попытался медитировать. Сначала получалось плохо из-за постоянного шума под окном и адского топота, по-видимому, слоноподобных тварей этажом выше. Потом внешние раздражители отошли на второй план, и мне удалось полностью войти в свой внутренний мир, хотя при последующем анализе все-таки я пришел к выводу, что просто и банально заснул.

Вообще-то сплю я обычно крепко, но дверные замки, открываясь, щелкали так оглушительно, что могли поднять армию мертвецов. С другой стороны, поди-ка вздремни сладко часок-другой в позе лотоса. Шаман тоже открыл глаза и внимательно наблюдал за входной дверью. Надо же, а пендели на товарища такого тонизирующего действия не возымели. За окнами вовсю светило солнце, значит, время на дворе близилось

к полудню. Затекшие конечности со скрипом разогнулись, и я поднялся. В тот же момент возня с замками прекратилась, и дверь распахнулась. Нас наведал не совсем обычный посетитель: этакий терминатор в сутане, с абсолютно неорганично смотрящейся на его суровом лице бородкой-эспаньолкой. Из-за его широкой спины выглядывали двое стражников.

— Оставьте нас, — жестом здоровяк приказал закрыть дверь, что было незамедлительно исполнено. — Итак, двое шутов, потехи ради возомнивших себя Великими Пришельцами?

Шаман удивленно повел бровью и спросил:

— А вас разве не учили с детского сада представляться, уважаемый? Меня, например, Александром кличут, друга моего — Арсением.

— Арсеналом, — поправил я и пояснил тут же: — Здесь как-то так повелось, многие уже привыкли, наслышаны к тому же…

— Ладно, так и быть. Пусть меня тут как Шамана знают, — решил Сашка.

— Да что вы о себе возомнили, щенки? — рыкнул дядька. — Я смотрю, вы у нас решили стать очередными королевскими прихлебателями, сказок наплетя? Жизни захотелось беззаботной? Ванко и без вас иждивенцев хватает! Или, может, хотите втереться в доверие? Ну-ка отвечать!

Мужик в гневе, с раскрасневшимися щеками и выпученными глазами, выглядел внушительно.

— Все-таки я настаиваю, чтобы вы представились, — продолжал мой друг спокойно.

— Сейчас я тебе представлюсь! Начальник отдела чародейских расследований генерал Важимир-Осао! А теперь быстро отвечать — кто такие и откуда взялись?

Я начал лихорадочно соображать, как построить беседу, чтобы выманить из этого, судя по всему, не последнего в казмадской иерархии человека информации по максимуму. Но Шаман времени на размышления мне предоставлять не стал, да и сам не особо задумывался над своими словами:

— Так вот, господин Важимир-Осао, разговаривать, как Великие Пришельцы, мы намерены только с королем Ванко, а не с его раскормленными качками. Так и передайте! Кстати, у вас родственников случаем в Японии не было? А то фамилия Осао… что-то знакомое…

Генерал пыхтел как паровоз, готовящийся к отправке, а я всерьез ожидал увидеть настоящие клубы пара, шумно вырывающиеся из ушей громилы. Дар речи на данный момент у него был явно смещен в глубины сознания дикой яростью и жаждой кары, поэтому Важимир-Осао, молча сопя, извлек

волшебный шар желтого цвета, щедро зачерпнул жезлом чары и в мгновенье ока нарисовал заклинание. Спустя миг в пространство над нашими головами взмыли два размытых пятна цыплячьей расцветки. Они на секунду зависли в воздухе и стремительно обрушились нам прямо на макушки. Выглядело красиво. Скорее всего, мы должны были стать яркой иллюстрацией на тему опасности прогулок по стройке без каски, но, как и следовало ожидать, — ничего с нами не случилось.

— Ага! Так вы и вправду пришельцы! — продолжал неистовствовать генерал, оказавшийся до кучи еще и волшебником. — Ничего, я на вас и голыми руками управу найду. Вы у меня заговорите!

Здоровяк закатал рукава и потер ладоши, выбирая, на кого из нас обрушится его гнев. Мы с Шаманом переглянулись, Саня плотоядно улыбнулся, а я продублировал его выражение лица. Через долю мгновения Шамана уже не было на месте, и практически в это же время по комнате разнеслись глухие звуки трех коротких ударов. Начальник отдела чародейских расследований не успел даже заметить, что произошло, как с грохотом обрушился на пол, рискуя наведать соседей снизу. Я начал беспокоиться, как бы на шум не сбежалась местная стража, но, видимо, все свято верили в крутость и непобедимость генерала. Тот, между прочим, попытался встать, однако ноги предательски подогнулись, тело повело в сторону, и громила опять рухнул. Затем здоровяк, будто вспомнив, что, оказывается, у него еще и болит кое-что, со стоном схватился за правый бок. Минуту спустя Важимир-Осао комфортно располагался на стуле, связанный по рукам и ногам, и увлеченно жевал кляп.

— Саня, ты людей пытать умеешь? — поинтересовался я.

— Нет, но что-нибудь обязательно придумаю, — ободрил Шаман, затем обратился к громиле: — Будешь орать — сделаю так, только в десять раз сильнее.

И надавил пальцем куда-то в область печени. Генерал взвыл, а когда мой друг отвел руку, глаза пленного закатились, и по всему было видно, что здоровяк планирует потерять сознание.

— Ну-ну, не надо покидать нас раньше времени. — Саня наградил Важимира-Осао парой приводящих в чувство пощечин. — Ну что, понял? Кричать не надо.

Волшебник уверенно кивнул, и Шаман достал кляп из его рта.

— Да кто же вы такие? — со стоном вырвалось у качка.

— Мы не местные, но весьма способные ребята. На этом твои вопросы заканчиваются, а мы начинаем свой блиц. Мой друг умеет видеть, когда человек говорит неправду, поэтому сейчас мы

будем тебя спрашивать, а если ты солжешь, он заметит, и мне вновь придется причинить тебе боль. Пойми, удовольствия от этого я не получаю, но и тебе кайфа будет мало, если вздумаешь юлить. Говори только правду, не то умрешь в адских муках. Понял?

Важимир-Осао затравленно кивнул. Мой друг, наверное, мог даже льва убедить стать вегетарианцем. Шаман предоставил мне далее руководить процессом, сам встал рядом.

— Кто в Линкосе руководит сетью Кащера? — наобум выпалил я самый основной вопрос — и не прогадал!

— Откуда вы знаете? — ошарашенно смотрел на нас генерал.

— Как уже сказал мой друг, мы очень способные. Так кто главный?

— А вам зачем? — недоверчиво спросил дядька.

Говорить ему правду, пожалуй, не стоило. Но и категорически врать, наверное, тоже.

— Надо передать сообщение с севера, про Живые доспехи. Но тебя это не касается.

— Похоже, касается, — нетерпеливо заерзал на стуле волшебник. — Я руковожу людьми Кащера в Казмаде.

Вот это подфартило!

— Да ну! — изобразил я недоверие. — Прям так повезло, что сразу на координатора вышли. Что-то не верится.

— Я это, я! — занервничал пленный. — Что у вас за послание? Может, заодно развяжете? Я свой!

— Слушай, на двух руководящих должностях сразу крутишься! И как ты все успеваешь? — удивился я и бросил Шаману: — Отойдем?

Забившись в дальний угол помещения, мы начали шептаться.

— Ну и что делать будем? — интересовался Саня.

— Я вижу только два оптимальных варианта. Можно попробовать внедриться в их шайку, правда, могут раскусить. Нас к тому же двое и нет времени разучивать легенду. Придется чересчур много фантазировать. Другая идея — вытянуть из этого перца все, что можно, а потом еще и проследить за ним.

— Что-то лень мне внедряться, — вынес вердикт Шаман. — Тем более, кажись, времени маловато. Давай лучше пытать.

Я не возражал.

— Что-то мы решили тебе не доверять до поры до времени. Дело — сам понимаешь, серьезней некуда. Придется тебе сдать небольшой экзамен. Проверку на преданность. Ответишь на все вопросы правильно — получишь зачет. Поехали, — начал я допрос. — Как общаетесь с Кащером?

— Через посыльного. Я лично шлю своего человека с

зачарованным письмом на запад, к одной неприметной рощице на берегу Вескера. Гонец трубит в специальный рог, послание выходит принимать вирник и передает его могуществу. Это письмо прочитать может лишь Кащер — при вскрытии чужими руками оно сгорает вместе с пальцами.

— Вирник — это кто?

— Их еще водяными называют в Мидлонии.

Что ж, в целом переписка организована ловко. Эти водяные, оказывается, помимо того что воруют людей для Кащера, так еще и почтальонами у него подрабатывают. Так, что бы еще выведать у генерала под предлогом проверки на вшивость?

— С мидлонской коалицией как общаетесь?

— Почти никак. Мы получаем инструкции от Кащера, про сообщников из княжества почти ничего не знаем.

Замечательно, значит, в Казмаде не в курсе, что соседних союзников разоблачили. Собственно говоря, остался один вопрос:

— Когда Кащер приказал начинать войну?

— Его могущество хочет, чтобы наступление королевских войск началось в течение седмицы. Я уже убедил Ванко развязать войну. Завтра утром правитель с целым корпусом элитных войск торжественно выдвинется к границе, в крепость Эризадол.

— И ты, как только монарший отряд покинет Линкос, отправишь Кащеру послание, что война началась?

— Конечно! Совсем скоро Ванко и Радзивилл столкнутся лбами, как два барана. А мы поможем его могуществу Кащеру обработать их тушки.

Лицо Важимира-Осао расплылось в мечтательной улыбке, будто ему предстояла ночь с мисс Поляна. У меня же зачесались кулаки — так хотелось сделать эту улыбку слегка беззубой. Я вновь пригласил Шамана в дальний угол на совещание.

— Ну что, выяснили все необходимое — пора валить, — предложил Саня.

— Свалить-то я не против. Только было бы неплохо, чтобы этот громила забыл, о чем его спрашивали. А то еще напишет Кащеру — мол, ошиваются тут двое любопытных новоприбывших. Колдун сразу сообразит, что под него копают. Может, завалишь его, а? Только я спрошу, кто у него заместитель.

— Не знал, что ты такой кровожадный, — ухмыльнулся Шаман. — Все делается намного проще.

Мой друг подошел к пленнику.

— Товарищ генерал, ваши слова, несомненно, пойдут нам на пользу в борьбе с Кащером. Огромное спасибо за информацию.

Челюсть волшебника отвисла синхронно с моей, а Шаман обошел пленника сзади и наотмашь врезал ему кулаком в

затылок. Груда мышц генерала обмякла на стуле.

— Часа два ретроградной амнезии у него есть, — констатировал Саня.

— Ретро… чего? — не понял я.

— В общем, с момента двухчасовой давности он ничего не будет помнить.

— Ого, — который раз я поражался способностям Шамана. — Так он теперь будет знать лишь про двух самозванцев, возомнивших себя пришельцами. Скорее всего, в рапорт Кащеру это не попадет. Хотя, может, ему покажется странным, как ловко мы улизнули? Да и потеря памяти тоже может насторожить нашего генерала.

— Черт его знает, — пожал плечами Саня. — Могу добить, раз ты так нервничаешь.

— Не надо, — быстро замотал я головой. — И так сойдет. Кстати, как уходить будем?

— Вежливо, — и Шаман деликатно постучал в дверь.

Через пару секунд зашумели засовы, сперва из коридора послышались слова:

— Знатно вы их, ваше благородие, припечатали. Аж на первом этаже слышно было, — потом уже в проеме показалась довольная рожа на длинной кадыкастой шее.

— И не говори, — восхищенно протянул Шаман и молниеносным движением вырубил стражника. — Прошу.

Сашка пропустил меня вперед. Очень любезно с его стороны, особенно учитывая, что меня снаружи встречали двое стражников, крайне удивленных таким бестактным обращением с коллегой. Увидев заключенного вместо генерала, бравые ребята начали соображать, в чем тут дело, но я им помешал додумать думу до конца. Прямым ударом ноги зарядил в живот ближнему вояке, присел под свистнувшей над головой саблей другого и провел подсечку. Тело стражника рухнуло, я вскочил, чтобы добить его, но меня опередил Шаман. Мой друг в стиле заправского футболиста пнул голову лежащего бойца — как говорится у спортсменов, не на силу, а на точность. Вояка отрубился. Его сослуживец, которого я ударил в живот, уже валялся без сознания. И когда Шаман все успел? Впоследствии оказалось, что он даже нашел время обчистить карманы всех пострадавших на предмет финансов и материальных ценностей, за что мне лично было крайне стыдно. Нет, не за то что у меня такой невоспитанный друг, а за то, что сам не догадался провернуть это первым.

В конце коридора настежь распахнутыми створками маячило узкое оконце. Прикинув расположение самого здания и

примерную схему его помещений, выяснили, что этот проем ведет на противоположную от оживленной улицы сторону. Мы с Сашкой быстро переглянулись. Шаман, судя по виду, тоже считал вариант выхода через главный ход не самым удачным, и поэтому альтернативный путь эвакуации из окна рассматривал как наиболее приемлемый. Пару секунд спустя мы уже осматривали внутренний дворик: небольшой, с чуть приоткрытыми воротами напротив и, самое главное, абсолютно безлюдный. Бесшумно десантироваться со второго этажа проблемой не было, пересечь дворик и незаметно ретироваться — тоже.

Петляя кривыми улочками, мы, наконец, очутились на сравнительно широком проспекте, по брусчатке которого нас катали с утра. Еще через пару минут мы со стороны фасада подходили к зданию тюрьмы, из которой только что сбежали. В здании напротив довольно удачно располагалось некое подобие кафетерия, из него весьма удобно можно было наблюдать за входом в соседнее гостеприимное заведение. Близился вечер, но кабак пока пустовал, и мы без проблем заняли место у окна. Осталось дождаться, когда же начнется заварушка напротив, а она непременно должна была стартовать с минуты на минуту, едва очнется кто-нибудь из тех, кому сегодня черный кот перебежал дорогу, подставив под наши тумаки. Девчушка-официантка очень торопилась обслужить редких в этот час гостей, да и повар, судя по начавшейся в кухне за стеной симфонии гремящих кастрюль, тоже старался на славу, но плотно перекусить мы так и не успели. Началось!

Сперва с грохотом распахнулась тяжелая входная дверь, и с дикими воплями из недр тюрьмы вылетели двое стражников. Они кубарем разлетелись в разные стороны, затем вскочили на ноги и, даже не удосужившись смахнуть с себя пыль, рванули прочь, озабоченно вылупив глаза. Следом вышел багровый Важимир-Осао, почесывая шишку на затылке, за ним семенила свита из перепуганной до икоты стражи. Генерал принялся раздавать распоряжения прямо на улице, размахивая своими огромными лапами. Подчиненные только успевали пригибаться, чтобы сохранить голову на плечах. Получив задания, стражники тут же кидались их исполнять, и толпа вокруг здоровяка стремительно редела. Не прошло и пяти минут, как наш знакомый остался в одиночестве, со вздохом осмотрелся и тихонько побрел восвояси, тяжело схватившись за голову.

Отставать нам было нельзя, хотя официантка уже накрыла поляну. Давясь слюной, мы быстренько набили рты чем только возможно, вооружились добавкой в виде шницелей с окороками и ринулись вслед. Шаман лишь напоследок бросил горсть монет на

стол.

От генерала мы поначалу старались держаться на солидной дистанции из-за того, что боялись привлечь его внимание громогласным чавканьем, но после убедились, что Важимир-Осао слишком погружен в собственные мысли, чтобы замечать кого-либо вокруг. Автопилот вывел здоровяка на просторную людную улицу, обрамленную солидными домами в три-четыре этажа. Вывески на этих зданиях предлагали народу отведать изысканных кушаний, модно постричься, накупить разнообразного хлама, за полчаса оформить собственный портрет, а также переночевать просто так или в компании милых и не очень дам. Далеко в конце улицы высилось несколько мощных серых башен, образуя массивную крепость.

Плотность людского потока позволяла нам находиться в пределах десятка метров от волшебника. Сделав несколько шагов, он будто вспомнил о чем-то и отрывисто глянул по сторонам, из-за чего мне пришлось спрятаться за плечами мужика, что шел впереди, а Шаман внезапно схватил за талию девушку, с увлечением рассматривавшую витрину, резко развернул ее к себе и невозмутимо принялся знакомиться. Волшебник тем временем извлек шар и, запустив сгусток чар по дуге в сторону мрачных башен, двинулся дальше. Многочисленные прохожие этому ничуть не удивились — видимо, подобные фокусы многочисленных столичных чародеев были весьма распространены. Заклинание смахивало на коммуникационные чары, с которыми я уже сталкивался в Гладе. Когда здоровяку прилетит обратно подтверждение связи, генерал, скорее всего, начнет разговаривать с кем-то из крепости.

У меня аж уши зачесались от желания подслушать, с кем и о чем собирается общаться чародей, как вдруг до меня дошла вся абсурдность нашей с Шаманом скрытности. Ведь если Саня отключил Важимира-Осао с откатом памяти на два часа назад, значит, волшебник, по идее, даже лиц наших знать не должен. Конечно, не совсем привычно сознавать, что личность, которую ты не так давно скрутил и допрашивал, теперь беззаботно будет воспринимать своего обидчика банальным прохожим. Вскочившая мозоль сомнений привносила такой дискомфорт в сознание, что конкретно мешала принять смелое решение. Тем не менее, я схватил Шамана за рукав и потащил за собой. Саня едва успел расшаркаться перед порозовевшей от счастья дамой.

— Видал? Я ее почти склеил! — на ходу радовался друг.

— С ума сошел? Она страшная, как подмышка орангутанга!

Вообще-то Шаман в барышнях был не особенно разборчив, поэтому товарищу периодически приходилось помогать.

— Правда? — расстроился Сашка. — В кои-то веки сам подошел к женщине, завязал с ней связную беседу, даже почти не нервничал, а она, негодная, оказалась уродиной!

Мы уже приближались к генералу, когда со стороны крепости ему прилетел волшебный ответ. Здоровяк, надо полагать, тут же отгородил себя от лишних ушей чарами. По крайней мере, обзавелся довольно симпатичной полупрозрачной сферой с золотистым оттенком.

— Куда мы? — поинтересовался Шаман.

— Подслушивать частные разговоры.

— А если нас этот мужик заметит?

— Так ты ж ему эту, какую-то ретроамнезию вбил в голову.

— Ну, как бы, — Саня замялся. — Это чисто теоретически. Хотя вроде я все правильно сделал. Рисковать, пожалуй, не стоило…

— Ты даешь! — рассердился я и собрался было, разворачиваться, но этому помешали два момента.

Во-первых, избежать повторной встречи с мадам, которая светилась от счастья по поводу того, что к ней впервые в жизни подкатил молодой человек, скорее всего, не получится. Во-вторых, Важимир-Осао начал говорить, и мы его слова, в отличие от всех остальных, слышали отчетливо.

— Ковли, где его величество? — серьезным тоном спросил генерал, далее следовала пауза, после которой волшебник продолжил приказным тоном: — Срочно усиливай охрану, пускай немедленно едет в цитадель! Двое неизвестных, которых сегодня доставили войска, оказались не такими простыми… — Вновь пауза. — Не знаю. Я ничего не помню. Только как подъезжали к воротам каталажки. Еще я, наверное, отправил куда-то свой экипаж. Потом темнота — и уже связанный сижу в камере. Два стражника оглушены, остальные ничего не слышали… — Еще одна пауза. — Да откуда я знаю, почему не убили? В общем, из Мидлонии прибыли какие-то серьезные волшебники, мне так видится. Думаю, по душу Ванко. Это недопустимо! Завтра во что бы то ни стало король должен выдвинуться во главе войска на княжество! Я уже организовал поиски лазутчиков, надо подключить чародеев из отдела воздействий. Быстро пригони мне карету, поеду к их начальнику. Чует мое сердце — сегодня Риталил будет надо мной нещадно издеваться, раздери его волки! Я в начале улицы Велеса. Ты понял, что нужно делать с королем?

Секунду спустя волшебник утвердительно кивнул, золотистая сфера-заглушка вокруг него испарилась, и разговор прекратился. Вдруг Важимир-Осао резко развернулся и принялся пристально сверлить нас взглядом. Мы едва успели тормознуть и натужно

изобразить светскую беседу. Генерал сам на русском языке минуту назад признался, что ничего не помнит из нашего с ним рандеву, но под взором волшебника я чувствовал себя не очень уютно — можно сказать даже, струхнул. Наконец кудесник успокоился и зашагал в прежнем направлении. Отпустив начальника отдела чародейских расследований на приличное расстояние, мы продолжили наблюдение с удвоенной осторожностью.

— У тебя завтра будут проблемы, — бросил я мимоходом.

— В смысле? — уточнил Сашка.

— Охрану короля усилят. Как ты собираешься его мочить — не представляю.

Шаман самодовольно ухмыльнулся.

— И что же мне может помешать грохнуть местного монарха? — Саня на секунду задумался и сам ответил: — Пожалуй, ничего.

— И чем ты его собираешься? Голыми руками?

— А ты мне коготки не…

— Нет! — сразу отрезал я. — Сначала решим — как, а потом уже — чем.

Шаман лишь махнул рукой.

Где-то вдалеке, со стороны башен, послышался жуткий рев, услышав который, прохожие стали с опаской всматриваться вдоль улицы. Через минуту появился источник шума: узкая черная карета с плавными обтекаемыми боками, чем-то в общих чертах напоминавшая подводную лодку. Запряженная тройкой вороных, она неслась по улице с огромной скоростью, а пилота, видимо, не особо заботило здоровье и жизнь граждан столицы. Зато самих горожан личные параметры жизнедеятельности изрядно волновали, поэтому они разбегались врассыпную по сторонам задолго до приближения грозного транспорта. Карета остановилась аккурат подле Важимира-Осао, кверху бесшумно распахнулась дверца, и генерал погрузился внутрь. Мгновение — и экипаж вновь с впечатляющей скоростью понесся вдоль по улице Велеса. Интересно, за сколько этот болид разгоняется до сотни?

— Стратег, стратег, я тактик. Какие планы? — Шаман вывел меня из размышлений.

— Можем пробежаться — продолжить слежку, — улыбнувшись, предложил я.

— И что нам это даст, кроме одышки?

— Пожалуй, ничего. Хотя будет возможность узнать — кто, где и как собирается нас отлавливать.

— А я тебе и так скажу: толпа людей в каждом закоулке

города, по фотороботу. Нет, у меня идея получше. Залезем туда, где нас точно искать не будут, — Сашка ткнул пальцем в конец улицы.

— В ту крепость, что ли? — Я на секунду задумался. — По ходу, это и есть та самая цитадель, где до завтра будут прятать Ванко. Ну да, в прятки там играть — само то. Заодно можем встретить кого-нибудь болтливого и полезного. С твоей техникой отшибать память мы теперь можем у любого человека использовать функцию «копировать» и «вырезать» информацию. Только залезем ли мы туда?

— Чего уж проще! — хмыкнул друг.

Как всегда, устами Александра задача выглядела не сложнее похода в ларек. На деле выплывали сложности, по крайней мере, согласно моему пониманию этого слова. Для начала, крепость располагалась в центре огромной площади, которую местный люд не жаловал активными посещениями. Лишь несколько патрулей бодро курсировали по периметру. Таким образом, незаметное шатание возле укреплений в дневное время без шапки-невидимки оказалось трудновыполнимым компонентом нашего замысла. Плюс к этому цитадель была облеплена стражниками, словно рыжий фейс веснушками. Они, казалось, торчали повсюду: на стенах и башнях, выглядывали из окон и бойниц, чуть ли не на флагштоках висели. В общем, посетить этот муравейник двум чужакам без приглашения, по идее, можно было, лишь сдав на входе в гардероб голову, причем без права возврата.

Мы предусмотрительно раззявили рты и смотрели по сторонам, закосив под туристов. Долго так смотрели, прикидывали.

— Ночью, — наконец сдался Шаман.

— Однозначно, — подтвердил я.

Но покрова темноты еще следовало дождаться. Памятуя, как ловко меня выследили в Гладе княжеские контрразведчики, я нынче подошел к делу серьезно — благо, деньги для этого водились. Мы решили разделиться и поработать над собой индивидуально, да так, чтоб потом на месте встречи не узнать друг друга.

Уж я постарался на славу! Перво-наперво — тотально сменил гардероб. Ту одежку, что удалось выменять на цветные клоунские шаровары, давно пора было выкинуть или, на худой конец, постирать. В ближайшем ателье для меня нашлась добротная куртка коричневой кожи, плотные штаны в комплекте с жилеткой того же цвета, белая сорочка и даже темно-зеленые лакированные туфли с квадратными носами. Наряд, обыденный для столичного жителя с достатком выше среднего, стоил весьма недешево, но

Саня награбил для нас достаточно денег. Содержимое карманов генерала разведки намекало на то, что начальство государственных служб Казмада неплохо финансируется. Работникам ателье, чтобы не вызвать подозрений, я озвучил легенду, будто хозяину со стройки, где я вкалываю, необходимо пойти на встречу с важными клиентами, а те требовали взять с собой одного простого рабочего. Выбор пал на меня, как самого молодого и презентабельного. Вот шеф и выделил денег, чтобы я приоделся как следует в честь собеседования с серьезными людьми. Портные вошли в положение и сами помогли выбрать подходящий наряд.

Следующим этапом шла цирюльня. Вот это была настоящая сказка! Наши парикмахерские даже рядом не стояли, по крайней мере те из них, в которых я бывал. Мало того что мою раздавшуюся во все стороны за время пребывания на Поляне шевелюру оболванили, а бороду побрили, так еще вымыли всего, ноги распарили, назойливые мозоли срезали, раны и ссадины обработали бальзамом, ногти обрубили, а тело с одеждой обрызгали приятной туалетной водой. В общем, через час манипуляций на меня из зеркала смотрел вполне цивилизованный молодой человек, а не то существо, которое еще утром приехало в Линкос. В последний раз подобные ощущения возникали у меня еще в Гладе, когда я проворачивал операцию с Гиссандрой, только волос тогда не остригал. Метаморфоза в цирюльне тоже оказалась не из дешевых, но она того, несомненно, стоила. Для парикмахеров, к слову, тоже нашлась особая легенда — мол, вернулся из вояжа к Ледяным скалам, во время экскурсий по которым зарос, обзавелся парой-тройкой царапин и натер ноги. Дикая местность, что поделаешь — даже зубы почистить негде, чего уж об остальном говорить. Цирюльники отнеслись с пониманием и даже сочувствием.

Итак, после ряда процедур все мои родственники, несомненно, без проблем смогли бы меня узнать, вот только от того же образца, но двумя часами ранее, они открещивались бы всеми возможными способами. Однако именно таким, по идее, меня должны были запомнить местные стражники, посему я, не страшась, открылся вечернему солнцу столицы Казмада.

До встречи с Шаманом оставалось не меньше часа, мы условились пересечься в одном из кабаков по единственно известной нам улице Велеса. Туда и понесли меня ноги.

Когда я заявился на явку, она была почти полностью забита людьми. С трудом удалось отыскать свободный столик. Меню, принесенное официантом, пестрило диковинными названиями и серьезными суммами. Я выбрал пару блюд среднего ценового

диапазона и стал тихо ждать заказа, озираясь по сторонам. Этот кабак мы выбрали практически наобум, из-за очень запоминающегося названия. На самом деле сложно было бы забыть, что мы договорились встретиться в ресторане «Острый Казмадский Перец».

А заведение, судя по прайсу, публике и обслуге, оказалось приличным. Не успел я толком присмотреться ко всем посетителям, как вышколенный халдей уже принес мне аперитив и плошку зеленой мешанины, видимо, являвшейся салатом. Бокал вина сразу стал интересовать меня намного больше гостей заведения, поэтому я взял его в руку, втянул ноздрями аромат напитка и только собрался пригубить, как вдруг меня накрыла чья-то тень.

Я скосил глаза кверху. Надо мной склонялась огромных размеров женщина, одетая в просторное черное платье, которым, в случае надобности, без труда можно было бы в тихий час накрыть всех детей старшей группы детского сада. На голове дамы громоздилась широкополая шляпа, тоже черная, с прикрывающей лицо вуалью.

— Молодой человек, — высоким голосом пропела она, — вам не кажется, что в вашем возрасте вредно распивать хмельные напитки?

Тоже мне минздрав! С чего бы такое внимание к скромному обывателю? Может, меня все-таки выследили? Зачем тогда подсунули это чучело? Я опустил голову так, чтобы женщина не видела моих глаз, и принялся лихорадочно высматривать по сторонам агентов. Ей же буркнул:

— Мне можно, а что такое?

— А то, что нечего перед заданием вино хлестать, — раздался тихий голос Шамана.

Я с испугом уставился на тетку. Неужели она сожрала моего друга живьем? Чудовище тем временем оседлало стул напротив.

— Че вылупился? — говорила женщина голосом Сашки. — Между прочим, привести себя в человеческий вид — это, по-твоему, нормальная маскировка? Кажись, я выиграл.

— Да ты не просто выиграл, ты с ума сошел, причем капитально, — констатировал я, когда до меня дошло, в чем дело.

— Не скажи, — возразил Шаман. — Я вот купил все необходимое для костюма тучной женщины, засунул эту груду в мешок, просочился в вестибюль солидного ресторана и юркнул в уборную. В женскую уборную, из которой через десять минут вышел в знакомом тебе образе фрау Гесс, будем называть ее так. Прикинь, в вестибюле к тому времени группа мрачных мужиков уже допрашивала швейцара. Краем уха слышал, как они

описывали мою внешность. Вот так вот.

— Ну, меня-то теоретически тоже сложно стало теперь опознать! — Рассказ друга не на шутку взволновал меня.

— Раз уж ты сейчас находишься именно здесь, а не в изоляторе, и со свободными руками, а не связанными, то, можно сказать, вычислить они тебя пока не смогли. Меня другое беспокоит: как ты в таком виде собираешься тайно проникать в цитадель и незаметно бороздить ее пространства?

— Тут, Саня, ты загнул! — удивился я. — А сам-то в этом маскараде как собрался прыгать по стенам?

— У меня все продумано. А вот на тебя фиг понадеешься, поэтому я уже купил два подходящих черных костюма, удобные тапки, ткань для масок, веревку и еще всяких нужных прибамбасов. — Дальше Саня начал инструктаж: — Как стемнеет, переоденемся в одной из подворотен, поближе к цитадели. Те шмотки, что на нас теперь, спрячем. Проникаем на объект, собираем все возможные данные, за час до рассвета уходим. Дальше — по обстоятельствам.

Еще месяцок назад я бы воспринял подобную перспективу как увлекательное приключение плечом к плечу с надежным другом, который прикроет и выручит в случае чего. Сегодня же, сытый по горло передрягами на Поляне, организм буквально требовал забить на все, остаться в кабаке и оттянуться вдребезги. Однако перспективное мышление подсказывало, что все дела в Линкосе непременно следует довести до конца, иначе произойдет катастрофа, масштабная и неотвратимая. С другой стороны, некоторые сомнения по поводу ночной вылазки все же оставались, главное из которых: какого черта мы там забыли? Действительно, с чего бы нам лезть и рисковать жизнью в кишащий злыми пчелами улей? Чего интересного мы можем там узнать? Особенности национальной охраны короля и маршрут продвижения войска к фронту? Возможно, чтобы просто завалить Ванко, Шаману подобная информация не так уж необходима. Вдруг Саня без неоправданного риска неплохо справится?

Борьбу сомнений решила подсказка шестого чувства. Оно так и сказало: «Сколько уже можно ломаться? Прям как мопед! В общем, идите — не ошибетесь».

— Мне, пожалуйста, суп в калаче, мясо по-кавалерийски и творожные блинчики на десерт, — сказала фрау Гесс официанту, возникшему возле нашего столика так внезапно, словно его изображение просто включили рядом.

— Не зевай. Смотри по сторонам. Сегодня ты должен быть внимательным, — прошептало мне то же существо, только в амплуа Шамана, когда халдей удалился.

— Угу, — согласился я.

Мы решили не светиться лишний раз на улицах столицы, поэтому до глубоких сумерек проторчали в «Остром Казмадском Перце», изображая великовозрастную сударыню и ее, по моему мнению, сына, а по предложению Шамана — фаворита.

Вообще с тех пор, как я встретил Сашку на Поляне, мне показалось, что друг стал более жизнерадостным и улыбчивым, нежели на Земле. Как рукой сняло его задумчивость и флегматизм, а вместо традиционного спокойствия по любому поводу Шаман чаще стал проявлять эмоции. Если честно, такие изменения в характере друга отчего-то настораживали.

Когда за окнами стемнело достаточно, мы покинули заведение и направились в сторону цитадели. Укромное место, чтобы переодеться и спрятать шмотки, нашлось почти сразу, рядом с улицей Велеса. Это был небольшой дворик, укромно разместившийся между опустевшим к вечеру зданием городского управления и находящимся на ремонте домом элитной мебели. Тюки с обычной одеждой мы запихали в горы строительного мусора. Когда с формированием тайника было закончено, я попрыгал на носочках и сделал пару взмахов руками. Оказывается, Шаман подобрал удивительно подходящие для нашего мероприятия костюмы: в меру просторные, чтобы не цепляться за всякие выступы и углы, они были сшиты из ткани, которая практически не шелестит при движении, а главное, казалось, чудесным образом поглощает свет. Чешки тоже оказались мягкими, удобными и тихими. Даже с размерами Саня угадал, что немаловажно. Хотя мы с ним почти одинакового роста и комплекции.

Вскоре, преодолев по улице Велеса оставшуюся дистанцию, мы уже сливались со стенами площади, из центра которой торчали башни крепости. Освещение здесь оформили солидное. Огни на многочисленных фонарях, натыканных повсюду без особого разбора, плюс волшебные прожекторы, установленные на некоторых башнях с конусообразными шпилями, практически не давали возможности проскочить неприметно. К тому же с наступлением темноты по площади расхаживало намного больше патрулей, нежели днем.

Шаман с десяток минут молча прикидывал маршрут, выбирал, как лучше всего добраться до укреплений. Наконец он махнул рукой и бесшумно посеменил к цитадели, держась глубоких теней, а я старался не отставать от друга.

Все-таки Шаман здорово натаскал меня тренировками в лесу — наш путь к цитадели остался никем не замеченным. Правда, у подножия оборонительной конструкции не нашлось ни

единого темного пятнышка из-за часто установленных фонарей. Чертовы светильники торчали прямо из крепостных стен на высоте примерно двух человеческих ростов. Пригнувшись, мы остановились на единственном затененном островке метров за пятнадцать до укреплений. Шаман быстро извлек из-за пазухи бечевку, связал петлю, за пару секунд просканировал стену напротив и, прищурившись, швырнул аркан. Веревка зацепилась за выступ и натянулась, причем шла под таким углом, что ее абсолютно не было видно в темноте. Саня подал мне знак, чтобы я лез первым. Упражнение из разряда раз плюнуть, пришлось лишь обхватить струну бечевки руками и ногами, повиснуть вниз головой и карабкаться кверху. Только поначалу возникли некоторые непривычные ощущения — веревка оказалась чересчур эластичной, будто наполовину состояла из резины. Меня качало вверх-вниз, и при более слабом дуэте мозжечка с желудком я мог бы вывернуть весь ужин прямо на главную площадь столицы Казмадского королевства. Но до неприличия дело не дошло, и я благополучно добрался к цели.

Перевалившись на площадку стены, сразу пришлось метнуться в спасительную тень, где я затих и прислушался. Неподалеку раздавался гул приближающихся шагов. Через несколько секунд из угловой башни вынырнул легковооруженный стражник. Он прошел вдоль стены и остановился в считанных сантиметрах от меня, так что я даже смог отчетливо унюхать запах свежей кожи его ботинок, а также рассмотреть особенности их шнуровки. Оказывается, затаить дыхание — далеко не самое простое занятие, особенно минуты на две-три. Напряжение нарастало, казалось, вот-вот стражник услышит стук моего сердца. Однако ничего подобного не случилось: воин густо сплюнул вниз, пробормотал что-то на родном наречии и побрел дальше.

Как только его фигура скрылась в проеме другой башни, я поднялся и выглянул посмотреть, что творится на площади. Тонкая полоска веревки уходила вниз и пряталась в темноте. Через секунду она завибрировала, стала истончаться еще больше. Похоже, Сашка натягивал ее. Вдруг, веревка резко расслабилась, сократившись, и спустя несколько мгновений показался стремительно летящий в воздухе Шаман. Мой друг не долетел до края стены нескольких метров, но, перехватив на лету верхнюю часть чудо-веревки, вскоре забрался ко мне как истинный альпинист. Это ж какую силищу надо иметь, чтоб так натянуть резину? Просто невообразимо!

— По ходу, фонарь погнул, — хмыкнул Саня. — Ногами за него держался, когда веревку растягивал.

Настало время заглянуть по другую сторону ограждений. Основу сооружения за стенами составляло нагромождение из пяти башен разной высоты, соединенных между собой короткими перемычками с переходами внутри. Двускатные крыши над ними покрывала выщербленная местами глиняная черепица. Остальную территорию занимали невысокие флигели для персонала и хозяйственные постройки. Скорее всего, когда-то давно эта небольшая цитадель стала центром, вокруг которого постепенно нарастал город. Теперь же она выполняла скромную функцию городской резиденции короля, правда, очень хорошо охраняемой.

— Арсенал, — отвлек меня Шаман.

Я вопросительно глянул на друга.

— Вон там, видишь?

Саня указывал на широкий проход между двумя высокими башнями, в многочисленных окнах которого светились огни факелов и часто мелькали силуэты людей. Понятно — скорее всего, там устроила совещание правящая верхушка. Далее палец Шамана перекочевал в сторону соседней башни и поднялся на два этажа выше. Во тьме можно было различить очертания развевающегося знамени. Я лишь пожал плечами — какие тут могут быть возражения?

Сашка достал еще один моток бечевки, и через минуту между стеной и древком флага была наложена канатная дорога. По внутреннему периметру крепости освещение изрядно хромало, поэтому на фоне черного неба никто из гуляющих внизу стражников не заметил двух раскачивающихся на ветру фигур. Вскоре мы бесшумно приземлились на крышу того самого перехода, в котором проходило заседание. К выступающему коньку крыши Саня прицепил крючьями еще два конца веревок, и вскоре мы свисали между оконными проемами перехода, имея возможность подслушивать все, что происходит внутри, а также аккуратно, исподтишка подглядывать.

Помещение выглядело довольно аскетично. Голые серые стены, обшарпанный деревянный пол и отсутствие каких-либо аксессуаров делало его похожим на старый пустующий склад. Зато значительным контрастом всему окружающему служил гнущийся от яств длинный прямоугольный стол. За ним восседали статные мужи, чинно переговаривались, но отведывать блюда пока не торопились. Среди их громоздких тел отнюдь даже не выделялся размерами наш знакомый генерал Важимир-Осао, зато на фоне остальных заметен был другой персонаж. Плотный, кряжистый, приземистый, с огненно-рыжей копной волос и того же цвета пышной бородой, своим грубым лицом и внешним видом он четко ассоциировался в моем сознании с образом

свирепого варяга. Этот мужчина был одет в расшитый серебряными нитями бархатный халат на голое тело, а голову его украшала небольшая, чисто символическая золотая корона, которую он постоянно поправлял, ибо данный головной убор мог быть впору лишь новорожденному. Хоть бы прикрепил резинкой от трусов за подбородок, что ли? Восседал выделенный мною мужик во главе стола и вел себя крайне развязно. Рядом с ним столбами стояли два бойца в легких доспехах вороной стали, вооруженные короткими копьями. В ножнах воинов висели узкие длинные кинжалы, а на голове они носили черные сплошные шлемы, закрывающие всю голову, с мощными неподвижными нащечниками, наносником и высоким продольным гребнем, украшенным конским волосом, как у римлян. В общем, никаких сомнений не возникало — центральное место за столом занимал Ванко собственной персоной, окруженный личными телохранителями.

Дискуссия в трапезной тем временем плавно переходила в стадию разгара. Одновременно басили несколько человек, и понять смысл поднятой проблемы казалось невозможно. Выручил король:

— Тихо, — рявкнул он. — Оторвать всех от дел, перенести собрание из палаца в цитадель было непросто. Пусть генерал Важимир-Осао нам объяснит.

— Ваше величество, — подал голос один из присутствующих, который сидел к нам спиной, — сударь Важимир-Осао не так давно провалился. Стоит ли ему доверять?

Наш знакомый волшебник посмотрел на говорившего человека таким выразительным взглядом, что у того мгновенно сникли плечи.

— Спасибо, ваше величество, и да хранит вас Перун, — кивнул генерал правителю. — Если кто-то сомневается в моих возможностях, у него всегда есть возможность испытать их в честном поединке. Сейчас о другом. Раз уж нашим сегодняшним гостям из Мидлонии так неожиданно легко удалось со мной справиться, значит, они представляют немалую угрозу всему королевству. Найти их пока не удалось, поэтому настаиваю при завтрашнем выходе гарнизона из города обеспечить вашу безопасность по высшему разряду.

— Меня будет сопровождать личная гвардия. — Король при этом хлопнул рукой по плечу одного из своих бодигардов. — Куда уж выше? Вы все знаете: у меня отборные воины, лучшие бойцы, прошедшие десятки проверок на преданность.

— Предлагаю вместо вашей боевой колесницы использовать бронированную крытую карету, — упершись взглядом в пол, тихо

произнес Важимир-Осао.

Что тут началось! Лицо Ванко вспыхнуло и слилось по цвету с бородой и шевелюрой. Изо всех сил король треснул кулаком по столешнице, да так, что приборы с обиженным звяком подскочили на десяток сантиметров. Корона правителя свалилась на пол и в ужасе закатилась под стул.

— Что-о? — протяжно рыкнул правитель. — Ты хочешь, чтобы я прятался на глазах у своего народа? Закрылся в карете и лица наружу не высовывал? И когда? Перед самым выходом на войну! Позор для короля! Ты это мне предлагаешь? На плаху захотел, с Паляндрой познакомиться?

— Ваше величество, — по-прежнему рассматривая пол, настаивал генерал на своем. — Я нисколько не сомневаюсь, что Радзивилл подослал к вам лучших убийц. Возможно, их готовили для этого не один год. В колеснице вас могут легко достать стрелой или дротиком. Но у нас есть еще один выход! Мы убьем двух зайцев одним выстрелом… — Волшебник медленно поднимал взор, открывая окружающим лицо, полное уверенности и сосредоточенности. — Это очень рискованно, зато вы сможете с гордостью ехать по улицам Линкоса, а у нас появится возможность поймать лазутчиков!

Начальник разведки оказался превосходным оратором. Король перестал брызгать слюной и заинтересовался.

— И что вы предлагаете? — спросил он.

— Все будет, как вы хотите — марш в колеснице, окруженной личной гвардией. Только четыре волшебника будут идти рядом с разных сторон и поддерживать начарованный прозрачный щит в виде купола вокруг вас. Внутри него будут исключительно ваши воины, а снаружи никто и ничто не сможет проникнуть сквозь чары. Когда лазутчики атакуют, мы их вычислим и накроем. Я уже распорядился, чтобы завтра вдоль улиц, по которым будет идти войско, дежурили мои люди и смотрели в оба.

— Вот как, — Ванко в задумчивости теребил бороду. — Хорошо, пусть будет по-вашему! Кто из волшебников займется щитом?

— Я лично подберу троих самых ответственных и умелых. Четвертым встану сам, — ответил начальник чародейских расследований.

— Вот! Можете ведь! Такой вариант меня устраивает. Присаживайтесь, генерал. Я всегда знал, что на вас можно всецело положиться. — Барским жестом Ванко указал Важимиру-Осао на стул, затем окинул всех присутствующих ехидным взглядом, с радостью потирая руки: — Что ж, вроде все дела решили. С этими заседаниями, тонуть им у кладника, можно и

мхом покрыться! Теперь веселимся, сударь хорошие! Отведаем наконец угощений, ниспосланных нам Ярилой и Дажбогом!

Король вскочил с места, сгреб огромный бронзовый кубок в ладонь, вознес руку вверх и проорал:

— За победу! За Королевство! Да помогут нам Перун и Велес! Где, волк вас задери, моя корона?

Дружный рев был ему ответом. Один из телохранителей короля, не отрывая взгляда от кричащих шишек, быстро схватил завалившуюся под стул корону самодержца и незаметно пристроил ее обратно на голову хозяину.

Когда все дружно осушили свои кубки, началась банальная веселая гулянка, сопровождаемая оглушительными воплями и звоном посуды. Важимир-Осао тихонько пробрался к королю, они о чем-то пошептались, Ванко согласно кивнул, и генерал направился к выходу. Отпросился, видать. Пора было и нам с Шаманом честь знать, о чем ненавязчиво намекнул мне щелкнувший по макушке маленький камушек, который Саня умудрился откуда-то выковырять.

Оставив честную компанию отдыхать, мы резво вскарабкались обратно на крышу, где устроили свой совет.

— Ну что, рванем за генералом? — предложил я.

— Надо бы. Правда, ты один рванешь, а я тут останусь.

Это заявление меня слегка озадачило.

— Как останешься? Зачем?

— За шкафом! Традиционный ответ на вопрос «зачем?». Я планировал подстрелить Ванко из лука, — начал объяснять Шаман, — но теперь обстоятельства изменились. Из-за этого щита придется остаться и придумать что-нибудь более подходящее.

— Что тебе до этого щита? На нас же чары не действуют!

— На нас и, возможно, на кое-какие вещи, что с нами тактильно связаны. А находящаяся в полете стрела никак не будет со мной связана. В общем, я останусь тут и еще подумаю. Может, подкинут мне какую-нибудь подсказку. А ты крадись за этим Важимиром. — Саня начал очередной инструктаж: — Завтра следуй параллельно королевской процессии, будь на видном месте. Если генерал отправит к тому времени послание колдуну, накинь белый шарф, если нет, или ты не будешь уверен, — черный. Я увижу. Дальше. Если у тебя все пройдет гладко, дело останется за мной. Главное, что бы ни случилось, не встревай в события. Когда Ванко будет убит, следи за Важимиром. Догонишь его второго посланца Кащеру, завалишь, письмо уничтожишь. Встречаемся вечером в «Перце», если не получится — на центральной переправе через границу. Время ожидания — нелимитное. Понял?

— Так ведь… — начал было я.

— Все, нет времени. Сейчас наш генерал из цитадели выскочит — упустишь. Давай догоняй.

И я рванул к башне в раздумьях, как бы добраться до знамени с привязанной к нему бечевкой. Два этажа, как-никак.

Похоже, Шаман взялся за ликвидацию короля серьезно. Даже бразды управления операцией на себя перекинул — еще с тех пор, как мы встретились в кабаке. С другой стороны, глобальное стратегическое решение придумал именно я, а уже тактическими ходами рулить, бесспорно, лучше всего Сашке.

Теперь же предстояло действовать одному, без прикрытия Шамана. От осознания этого факта ощущение уверенности щедро разбавилось нехорошими предчувствиями. Пришлось подбадривать себя самовнушениями типа: «Да я и один крут, как хорек в курятнике! За время, проведенное на Поляне, я стал ветераном всего, чего только возможно! Где мне только не довелось побывать, и навидаться тоже всякого пришлось, так что страху в душе не место!» Подобный психотренинг подействовал плодотворно: по ходу, у меня созрел план, одним из преимуществ которого являлось отсутствие необходимости карабкаться на высоту двух этажей к закрепленной канатной дороге. Вместо этого я съехал вниз по скату крыши перехода там, где он практически граничил с башней. Остановился на краю, глянул вниз. Расстояние до земли оказалось приличным. В окнах подо мной свет не горел, значит, помещение, где пьянствовало начальство, занимало не всю длину перехода. Я соскочил с крыши, в полете схватился за подоконник, подтянулся и заглянул внутрь — тьма кромешная. Прислушался.… По правой стороне из-за стены доносился монотонный гул веселья королевской вечеринки, но некий звук периодически вмешивался в приглушенные крики гуляк. Кажется, где-то возле стены напротив раздавалось тихое сопение. Размеренная частота вдохов источника этого звука наводила на мысль, что кто-то из обитателей цитадели сладко дрыхнет, усыпленный соседями. Выяснять, так ли это, времени не было.

Я проник внутрь помещения, подождал несколько секунд, пока глаза привыкали к темноте, и сразу направился к двери в башню: едва смог ее разглядеть. Во мраке удалось различить две кровати, стоящие вдоль стен перехода. На одной из них, напротив места, откуда я пролез в комнату, равномерно вздымалась чья-то грудь. Неудержимо потянуло рявкнуть нечто наподобие: «Подъем, бродяга!» Но я справился с хулиганским порывом. Вместо этого начал аккуратно прокрадываться к выходу, стараясь не зацепить ничего из утвари. Едва я взялся за ручку двери, надеясь, что она

не скрипит, как по ту сторону послышались приближающиеся шаги. Пришлось спешно прижаться к стене сбоку. Вскоре зычно крякнули завесы, и дверь настежь распахнулась, полностью прикрыв меня. На полу появилась полоса льющегося из башни света с очертаниями тени стоявшего в проходе мужика. И вновь сердце пустилось в пляс.

— Рылим, как ты заснуть умудрился, когда за стеной такая попойка? — громко спросил вошедший.

Человек на кровати повернулся, вздохнул и пробормотал в полусне:

— Выпил кувшин вина — и сплю как человек. Ты только свет не зажигай.

За спиной у вошедшего можно было проскочить! Главное, чтобы стражники не заметили тени на полу, когда юркну отсюда!

— Ого! — радостно воскликнул ночной посетитель. — А еще винишко есть?

Он устремился рыскать вокруг кровати спящего, пока, наконец, не залез под нее с головой. Мне удалось всецело воспользоваться этим выдающимся шансом — в три длинных шага я очутился за пределами комнаты, и лишь радостный вскрик «Есть!» догнал меня в спину. Мужик все-таки нашел себе снотворное.

На хорошо освещенной винтовой лестнице, шедшей вниз, мне, по счастью, никто не встретился. Выскочив на внутренний двор крепости, я быстро сориентировался. Вот — стражники, вон там — фонари, а вот и модная карета Важимира-Осао. Благо, стоит неподалеку, среди множества остальных. Кучера сгрудились рядом со стоянкой и что-то увлеченно обсуждали, ожидая хозяев. Долго же вам, ребятушки, придется здесь тусоваться. Всем, кроме одного.

Держась теней, я незаметно перебежал к парковке, тихо взобрался на крышу экипажа генерала и распластался на ней. Даже лошади ничего не приметили. Уф, успел! Можно даже немного собой гордиться. Вот бы еще Арлете рассказать…

Ждать хозяина кареты пришлось недолго. Первым его, как ни странно, заметил кучер и стремглав бросился ко вверенному транспорту. Следом и я разглядел приближающуюся со стороны одной из башен массивную фигуру волшебника. Пришлось изо всех сил вжаться в карету. По мере приближения Важимира-Осао к своей повозке до меня стало доноситься его еле слышное бормотание:

— …Что за глупостями приходится заниматься: вбивать в голову болвану, будто ему нужна охрана, организовать все так, чтобы волосок не упал с его царственной башки. И все для чего?

Чтобы через недельку-другую его разорвали на части. Ох, быстрей бы все закончилось…

В последнем предложении я был всецело солидарен с генералом, только исхода ожидал в свою пользу. Важимир-Осао тем временем приказал кучеру ехать аккуратно, забрался в карету и осветил окружающее пространство чарами. При этом выяснилось, что у экипажа волшебника имеется такой модный наворот, как стеклянный люк, на котором я, между прочим, разлегся всем пузом. Пришлось шустро сдвинуться в сторону. Внутри карета была обита материалом глубокого синего цвета, напоминавшим замшу. Впереди и сзади располагались уютные мягкие диванчики, а посредине между ними стоял круглый деревянный столик, на котором ютилась металлическая шкатулка средних размеров. Генерал споро ковырялся в ней маленьким ключиком, когда экипаж двинулся. Я бросил последний взгляд на башни крепости и заметил в одном из освещенных окон темный силуэт, оттопыривавший мне большой палец. Уже через мгновение в проеме никого не было. Что ж, Шаман умеет подбодрить.

Карета тихо катилась по пустующим улицам Линкоса, а я все высматривал, чем занимается Важимир-Осао. Генерал наконец-таки открыл шкатулку, извлек оттуда чистый лист бумаги и положил перед собой. Затем он достал волшебный шар, черпанул оттуда жезлом чар и принялся писать им письмо, пользуясь как пером. Столик находился прямо подо мной, карета ехала не спеша, едва качаясь на рессорах, генерал писал размашисто, большими волшебными буквами, так что мое зрение — твердая единица — позволило без проблем прочесть послание. Содержание было таким:

«Ваше могущество, завтра король Ванко выдвигается с войском в сторону границы Мидлонского княжества. Имею все основания предполагать, что война развяжется, как вы и хотели, в течение следующей седмицы. Скоро свершится то, к чему все мы так стремимся! Надеюсь на вашу благосклонность. Важимир-Осао». Дата, волшебная клякса вместо подписи — готово. Далее письмо перекочевало в широкий конверт, на который волшебник наложил несколько рисунков чарами после того, как заклеил.

Мне откровенно не верилось в то, как все гладко шло. Слишком гладко, что наводило на мысли о черно-белой расцветке жизни любого существа. Ведь если сегодня во всех начинаниях несусветно прет, значит, завтра судьба может абсолютно справедливо стребовать должок, и тогда возникает желание, чтобы следующий день попросту никогда не начинался. Может, я и углубился в беспросветный и неуместный пессимизм, но

слишком большие ставки стояли на кону.

Через четверть часа карета генерала подъехала к огромному особняку, ворота ограды с тихим шелестом отворились, и экипаж покатился вдоль густой аллеи на внутренний дворик. Расторопный слуга уже дежурил там и немедленно открыл хозяину дверцу. Важимир-Осао тут же всучил ему конверт и приказал:

— К Вескеру, доставить вирнику, все как обычно. Отправляйся сейчас же. Времени зря не теряй.

— Будет исполнено, ваше могущество. — Слуга быстро поклонился и припустил прочь.

Волшебник посмотрел ему вслед, тяжело вздохнул и вновь продолжил тихую беседу с самим собой, начатую еще в крепости:

— Не рано ли? — усомнился в своем распоряжении генерал и нервно сжал кулаки. — Раздери меня леший, когда же в таком случае все успеть? Как бы еще нашего тирана завтра клинком не достали! Не доведи Перун!

Генерал устало побрел в сторону дома. Мне же надо было в другую сторону — дело сделано. Приподняв голову, я осмотрелся по сторонам, прислушался — вроде все спокойно. Плавно, как желе, я перетек на землю, опять осмотрелся и шмыгнул в ближайшие кусты.

Пробраться к выходу оказалось не так просто — на самом деле далеко не все обитатели особняка предпочитали ночью спать. Некоторые из них разгуливали по территории с фонарями, другие бродили во тьме без осветительных приборов, а пара встреченных мною человек вообще сидела в засадах, высматривая непрошенных гостей. Но я справился и вскоре, никем не замеченный, перебрался через ограду на улицу, где, наконец, сдернул с себя черную маску. Эту ночь я не забуду никогда в жизни, потому что на несколько часов мне пришлось стать настоящим ниндзя, крадущимся! Надо же! Обязательно расскажу Арлете, когда помиримся.

В ближайшей подворотне мне пришлось проторчать еще несколько минут, прежде чем из ворот верхом на лошади выскочил тот самый слуга, что получил конверт с письмом. Все, осталось лишь найти улицу Велеса, отыскать подворотню, где мы спрятали обычную одежду, сменить костюм и прикупить белый шарф. Ах, да — выспаться тоже не помешало бы.

Глава четырнадцатая, убийственная

На следующий день узнать центральные улицы Линкоса было проблематично. Провожать правителя в бой вышли все жители города, и судя по тому, что мне краем уха удалось услышать из местных сплетен, горожане пришли далеко не для того, чтобы поддержать Ванко. В основном народ собрался поглазеть на парад, заодно и отпраздновать. Тут значение повода не столь важно, была бы непосредственно причина, тем более что король объявил этот день официальным выходным. Тем дельцам, которые сегодня могли осмелиться отправить пролетариат на работу, грозила ни много ни мало смертная казнь.

Лично для меня с давних пор, еще до попадания на Поляну, День города перестал быть каким-то выдающимся и экстраординарным событием, поэтому подобные скопления людей лишь действуют мне на нервы. А ежели еще и дождь зарядит — все радости мероприятия вообще становятся сомнительными. Плюс ко всему сегодня мне предстояло полгорода продираться сквозь толпу людей, чтобы Шаман, где бы он ни был, заметил мой белый шарф. Кстати, выбор шарфа в качестве опознавательного знака был очень удачен: ни одному идиоту в такую жару не пришло в голову обматывать чем-либо себе шею.

Обливаясь потом, я с самого раннего утра стоически выжидал, когда из цитадели появится процессия. Борьба с палящим солнцем начала казаться бесперспективной, когда ближе к полудню ворота крепости наконец отворились. Первыми показались пехотинцы, как две капли воды похожие на двоих вчерашних охранников, стоявших подле короля. Высокие, атлетического телосложения, увешанные черными пластинами доспехов, в шлемах с ирокезами, так смахивающих на головные уборы легионеров Древнего Рима, воины своим появлением вызвали бешеный рев восторга у публики. У меня же их вид породил лишь сочувствие: по такой жаре, да обернувшись в черный металл, топать целый день — самоубийство! Больше всего не повезло знаменосцам, так как им предстояло попотеть особенно, разгоняя птиц и мух развевающимися флагами Казмадского королевства.

Бойцы шли шеренгами по пятнадцать человек, их вереница уже протянулась через всю площадь, прежде чем из ворот следом вышла кавалерия. Всадники амуницией ничем не отличались от пехотинцев, их черные латы так же отсвечивали ослепительными бликами на солнце.

Вскоре ярким пятном в темном море появились два белых скакуна, впряженных в позолоченную колесницу. Толпа вновь взорвалась овациями, ибо на колеснице восседал сам король Ванко, в таких же доспехах, что и гвардейцы, только благородного цвета «серебристый металлик». В одной руке правитель держал поводья, а второй придерживал шлем в подмышке. Кроме двух синих мешков под глазами, ничто не могло намекнуть народу, чем занимался ночью их лидер. Волшебники-визажисты поработали на славу.

Повозка самодержца ехала в самом центре конных рядов. Среди всадников, ехавших рядом с королем, отчетливо выделялась четверка чародеев, окружавшая колесницу. Кудесники с сосредоточенными лицами держали жезлы наперевес и вели тщательное наблюдение за всем окружающим. Лицо Важимира-Осао выглядело весьма обеспокоенным, будто генерал что-то предчувствовал.

Процессию замыкали вновь шеренги пехоты. И как вообще все это войско смогло уместиться на небольшой территории внутри крепости? Глядя на шествующих мимо серьезных бойцов, я отчего-то вспомнил отряд новобранцев во внутреннем дворе княжеского дворца в Гладе и усмехнулся. А найдутся ли у Радзивилла элитные подразделения, способные противостоять королевской гвардии?

Однако пора было следовать за маршем — колесница с Ванко почти поравнялась со мной. Где же Шаман? Куда бы забраться, чтобы он меня наверняка заметил? Как объяснить другу, что послание отправлено и он может с полной уверенностью мочить казмадского короля? Пришлось ломиться сквозь человеческие массы, периодически запрыгивая на лавки, клумбы и высокие бордюры, лишь бы хоть ненадолго выделиться из толпы, стать заметней.

Таким образом я продирался с полчаса и уже изрядно выдохся, когда вдруг приметил бесхозно пустующие строительные леса, возведенные вокруг растущего невдалеке здания. Туда я и рванул из последних сил, обогнув густую толпу местных жителей на одном из перекрестков. Уже через несколько минут я восседал на третьем ярусе лесов, а войсковой авангард лишь подтягивался к этому месту. Мою одинокую фигуру на такой высоте рассмотреть было даже проще, чем самого короля, поэтому появилось несколько лишних минут, чтобы отдышаться, никуда не протискиваясь.

Когда спустя некоторое время колесница Ванко поравнялась со строящимся зданием, я уныло вздохнул и собрался было спускаться вниз — выискивать очередное видное место. Либо

Шаман меня в упор не видел, либо чего-то ждал. А может, организовал засаду где-нибудь на самом выходе из города, что с его стороны было бы весьма гнусно и непростительно!

Пожалуй, мне очень повезло с дислокацией, потому что все происходившее далее я видел как на ладони. Спуститься-то не успел. Сперва в сторону короля из окна противоположного дома полетела стрела! По известным причинам цели она достичь не смогла. Снаряд отскочил от воздуха, по которому пошла волна искажений, обозначив конфигурацию защитного купола. Толпа разом вздохнула. Я уже успел обвинить Шамана в скудоумии вкупе с полным отсутствием изобретательности — будто не знал про щит, — как вдруг с другой стороны улицы была пущена еще одна стрела, а из толпы вылетел дротик. Эти снаряды цели тоже не достигли. Но Сашка не может одновременно атаковать с трех разных позиций!

Гвалт в народе поднимался по нарастающей и вскоре достиг невообразимых частот. Абсолютно невозможно было понять, что кричал беснующийся король, какие приказы раздавал взволнованный Важимир-Осао. Зато мне удалось разглядеть нападавших: из дома напротив натягивал тетиву лука Прут, снизу дротиками швырялся Черпак, а из арбалета по королю поливал Дрозд, устроивший засаду в соседнем здании. Когда только успели в Линкос приехать? Надеюсь, догадались вернуть Живые доспехи на родину? Кстати, раз уж эта неразлучная троица бойцов здесь, то и Атом обязан быть где-то неподалеку. Я не ошибся: сжимая в руках два кинжала, поручик готовился к прыжку с балкона одного из домов прямо в гущу кавалеристов, чтобы добраться до Ванко. В ужасе я наблюдал за полным решимости лицом лучшего бойца Мидлонского княжества! Смерть Атома от десятков неприятельских лезвий казалась неминуемой. Вдруг с противоположного конца улицы навесом прилетел огромный синий сгусток чар и врезался в энергетический щит. Стенки купола пошли рябью, но в том месте, куда угодил шар, было гладко. Похоже, какой-то нехилый чародей пробил в нем брешь, и, судя по знакомому цвету заряда, это был Скокс. Атом не преминул воспользоваться образовавшимся окном и сиганул вниз, но Важимир-Осао заметил его бросок. Резкий взмах палочкой — и купол восстановил свою целостность, а поручику не хватило десятка сантиметров, чтобы проникнуть внутрь. Атом соскользнул по воздуху на землю, где его уже поджидали королевские воины. Отряд поручика попал в ловушку, которая предназначалась для нас с Шаманом! Я видел, что шансов избежать смерти или плена у ребят практически нет! Прут уже не вылезал из окна, которое подверглось плотному

обстрелу, а в дом, где он устроил засаду, тем временем вбегали вооруженные люди. Та же участь досталась Дрозду. Черпак умело маневрировал в толпе, продолжая швырять дротики в сторону короля, но сверху отлично было видно, как сквозь людскую массу к нему пробираются бойцы, охватывая в кольцо. Атом уже вступил в схватку с элитными казмадскими воинами, но силы были неравны. Одновременно человек семь набросились на поручика, стараясь окружить. Единственный, у кого имелся шанс уйти, — это Скокс, но в том месте, откуда прилетел его волшебный шар, вовсю гремели чары, освещая вспышками стены соседних домов.

У отряда не было иного варианта, кроме как героически погибнуть, так и не выполнив задания. Сдаваться они точно не станут. Ребятам оставалось лишь прихватить с собой как можно больше вражеских жизней. Да и не были схватившиеся бойцы друг другу врагами. Настоящий виновник этой вражды теперь ехал в позолоченной колеснице, а второй сидел на троне где-то в Гладе. Именно эти деспоты натравливали друг на друга своих лучших людей, из-за них вынуждены были погибнуть выдающиеся воины, которые при других обстоятельствах могли жить в мире друг с другом. Обреченных мидлонских бойцов было жалко по-человечески, несмотря даже на их слепое подчинение княжеским указам и предательскую трусость тогда, возле склепа с Живыми доспехами. Общее дело и схватка спиной к спине на холме, когда мы притворялись артистами цирка, крепко сплотили нас. А теперь мои соратники вынуждены были погибнуть прямо у меня на глазах. Как Радзивилл мог догадаться отдать такой приказ? Организовать покушение на убийство казмадского короля без предварительной подготовки — что за глупость! Он просто послал их на смерть и прекрасно знал об этом! Я не заметил, как, с силой впившиеся в железные поручни, мои руки гнут металл. Неужели это была та самая расплата судьбы за вчерашнее непрерывное везение при вылазке в цитадель? Хотелось плюнуть на все, спрыгнуть вниз, вступить в схватку, помочь товарищам, но этого никак нельзя было делать.

Взгляд мой метнулся к треклятому королю. Во время возникшей сумятицы всеобщее внимание было прочно приковано к убийцам, а не к нему, и зря! Ванко подпрыгивал на своей колеснице, что-то кричал, увлеченно махал руками, а у него за спиной возвышалась мрачная фигура одного из воинов гвардии. Боец сжимал в руке обнаженный кинжал. Через мгновение солдат схватил правителя за плечо и резко вонзил ему клинок меж лопаток. Ванко неспешно, словно не веря, опустил взгляд вниз, с удивлением посмотрел на торчащий из груди окровавленный

кончик лезвия, медленно сглотнул и, разинув от ужаса рот, дико заверещал. Король орал так, что перекрывал даже вопли толпы. Когда горожане увидели, что произошло с их правителем, по улице прошел приглушенный вздох, но вскоре вновь начали раздаваться крики, сливаясь в один общий невообразимый гам. Король испустил дух быстро, почти не мучился. Ванко рухнул на колени, завалился набок и свалился с колесницы. Воин-убийца соскочил на землю следом и, молниеносными движениями поражая всех, кто пытался вступить с ним в схватку, ринулся в сторону, где казмадские бойцы теснили Атома. В том, что под маской королевского солдата скрывался сам Шаман, у меня не возникало никаких сомнений. Надо же, внедрился в ряды! Но восхищаться пронырливостью друга не было времени. Последний штрих оставался за мной.

Первое время Важимир-Осао, как и все, был ошарашен смертью Ванко, но генерал пришел в себя намного быстрее остальных. Он швырнул пару зарядов по ускользавшему из рук преследователей Шаману, и когда понял, что эта затея безрезультатна, бросился вон из толпы. Теперь у волшебника появился совсем иной приоритет — предупредить Кащера, что король убит и войны, скорее всего, не будет. Несомненно, все те важные шишки, что вчера вечером дружно чокались бокалами на пирушке у самодержца, сегодня с таким же удовольствием будут рвать друг другу глотки в битве за власть. Тут уж генералу стало не до вылавливания убийц и справедливого наказания. Оставив обозрение действа на кипящей событиями улице историкам, я сверзился с облюбованных лесов и пустился вслед за генералом.

Важимир-Осао мчался по улицам Линкоса без оглядки, поэтому следовать за ним труда не составляло: лишь бы не отстать. Вопли толпы за спиной становились все тише. О судьбе оставшихся позади ребят я старался не думать. Чтобы их жертва не оказалась напрасной, мне просто необходимо было четко и твердо завершить задуманное.

Улицы Линкоса, несмотря на всенародное столпотворение по ходу процессии, отнюдь не пустовали. Оказывается, иные столичные граждане в этот день отыскали для себя более важные занятия, нежели сопровождение преданными глазами короля на фронт. Если бы они только знали, какое легендарное событие пропустили! Большинство прохожих еще даже не догадывались о том, что правителя у них больше нет. Хотя по бешеному виду некоторых горожан, со всех ног спешащих в сторону, где бушевала толпа, можно было догадаться — им уже многое известно. В очередной раз я подивился вездесущести и скорости такого эфемерного вещества, как информация. Мы с генералом

вроде как покинули основное место событий самыми первыми, я при этом всю дорогу молчал, и волшебник, собственно говоря, тоже не вопил словно глашатай. Откуда в таком случае народу знать, что их кормильца и благодетеля пришили? Чудеса!

Начальник чародейских расследований спешил к себе домой. Это стало ясно, когда на пути стали попадаться знакомые участки улиц, что запомнились еще ночью на крыше кареты или по пути обратно. Догадаться, зачем он туда торопится, было несложно, вопрос возник иной: как мне догонять очередного посланца, который как пить дать будет оснащен лошадью под седалищем? Соревноваться с конем в скорости и выносливости — дело неблагодарное. Об этом, конечно, я задумывался и раньше, даже успел прошвырнуться ранним утром по близлежащим к цитадели кварталам в поисках проката хоть какого-нибудь транспорта, но ничего подобного не нашел. Да и соцопрос многочисленных прохожих тоже вразумительных решений не подсказал. Лошадей в Линкосе можно было лишь купить, и то по заоблачным ценам, которые никак не сопоставлялись даже с той конфискованной суммой, что Важимир-Осао брал с собой на карманные расходы вчера днем. С другой стороны, чинуши нашего мира, наверное, тоже не всегда таскают на кармане запас, чтобы в случае чего срочно прикупить машину. В общем, я прикидывал, что проще будет решить проблему по ходу.

И вот ход событий набирал обороты, а проблема все никак не решалась! Генерал уже минут пять как скрылся за воротами своего поместья. Я не рискнул в солнечную погоду и без экипировки сунуться вслед за ним — вряд ли в светлое время суток на территории особняка охрана менее бдительна. Пришлось торчать у близлежащего перекрестка, выглядывать из-за угла, ожидая гонца, и лихорадочно изобретать всякий неосуществимый бред вроде попытки сколотить самокат на скорую руку.

Времени принять гениальное решение оставалось все меньше, вот уже распахнулись ворота, из них галопом вылетел всадник — совсем еще молоденький паренек — и помчался в сторону перекрестка, на котором я занял позицию. Из-под картуза посыльного на скаку выбился длинный черный локон и принялся непослушно развеваться на ветру, а при ближайшем рассмотрении у мальчика стали заметны некие поступательные колебания в районе груди. Позвольте, да какой же это мальчик? На рандеву с водяным скакала форменная леди, причем вполне миловидная! Неужто Важимиру-Осао к нечистому даже послать было некого, кроме девчушки? Может, лучше сам бы поехал, чего там? С другой стороны, после недавнего инцидента дел у генерала в столице, небось, вообще завались, да таких, что уж

точно никому кроме себя не доверишь.

Зато у меня одной проблемой стало меньше — я твердо решил не убивать гонца. И так не очень хотелось, а когда выяснилось, что посыльный — девушка, сомнения вовсе улетучились. Не буду же я ни в чем не повинную, совсем еще молоденькую девчонку жизни лишать! Правда, остальные вопросы никуда не делись: как догнать посланницу и отобрать у нее письмо, да так, чтобы потом не наябедничала волшебнику?

Всадница уже скрылась за поворотом, а я бегом бросился за ней, ломая голову над тем, что делать дальше. Часть сгрудившихся невзгод решил конный экипаж, нагонявший меня сзади. Вообще-то сначала меня настиг стойкий запах перегара, а уж потом сама повозка. В ней базировался плотный мужичок средних лет, по-видимому, купец, косой от вина, как заяц. Он донельзя противным голосом повизгивал на возницу:

— Подбавь-ка жару, извозчик! Побыстрей давай, раздери тебя волки! Праздник сегодня!

Извозчик?! Так тут, оказывается, еще извозчики функционируют? А обозначать себя как-нибудь не пробовали? Шашечками, например? Шастают они тут втихую, без рекламы!

Я пулей вскочил на повозку, схватил за шиворот нетрезвого пассажира, встряхнул для ясности намерений и заорал ему в ухо:

— Ты что же это, забери тебя Паляндра, праздновать собрался? Неужто, собака, смерть короля нашего отмечаешь, а? Может, денег на это убивцам отвалил? Отвечать!

Возница остановил экипаж, развернулся и смотрел на меня удивленными глазами. Купец диаметром шаров ничем не уступал извозчику.

— Ваше высокоблагородие, — залебезил пассажир, попеременно прерываясь на икоту. — Так я ж по незнанию! Ик! А что, погиб уж на войне наш Ванко? Так скоро? Ведь только сегодня… Ик! Со дворца уехал. Не знал я, ваше высокоблагородие!

— Ладно, поверю на первый раз, — смягчился я, раздобренный тем, что выпала честь ненадолго побыть высокоблагородием. — Времени с тобой возиться нет. Ну-ка марш скорбеть!

Мужик, послушно кивая, мигом покинул транспорт.

— А мы с тобой должны догнать государственного преступника, — обратился я к вознице. — Скачи короткой дорогой на Вескер. Он там будет. Давай, поторапливайся!

Извозчик обратил ко мне полное трагизма лицо:

— Ваше высокоблагородие…

— Заплачу сполна! — прервал я печальную тираду таксиста о

матери-старушке и семерых детях.

От этих слов кучер воссиял и с воплем «Н-но-о-о!» припустил на запад.

Девушку-гонца мы не нагнали ни в городе, ни на выезде. След ее будто испарился. Вот ведь шустрая бестия! Нам оставалось лишь двигаться по направлению к главной реке Поляны, надеясь, что барышня где-нибудь замедлит ход. На свои силы, вернее, на силы извозчичьей лошадки рассчитывать не стоило. Слишком она была стара, да и повозка с двумя среднегабаритными пассажирами скорости не прибавляла.

Таким образом, наш обоз колесил уже два дня, но никаких признаков женственного посыльного на горизонте не появлялось. Сей факт приводил меня в крайнюю степень уныния. Извозчик тоже оптимизмом не светился, так как, скорее всего, имел подозрения, будто попутчик с ним расплачиваться не очень-то намеревается. Ко всем несчастьям вдобавок резко изменилась погода. Небо еще на первый день пути заволокло тяжелыми облаками, а вторые сутки беспрерывно поливал дождь.

К вечеру я был мрачнее туч, накрывавших окрестности. Извозчик укутался в непромокаемый плащ, а для меня в повозке ничего подобного не нашлось. Отбирать у возницы одежду не позволяла совесть. Наша лошадка настолько неспешно месила копытами грязь, что, казалось, прибыть в нужное место пешком, на своих двоих, было бы намного быстрее. Знать бы только дорогу. Пробирающая до дрожи сырость вздернула уровень дискомфорта выше всех зашкаливающих показателей. Терпеть прилипшие к телу мокрые тряпки, еще вчера бывшие приличным костюмом, и утирать постоянно заливающие лицо струи дождя становилось просто невыносимо. Про ледяной бриз, способный гнать любой парусник со скоростью узлов эдак пятьдесят в час, вообще молчу. Нахохлившись, как злобный пингвин, я с грозным видом восседал на кресле экипажа. Внутри меня все трепетало от ужаса при одной мысли о том, что вторую ночь подряд придется проводить под открытым небом, устроившись на дне повозки. В прошлый раз хотя бы костер удалось развести, но теперь надежды отогреться у огня практически не было, если, конечно, мой возница не скрытый волшебник. Нет, чародеем он, само собой, не был, да и топограф из мужичка оказался никудышный — ни одной близлежащей деревеньки, где можно было бы скоротать ночку хотя бы под крышей хлева, он не знал. Вот мы и колесили, не встретив за два дня пути ни одной живой души. Мертвой тоже. Как извозчик умудрился обогнуть все прилежащие к столице населенные пункты — ума не приложу!

— Долго еще до Вескера? — поинтересовался я, правда,

только чтобы разбавить молчание, так как за весь день этим вопросом изрядно достал провожатого.

Мужичок нервно вздохнул, но, как всегда, ответил вежливо и четко:

— Будем к утру, ваше высокоблагородие.

Дожить бы еще до этого утра, но главное — найти посланницу. А вдруг она уже передала письмо водяному? Тогда покатятся псу под хвост все мои активные телодвижения за последние недели. Вся массированная деятельность княжеской бригады по выманиванию Кащера из леса провалится, едва колдун прочтет письмо. И тяжесть этого фиаско всецело можно будет примерять на свои плечи из-за того, что не до конца продумал финальный этап казмадского плана. Но самым главным и печальным для меня являлось то унылое обстоятельство, что при подобном раскладе потеря любимой девушки окажется абсолютно напрасной, ничем не оправданной!

Когда землю начали незаметно укутывать сумерки, вдалеке стали виднеться маленькие всполохи огней. До ушей донеслось лошадиное ржание. Наша понуро вышагивающая кляча подняла морду и навострила уши. Неужели наконец-то люди? Лишний раз объяснять извозчику, что делать, не пришлось: он сам все прекрасно понял и направил экипаж в сторону огней. Никак, постоялый двор на горизонте маячит? Через десяток минут мой провожатый уже парковал повозку возле покосившейся деревянной конюшни, а я широкими шагами несся к не менее подточенной годами придорожной таверне.

Внутри помещения было тепло и немноголюдно. Тихая компания из трех мужичков, увлеченно поглощавших ужин, сидела неподалеку от входа. Мрачного вида старик, прихлебывающий что-то у барной стойки, постоянно шевелил беззубой челюстью. Массовости добавлял сам бармен, скучающим видом оглядывающий меня, да чья-то субтильная фигура, едва различимая в дальнем темном углу помещения, — вот и все посетители, радовавшие хозяина своим появлением в этот вечер. Пылающий камин, встроенный в стену по левой стороне, огненным жаром так и манил к себе. «Высушу и обогрею», — говорил он промокшему путнику. Туда я и направился целеустремленной походкой зомби. Когда приблизился к желанному пламени, мой взор ненароком скользнул по тому посетителю, что прятался в тени. Это так, для порядку, чтоб уж всех поздних гостей заведения знать в лицо.

Ну и кого я там увидел, подумать только? Мою ненаглядную посланницу генерала Важимира-Осао! Вот так неожиданность! Вот так удача! Как же зачесались руки забыть в течение получаса

про свой принцип не бить женщин! После всех невзгод и лишений в дороге идея пришибить эту мартышку казалась самой трезвой и справедливой. Важно было лишь выяснить, передала она письмо водяному или нет. На самом деле устал я уже выслеживать, высматривать, вынюхивать и вытворять прочие шпионские штуковины, поэтому твердым шагом двинулся к девушке, чтобы напрямую обо всем спросить. Ну, не совсем напрямую, конечно…

Спокойно и уверенно я приблизился к столу, который занимала дама, вальяжно расселся на стуле, взъерошил мокрые волосы. Девчонка подняла на меня свой взгляд, который оказался на удивление понурым и жалостным. По всему было заметно, что посыльная находилась в крайней степени отчаяния. Ручонки ее теребили небольшую глиняную кружку с ароматным содержимым.

— Надеюсь, сударыня не будет против? — осведомился я.

— Как вы узнали? — вдруг испугалась девушка.

Ах, да, точно, она же так старательно маскировалась под юношу, а я и запамятовал.

— От моего опытного взгляда ускользнуть непросто. — Надеюсь, такое объяснение устроит девчонку.

— Да? — Девушка в растерянности отвела глаза, поставила кружку на стол, но вскоре снова схватила ее в руки. — Что же вам от меня нужно?

Я с улыбкой откинулся на спинку стула, доброжелательным жестом выставил вперед ладони.

— Поверьте, ничего особенного. Просто за время своих путешествий соскучился по хорошим собеседникам. Как видите, судари за столиком у выхода слишком поглощены трапезой, кроме утробного мычания из них сейчас вряд ли можно чего-нибудь добиться. Сомневаюсь, что старик возле стойки сможет рассказать мне что-нибудь более интересное, нежели захватывающая история о том, как он потерял все зубы. Плюс ко всему этот дедок имеет слегка озлобленное выражение лица, надо полагать, из черной зависти к окружающим, имеющим полноценную челюсть. Я долго колебался между вами и трактирщиком. Но знаете, эти халдеи под завязку набиты самыми разными историями путников. Никогда не дадут и слова вставить. А вы, как я вижу, слушать умеете, и рассказать, не сомневаюсь, найдете что.

— С чего вы взяли, будто мне есть что рассказать? — барышня смотрела с подозрением.

— Я же говорю: взгляд у меня опытный.

— И чем же вы промышляете, что в таком вполне молодом возрасте уже взгляд наметать успели? — В глазах девушки

загорелись искорки любопытства.

— О! — Я заговорщицки подмигнул собеседнице, наклонился ближе, чтобы создать ареол тайны и шепотом произнес: — Я — наемный убийца нечисти.

Сказанное однозначно произвело впечатление, — видно было по взметнувшимся бровям барышни.

— Вы что, на самом деле убиваете чудовищ?

— А как же! В основном — да, убиваю. Правда, периодически заказы бывают крайне странными, не на истребление. Несколько раз были поручения ограбить кладников, один чародей хотел скальп живой лихоманки, как-то даже просили передать письмо пачваре. Всяко бывало. Я за годы охоты теперь об этих тварях почти все знаю.

— А зачем заказчикам нужны были все эти странные поручения? — интересовалась девчонка.

— Без понятия! Никогда не интересуюсь у клиентов, что и зачем, — таково мое основное правило!

На лице девушки читалось восхищение, удивление, капля недоверия, но самой основной эмоцией, которую она выражала, была надежда. Это наводило на определенные мысли. Состоянием барышни просто необходимо было воспользоваться, однако торопить события, пожалуй, не стоило.

Я заказал сытный ужин и вина побольше. За трапезой рассказывал небылицы, сочиненные на ходу, в которых старался изобразить себя этаким рыцарем без страха и упрека, даме при этом щедро подливал хмельного. Все это время было заметно, как она боролась с внутренними разногласиями, все порывалась мне что-то сказать, но никак не решалась. Наконец алкоголь сделал свое дело. Девушка, которую, кстати, звали Маврией, разоткровенничалась:

— Не знаю, как относиться ко всему этому. Наверное, сам Перун сложил судьбу так, что мы сегодня встретились. Я хочу попросить у тебя помощи. — Язык дамы перемещался с трудом. — Я попала в беду. Ты ведь сможешь мне помочь?

— Конечно! — уверил я девушку.

— И главное, ты же не станешь задавать всякие вопросы, что да как, правда?

— Я уже говорил, это — мое основное правило.

— Ты такой ми-илы-ый, — протянула с улыбкой Маврия. — Так вот. Мой начальник послал меня сюда передать одному человеку письмо, а тот должен отнести его вирнику. Не спрашивай зачем, да я и сама не знаю. Там у них появились какие-то проблемы, но мне ничего не рассказывали. В общем, начальник сказал: если я не встречу посыльного в этой таверне,

значит, сама должна отнести письмо. Скорее всего, мы с ним разминулись, и теперь все-таки мне придется отнести послание вирнику. А я до ужаса боюсь туда идти! Как представлю эту тварь! Вдруг он затащит меня в воду? Я ведь даже плавать не умею! Мне очень нужна твоя помощь!

Упоминание о нечистом немного разбавило хмель в голове девушки, она смотрела на меня с мольбой. Вот оно как все повернулось! Есть-таки в жизни справедливость! Еще далеко не все потеряно, можно даже сказать — надежда брезжит на горизонте алым рассветом!

— Нет ничего проще, — тут же обрадовал я собеседницу. — Только мне нужен специальный рог, иначе вирника не вызвать.

Вовремя вспомнились данные по привлечению внимания водяных, оброненные генералом, когда мы с Шаманом пытали его в Линкосе.

— Есть! — выпалила Маврия. — Есть у меня рог, начальник дал с собой!

Барышня принялась копошиться в своей дорожной сумке и вскоре извлекла закрученную одним витком серую костяную дудку небольших размеров.

— Позволь-ка, — я выхватил инструмент из ее рук и начал делать вид, будто тщательно его изучаю. — Действительно, так и есть. Он самый. Что ж, никаких проблем не возникнет.

— Я так благодарна! — Скинув гору с плеч, девушка теперь игриво смотрела на меня. — Знаешь, у меня, наверное, совсем не хватит денег, чтобы расплатиться с тобой. Но я, пожалуй, знаю, как сказать «спасибо» тебе по-настоящему!

Маврия поднялась, схватила меня за руку и потащила к лестнице, ведущей, по ходу, в апартаменты для гостей. Ну, как тут выразиться? Я лично считал, что всецело заслужил такой финал сегодняшнего дня. Ух, бестия, как же я тебе сейчас отомщу за двое суток лишений! Уже на ходу я спросил девушку:

— Интересно, почему Важ… кхе, ваш начальник, — черт возьми, чуть не спалился, назвав генерала по имени, — почему отправил именно тебя?

— Потому что я очень способная и всегда довожу все дела до конца, — улыбнулась Маврия и, вильнув стройным задом, затащила меня в почивальню…

Утром я проснулся свежим и довольным. Подручная чародея, наоборот, испытывала явные затруднения с бодростью — все-таки знатно мне ночью удалось оторваться с ней! Плюс ко всему похмелье жутко мучило слаботренированный организм девушки. Я уже одел высохший за ночь костюм, когда моя ночная подруга только начала ворочаться в постели.

— Ну что, красавица! — произнес я, едва она продрала глаза. — Уговорила ты меня. Плата была щедрой, так что давай письмо, прямо сейчас отвезу вирнику.

— А? — очнулась Маврия. — Да, хорошо, сейчас оденусь.

— Да ну, что ты! Это вовсе не обязательно! — с улыбкой начал успокаивать я барышню. — Ты письмо давай. А я быстренько туда и обратно. Даже выспаться не успеешь.

— Нет, сударь, — твердо заявила мадемуазель. — Мне надо убедиться, что все пройдет гладко. Мало ли что с тобой случится.

— Да я профессионал, нечего даже волноваться!

— Нет! — вновь отрезала Маврия. — Я иду с тобой.

Надо же, какая скрупулезная оказалась на трезвую голову. Что ж теперь, ее с собой тянуть? И как от такой назойливой опеки избавляться прикажете?

Мой извозчик еще не распрощался с надеждами получить расплату и чаевые, поэтому терпеливо ждал в таверне. Подмигнув мужичку, я представил его Маврии как личного оруженосца. Возница после введения в новую должность даже бровью не повел, лишь приосанился. Ехать решили в нашей повозке, втроем. На дворе по-прежнему стояла мерзкая сырая погода, микроскопической моросью шел дождь.

— И как ты собираешься наблюдать за сделкой? — уже в дороге поинтересовался я у девушки.

— Не знаю, — пожала она плечиком. — Издалека смотреть буду, наверное.

Вот ведь заноза! Если все удастся провернуть гладко — вечером ей опять несдобровать, уж я устрою!

Как и обещал вчера извозчик, Вескер мы увидели еще до полудня. Вернее, клубы густого тумана, широко накрывавшего могучую реку вместе с берегами. Впервые за всю поездку я не сожалел о метеорологических условиях, которые на этот раз оказались мне на руку.

— Ну что, вместе пойдем? — уточнил я, указывая в сторону Вескера. — Правда, сама видишь, туман такой, придется тебе подходить вплотную, чтобы все увидеть.

Напряжение на лице Маврии сложно передать словами. Богатое мимикой, ее лицо выдавало такую картину сомнений, что стало даже забавно наблюдать за игрой раздирающих девушку душевных прений. Наконец, она решилась:

— Я здесь останусь, недалеко. Будет слышно, как ты протрубишь в рог. Если после этого через полчаса ты не покажешься из тумана, я буду полагать, что с тобой что-то случилось.

— Правильное решение! — Ну очень думающая дамочка мне

попалась. — Ты, главное, если что — сама туда не суйся. Хотя когда со мной что-нибудь случалось?

Маврия молча кивнула, передала рог, конверт с письмом, и я направился к реке. Осталось решить, как вести себя с водяным, раз уж вызывать его все равно придется. Отдавать письмо, естественно, не следует, но и спрашивать, как пройти в библиотеку, — тоже не вариант. Может, глушить его найденной гранатой, которая заботливо покоится за пазухой? Только подействует ли?

Тем временем я погрузился в облако тумана, сделал еще пару шагов и остановился у самой кромки течения. Водный конденсат вокруг был настолько густым, что едва ли удалось бы рассмотреть что-нибудь дальше собственной вытянутой руки. Помявшись немного на берегу — все-таки самому тоже было страшновато, — я поднес музыкальный инструмент к губам и зычно дунул. Звук оказался на редкость странным: вроде слышался в нем и рев горна, но с этим одновременно проскакивало какое-то хриплое бульканье. Около минуты ничего не происходило, и я было навострил лыжи сваливать оттуда. А что? Сказать, что сделка состоялась, — не проблема. Времени для этого прошло предостаточно. Письмо, спрятанное за пазухой, можно будет прочитать позже.

Только я собрался развернуться, как вода передо мной забурлила, будто вскипела, и через несколько секунд из этого места материализовалась полупрозрачная серая фигура водяного. Выглядел он точь-в-точь как тот, который некогда под Прилесьем утащил меня в лес к Кащеру: с огромными выпуклыми глазами и гребнем, загнутым назад. Может, и вправду тот самый. Нечистый приблизился ко мне, два раза медленно моргнул нижними прозрачными веками, изучая человека, осмелившегося его вызвать. Я стоял как парализованный и не знал, что предпринять дальше. Нечистый продолжал беззвучно меня рассматривать. Неловкое молчание затянулось, пора уже было что-то соображать. Но вдруг водяной резко сблизился со мной, практически вплотную, пристально заглянул в глаза, после отпрянул, быстро проплыв полукругом, осмотрел с боков и неожиданно ринулся в атаку! Расплескивая вокруг себя воду, тварь потянула ко мне свои скользкие лапы. Неужели тот самый вирник из-под Прилесья, да еще и узнал меня? Времени размышлять над этим не было: когтями, мгновенно выскочившими из пластин на предплечьях, я отсек руки нечистого, обхватившие мою шею. Отрубленные конечности водными брызгами обрушились в реку, а на их месте очень быстро начали отрастать новые. Водяной резко сместился в сторону и нанес мне мощный гидроудар струей изо рта, который

едва не сбил меня с ног. Очередной взмах лезвиями — и голова твари разлетается фонтанами брызг. Оказалось эффектно, правда, не эффективно. Череп у монстра тоже легко регенерировал. Как же убить чертова нечистика? Убежать нельзя — все расскажет колдуну. Остается лишь биться насмерть. Водяной брызнул мне водой в глаза и, не успел я встряхнуть головой, как он скрылся в тумане. Вокруг повисла тишина, едва наполняемая звуками неспешного течения Вескера. Слышно было, как громко фыркнула вдалеке лошадка извозчика. Осматриваясь по сторонам, я сделал несколько шагов вперед и оказался в реке по пояс. Неужели сбежал, поганец? Теперь точно Кащер обо всем узнает!

Не успел я об этом подумать, как что то длинное и тонкое прочно обвило мои ноги, а голову накрыла невесть откуда взявшаяся сплошная волна воды. Вскоре прямо передо мной опять вынырнул водяной, он распростер свои руки в стороны, ладонями кверху, и, казалось, водная масса, накрывшая мое тело, стала еще больше, начала клонить ко дну. Вырвать ноги из цепких водорослей не удавалось, воздух в легких стремительно заканчивался, перед глазами начали появляться разноцветные круги, голова закружилась. Водяной продолжал стоять прямо напротив. Он держался ровно и не шевелился — возможно, поэтому даже сквозь слой захлестнувшей меня воды я умудрился заметить то, чего раньше у этой твари не видел: в области груди нечистого концентрировалось едва заметное мутное скопление, более контрастное, нежели остальные участки тела. Чисто интуитивно, подав из последних сил тело вперед, я потянулся и ткнул туда когтями.

Результат получился впечатляющим: западня уродца рухнула, а сам водяной шумно выпустил стайку воздушных пузырей из того места, где я проткнул его, и начал с ужасающей скоростью распухать, раздуваться. Казалось, что в его наливающихся жидкостью глазах появилось нескрываемое удивление, смешанное с животным страхом. Монстр принялся неистово метаться по сторонам, размахивать лапами, трясти головой, но никак не мог остановить своего бесконтрольного стремительного разрастания. Когда объем его водянистого тела достиг критического уровня, нечистый, оглушительно булькнув, тут же взорвался, окатив меня галлонами воды. Когда я протер глаза, лишь расплывающиеся круги по реке напоминали о недавнем существовании твари. Водоросли отпустили меня. Повинуясь течению, они гладко соскользнули с голеней и продолжили свое традиционное существование, плавно стелясь по дну Вескера.

Наконец появилась возможность отдышаться. Встреча с монстром оказалась неожиданно угрожающей для жизни!

Надеюсь, издалека по звукам сложно было догадаться, что тут вовсю кипела драка. Благо, все произошло довольно быстро. Затянись этот бой надолго, сложно было бы объяснить потом заказчице, что так яростно плескалось там, в тумане. Хотя к черту объяснения, главное — живой остался!

Между прочим, все-таки любопытно: с какой радости водяной напал на меня? По идее, у исконной нечисти с Кащером что-то наподобие договора о сотрудничестве. Может быть, данный издавна знакомый со мной экземпляр водоплавающих просто решил выслужиться перед работодателем? Что в таком случае Кащер дает им взамен? Мутаций к лучшему и долголетия нечистым явно не надобно. Может, они просто боятся колдуна? Если так, то какую же чародей набрал силищу?

В глубокой задумчивости я выходил обратно к повозке.

— Почему так долго? Чего мокрый весь? — строго спросила Маврия.

— Знаешь, вирники не блещут пунктуальностью. — Надо же, придираться еще вздумала. — И этот ваш адресат, когда выныривал и погружался обратно, не особо заботился о моей сухости. Как жахнул бомбочкой!

Последнюю фразу я сопроводил резким жестом, для доступности. Девушка лишь пожала плечами, забралась в повозку и приказным тоном заявила:

— Теперь везите меня обратно на постоялый двор.

Надо же, как изменился в одночасье характер барышни, стоило лишь избавиться от зависимости в крепком мужском плече. Уже в дороге Маврия отдавала последние наставления:

— Очень надеюсь на твои принципы. Убереги тебя Перун хоть слово кому-нибудь обронить про нашу сделку. Если слух доползет до моего начальника — несдобровать обоим, особенно тебе. Он тебя из-под земли достанет.

Это заявление вызвало у меня лишь смешок. Вспомнился связанный Важимир-Осао, которого я несколькими днями ранее допрашивал. Нашла кем стращать. Я вот сейчас Шаманом как припугну — всю жизнь дрожать будешь и по ночам до горшка не добегать!

Почти всю дорогу обратно мы провели в молчании. Маврия сосредоточенно размышляла о чем-то, а к своему спасителю интереса не проявляла вовсе. У меня тоже не было желания трепаться. Едва заехав на двор, девушка сразу выскочила из повозки, обернулась ко мне:

— Что ж, спасибо за все, прощайте, — спешно выдала она.

— Может, в таверне посидим, по бокальчику пропустим? Отметим, так сказать, успех нашего дела? — тонко намекнул я.

Маврия лишь презрительно хмыкнула и направилась в сторону конюшен. Вот молодец девчонка, ничего тут не скажешь — молодец! И работу чужими руками организовала, и при деньгах осталась, и удовольствие ночью в качестве бонуса получила. А как независимо теперь себя ведет! Поневоле залюбуешься мастерством. Далеко пойдет малышка, несомненно!

Я тоже спешился, расплатился с извозчиком, но курс взял на таверну. Меня ждало письмо, примерное содержание которого уже было известно. Оставалось лишь убедиться.

Из вчерашних постояльцев никого не осталось, зато за большим столом посредине помещения сидела шумная орава из шести человек. Присмотревшись, с удивлением я узнал в посетителях целый и невредимый отряд мидлонцев! Атом, Прут, Черпак, Дрозд, в кои-то веки веселый Скокс — все были здесь! Шестым членом компании, к моему изумлению, оказался Шаман. Вот так люди, вот так встреча! Свою радость на первых порах я смог изображать, лишь безмолвно раскрывая рот и активно жестикулируя. Благо, все эти ужимки проходили еще в дверях и, казалось, никто не обратил на меня внимания. А потом я вдруг взял и решил устроить небольшой розыгрыш:

— Казмадский патруль, всем руки в гору!

Что тут началось! Почти сразу прямо в лоб мне прилетел заряд чар, в мгновение ока все уже стояли на ногах, сверкая клинками, а Саня держал запястье Прута, собравшегося было швырнуть в меня нож. Шутка чуть было не оказалась летальной.

— Молодцы! — стараясь говорить хладнокровно, произнес я. — Четко реагируете. Чтоб еще своих узнавали — цены бы вам не было!

Бойцы тоже не ожидали встретить меня здесь, поэтому на глупую выходку никто не обиделся. Очень уж все были рады, лишь Скокс поворчал для приличия.

— Ну что, рассказывайте, каким ветром занесло вас в Линкос. Как живы-то все остались? — первым делом поинтересовался я.

Рассказывать взялся Атом:

— После того как наш цирк разогнали, мы все собрались возле перехода через границу. Ждали тебя сутки, как и договаривались, но в Мидлонию перейти так и не успели. Перехватил разведчик князя, забрал доспехи, передал приказ организовать убийство Ванко. До Линкоса добирались долго: в дороге возникли проблемы. Когда прибыли — времени что-либо планировать совсем не осталось. Одна ночь — для такого дела маловато. Что из нашей попытки получилось — ты сам видел.

— В том-то и дело, что видел. Думал — порешат вас. Как уйти смогли, да еще в полном составе? С полным набором

конечностей?

В разговор вмешался Дрозд:

— Что-что, сударь, а уж отступление мы успели заранее продумать. Прут и я убегали крышами. Черпак через канализацию. Его могущество вообще всех тамошних волшебников по стенам размазал!

Скокс при этих словах потупил взгляд! Ох, и нагородил же, небось, соратникам, которые правды не видели! Тоже, скорее всего, сточными трубами смывался, улепетывал что есть мочи от столичных кудесников.

— А ты как? — спросил я Атома.

— Мне сложнее всего пришлось. Велес щедро одарил талантами королевских бойцов. Если бы не твой друг, — поручик указал взглядом на Шамана, — быть мне дырявым.

— На самом деле ребята замечательным образом отвлекли на себя внимание, — вступил в разговор Шаман. — Я шел в пехотных рядах позади кавалерии, все думал, как подступиться к этому Ванко. После того как началась суматоха, пробраться к королю незаметно стало намного проще.

— Дальше нам удалось прорвать оцепление, — продолжил Атом, — замести следы и перебраться в эту глухомань. Отсюда одни сутки пешим ходом до переправы через границу. Остановились на завтрак.

— Пешком сюда шли, что ли? — недоверчиво прищурился я.

— Ну да. Бывало, и б о льшие расстояния покрывали. Такова солдатская доля — маршировать круглые сутки. Хорошо еще, его могущество прикрыл нас волшебным куполом от дождя.

— Надо же! С меня извозчик содрал, будто на ракете привез, а вы пешком уже на следующий день дочапали, да еще с комфортом! — Это мое возмущение особенно повеселило Шамана.

Скокс, все время с нетерпением ерзавший на стуле, наконец нашел возможность спросить:

— Ну а ты? Гонца убил? Письмо перехватил?

— Никого я не убивал… — Ответ заставил волшебника в ужасе вытаращить на меня глаза.

Пришлось поведать о своей махинации с посланницей Важимира-Осао, чем, впрочем, не очень-то удалось утихомирить чародея.

— С ума сошел! — кратко подвел черту под моим повествованием Скокс.

— Действительно, — согласился Атом. — Слишком рискованно. Лучше было бы, конечно, убить ее. Спокойней. Но, раз уж все так удачно сложилось…

Конечно, легко говорить, когда десяток-другой голов за жизнь уже снес. А ежели никогда раньше не приходилось людей до смерти доводить? Тут еще даму, как назло, приговаривать пришлось бы. А если бы на ее месте вообще оказалась какая-нибудь маленькая девочка с косичками, розовым бантиком, на трехколесном велосипеде, с бибикалкой? Тоже в расход? В общем, нечего тут даже рассуждать — победителей не судят.

— Давай сюда письмо, — потребовал Скокс.

Я достал из-за пазухи конверт и протянул его чародею, предупредив:

— На него начальник чародейских расследований наложил заклинание. Кто вскроет — руки сгорят вместе с письмом.

— Я тебя умоляю! Знаю я этих казмадских шарлатанов, Люмбелом недоделанных!

Скокс выхватил конверт из моих ладоней, немного поколдовал над ним и без тени опаски вскрыл… Конечности волшебника ничуть не пострадали. Вскоре чародей с издевательской ухмылкой оглашал тайны секретной переписки, местами вставляя свои едкие комментарии:

— «Ваше могущество! Нападение на Мидлонию отменяется! (Слыхали? Новость!) Вчера я ходил на допрос двоих задержанных возле границы с княжеством. Они оказались вражескими волшебниками. (Из них волшебники — как из меня писатель хвалебных од.) Во время допроса им удалось пленить меня и неизвестными чарами выбить память. Что произошло в каталажке — сказать не могу. Сегодня утром во время торжественного марша короля по городу мидлонцы организовали на него покушение. Убийца затесался в ряды личной гвардии Ванко. (Хорошо, хоть сударь убийца доспехи самого Ванко в цитадели не напялил — вот неувязочка получилась бы!) Пока небольшая кучка клоунов отвлекала всеобщее внимание ложным посягательством на жизнь короля (Поняли, как он окрестил наш отряд? Клоунами! Будто знал о нашем цирковом прошлом!), настоящий убийца подкрался к самодержцу сзади и заколол кинжалом! (Какой молодец, а?) Ближайшее время буду пытаться взять власть над Казмадом в свои руки. Жду ваших распоряжений». Если дождешься! — Скокс торжественно махал в воздухе листком с посланием.

— Я так понимаю — в королевстве нам больше делать нечего, — уточнил тем временем Атом.

— Нечего, — подтвердил я.

— Тогда возвращаемся в Гладу, — скомандовал поручик.

Волшебник уничтожил письмо так, что даже пепла не осталось. Вскоре мы, покончив с трапезой, всем составом

выдвинулись в сторону ближайшей переправы через Вескер. Ничего примечательного с нашим отрядом в дороге не произошло. Возможно, там, в Линкосе, мы своими руками сделали то, что втайне давно мечтали осуществить многие приближенные к монарху. За нами даже погони никто не устроил — надо полагать, из чувства благодарности. Следующим утром на границе удалось прибиться к одному из многочисленных торговых обозов под видом охранников, так что наша группка перестала быть изолированной, влилась в коллектив дельца и абсолютно не привлекала к себе лишнего внимания. Вокруг только и было разговоров, что о смерти казмадского короля. Следовало поторопиться, если мы хотели выманить Кащера до того, как эти слухи продерутся в глубь леса.

По ту сторону Вескера нашу группу давно ждала служебная княжеская карета, в которую нас проводил плотный общительный мужичок в длинном плаще. Он заметил нашу компанию еще при прохождении формальностей на таможне, растолкал всех вокруг, размахивая какой-то бумажкой, пригрозил на всякий случай именем князя и деловито принялся тащить наш отряд к экипажу. Мне бы такого помощника, когда я на Польшу товар гонял. Ошарашенный торговец, нанимавший нас на работу, лишь провел растерянным взглядом своих дезертировавших охранников.

В карете находился начальник мидлонской разведки — блиставший, как всегда, своей невзрачностью сударь Мартолен.

— Поздравляю с отменно выполненной работой, — сухо поздоровался разведчик, хотя шампанского вокруг не наблюдалось. — Об успехе вашей операции уже донесли. Что с перепиской?

— Сообщение Кащеру о смерти короля Ванко перехвачено сударем Арсеналом, — отрапортовал Атом.

Карета между тем тронулась.

— Слава Перуну! — выдохнул Мартолен. — Мы уже готовились к тому, что с помощью нашей ложной системы общения придется убеждать колдуна, будто война все-таки началась. Это могло бы вызвать сложности. В конце концов — не дать результата.

— Ну а здесь, какие новости? — интересовался поручик.

Разведчик принялся деловито перечислять:

— Радзивилл Седьмой без труда перехватил власть над княжеством из рук Совета Старейшин. Многолетняя подпольная деятельность дала свои результаты. Но сейчас это не столь важно. Итак, теперь княжеские войска оттягиваются от границы на запад, к лесу. Основная часть стоит в одном переходе от Крипета. Князь хочет оставить в Гладе два пехотных и один кавалерийский полк

южной бригады — на тот случай, если Казмад вдруг опомнится. Сегодня вечером Кащеру будет отправлено послание от лица Верховной Волшебницы Гиссандры с содержанием о якобы начале боевых действий. Также мы приложим выгодные нам рекомендации по времени выхода и оптимальному маршруту наступления армии нечистых. Медлить нельзя, иначе колдун узнает правду. Послание прибудет к нему через три дня, еще примерно столько же следует ожидать мобилизации его войск и выхода. Итак, у нас шесть дней, чтобы организовать встречу. К этому времени всех местных, живущих на предполагаемом пути нечистых, переведут в безопасные поселения. Наши последние подразделения вместе с его величеством покинут Гладу завтра утром. Вы, естественно, тоже.

Кто бы сомневался, что Радзивилл отпусками разбрасываться не станет. На самом деле я так устал от бурной деятельности со времен попадания на Поляну, что желал лишь одного — поскорей бы вся эта кутерьма закончилась. Хотя существовал еще один нюанс, который меня интересовал, — о нем я и спросил разведчика:

— Простите, сударь, может, случайно где-нибудь объявлялась Арлета?

— Кто? — Мартолен смотрел на меня с глубоким непониманием.

— Моя девушка. Та, что сбежала после поимки Гиссандры, помните? Я из-за нее три дня в комнате просидел. Радзивилл обещал, что поспособствует в ее поисках.

Начальник мидлонской разведки напряженно морщил складки на лбу, но вскоре вспомнил:

— Ах, вы про эту сударыню! Нет. К сожалению, не видел. Его величество по ее поводу никаких распоряжений не давал. Знаете ли, на нас тут столько работы свалилось, что совсем уж не до девчонки.

Лучше бы на вас кирпичи свалились, а не работа! Да и кто бы сомневался, что Радзивилл ради такого дела зада с трона даже на сантиметр не поднимет. Небось, надеялся, что я вообще живым из погреба с доспехами не выберусь, — чего уж дальше по моим нуждам напрягаться!

— Кстати, а что это с вами за молодой человек? — Мартолен смотрел на Шамана. — Вы, вероятно, догадываетесь, что те сведения, которые только что я вам поведал, могут крайне смертельным образом сказаться на посторонней личности?

— Это Шаман, — представил моего друга поручик. — И именно он будет носителем Живых доспехов на войне.

— Как? — встрепенулся разведчик. — Помнится, его

величество рассчитывал в этом деле именно на вас.

— Думаю, князя удастся уговорить. Это лучший воин, которого я когда-либо встречал. И он — еще один Пришелец.

— Надо же… — задумчиво протянул Мартолен.

Шаман молчал. Молчание интерпретируется некоторыми людьми как знак согласия, но вид Сашки говорил не понять о чем. Странное у друга было выражение — грустное, что ли? И одновременно светлое. В общем, Шаман каким-то непостижимым образом сейчас всем своим видом демонстрировал инь и ян одновременно, что несколько настораживало.

— Послушайте, сударь, — обратился я к Мартолену. — А что-нибудь удалось выяснить о численности пачвар, волколаков, колдунов? Сколько нечисти выйдет из лесу?

— Да Велес их знает, — грустно вздохнул разведчик. — С колдунами еще можно что-то прикинуть. Недавно прошлись по спискам Сейма Чароведения. Сколько там у вас людей исчезло, ваше могущество?

— Если учесть, что некоторые волшебники согласно официальным данным действительно могли пропасть без вести, по-настоящему, то цифра обращенных получается под сотню, — прикинув, ответил Скокс. — Но мы ничего не знаем о тех чародеях, которые вообще не состояли в Сейме.

— Что до пачвар — даже приблизительную цифру назвать сложно, — продолжил разведчик. — Крестьяне из дальних поселений пропадали регулярно. Плюс та горстка нечистых, с которой Кащер скрылся от преследования двести лет назад. Про волколаков нам вообще ничего неизвестно, два их или двести — никто не может сказать.

— Пора бы вам перепись населения прививать, — посоветовал я. — А наших войск-то сколько? Хоть эти данные вам известны?

— Известны, само собой, — возмутился княжеский советник и выразительно посмотрел на поручика.

— Два корпуса: кавалерийский и пехотный, в каждом по три дивизии, — начал перечислять Атом. — В дивизиях по три тысячи пехоты или по две тысячи кавалерии. И особый батальон из трехсот боевых чародеев. Вдобавок техническая поддержка и вспомогательные чары. Из осадных орудий вряд ли что-то пригодится.

— Итак, ориентировочно пятнадцать тысяч войска, — подвел я итог. — Но три полка остаются в Гладе. Из остальных кто-то на больничном, у кого-то жена рожает, некоторые непременно заглянут напоследок в родную деревню — стариков навестить, причем безвозвратно. Короче, в лучшем случае тысчонок десять

наскребется — двенадцать, думаю, максимум. Что же противопоставит Кащер? Кстати, не брать артиллерию, то есть осадные орудия, — это вы явно погорячились. Цмока, по-вашему, кто сбивать будет?

— Насчет Цмока. Мы совещались и пришли к выводу — это существо явно не примет участия в боевых действиях. Специалисты определили, что гигант, скорее всего, лишь плод вашего испуганного разума, — объяснил вкрадчиво разведчик.

Недельками двумя ранее я бы от подобного заявления разъярился, как бык на корриде, сейчас же сил оставалось лишь на кислую усмешку. Чувствую, полюбуешься ты еще на этот плод моего разума, самоуверенный индюк, ох, полюбуешься!

Вот так, слово за слово, и добрались до столицы Мидлонского княжества — даже не успели заметить, когда из-за очередного холма выплыли величественные пики главного дворца Глады. Столица была все тем же светлым и чистым городом, как раньше, но за время нашего отсутствия что-то в нем явно изменилось. Переворот власти, свержение Совета Старейшин, утверждение неоспоримого права князя Радзивилла Седьмого на трон, массовая мобилизация войск и никаких официальных объяснений происходящему — все это заставляло жителей города нервничать и переживать за свое туманное ближайшее будущее. Настоящую причину оттяжки армейских подразделений в глубь страны посвященные хранили в тайне от общественности. Со слов Мартолена, по столице начали ходить самые мрачные и фантастические слухи. Напряжение царило в воздухе Глады. Резкие перемены, особенно неопределенного характера, никогда не сказывались позитивно на общем настроении народа. После подобных замесов правителям обычно тоже лучше не спалось.

Во дворец нас доставили тем же секретным тоннелем с лифтом внутри. У входа в покои нарисовался какой-то хлыщ и сообщил, что князь еще в полдень отправился на встречу с генералами-советниками и, возможно, не нарисуется в родных стенах до самой ночи. Что ж, рыдать и биться головой об окрестности по этому поводу не будем. Все изрядно утомились за последнее время и нуждались в отдыхе, как беременная на девятом месяце.

Лица подопечных Атома, впервые попавших в княжеские хоромы, светились так, словно им выдали бесплатный суточный билет в аквапарк. У меня же здешняя обстановка формировала совсем иной настрой. Нас развели по комнатам, причем вновь мне досталась та, где некоторое время жили мы с Арлетой. При виде знакомого интерьера в памяти всплыли светлые дни, проведенные здесь вместе с охотницей, и от этих воспоминаний

больно защемило в груди. Заснуть я не мог очень долго, не помню даже, спал ли вообще. Снились Крипет и Арлета…

Глава пятнадцатая, саботажная

На следующий день вся наша компания рано утром была вызвана к Радзивиллу на планерку. Князь принимал в своем прежнем кабинете, с неизменным телохранителем Пагомом подле правой руки. Сам правитель вел себя высокомерно — не в пример прошлым собраниям, — но без излишеств. Решил, наверное, что сперва необходимо достигнуть желаемого результата, решить насущные вопросы, а потом уж гнуть понты по поводу восстановления законных полномочий в державе.

— Итак, судари, — начал Радзивилл. — Поздравляю с успешным выполнением важнейшего задания. Всех вас ожидает достойная награда. Но только после того, как все завершится: сами понимаете — нынче не до почестей. Собрал же я сегодня вас, чтобы ознакомить с нашими планами. Мы, знаете ли, тоже тут не сидели сложа руки.

Князь подал знак, и Пагом разложил перед нами карту Поляны.

— Гонец уже направлен к лесу. Кащера, как вы знаете, мы ожидаем через пять дней. Встречать нечисть будем здесь, — Радзивилл ткнул пальцем в область чуть восточней Крипета. — Численность и тактика противника неизвестна, поэтому нами было выбрано стандартное построение войск. Центр занимает пехота: копьеносцы в облегченных пластинах с высокими щитами. Это будет неким подобием тяжелой пехоты, используемой для продавливания вражеских рядов по основному направлению. За ними полки лучников и арбалетчиков. С флангов обходить врага будут легкие пехотинцы в кольчужных доспехах, равно как и легкая конница, по самым краям. Тяжелая кавалерия, донельзя облегченная, с оттяжкой вступит в бой, посредством маневра, пройдя сквозь ряды наступающих копьеносцев. Мощная атака должна смести нечисть с лица княжества! Батальон боевых волшебников было решено распределить по отдельным подразделениям для решения местных задач. Подробности стратегии, если желаете, вам расскажут генералы Герадим и Демитер, командующие армией. Найдете их в расположении штаба.

Все слушали внимательно, перебивать не рисковали даже когда правитель остановился, чтобы промочить горло из золотого кубка.

— Для чего я вас тут собрал? — бесцеремонно вытерев губы рукавом дорогой сорочки, продолжил Радзивилл. — Атом, твой капитан, как там его… не важно! В общем, запил он беспробудно,

поэтому был отправлен в отставку без получения законных земель и офицерской пенсии. Протекция его дядюшки из штаба на этот раз не помогла, да и сколько можно уже! Доверить такому разгильдяю летучую роту в переломный момент было бы непростительной ошибкой. Его место займешь ты. Официально звание получишь потом, некогда волокиту разводить. Отличишься — еще и орден добавим, только в спокойное время, торжественно. — Атом согласно кивнул. — Значит, так. У нас есть предположение, что вражеские колдуны станут держаться несколько поодаль от боевых действий. Им необходимо будет организовываться плотным скоплением для совместного формирования боевых чар. Задача твоей летучей роты — уничтожение их ядра, в котором, опять же по нашим догадкам, будет заводить сам Кащер. Все, на кого не действуют чары, само собой, негласно являются членами твоей роты. — Это на кого, интересно, князь намекает? — Ношение и использование Живых доспехов доверяю тебе.

Поручик смущенно кашлянул, перебив князя, и вопросительно посмотрел на него.

— Что такое, Атом? — прищурился Радзивилл.

— Ваше величество, позвольте предложить другого воина для Живых доспехов. Он, как и сударь Арсенал, является Пришельцем, так что на него не будут действовать вражеские чары. Именно он убил короля Ванко во время нашего задания в Линкосе, и он является лучшим бойцом, подобного которому невозможно будет найти ни в Мидлонии, ни в Казмаде. Я лично видел непревзойденное мастерство этого человека владения клинками.

Если бы я не знал Шамана, подумал бы, что поручик неисправимый подхалим. Но в том-то и дело — Сашку я знал хорошо, равно как и тот факт, что Атом подобными словами зазря разбрасываться не станет. Князь внимательно выслушал офицера, затем перевел взгляд на Шамова.

— Наслышан, конечно, наслышан. Впечатляет, ничего не скажешь. Признаться, я был бы ничуть не против вашей кандидатуры, только можем ли мы вам по-настоящему доверять? — Радзивилл попытался сверлить Шамана взглядом.

Сашка с невозмутимостью отмалчивался, посему я решил вступиться за друга:

— Ваше величество, паранойя вас когда-нибудь замучит. Вы и меня в штыки тут поначалу встретили, если не запамятовали, а получилось впоследствии вон как! Это мне самому теперь еще можно пожалеть о том, что нас так судьба свела, но вам, думаю, вряд ли. За Шамана я ручаюсь лично, так как дружба у нас еще с

детства.

— Я тоже за него ручаюсь, — добавил Атом. — Он спас меня от казмадских клинков.

Остальные участники миссии в тылу врага принялись поддерживать нас невнятным бормотанием. Радзивилл погрузился в раздумья.

— Ладно, — решился наконец князь. — С таким количеством поручителей, думаю, можно доверить вам почетное задание. Сами-то вы, сударь… Шаман, кажется? Что думаете об этом?

Действительно. А как сам Саня относится к новой привилегии? На моей памяти так его никто ни разу и не спрашивал про такую прерогативу! Может, в гробу он видал эти доспехи, в комплекте с белыми тапочками?

Все смотрели на Шамана, ожидая ответа.

— Советую на всякий случай позаботиться о замене, — прервал мой друг молчание. — А то я болею в последнее время…

— Да где ж ты болеешь? — удивился я. — Здоров, как бык в военкомате!

— Есть у меня кое-какой недуг. Негативных эффектов сейчас не проявляет, но может обостриться, — объяснил Сашка. — Вы лучше перестрахуйтесь.

— Хорошо, — кивнул князь. — Если что — действуем по старому плану. Поручик Атом использует доспехи. Лишь бы Кащер был убит, остальное — нюансы. — Далее Радзивилл продолжил торжественным тоном, гордо вскинув подбородок: — Итак, судари, все решено! Дороги назад нет! Да пребудут с нами боги! Последние войска выдвигаются из Глады буквально сию минуту, и мы отправляемся с ними! Нас ожидает непростой…

Последующую речь правителя мне услышать не удалось, потому как я, отвернувшись, так сладко зевнул, что уши заложило аж на целую минуту. Этого времени князю как раз хватило, чтобы закончить свое пафосное выступление.

Не прошло и часа, как мы двигались в составе княжеского эскорта в сторону Крипета. Но за последний десяток-другой минут, проведенных в Гладе, сделать успели многое. Во-первых, придворные оружейники нашли время подобрать нам с Шаманом доспехи, обмундирование и прочую экипировку. Сашке хоть и предстояло почетно тягать на своем горбу души великих волшебников прошлого, заточенных в железо, но дополнительный комплект на случай таинственного недомогания ему решили все-таки выдать. Мы с ним еле открестились от тяжелых хауберков, покрывающих чуть ли не все тело. Летучая у нас рота — или с трудом ползущая, в конце концов, а? Вместо этого мне удалось выцыганить для нас добротные кольчужные рубахи и по паре

кожаных наручей с поножами. В качестве поддоспешников нам выделили стеганые куртки на торс и странную многослойную ткань, набитую щетиной, которой следовало оборачивать конечности. Среди многообразия головных уборов мы предпочли так называемые ерихонки — шлемы из стальной тульи с остроконечным верхом, с небольшими отвисающими на кожаных латках железками для защиты ушей, коротеньким плоским козырьком и скользящим наносником. Высокие кожаные сапоги довершали амуницию. Некоторая потертость брони, а также резковатый запах от поддоспешников как бы намекали, что все наше новое облачение родом из местного сэконд-хэнда. С другой стороны, Кащер, пожалуй, не стал бы ждать, пока двоим пришельцам скуют и свяжут обновки по размерам.

Из оружия нам достались обыкновенные деревянные копья со стальными наконечниками да явно бэушные мечи впридачу. Меня этот хлам интересовал мало — отказываться от родных когтей я не собирался, хотя пику для дистанционных атак все же прихватил. Шамана вообще окружающее практически не заботило. Друг был задумчив и почему-то хмур, а от вопросов отмахивался, будто я самый назойливый в мире комар. Как бы не прихлопнул, чего доброго.

Самой большой неожиданностью, которую, между прочим, стоило с самого начала предвидеть, для меня стал тот факт, что летучая рота, оказывается, сама по себе — кавалерийская! Едва я об этом узнал, как сразу весьма некстати вспомнилась начисто лишенная комфорта лесная прогулка верхом на волке. И ведь возникала у меня когда-то на далекой родине мысль посетить клуб наездников, или как он там называется. Поздновато спохватился.

Меня познакомили с моим личным скакуном на подземном княжеском паркинге. Я с подозрением смотрел на гнедое животное, оно с не меньшим подозрением косилось на меня. Я моргнул глазом — лошадь, кажется, тоже.

— Арсенал, это — Фишка, — познакомил меня с транспортом Черпак. — Фишка, это — Арсенал.

Вот те раз! Еще и кобыла. Ну ничего — глядишь, сдружимся. С дамами оно у меня как-то лучше получается найти общий язык. Рядовой передал мне узду, лошадь тревожно фыркнула, тихонечко заржала.

— Ее бывший хозяин, из графьев, больно уж азартным был. Все имение проиграл в кости, а Фишку нашему начальнику снабжения продул, — рассказал Черпак и вдобавок осведомился: — Ездить-то умеете, ваше благородие?

— А то, — мрачно насупившись, отозвался я.

Большинство всадников уже оседлали своих скакунов, Шаман в том числе. Мой друг сидел на своем коне вполне уверенно, по крайней мере, со стороны именно так и казалось. Собравшись с духом, я погладил Фишку вдоль холки, шепнул еле слышно: «С богом», — и вскочил в седло. Кожа над лопатками лошади слегка вздрогнула, кобыла сделала пару шагов вперед, в сторону и, наконец, успокоилась.

— Молодец! — похвалил я ее.

Осталось научиться управлять этой штуковиной. Ну-ка! Где у нее руль и педали?

В отличие от шествия короля Ванко по Линкосу, Радзивилл предпочел не устраивать из своей процессии помпу. Закрывшись наглухо в служебной карете, обезопасив свой транспорт жирными слоями защитных чар, князь инкогнито покидал Гладу в окружении нашей летучей роты. Живые доспехи пока хранились в карете правителя. По несколько конных батальонов ехали спереди и сзади от нас. Остатки пехоты в это время, по идее, уже должны были подтягиваться к соратникам в точку сбора под Крипетом.

Я начал потихоньку приноравливаться к управлению своей новой Фишкой. Была даже мысль переименовать ее в Хонду или Сузуки, однако на японскую кличку лошадка вряд ли стала бы сразу отзываться. Языковой барьер в бою может негативно сказаться на исходе. Вот если бы мне коня презентовали, я, даже не задумываясь, назвал бы его Харлеем (от Harley Davidson) — и плевать на всякие барьеры!

Городские жители с подозрением провожали очередной, на этот раз последний, воинский отряд, и даже не догадывались, что мы, оказывается, едем на войну. На судьбоносную битву с опасным и непонятным противником, о котором до сих пор не было собрано никакой четкой информации. Многие в курсе, что неизвестность пугает, порождает страх перед неизведанным. Что нас ждет на самом деле там, под Крипетом, — никто не знал. Но, как ни странно, меня это ничуть не беспокоило. Откуда такая уверенность? Сложно сказать… Скорее всего, из-за наличия Шамана под боком. Да, мой всегда спокойный друг одним присутствием успокаивал нервы. Я четко знал: что бы ни случилось — мы выпутаемся из любой передряги, Сашка не даст мне попасть в беду, прикроет, да и вообще в одиночку порвет всю нечисть на маленькие черные кусочки, если придется. Остальные всадники, судя по трудно скрываемому волнению, моего оптимизма не разделяли. Воины выглядели растерянными и несколько подавленными. Некоторые все время суетливо озирались по сторонам, другие понуро свесили головы,

рассматривая брусчатку.

Вдруг над шерengами разнесся бодрый выкрик Атома. Что приказал поручик, расслышать не удалось, однако через пару секунд одновременно несколько солдат нестройно затянули:

Зеленою весной

Под старою сосной…

Тут же подключились сотни голосов со всех сторон:

…С любимою Ванюша прощается.

Кольчугой он звенит

И нежно говорит:

«Не плачь, не плачь, Маруся-красавица!»…

Вскоре каждый вояка из нашей процессии увлеченно горланил походно-боевую песню. Лица воинов светлели на глазах, а прохожие останавливались и смотрели с восхищением вслед бравым солдатам, не скрывая радостных улыбок. Я заметил Сашкин удивленный взгляд, направленный на меня. «Твоих рук дело?» — явно спрашивали глаза друга. «Еще бы!» — подмигнул я в ответ. Сбросив, наконец, свою хмурость, Сашка захохотал и вскоре подхватил мотив. Бойцы допевали песню с улыбками. Теми радостно-злыми, полными агрессии, уверенными улыбками, которые не сулят врагу ничего хорошего. Гордость — вот что я чувствовал в тот момент! Эх, видела бы меня сейчас Арлета. Жаль только, Шаман в состоянии радости пребывал недолго. Не прошло и нескольких минут, как мой друг вновь погрузился в тяжелые размышления.

Через три дня, к концу нашего перехода, я уже научился сносно ездить верхом. Конечно, не жокеем на ипподроме выступать, но все же. За время пути я специально под разными предлогами несколько раз отставал от основной группы, а потом догонял их, пуская Фишку галопом. К чести сказать, навернулся лишь один раз, правда, чуть живой остался. Странно еще, что не сломал ничего. Зато после таких тренировок мы с ней, по идее, не должны были сплоховать в бою.

К вечеру последнего дня нашего путешествия мы выехали из небольшого березняка на широкое пространство, и нашим взорам открылся освещенный лучами заходящего солнца огромный военно-полевой лагерь мидлонской армии. Отовсюду торчали конусообразные верхушки зелено-коричневых шатров, горели костры, суетились солдаты. Кто-то готовил в огромных котлах варево, кто-то чистил скакунов, кто-то натачивал клинки, а из глубины лагеря доносился звон мечей — и ведь нашли ребята чем заняться до приезда правителя. Молодцы, что ни говори.

Наш эскорт уже встречала шайка высших офицеров, с беспокойством высматривавших карету князя. Пока армейские

верха выуживали Радзивилла на свет божий, к нашему поручику подошел делового вида мужчина без доспехов, с одним небольшим кинжалом за поясом, и начал объяснять что-то, указывая в сторону лагеря. Атом кивал в ответ, затем, когда мужик отвязался, приказал роте двигаться следом за собой. Спустя полчаса наше подразделение разворачивалось на самом отшибе войсковой стоянки, с западного края, с той стороны, где далеко за горизонтом готовили свое наступление мрачные обитатели леса. Когда шатры были разбиты, а костры разведены, Атом распределил обязанности дозорных, а сам, под предлогом созыва на военный совет, спешно удалился. Вот так-то: князь нас с Шаманом на совещания уже не зовет. Будто пользы от пришельцев там никакой. Хотя, возможно, и вправду никакой? Куда нам средневековыми боями ворочать! Хорошо, хоть из уважения к почетным гостям княжества выделили двухместную палатку. Остальным солдатам достались чуть ли не тканевые бараки на пару десятков персон.

Зато вместо бессмысленной толкотни среди матерых мидлонских вояк на совете можно было просто передохнуть с дороги. Это раньше я удивлялся: с какой радости большинство всадников из книг и фильмов так утомляются после долгой езды. Вроде сиди себе целый день, знай только на каурую покрикивай, — ан нет! Во-первых, амортизаторами лошади не оборудованы, поэтому колбасит в пути так, что из головы полностью вытряхиваются все посторонние мысли, остаются лишь рефлексы. Прямо как на дискотеке. Во-вторых, после поездки я понял, отчего у ковбоев такие кривые нижние конечности. Соскочив с Фишки, я осознал, что стойка «смирно» в идеале будет мне подвластна еще не скоро — свести ноги вместе никак не удавалось. В-третьих, между этими самыми ногами чертово седло жутко натерло, поэтому, даже если б меня так не раскорячило, все равно пришлось бы ходить той же самой походкой, чтоб лишний раз не травмировать раздраженную кожу.

Шаман тоже выглядел так, словно еще не слазил с коня. Небось, натерпелся в пути, как и я. Возможно, из-за этого возникало ощущение, будто мой друг вел себя несколько нервным образом. Расхаживал туда-сюда, сосредоточенно уставившись в землю, словно искал муравейник, губы сжал в тонкую бледную ниточку, на вопросы чуть ли не огрызался. Странно, Сашке подобное эмоциональное состояние не свойственно. Неужели так нервничает из-за возложенной задачи?

Делать нечего, Шамана пришлось оставить в покое. Я присоединился к солдатне у костра, где среди остальных расположились знакомые мне Черпак с Прутом. Все расселись

полукругом перед Дроздом, который увлеченно рассказывал сослуживцам какую-то армейскую байку. Мне освободили немного места, чтобы присесть, и вручили плошку с горячей похлебкой. На вкус местная стряпня оказалась вполне съедобной, можно даже сказать, вкусной.

Пока я с удовольствием заполнял пустоту в желудке, выяснилось, что рядовой Дрозд, оказывается, рассказывал солдатам про наш недавний поход на казмадские земли. Вдоволь одаренный мастерством рассказчика, воин упомянул и про то, как мы прикидывались цирком, и про тучи шпионов вокруг, и про подброшенный камень-жучок, и про битву на холме с сотнями врагов. Не забыл про мой спуск за Живыми доспехами, про змениного князя в склепе, со свитой из кошмарных прислужников. Расписал в красках наше феерическое цирковое выступление в небольшом казмадском городке и похвастался тем, как мы ускользнули от преследования всей королевской армии. Ну и про убийство Ванко, естественно, поведал. Про то, как их отряд разнес половину свиты короля, а Шаман вторую половину. Смачно рассказывал рядовой, со всеми настоящими и ненастоящими подробностями, с чувством, с выражением, заставляя каждого слушателя ждать окончания, увлеченно раскрыв рот.

Хорошая у Дрозда получилась сказка на ночь, да и закончилась аккурат перед отбоем. Бойцы похвалили рассказчика, пара человек, само собой, окрестили повествование брехней, и вскоре вся летучая рота, позевывая, разбрелась по шатрам. Дозорные заступили на посты, а я, с трудом отыскав во тьме свою палатку, заполз внутрь. Шаман уже был там — он сидел в позе лотоса и медитировал. Я не стал мешать другу, тихонько завалился на бок и отключился.

Как-то я уже упоминал, что сплю довольно крепко, поэтому никак до сих пор ума не приложу, что заставило меня проснуться в ту ночь. Вроде никто вокруг не шумел, и кошмаров не снилось. Но факт есть факт — я был разбужен. Пламя костра, полыхающего неподалеку, просвечивало сквозь ткань палатки, где-то громко трещали цикады, перебиваемые ритмичным храпом сладко спящего батальона солдат. Когда глаза более-менее привыкли к темноте, я увидел слегка колышащуюся полу входа в шатер, хотя ветра на улице вроде как не было. Наспех оглянувшись по сторонам, выяснил, что Шамана внутри нет. И куда он поплелся, на ночь глядя? Может, решил вздремнуть на свежем воздухе? Я вылез наружу, чтобы убедиться, и успел лишь заметить стремительно скрывающуюся во тьме фигуру — Сашкину, судя по плавности движений. Вот это было странно. Сон

развеялся мгновенно, я быстро вскочил на ноги и тихонько припустил вслед за другом. Хорошо, что перед сном догадался снять кольчугу, а то переполошил бы воинственным звяканьем на бегу весь лагерь.

Шаман явно выбрал себе дорогу в обход всех дозорных и направлялся на запад, в сторону Крипета. Да еще при этом напялил едва различимый во тьме костюм ниндзя. Что же он удумал? Я все сомневался, не окликнуть ли друга, но вскоре, метров через триста от лагеря, он сам вдруг остановился, настороженно замер на пару мгновений и неспешно обернулся ко мне. Я тоже притормозил.

— Зря ты, Арсений, за мной пошел. — В голосе друга сквозила грусть. — Чего ты вообще всполошился? Я же вроде бесшумно вышел.

Все-таки заметил! У него локаторы вместо ушей, что ли?

— Как-то само получилось. А что такое, Саня?

Друг на секунду задумался.

— Ну и что мне с тобой делать? Эх! — наконец махнул рукой Шаман и сел на землю. — Присаживайся, так и быть, расскажу. Надо же, чтоб хоть кто-то знал.

Я украдкой подошел поближе, плюхнулся в траву, приготовился слушать.

— С чего ж начать? — задумался Сашка. — Помнишь, я говорил, что немного болею?

— Угу, — отозвался я.

— Так вот, болезнь моя редкая, можно даже сказать — уникальная. Кроме тебя об этом никто не знает. Арсенал, у меня врожденная неоперабельная опухоль головного мозга.

Повисла тишина. Вот так дела! Чего ж раньше-то не говорил, дружище? Я попросту не знал, как реагировать на такое заявление.

— Но непростая она у меня. Гормонпродуцирующая, — выговорил Саня странное слово. — Сидит моя опухоль в таком небольшом отделе мозга — называется гипофиз — и продуцирует гормоны. — Шаман откинулся назад, оперся на локти и, глядя в ночное небо, размеренно продолжал, будто все это рассказывал не мне, а детям в школе на уроке естествознания: — Гипофиз — главная железа внутренней секреции. В смысле, он своими гормонами как бы регулирует все остальные гормоны в организме. А у меня, вместе с этой опухолью, гипофиз черт знает что пускает в кровь. Мои гормоны вроде как похожи на обычные, но действуют по-другому. Взять, например, адренокортикотропный. Знаешь такой?

— Не-а, — замотал я головой.

— Не знаешь… — задумчиво протянул Шаман. — Ну, не буду тебе говорить, как он влияет на нормальных людей, а у меня этот гормон потрясающим образом воздействует на кору надпочечников. В результате чего мой адреналин совсем не такой адреналин, как у всех людей. Мало того, что вырабатывается постоянно, так еще и зверский, зараза, мощный. Силушка моя от такого адреналина раз в десять больше, чем у любого человека, причем круглосуточно, представляешь? Но это не единственный гормон в надпочечниках. Там еще всякие глюкокортикоиды, немного половых. На них мой адренокортикотропный гормон, что из гипофиза, тоже влияет. От их действия улучшается общий иммунитет, быстро заживают всякие травмы. Правда, с половыми незадача: у меня из-за них как-то странно бабы воспринимаются. Не пойму никак, где красивая, а где нет. Ну да это ладно!

Так вот почему для него вечно девчонок сортировать приходилось!

— Есть еще в гипофизе тиреотропный гормон, — продолжал Саня. — На мою на щитовидку он так влияет — закачаешься! Все процессы жизнедеятельности ускорены, реакция — чуть ли не от пуль уворачиваться. Лепота! Помнишь, соседка твоя, пучеглазая, шухерная такая, за дедком все каким-то присматривала?

— За Палычем! — вспомнил я. — Это племянница его, Мария Федоровна. С этой, как ее, базедовой болезнью. Ты мне говорил когда-то.

— Ага, точно, — подхватил Шаман. — Вот у нее тоже, как и у меня, щитовидка чересчур много на себя берет. Гиперфункция. Оттого и шуганая она такая, соседка твоя. Только мои гормоны чуток измененные — поэтому я глаз не таращу и не нервничаю по пустякам.

Ну-ка, ну-ка, что там дальше? Какой еще тюнинг скрывал от меня друг?

— Ну и последний из, так сказать, основных, четко дающих о себе знать — это соматотропный гормон, гормон роста. Как видишь, размеров я не гигантских, следовательно, опухоль и на этот химикат подействовала своеобразно. Мышцы у меня благодаря ему стальные, а кости — чугунные, и это без лишней самоуверенности. Просто факт. Есть там еще, конечно, пара гормончиков, но это так, мелочи — сами сжигают липиды, заплыть жиром не дают. Собственно, такая вот штука творится у меня в организме. — Саня выдержал театральную паузу и спросил: — Так вот, дружище, сопоставив эти все качества, кого теперь ты видишь перед собой?

— Супермена! — без раздумий ответил я.

Так вот в чем секрет Шамана! Сомневаться в том, что Сашка

говорит правду, не приходилось. Действительно все стало на свои места. Давно точившие мозг дилеммы разрешились после короткого экскурса во внутреннюю среду организма Шамана. Ну не может нормальный человек, каким бы способным, талантливым и подготовленным он ни был, вытворять такие штуки, как Сашка! Это просто фантастика, а в случае с моим другом — редкое, уникальное заболевание. Если такое счастье вообще можно назвать заболеванием! А все окружающие всегда искренне и с восхищением думали, будто Саня достиг таких потрясающих результатов благодаря тренировкам, упорству, личному росту и непрерывному прогрессирующему развитию. Все оказалось намного проще, правда, и сложнее в то же время. Получается, мой друг — мутант какой-то?

— А как же твои тренировки? — все-таки решил узнать я. — Искусство ниндзя? Ты ведь на целых пять лет уезжал куда-то. Что, все неправда? Пыль в глаза пускал?

— Да нет же, что ты! — возмутился Шаман. — Все по чесноку. Разве только поездка в Японию. Никаких забытых учений крадущихся там, само собой, не преподавали. Мужичок, который организовал группу славянских детишек для прохождения курса молодого бойца в стране восходящего солнца, был самым обыкновенным психом с конкретным помешательством на почве ниндзя, равно как и все мы, согласившиеся ехать с ним. Но нам-то еще можно сделать скидку на тогдашний возраст, а вот сенсею оправдания найти сложно. Не знаю, как он там что намутил с документами, но в Японию пустили всех. Нас было двенадцать человек. Жили в монастыре, брили головы, занимались ерундой. Нет, ну кое-чему он все-таки нас научил: медитировать, швырять сюрикены, пару новых приемов показал… — Саня на секунду призадумался. — А знаешь, если взглянуть на ситуацию ретроспективно, сенсей много чего нам дал на самом деле. К тому же прививал свою философию. Правда, настоящими ниндзя он вряд ли смог бы нас сделать. Когда я осознал это — задерживаться не стал, решил вернуться на родину. И вот сейчас представь себе человека с моими способностями, у которого за плечами чуть ли не все возможные школы боевых искусств, прошедшего какую-никакую стажировку в Японии, регулярно совершенствующегося. Ты понимаешь, что такая комбинация шальных гормонов и упорных тренировок делает меня вообще непобедимым? Эти ощущения передать трудно, скорее всего, невозможно! Просто поверь, они прекрасны! Единственное, что тяжело, — это держать все в тайне.

— Но ведь там, где ты узнал про свою опухоль, тоже, наверное, в курсе? Ты ведь обращался к медикам, иначе откуда

бы узнал про нее?

— Сначала, конечно, не знал. Где-то с тринадцати лет начал понимать, что я не такой, как все. Слишком шустрый был, сильный не по годам. Но это же не повод обращаться к врачу. Потом уже начали обуревать сомнения — а все ли со мной в порядке? Так вот, перед отъездом из Японии мне удалось провернуть одну аферу, в результате чего появилась возможность пройти в дорогой частной клинике комплексное обследование организма. Результат не обрадовал: на ядерно-магнитном резонансе в голове обнаружилась опухоль, а гормональный анализ выявил резкие отклонения. Мне советовали остаться, разобраться во всем — бесплатно, ради научного интереса, — но я исчез вместе с результатами. Уже потом, изучив литературу, пообщавшись неофициально со знающими людьми, сопоставив полученную информацию с данными японского обследования, понял, что стала вырисовываться определенная картинка.

— Слушай, так тебе просто неимоверно повезло! Можно сказать, выпало счастье, одно на десять миллиардов, таких лотерей даже не бывает, — усмехнулся я.

— Как бы тебе сказать… — Шаман глубоко вздохнул и продолжил, а печаль в голосе друга становилась все более заметной с каждым словом: — Знаешь, никогда не понимал этих супергероев из американских фильмов по комиксам. Подвергнувшись мутации, получив сверхспособности, они постоянно верещат журналистам, чтобы их оставили в покое, что вся новоприобретенная сила им на фиг не нужна, мол, они просто хотят быть обычными людьми. Бред! Кто бы отказался от подобной халявы? Лично я от своей удачи так просто бы не открещивался… Но! В настоящей жизни, как выясняется, халявы не существует. Понимаешь, Арсенал, у меня в башке опухоль, новообразование, а эти штуки, к сожалению, имеют свойство расти. Я регулярно, раз в год прохожу магнитный резонанс — по его данным опухоль пока сидит на месте. Но рано или поздно моя радость начнет пухнуть, вызывая дикую головную боль. Со временем эта боль станет невыносимой, начнет сводить с ума. От нее не помогают даже наркотики. Я специально ходил в онкологический центр посмотреть на людей с новообразованиями головного мозга. Арсенал, я так не хочу! Не хочу начинать и заканчивать каждый день стоном, полным адских мучений! Мое самое большое счастье в жизни может обернуться для меня самым тяжелым проклятием. Знал бы ты, как тяжело существовать в каждодневном паническом ожидании этих страданий, когда случайная головная боль воспринимается ужасным предвестником! Я не хочу, чтобы мне сверлили дырку в черепе, из

которой сдавленный опухолью мозг будет выпирать наружу, облегчая страдания!

Впервые в жизни я видел отчаяние в глазах самого Шамана. Никогда раньше Сашка не показывал открыто своего страха.

При взгляде на него в моей голове что-то внезапно, без спроса щелкнуло: весь калейдоскоп эмоций и странностей в поведении друга за последнее время разом собрался в одну четкую, ужасающую картинку. Нет сомнений — у Шамана, едва он появился на Поляне, возникла мысль о возможном спасении! И теперь мой друг направлялся к Кащеру, чтобы тот попытался его вылечить! Только сейчас это стремление друга стало понятным и очевидным. Все правильно, поначалу, когда мы неожиданно встретились в казмадском плену, Саня узнал от меня про колдуна, позволяющего выжить онкологическим пациентам. Он воспринял эту информацию как надежду на исцеление, хоть и ложную. Отсюда и неожиданно веселое поведение друга, на которое я обратил внимание в Линкосе: Шаман решил, что у него появился шанс, обрадовался. По мере движения в Гладу, а после из столицы сюда, к лагерю, Сашка наоборот, загрустил, стал нервным, раздражительным. И это понятно: перенести предательство близкого человека, людей, доверившихся тебе, населения целой страны, наверное, очень тяжело. Лишь теперь стало ясно, что терзало душу Шамана всю дорогу. Нужно было срочно спасать друга от роковой ошибки.

— Саня, он не сможет помочь тебе, — вкрадчиво сказал ему я.

— Догадался все-таки, — мрачно глянув исподлобья, отозвался Шаман.

— Саня, на нас с тобой чары не действуют. Кащер бессилен, понимаешь?

— Это мой единственный шанс. Возможно, когда-нибудь они подействуют, спустя время. Может быть, организму надо просто адаптироваться к здешней атмосфере. Еще не поздно подождать. Вот если вы его убьете, тогда точно ничто и никто не сможет меня излечить!

— Шаман! — разозленный упорством друга, рыкнул я. — Радзивилл Первый всю жизнь тут прожил — так и не адаптировался. Тем более, Саня, — ты не видел, во что колдун превращает людей! Это не люди, это — пачвары! В его монстрах нет ничего человеческого!

— Я должен убедиться, — твердым голосом отрезал Шаман и поднялся на ноги.

Я вскочил вместе с ним, схватил за рукав.

— Даже не думай меня держать, — зло прошипел Сашка.

— Ты с ума сошел! — ответил я и лишь крепче сжал пальцы.

Коротким взмахом руки Шаман освободился от моей хватки, отвернулся и зашагал прочь. Я догнал его и схватил за плечо. Еще одно едва заметное Сашкино движение — и моя кисть оказалась на изломе. Хитрым приемом я освободился от захвата, попытался выкрутить предплечье Шамана. Резким рывком он выдернул руку, разорвал дистанцию. Последнее, что я видел отчетливо, — это искаженное яростью лицо Шамана.

Дальше началась стремительная, неистовая, нелепая в своей бессмысленности драка. Наша схватка абсолютно не была похожа на те тренировки, что мы проводили с ним на родине в лесу. Ни жалости, ни сострадания — все по-взрослому. Шаман даже и не думал щадить меня, бил мощно, технично, выкладываясь полностью. Но я уже ничего не чувствовал. Меня накрыл праведный гнев, раскрывший собственные резервы организма. Удары, блоки, захваты, броски — все слилось в молниеносные движения. Сыпались градом и отражались опасные выпады. Едва различимые движения, стойки сменяли одна другую в попытках выбить противника из равновесия. Любая пропущенная атака Шамана грозила серьезной травмой или смертью, но я успевал за ним! Я ничем не уступал ему, я пытался достать его сам! Я бился с ним на равных! Как только я осознал это, покрывало ярости было смыто какой-то идиотской, щенячьей радостью оттого, что у меня получалось составить Шаману достойную конкуренцию. Тут я и пропустил коленом в солнечное сплетение, согнулся от боли — и сразу же, вдогонку получил по затылку локтем. Рухнув на землю, я еще пытался вдохнуть воздух, но диафрагма, отказавшая после удара, никак не хотела расправляться, в голове все кружилось, мир вокруг вот-вот грозил отключиться. Довершающим был обидный, нанесенный из чистой злобы пинок в живот, после которого сознание спасительно упорхнуло.

Я очнулся от того, что кто-то поливал мне лицо ледяной водой. Эта процедура несколько помогла прийти в себя и разлепить глаза. На фоне ясного неба видны были взволнованные, отчасти знакомые лица солдат летучей роты. Поручик Атом сидел на корточках рядом и подносил мне к губам кувшин с водой. Я приподнял голову, чтобы утолить жажду, за что был вознагражден адским прострелом в области затылка. Поморщившись от боли, я с трудом сел и осторожно, небольшими глотками принялся пить. Все вокруг напряженно молчали. Утолив жажду, я протянул руку Атому и с его помощью аккуратно поднялся, при этом кряхтя, как престарелый селезень. Вряд ли кому-нибудь удавалось блокировать удар Шамана без последствий, а мне этих подарков досталась пара дюжин за один

подход. Кожа на конечностях сливалась в одну синюшную гематому, корпуса под одеждой видно не было, зато по ощущениям становилось ясно — зрелище там не для слабонервных. Однако наружность — это еще полбеды, вот внутренности… Складывалось ужасно неприятное ощущение, будто мою требуху недавно взбивали мощнейшим фирменным миксером. Живот ныл так, словно кишки внутри завязались морскими узлами, а голова от любого неосторожного движения начинала пульсировать просто дикой болью, от которой неимоверно тошнило. Хотелось… А ничего не хотелось, просто вновь отключиться и все.

— Арсенал, что случилось? — Атом, видимо, решил, что я уже могу отвечать на вопросы адекватно.

— Шаман. Ушел. К Кащеру, — отрывисто, с усилием ответил я и глубоко вдохнул, чтобы не вывернуть наизнанку желудок.

После произнесенных слов закружилась голова. Оказалось, издавать членораздельные звуки пока было едва посильно для моего сотрясенного мозга. Знатно меня дружок припечатал.

— Зачем? — недоумевал поручик.

Я начал прикидывать, как бы покороче да подоступней выразиться, однако и этот процесс отозвался эпизодом помрачнения сознания. Удалось лишь буркнуть:

— Потом…

И вновь рассудок погрузился в пучины беспамятства, а вернулся с прогулки обратно, когда меня уже разместили в шатре Атома.

Очень хорошо, что один из чародеев батальона целителей умел не только палочкой размахивать, но и серьезно увлекался ботаникой. Работу он поставил четко и быстро, разослав солдатню на поиски необходимых для лечебного зелья ингредиентов, поэтому совсем скоро я прихлебывал ароматный отвар, мало-помалу притуплявший боль и возвращавший силы.

Между прочим, совсем скоро в палатке поручика моей скромной персоне уделил внимание сам князь Радзивилл Седьмой, окруженный стайкой генералов. Правитель был взволнован и хмур. Свет армии занял собой почти все пространство внутри, благодаря чему сам хозяин апартаментов сиротливо ютился в углу, прижатый громоздкими телесами начальства. На самом деле сложно было понять, к чему такое столпотворение, так как беседа со мной у князя длилась не более нескольких минут. Едва я рассказал о мотивации Шамана, Радзивилл тут же гневно взорвался:

— Да как ты посмел! Затащил в наш стан предателя в столь ответственный момент! Ты, именно ты поставил под угрозу все

существование человечества на Поляне! Почему не убил его, когда узнал?

Вопли князя весьма негативно воздействовали на мою пока не окрепшую голову, поэтому я, поморщившись, тихо ответил:

— Вы сами попробуйте убить Шамана без пулемета в руках. И откуда мне было знать, что задумал этот псих?

— Ты ручался за него. — Взгляд правителя сквозил пронизывающим, ледяным презрением. — Ты говорил, что он — твой друг детства. А может, вы вдвоем все подстроили, теперь и ты в любой удобный момент сбежишь?

Ха! Сбежишь! Во загнул! Сейчас мне даже ходить проблематично. А насчет друга детства князь, пожалуй, прав. Как знать — остался бы я в живых, не будь у меня такого статуса?

Радзивилл развернулся и отдал приказ:

— Кто увидит предателя Шамана — казнить сразу! — А на выходе из шатра князь кивнул в мою сторону и брезгливо бросил: — За этим следить. Если попытается выбраться — убить на месте.

С неодобрительным гулом вся шайка, сопровождавшая князя, втянулась в проход, словно вода в сливное отверстие. В палатке остались только Атом и лекарь. Висело удручающее безмолвие. Поручик старательно избегал встречаться со мной взглядом. Скорее всего, еще не определился, как относиться к данной ситуации. Чародею, похоже, вообще все было индифферентно, кудесник лишь делал свою работу — оборачивал вокруг моей головы компресс, обильно смоченный в чем-то душистом.

Лично меня этот мир довел до состояния с поэтическим названием «А не пошло бы все в одно место». Проклятая Поляна отобрала у меня любимую девушку, теперь еще и друга, ну а вдобавок сделала козлом отпущения, виновником всех бед. Сил и фантазии сопротивляться сложившемуся положению не осталось. Я решил тупо валяться в шатре и ничего не предпринимать — просто наблюдать за ходом событий, не ввязываясь в происходящее со своей инициативой. И будь что будет. Надоело уже! Пусть эти никчемные людишки с пачварами хоть глотки друг другу перегрызут — даже пальцем не пошевелю. Раз уж все поголовно меня кинули, с чего бы мне в таком случае разводить альтруистическую самодеятельность? Решено! Ухожу в отпуск!

Давненько я не испытывал подобного безразличия ко всему окружающему. Равнодушие волной ядерного взрыва накрыло с головой, вышибив напрочь все остальное. Подумаешь, с другом подрался! Волноваться из-за такой мелочи, что ли? Саню вполне можно понять, с его-то проблемами. Пускай себе решает, каратеист несчастный, все равно ничего не получится. Правда, в

живот мог и не добивать, конечно. Хотя князь вон вообще убить меня приказал, если вздумаю рыпаться, даже после всех моих подвигов. Ну и что? Такова уж их монаршая доля: бояться всего на свете и подозревать поголовно каждого. Да и как тут не бояться, когда за примером далеко ходить не надо — вон как ловко приговорили казмадского соседа, хоть и по собственному приказу. Плюс дурная наследственность Радзивиллов однозначно в какой-то мере сказывается на нынешнем потомке. Что ж на него теперь обижаться за это? Вот еще один, Атом, сидит в углу, думу думает, в глаза смотреть стесняется. А что с него взять? Княжеский пес, выдрессированный на беспрекословное исполнение команд. Симпатию он ко мне, конечно, питает, но всерьез ослушаться начальство не посмеет — оттого испытывает жгучее чувство стыда. Поручика было даже немного жаль.

Ну а то, что придется ближайшее время торчать в шатре под охраной, — так оно даже и к лучшему. Существенного перевеса мое участие в войне все равно не принесет, зато рисковать жизнью на поле боя не придется. Буду изо всех сил поддерживать морально, причем с чистой совестью перед остальными. Что тут поделать — князь ведь приказал.

Что ж, такое положение вещей меня вроде устраивало. Когда волшебник закончил перевязку, я положил руки за голову и откинулся на подушку: получать заслуженный отдых. Хотел было кликнуть чародея, чтобы сделал мне релаксационный массаж, но тот, почуяв лишние просьбы от пациента, спешно покинул палатку. Атом позвал кого-то из бойцов, скорее всего, чтобы организовать караул, но его намерения прервал вихрем влетевший в палатку Скокс.

Таким красавцем волшебника я еще не видел. Чародей щеголял в легком золотистом панцире, предплечья и голени кудесника облегали металлические накладки из того же материала, а на воинственно настроенных кучеряшках покоился позолоченный стальной обруч. Вид грозного воителя довершало вполне обыденное для Скокса выражение лица. На всякий пожарный случай к поясу чародея был приторочен длинный кинжал — мало ли, вдруг рукопашная организуется.

— Обидели, унизили, предали? — усевшись, саркастически поинтересовался Скокс.

— Типа того, — с безразличием отозвался я.

— Теперь будешь тут валяться, словно тебе все равно?

— Точно!

— Что ж, дело твое, только вот … — чародей заговорщицки прищурился.

Атом уходить не торопился — ждал, чем удивит Скокс. Мне и

самому стало любопытно, что там волшебник задумал.

— Только что? — не удержался я.

— Помнишь незадачливого кузнеца из Прилесья, любителя самых разных вин, которого зовут Азит? — издалека начал чародей.

— Естественно, помню, и что?

— Помнишь ту схему странного транспортного средства, что ты нарисовал ему перед отъездом в Гладу?

— Ну! — Я аж приподнялся и присел, склонившись ближе в ожидании продолжения.

— Так вот, ему все-таки удалось как-то собрать эту штуковину. Только что лично видел его четырехколесное механическое чудище! Ужасающее творение, скажу я вам, но свою работу делает исправно, то есть довольно быстро перевозит людей, по восемь — десять экземпляров, без помощи лошадей и прочих тягловых. Там что-то четыре человека крутят — и оно само едет!

— Круто! Вот ведь кузнец-молодец! Смастерил-таки велик! Не ожидал, если честно! — Я даже искренне обрадовался успеху Азита.

— На этом приятные вести заканчиваются, — перебил Скокс. — Почти заканчиваются. Итак, Азит буквально только что прилетел в лагерь на своем самоходе, взмыленный как конь, пьяный как… хотя в этом с ним никто не сравнится. Дело вот в чем. Когда они с Горланом, старостой Прилесья, сегодня возвращался в Крипет за очередной партией живого груза для эвакуации, выяснилось, что город кишит пачварами! Они уже там, понимаешь? Кащер начал наступление намного раньше, чем все мы ожидали! Мужики незаметно унесли оттуда ноги, вернее колеса, но в городе еще остались жители. Немногие, но остались.

— Их убьют? — тихо спросил Атом.

— Скорее всего — нет. Мы думаем, Кащер либо попытается превратить их в пачвар, либо, если это долгая процедура, заточит в какую-нибудь темницу, чтобы впоследствии вернуться и сделать свое дело. Но я здесь, Арсенал, не для того, чтобы тебе рассказывать обо всем этом, — недовольно поморщился волшебник. — Я пришел, чтобы кое-что для тебя передать… Собственно, мне удалось переговорить с Горланом с глазу на глаз. Практически ничего ценного не узнал, только вот он упомянул, что в Крипете среди горстки тех людей, которым повезло меньше всех, осталась Арлета…

В ответ я молчал и растерянно хлопал глазами. Дождался, называется. Так хотел узнать, где находится охотница, и теперь вот узнал. Только легче от этого не стало. Как же ее угораздило?

Небось, устроилась добровольной активисткой по эвакуации жителей. О себе при этом, естественно, не думала! Обо мне — тем более! Это ж надо быть такой эгоисткой! Так, и что теперь делать со сложившейся ситуацией? Как выручать даму сердца? Эх, вот в данной ситуации помощь Шамана отнюдь не была бы лишней!

— Арсенал… — Волшебник на этот раз выглядел слегка смущенно. — Возможно, стоило известить об этом тебя раньше, но я все подбирал подходящий момент. Думаю, сейчас он как раз настал. Не знаю, какими словами выразиться… Вот наши чары на тебя не действуют, а твои… не совсем, конечно, чары, на наших женщин достаточно эффективно влияют. В общем, Арлета беременна.

Прошла секунда, следом вторая, за ней третья, после четвертая, — на пятой дошло!

— Что?! — подпрыгнув на месте, взревел я и принялся метаться из стороны в сторону, не обращая внимания на вновь вспыхнувшую пульсацию в голове. — Как беременна? Да как она посмела! Подвергать себя такой опасности! Нет, ну чем она думала? Чего в этот Крипет поперлась, а? Сидела бы тихонько в Гладе, не совалась в общественную деятельность! Так нет же! А ты? — мой гнев переключился на Скокса. — Нашел время! Раньше сказать язык не поворачивался? Давно знаешь?

— Ну, сам подумай — я ее, как и ты, ровно столько же не видел. Еще в княжеском дворце заметил кое-какие признаки. Потом проверил. А после началась вся эта история, в результате которой она исчезла.

Скокс развел руками, а я пытался отдышаться после вспышки негодования.

— Черт возьми, что же мне теперь делать? — Пыл поутих, уступив место растерянности.

— Как что? — рявкнул волшебник, переходя в контратаку. — Валяться тут, закинув руки за голову, и ждать, когда твою женщину с твоим ребенком внутри превратят в пачвару! Ну-ка марш снаряжаться, лентяй! Скоро выступаем!

— А как же приказ князя? Меня теперь любой дурак имеет право проткнуть копьем, как только я выйду из палатки.

— Князю сейчас, поверь, совсем не до тебя. Его больше беспокоит захваченный Крипет. А если будешь держаться рядом с Атомом — никто пальцем трогать не будет.

— Ваше могущество, — обратился к волшебнику поручик. — Но если нечисть уже на Поляне, тогда нас должны были оповестить о сборе и выступлении.

Скокс весьма скептически смерил Атома взглядом, как директор школы первоклашку, и через пару секунд в

подтверждение слов чародея по всему лагерю начал раздаваться оглушительный рев боевых горнов.

— Но как же быть с приказом его величества? — не унимался поручик, перекрикивая звуки тревоги.

— Еще раз говорю: у князя теперь совсем другие заботы. Хочешь — пополняй свою роту бойцом с природной защитой от чар, а хочешь — оставляй его тут, да еще двоими расщедрись, чтобы охраняли этого изменника. А ты ведь непреклонно уверен, что он изменник, не правда ли? После всего, через что нам всем вместе пришлось пройти? Решать, конечно, тебе — ты командир роты.

Скокс демонстративно развернулся и покинул шатер. Атом потерянно смотрел вослед волшебнику, затем перевел взгляд на меня и серьезно задумался. Непростую дилемму предстояло решить поручику: ослушаться покровителя с риском навлечь на себя его гнев, но при этом пополнить роту полезным человеком, либо напрочь упасть в моих глазах, бездумно выслуживаясь перед князем. Командир летучей роты оказался прагматичным человеком. Он слегка улыбнулся и сказал:

— Все-таки я рад буду видеть тебя в наших рядах.

— Князь не рад будет, — улыбнулся я в ответ. — Придется основательно меня замаскировать.

— Это технические моменты, что-нибудь придумаем. Сейчас надевай сбрую, по коням, на построение и зачаровываться.

— Будет сделано! — бросил я и уже на бегу добавил: — Кстати, я тоже очень рад, что ты принял правильное решение.

— Было бы чему радоваться…

Хмуроватая фраза поручика заставила меня тормознуть на выходе из шатра и с удивлением обернуться:

— Что? — переспросил я.

— Арсенал, уж не знаю, чему тут радоваться, — мрачно пояснил Атом. — Ведь наша рота идет на верную смерть. Ты еще не понял? На словах наша задача — обезвредить колдунов — звучит слишком радужно. На деле же предстоит лишь попытаться нанести как можно больше потерь их стану, причем ценой собственных жизней. Но самое главное — достать Кащера. С наскока пробить оборону, воспользоваться силой Живых доспехов, решить исход битвы. Вот настоящая цель. Чар, что наложат на нас волшебники в лагере, должно хватить, но лишь на это. Уже вторым этапом придется отвлекать, ослаблять, оттягивать на себя внимание остальных колдунов, чтобы дать возможность основным силам нашей армии разгромить противника. О полном уничтожении отряда чародеев можно только мечтать. Слишком они могущественны. Я думаю, в лучшем

случае только половина роты будет уничтожена еще на подходе. Такова правда, с этим ничего не поделаешь. Остается лишь отдать дорого свои жизни, и каждый боец роты пойдет на врага именно с этой целью. Что ты об этом думаешь, Арсенал?

От заявления поручика неприятно екнуло сердце. Откуда мне было знать, что я добровольно зачисляюсь в роту смертников? Изначально подобная перспектива даже в голову не приходила, да и сейчас никак не могла там улечься. А может, Атом все-таки преувеличивает в своих прогнозах? Кто на самом деле знает, сколько у Кащера этих колдунов? А вдруг нам сказочно подфартит и Живые доспехи враз сметут всех врагов? Может, нечистые просто испугаются и от страха склеят ласты? А что если не так уж могущественны эти колдуны? «Может», «если», «вдруг», «авось», «небось» — вот и все, на что приходилось надеяться, но смириться с мыслью о скорой и бесповоротной кончине я наотрез отказывался. Надежда умирает последней, как-никак.

Атом же внимательно смотрел мне в глаза, ожидая ответа. Я нервно сглотнул, но при этом весьма воинственно выдавил:

— Если придется отдавать свою жизнь дорого — я буду торговаться до последнего.

Поручик удовлетворенно кивнул.

Неспешно покинув пристанище командира роты, я направился к палатке, где изначально размещались мы с Шаманом. Оружие и доспехи все еще должны были храниться там.

Итак, все-таки бой, и я в нем участвую. Известие пришло столь стремительно, а события вокруг крутились таким шустрым водоворотом, что не находилось даже времени толком разобраться в безумной смеси своих ощущений. Если с бесперспективным в плане дальнейшей жизни статусом летучей роты я еще как-то определился — мол, поживем — увидим, — то с остальными аспектами возникли нюансы…

Во-первых, я не знал, как относиться к беременности Арлеты. На родине ходят слухи, будто этому положено радоваться. Хотя есть и противоположные мнения. Пожалуй, охотница являлась единственной девушкой, залет которой я не стал бы воспринимать как трагедию. Но вот радоваться ли? Пожалуй, позже само все решится. Сейчас я просто осознавал колоссальную ответственность как перед Арлетой, так и перед тем маленьким существом, ютившимся в ее животе, неожиданным плодом нашей любви. Зато верным и неотступным спутником чувства ответственности выступила тревога за них, за здоровье, за будущее. Мысли о том, что Арлету могут превратить в пачвару, разверзали огромную черную пропасть отчаяния в душе.

Оставалось лишь надеяться, что этого не случится, — других вариантов, кроме слепой надежды, пока не было.

Во-вторых, с тех пор как мы в составе последних кавалерийских батальонов покидали Гладу, многое изменилось. Шаман дезертировал из мидлонских рядов и, по-видимому, прихватил с собой большую долю моей уверенности. Недавний разговор с Атомом вообще снес ее любые остатки. Само собой, теперь я не был столь категоричен в отношении своей безопасности. Не будет рядом того универсального бойца, готового выручить друга из любой передряги. Шаман теперь по другую сторону баррикад, что делает противника еще более опасным. Эх, что ни говори, а Сашка здорово мог пригодиться летучей роте! Его в одиночку можно было запустить в гущу колдунов, а остальным лишь подчищать следом. Вот уж кто повысил бы наши шансы на выживание до небес. Но — увы…

К слову, вспомнились кошмарные рожи врагов, которые вот-вот придется лицезреть в схватке. Огромные волколаки, встретившие меня в первый же день на Поляне, ужасные безглазые пачвары, с которыми я отчаянно дрался на краю их обители в лесу. Но до них еще бы дожить. Основная же нынче цель — это могущественные колдуны, способные без труда разметать чарами обычных волшебников, и сам Кащер, достигший невероятной мощи. Воспоминания о туше гигантского Цмока вообще заставляли вздрогнуть. Я лишь мечтал, чтобы к началу войнушки гигант заболел, помер или, на крайний случай, отправился проведать бабушку. Также сохранялся шанс, что этот Змей Горыныч внезапно расторгнет контракт с Кащером.

Вообще было бы чудесно хоть примерно узнать, сколько у колдуна войска. Вдруг толпы монстров пройдут сквозь нас, растопчут и даже не заметят? Правда, логика подсказывала, что в таком случае нечисть уже давно вылезла бы из своего леса, без всяких предварительных ухищрений. Но легче от этого не становилось. В общем, как и любой нормальный человек перед грандиозным событием, я мандражировал… Хотя чего уж там — побаивался маленько на самом деле… Да ладно, если взглянуть правде в глаза — я конкретно подсел на измену и едва не паниковал!

Более-менее успокаивал сосредоточенный вид соратников, однако не факт, что внутри у них все было так же спокойно и безмятежно, как и на лице. Я ведь тоже виду не подавал о своих страхах.

Вскоре мы стояли дружным строем, держа под уздцы боевых скакунов. Сразу несколько чародеев накладывали на бойцов самые разные защитные чары. Подобной чести удостоилась лишь

наша рота. Оно и понятно: не у всех же боевая задача — сражаться с колдунами. Я, как не нуждающийся, стоял сбоку и с любопытством следил за процессом. Несмотря на общую авральность ситуации, волшебники подходили к делу степенно, без суеты, зачаровывая доспехи, оружие и непосредственно сами организмы молоденьких солдат нашей роты с особым тщанием. Средний возраст воинов подразделения поручика Атома и вправду был небольшим. Самому старшему из нас оказалось не больше тридцати. Возможно, именно юность бойцов и придавала роте необходимую летучесть. Несмотря на молодость, ребята были вполне основательно закалены периодическими вылазками на территорию королевства, сопровождавшимися яростными стычками с пограничными отрядами Казмада, поэтому опыта им занимать не приходилось. Такие мастера, как Черпак, Дрозд и Прут, вообще стоили целого отряда, про самого Атома даже говорить не приходится. В эту роту отбирали самых талантливых и подготовленных молодых людей — как физически, так и морально. Может, в тот момент, когда мы покидали столицу, ребята и выглядели несколько потерянными, однако подобное расположение духа несложно понять. В целях конспирации всем армейским подразделениям никто ничего не объяснял до самого выхода из войсковой части, чтобы носители длинных языков не разболтали друзьям, а особенно подругам, чего лишнего. Естественно, когда на построении перед выступлением из Глады бойцам роты сообщили, что воевать придется с нечистью, они растерялись — все ведь люди, пускай даже строго сортированные. Но сейчас, в самый ответственный момент, перед решающим событием, ребята собрались и не выдавали тревоги, а ведь каждый из них был твердо уверен, что вскоре пойдет на смерть. Ну и я старался соответствовать соратникам, хотя уровнем общей моральной подготовки к битве явно им уступал. В те времена, когда воины летучей роты схлестывались с казмадцами на их территории, я всего лишь выпроваживал нетрезвых клиентов из клуба, и то старательно избегал чрезмерно здоровых.

— А ты чего в стороне встал? — На меня смотрел, грозно прищурившись, довольно молодой волшебник и увлеченно чесал жезлом под лопаткой. — Может, Паляндре хабар на лапу дал, чтобы сразу с собой не забрала? Или договорился с Карой[16]? В чем твой секрет, воин?

Я с недоумением смотрел на кудесника.

— Зачаровываться тебе не надо, что ли? Хочешь от первой вспышки колдуна подохнуть? — доступно пояснил чародей и, подумав, добавил: — Понаразвелось отсталых, чтоб на тебя лихоманка чихнула!

— Мне вообще-то нельзя, у меня аллергия. И на лихоманок, и на чары, — ответил я серьезно. — Ты вон мою лошадку лучше вместо меня застрахуй.

Волшебник недоверчиво склонил голову, критическим взглядом окинул новоиспеченного смертника и произнес:

— Надо же, оказывается, даже таких, — чародей многозначительно постучал себя кулаком по лбу, — в летучую роту берут!

Но Фишку зачаровал.

Уже через час в полной боевой готовности мидлонское войско построилось неподалеку от лагеря. Тактическая расстановка была такой же, как и рассказывал нам князь на совете пару дней назад. В центре армии стояли тяжелые копьеносцы, по флангам располагалась легкая пехота и кавалерия, а позади разместились стрелковые полки вперемежку с тяжелой конницей. Отовсюду торчали длинные знамена-хоругви с эмблемами княжества с одной стороны полотна и символом подразделения с другой. Каждая из них обозначала свой взвод, а в бою должна была помогать бойцам ориентироваться в пространстве и быстро находить своих.

Сам правитель, зашитый в плотные отливающие ослепительным на солнце блеском латы, неспешно разъезжал вдоль боевых рядов и толкал очередную, усиленную чарами речь. Голос Радзивилла разносился далеко, во все стороны, казалось, долетал до самой стены леса, отбивался от нее и катился эхом обратно. Князь, скорее всего, воодушевлял воинов, горячо взывал к патриотизму, возможно, рассказывал, куда лучше бить нечистых. Не знаю, я не слушал. Я пристально всматривался в даль, пытаясь нарушить все законы физики и заглянуть за горизонт, узнать, что там творится, где наши враги, где черные громады волколаков, где сутулые фигуры пачвар, знают ли они о нас, готовы ли? Сработает ли тот эффект неожиданности, над которым все корпели так много времени, на который потратили столько усилий?

Летучая рота стояла поодаль от основных войск. Нам предстояло незримой тенью едва слышно шелестеть неподалеку от передовых сил армии, параллельно главному направлению удара, и высматривать, выискивать вражескую ворожбу, для того чтобы стремительной атакой смести отряд колдунов и лишить нечисть чародейской поддержки. Ну, это в идеале.

Атом, отсвечивая золотом живых доспехов, величественно восседал на своем скакуне. По сторонам от поручика располагались четверо чародеев, облаченных в точно такую же сбрую, как у него. Идентичные копии наскоро были сделаны за то

время, что мы увлекательно проводили в Линкосе, занимаясь убийством Ванко. Эту меру предосторожности придумали специально, чтобы распределить сразу на нескольких человек основной удар по носителю могучих артефактов. Командир роты хоть и находился под каменной защитой чар волшебников, покоившихся в Живых доспехах, но было решено таким вот способом искусственной мимикрии дезориентировать вражеских колдунов. Конечно, прислужники Кащера могли и не знать, как выглядят Живые доспехи, но подобное предположение казалось маловероятным — из области фантастики, граничащей с глупостью. Не каждому княжескому волшебнику оказалось бы под силу сдерживать на себе мощнейшие атаки колдунов. Нам отрядили самых лучших кудесников, среди которых оказался и Скокс, чему я был даже рад.

— Вы готовы умереть за своих отцов, детей и жен? — Речь Радзивилла подходила к заключительному этапу.

Дружный воинственный рев был ему ответом.

— Вы готовы раз и навсегда очистить наши земли от нечисти? — едва начали стихать вопли, вновь спросил князь.

И опять войско отозвалось тысячами надрывающихся голосов.

— Да пребудут с нами боги! За Княжество! — Правитель эффектно взвил своего коня на дыбы и воздел меч к небу.

Под овации Радзивилл спешно ускакал в сторону тылов, попутно выкрикивая подбадривающие реплики. Едва он скрылся из виду, над войском раздалось протяжное хрипение горнов, дающее сигнал к выступлению. Мидлонская армия, словно единый гигантский организм, не спеша вытянулась и уверенным маршем направилась в сторону Крипета.

Глава шестнадцатая, воинственная

Слева от движущихся княжеских войск располагалась невысокая холмистая гряда, уходящая вдаль по прямой с востока на запад, — ее и оккупировала наша рота. С этой небольшой природной возвышенности очень хорошо было видно все, что происходило дальше.

Сперва вдалеке показалась весьма обширная рощица, из которой на полной скорости, галопом наперерез движущейся армии выскочили трое всадников. Признаться, у меня поначалу сложилось худшее мнение об организации боевых действий мидлонскими вояками, однако я вынужден был признать свою неправоту. Они все-таки снарядили разведчиков, чтобы те двигались впереди основных сил. Теперь вот лазутчики спешно возвращалась, причем дико вращали выпученными глазами. Что-то явно было неладно там, впереди.

Потом не прошло и минуты, как небо с запада начали заволакивать густые черные облака. Тень от них скользила по земле так быстро, что едва можно было уследить за ней. Совсем скоро эти тучи прикрыли собой солнце, и контраст окружающей среды резко изменился, будто дневное светило прикрыли гигантской линзой от солнцезащитных очков. Так вот каким образом эти уроды загородили себя от зуда на прямых лучах! Из рощи стали доноситься те давно врезавшиеся в мозг звуки, которые долго еще будут мучить меня в кошмарах: совсем недалеко, за пару сотен метров, громко сипела нечисть. Много нечисти. Очень много!

Вскоре из зарослей начали показываться сами твари. Вот несколько пачвар продрались через кусты, за ними следовала пара волколаков, еще пачвары, опять волколаки. Первые горстки нечисти на несколько мгновений останавливались, в недоумении разглядывая безглазыми мордами армию стоящих перед ними людей, но совсем скоро, ободренные непрерывным появлением все новых соратников, шли вперед, освобождая для них место. Нечистые двигались неспешно, размеренно, периодически задирая кверху морды, для того чтобы издать душераздирающий сиплый вой. Их становилось все больше и больше, проклятые монстры уверенно наводняли пространство перед рощей. С досадой удалось разглядеть, что большинство, если не все, из пачвар сжимало в руках оружие. На это никто из мидлонских стратегов не рассчитывал, в том числе и я. Кащеру вряд ли удалось достать своим детищам качественные клинки, да и научить их толком фехтовать в лесу никто не смог бы, однако

факт оставался фактом, причем пренеприятным: эволюционные уроды оказались вооружены. Пока полчища нечисти прибывали, наша рота все пыталась высмотреть в их рядах признаки единого формирования вражеских чародеев, но безуспешно.

Твари все вылезали из рощи, как фарш сквозь поры мясорубки, и, казалось, не думали заканчиваться. Когда нечистых набралось едва ли не больше, чем княжеских солдат, их хаотичное движение прекратилось. Вся армия Кащера стояла перед нами — тысячи обезображенных чарами колдунов черных морщинистых тел. Они шипели, чесались, переминались с ноги на ногу и своими безглазыми мордами источали такую жуткую, почти осязаемую злобу, что одна лишь мысль о скором столкновении с этими монстрами заставляла мышцы плясать от страха. Даже не представляю, через что пришлось пройти оставшимся в Крипете жителям.

Орда тварей рассматривала неожиданно возникшую на пути преграду и мялась на месте, ожидая приказа к дальнейшим действиям. Руководство мидлонского войска тоже пока не предпринимало активных маневров. Напряжение в воздухе буквально клубилось, и казалось, вот-вот меж двумя армиями проскочит молния. Затишье длилось мучительно долго, пока над станом врага не начал громогласно раскатываться пугающий сиплый хохот, стократно усиленный чарами. Сомневаться не приходилось — этот жуткий смех был мне знаком. И, казалось, впервые я услышал его многие годы назад под сводом огромного грота обители нечисти, скрытой в глубинных дебрях вековечного леса, хотя дело было совсем недавно — не больше месяца прошло.

— Кащер, — злобно прищурившись, процедил я.

Без лишних слов каждый солдат летучей роты принялся пристально выискивать источник этого звука, но в однородной черной массе пачвар и волколаков разглядеть чародейский элитный отряд нашему зрению было не под силу.

— Поздно! — взвыл колдун, прервав, наконец, свой хохот. — Поздно спохватились, людишки! Думаете, обманули великого Кащера Бессмертного? Да, вам это удалось! Ха-ха! Вы даже втайне собрали против нас армию! Пусть так, но вам все равно не остановить моей рати! Вы обречены стать теми, кем суждено…

— Заткнись, ублюдок! — в ответ громом прозвучали слова Радзивилла, перебив колдуна. Кащер замолк в недоумении, а князь жестким голосом отдал приказ войску: — Отродьям — собачья смерть. Уничтожить нечисть! Безжалостно!

Вот это я понимаю: никаких напыщенных высказываний и реверансов в сторону оппонента. Война — значит, война, ничего

лишнего. Несмотря на личную неприязнь, мне пришлось самому себе признаться: что ни говори, а князь Радзивилл являлся выдающимся лидером и грамотным оратором. Он поступил мудро, не дав колдуну закончить деморализующую речь, а отданное уверенным голосом собственное безапелляционное распоряжение только подняло боевой дух солдат. Армия Мидлонии тут же с ревом бросилась в атаку. Сквозь вопли наступавших послышался полный разочарования и злобы приглушенный рык Кащера. Однако нечисть недолго пребывала в растерянности: спустя десяток секунд над их станом то тут, то там стало раздаваться грозное сипение, и вот уже твари неорганизованно, зато дружно помчались навстречу противнику. Началось!

Летучая рота сорвалась вихрем с места и, прикрываясь холмами, понеслась параллельно войскам князя — бойцы не спускали глаз с вражеских рядов. Колдовать в неприятельском стане пока никто не торопился. Кругом, куда ни глянь, виднелись лишь оскаленные пасти пачвар и волколаков.

Обе армии начали стремительно вытягиваться навстречу друг другу. Над полем боя нарастал чудовищный шум. Люди подбадривали себя дикими воплями, твари угрожающе сипели, а воронье, предвкушающее богатый пир, радостно каркало в потемневших небесах. С минуты на минуту какофонию звуков должно было дополнить лязганье стали, неизменно сопровождающееся победными криками одних и предсмертными стонами других.

Войска продолжали быстро идти на сближение, их уже разделяло не больше сотни метров. Первые потери неприятель понес после организованного залпа лучников и арбалетчиков, едва монстры пересекли зону радиуса поражения. Дальше стрелки поливали непрерывно, выкашивая врагов стаями. Но добрая половина из подстреленных тварей вскоре вновь поднималась на ноги — уродцы оказались чудовищно живучими. Вырвавшиеся вперед волколаки — из тех, что выжили после обстрела, — вот-вот готовы были столкнуться с первыми шеренгами копьеносцев мидлонской армии, как вдруг пехотинцы внезапно остановились, сомкнули ряды, плотно прикрылись щитами и, присев на одно колено, уткнули копья древками в землю. Острия пик солдаты нацелили так, чтобы попасть тварям в грудь или брюхо. Вдоль всей линии фронта мидлонцев прошла молниеносная череда едва заметных вспышек — это полковые волшебники укрепляли оборону, повышая пехоте устойчивость и создавая дополнительные щиты.

Набравшие огромную скорость волколаки уже не в силах

были остановиться. Первые из них даже не успели сообразить, что произошло, как уже были нанизаны на копья. Некоторые твари успевали жалобно взвизгнуть, иные даже пытались вырваться и вгрызться в кого-нибудь поблизости, но больше всего, пожалуй, повезло тем из них, которые издохли сразу же. Набирающая мощь волна четвероногих чудовищ разбивалась о неприступную стену мидлонской обороны. Наседающие сзади твари толкали на верную смерть своих более быстрых собратьев. Княжеские стрелки не знали ни минуты передышки, вскоре к ним подключились и чародеи. Повсюду сверкали заряды чар самых разных цветов, форм и размеров, благодаря чему событие приобрело немного праздничный оттенок. Но, несмотря на свою красочность, веселые разряды волшебников выжигали нечисть похлеще стрел и стали.

Когда первая волна вражеской атаки откатилась, копьеносцы спешно расступились в стороны, разорвали дистанцию друг меж другом, и на толпу недоумевающих уродцев из глубины мидлонских рядов стремительным вихрем налетела конница. Как раз подоспевшие к этому моменту на поле брани пачвары начали задорно хрустеть костьми под копытами всадников. Вскоре с бодрым гиканьем в бой подключились фланги княжеской армии.

Зрелище, наблюдаемое нами с холмов, не могло не внушать оптимизма. Соотношение потерь сказывалось явно не в пользу нечистых. Вот что значит грамотная тактика боевых действий, черт возьми, вот что значит армейская выучка! Главное — не сбавлять набранных темпов и уверенно дожать противника.

Однако бывают на войне такие ситуации, при которых не спасают ни самый идеальный стратегический план, ни блестящая подготовка воинов. Хорошо еще, что не вся наша рота, как и я, с восхищением пялилась на боевые действия, — кое-кто удосуживался смотреть по сторонам. Именно этот кое-кто вскоре обратил внимание остальных на опушку рощи, из которой давеча повылезла нечисть. Когда основной поток уродцев схлынул в бой, там осталась небольшая группка, скорее всего, так усердно искомая нами.

Хотя вскоре уже не приходилось сомневаться, что именно наши мишени затеяли там коллективное чароплетение. Даже издалека было видно, как черные фигурки колдунов чаруют нечто, вселяющее ужас одним только процессом подготовки заклинания. От их жезлов кверху били потоки черных молний, которые соединялись друг с другом в нескольких метрах над землей, образуя аморфную темную субстанцию. Казалось, черные дыры в космосе должны выглядеть именно так. Из туч, нагнанных на небо колдунами, в эту субстанцию тоже лупили молнии, во

стократ более мощные, чем у самих чародеев. В отличие от основной массы нечисти, эти товарищи к подготовке боевых действий явно подошли серьезно. Совсем нехорошее предчувствие у меня возникло при виде каши, завариваемой прислужниками Кащера на опушке рощицы. Думаю, Атом и прочие бойцы всецело разделяли мои ощущения, потому как поручик резко скомандовал идти рысцой следом за собой, а остальные без промедления исполнили приказ.

Тем временем темные молнии с небес начали бить в субстанцию колдунов еще интенсивней, и от этого черная дыра принялась хаотично пульсировать с поразительной частотой. Чисто инстинктивно стало ясно: формирование кошмарных чар проходит финальную стадию. Не хотелось даже видеть, как работает это заклинание. Но пришлось. Аккумулировав бешеную энергию, субстанция разразилась десятками разрядов, которые с режущим слух шелестом сорвались в сторону мидлонской армии. Княжеские волшебники, несомненно, заметили вдалеке всполохи молний готовящегося врагом заклинания, поэтому, надо полагать, подготовились к обороне. Было заметно, как чародеи пытались поставить щиты, отбить или поглотить заряды, но этих усилий оказалось явно недостаточно. Лишь там, где по два-три волшебника умудрялись вместе объединить усилия, заклинание получалось отразить полностью, в остальном же быстрые, мощные удары молний оглушительно взрывали под людьми землю, разбрасывая их безвольные тела и конечности в разные стороны.

Я в злобе стиснул зубы, хотя должен был изначально понимать — война есть война, и люди на ней будут умирать в любом случае, как бы хорошо и удачно все ни шло. С другой стороны, если посмотреть на ситуацию иначе, то казалось, ничего крайне жуткого не произошло — все-таки на мидлонцев не ядерный заряд сбросили. Потери, конечно, есть, но не глобальные. Ход битвы вражескими чарами не сломлен — значит, и колдунов можно терпеть в этой игре.

Однако над головой Кащеровых творений вновь начала набирать заряд черная субстанция, причем намного быстрее, нежели в первый раз.

— Поручик, полковые волшебники надолго не сдержат этих чар! — услышал я на скаку крик одного из сопровождавших нас чародеев. — Надо срочно атаковать колдунов, иначе они снесут всю армию к волколаковой матери!

Вот так-то! А я, оказывается, недооценил вражеских кудесников. Наши, небось, в поте лица на поле боя трудятся, а эти стоят спокойно в сторонке да знай себе поливают порядочных

людей всякой гадостью. Еще чуть-чуть — и устроят княжеской армии настоящее пекло. Ну ничего, сейчас мы им как наподдадим, как устроим лобовую атаку! Оттянем на себя усилия, закрутим, отвлечем, а там, глядишь, и основные силы подтянутся. Но у Атома имелись иные размышления на сей счет.

— Идем за грядой, на глаза врагу не показываемся! И чтоб тишина! — отдал он приказ и, пришпорив коня, понесся галопом.

Тут уж летучая рота полностью оправдала свое название — мы не скакали, мы стрелой неслись за командиром, лавируя между холмиками. Фишка, сосредоточенно глядя вдаль, трепещущимися ноздрями втягивала воздух и не отставала от остальных. Я изо всех сил вцепился в поводья, вжался в круп своей лошадки и пытался вспомнить хоть какого-нибудь бога Поляны, ответственного за безопасность дорожного движения. Так быстро перемещаться на живых существах мне еще никогда не приходилось. Краем уха удалось услышать, как со специфическим звуком несколько раз сработало за холмами убийственное заклинание колдунов. Как выяснилось из только что сказанных слов ротного чародея, с каждым залпом волшебникам все сложнее удавалось эффективно совладать с чарами врага. С каждым разрядом чертовых молний погибало все больше людей! Надо торопиться!

То ли от постоянного страха кубарем слететь с лошади путь оказался настолько короток, то ли мы и вправду опережали ветер, но совсем скоро впереди возникла дубовая роща, из которой недавно повылезли нечистые. Рота стремительно ворвалась туда, петляя между деревьями. Тут мой ужас достиг апогея: надеяться приходилось только на чутье и ловкость Фишки, сам я лишь обреченно поглядывал на мелькающие мимо с огромной скоростью стволы дубов самой разной толщины.

Углубившись, мы свернули направо и напролом понеслись через густые заросли. К особенностям скачки по лесополосе я вскоре попривык. Только бы успеть с маневром! Атака вражеским чародеям в лоб, несомненно, могла обернуться опасной затеей, но как знать, может, потерянное на заход в тыл время обойдется слишком дорого для всей армии?

Еще метров двести по чаще, вновь поворот направо, опушка — и вот они! Обходной маневр топографически был выполнен идеально — где-то с полсотни черных сутулых фигур колдунов располагалась прямо напротив нас. Кащера среди них мне сразу разглядеть не удалось.

А ведь тыловой атаки никто из тварей, похоже, не предвидел. Стоят, родненькие, совсем рядом, только руку протяни. Колдуют, ненаглядные, а вокруг вообще ничегошеньки не замечают. Надо

же, какое увлекательное у них, должно быть, занятие! Ну что? Вперед! На смерть!

Не сбавляя скорости, мы молча ринулись на проклятую нечисть. Они как раз старательно завершали еще один подход, и с минуты на минуту из черной дыры должно было сорваться очередное убийственное заклинание. Мы помешали.

Яростно сопя, я галопом несся на противника и не сразу заметил, как вся рота незаметно и тактично пропустила меня вперед. Уже за пару десятков саженей вражеские чародеи услышали приближение нашего отряда. Раздалось громкое, отрывистое сипение, колдуны принялись ошалело разворачиваться и моментально швыряться чарами в кого попало. Попадало в основном в меня. От ярких вспышек, летящих прямо в лицо, пришлось рефлекторно прикрыть глаза рукой. Судя по приглушенному ржанию, доставалось и Фишке, но защита, наложенная в лагере волшебником, пока спасала ее. Вопрос — надолго ли? Бойцам летучей роты уже незачем было скрывать свое появление. За моей спиной раздались воинственные крики, завязалась кровавая сеча.

Раскрыв, наконец, глаза, увидел, что лошадка занесла меня в самую гущу колдунов. Куда ни кинь взгляд — всюду черные страшные рожи. Несколько тварей обступили меня и с агрессивным сипением принялись обстреливать самыми разнообразными заклинаниями. Их недоумение из-за полного отсутствия результата еще больше разжигало бешенство в красных угольках, заменяющих им глаза, чары сыпались градом. Наконец один из колдунов не выдержал, подскочил к Фишке и попытался схватить меня за ногу, чтобы стащить на землю и расправиться физическими способами. Сам не знаю, каким образом острие моего копья проникло ему в глазницу, пробило голову насквозь и вылезло из лысого затылка. Рефлекс, наверное. Тело твари тут же обмякло, и я еле успел выдернуть оружие — остальные колдуны последовали примеру погибшего товарища. Четверо уродцев окружили меня и ринулись в атаку, размахивая руками. Того, что подскочил справа я успел удачно достать копьем в грудь, но его соратник уже рванул когтями левый бок лошади. Фишка протяжно заржала, взбрыкнула, разбрасывая вокруг облака пены, саданула находившегося впереди колдуна копытом в лоб, продавив ему череп, а я, непривычный к таким телодвижениям кобылы, мешком свалился на землю. Несчастное животное, продолжая неистово ржать, ринулось прочь, разбрасывая в стороны попадавшихся на пути колдунов. У меня же совсем не было времени разлеживаться на земле — как минимум двое чародеев желали поквитаться за убитых

товарищей, с таким трудом созданных Кащером. Первый в неистовом броске хотел помешать мне подняться, но я, сгруппировавшись, уперся ногами ему в живот и мощным толчком продлил траекторию полета дальше. Перекат в сторону — и когти другого колдуна вонзились в землю, где только что лежал я. На ноги мы поднялись одновременно. Тварь недолго думая кинулась в атаку, метя длинными когтями в лицо и шею, как раз не защищенные кольчугой. От первых двух ударов я уклонился, следующие два без труда блокировал. Колдуна ничуть не заботила собственная оборона, он даже не пытался прикрывать уязвимые участки тела, поэтому я быстро нашел возможность провести контрудар, но шустрый уродец успел отклониться назад — мой кулак застыл в считанных сантиметрах от его морды. Тварь издала торжествующее сипение, и в тот же момент щелкнул запирающий механизм когтей. Три лезвия с лязгом врезались в его ухмыляющуюся физиономию, круша лицевые кости вдребезги. Грозный враг рухнул мне под ноги.

Появилась лишняя секунда, чтобы осмотреться. В паре метров от меня боец летучей роты схлопотал заклинанием в плечо, и его волчком отшвырнуло назад. Подняться он уже не пытался. Чуть поодаль Прут финтом ушел от заряда чар и насквозь проткнул стоявшего сбоку колдуна. Рядом с ним Черпак сражался с уродцем, у которого только что выбил из лап жезл. В спину бойца уже замахнулся палочкой другой колдун, чтобы разрядить свое заклинание, но Черпака вовремя подстраховал Дрозд, экономным взмахом лишив чародея головы. Вдалеке сразу три сгустка чар смели воина с лошади. Последнего конного рядового. Теперь сражаться верхом остались лишь Атом и волшебники. Их фигуры, закованные в одинаковые золотистые доспехи, рассекали между черными телами тварей и рубили направо и налево — кто чарами, а кто копьем. Поручика от непрерывных атак пока надежно прикрывали Живые доспехи, Скокс и коллеги тоже успешно сдерживали каскады направленных на них заклинаний, но долго это длиться не могло. Атом все время лихорадочно озирался по сторонам. Встретившись со мной взглядом, он прокричал:

— Кащер! Где Кащер?

В ответ я пожал плечами. Главнокомандующего нечистью нигде не было видно.

Битва тем временем продолжалась. Добрую половину отряда колдунов летучей роте удалось проредить, но теперь наложенная в лагере волшебная защита под непрерывными атаками начала проседать, истощаться. Воины сражались ожесточенно и свирепо, но неизменно гибли от вражеских чар. Предсмертные вопли

товарищей все чаще стали терзать мой слух, лишь прибавляя злости. Пользуясь своей невосприимчивостью, я крутился между колдунами как ужаленный, стараясь достать их чем угодно: ударить когтями, пнуть ногой, швырнуть в рожу подобранным копьем или мечом павшего соратника. Избегать драки, прятаться за спины боевых товарищей, как я частенько делал на работе в клубе, не имело смысла — наоборот! Я отчетливо понимал, что когда последнего солдата нашей роты смертников убьют, меня не спасет никакой иммунитет от чар: колдуны просто навалятся кучей и растерзают тело на части.

Совсем скоро я и не заметил, как уже оборонялся в составе квартета. Спиной к спине мы стояли с Дроздом, Черпаком и Прутом, прикрывая друг друга. Неразлучные бойцы сохраняли самообладание, не впали в панику, действовали аккуратно и эффективно. Они ловко уходили от заклинаний и резали колдунов нещадно, одерживая верх мастерством ведения боя, а где-то удача милостиво уберегала их взмахом своего крыла. Остальным повезло меньше: из наших всадников кругом никого уже не было видно, а вскоре вообще живых товарищей по оружию не осталось рядом. Неужели все погибли? И Скокс, и Атом? Даже если так, то нашим часам тоже недолго довелось тикать. Колдунов мы перебили много, но все равно тварей осталось не меньше дюжины. Когда уродцы осознали, что из всех противников лишь четверо бойцов остались в живых, они разорвали дистанцию и со злобными оскалами не спеша окружили нас.

Кругом вперемежку лежали тела нечистых и солдат, черная кровь тварей смешалась с красной кровью людей, а наружу местами прорывалась зеленая травка. Разноцветные волшебные шары, валявшиеся рядом с трупами хозяев, словно елочные игрушки отсвечивали матовыми тусклыми бликами на лучах поблекшего под волшебными тучами солнца. Живописно, черт побери. А помирать-то как не хочется! Но, по ходу, придется. Сначала гады с дистанции чарами расстреляют соратников, а потом и за меня примутся. Потянут свои черные ручонки, начнут рвать кожу, мышцы, связки. Чую, мучительная предстоит кончина. К горлу подступил холодный ком. Может, и сбежать удалось бы, да устал — будто в один присест одолел три марафона. Не дадут ведь уйти, сволочи! Где же ты, Шаман?

— Бывайте, братцы, — тихо сказал Дрозд.

— Бывайте, — поддержал товарища Черпак. — Эх, жаль, впустую все было. Кащера так и не нашли…

— Ничего, зато колдунов знатно порубали. — Я попытался найти хоть какие-нибудь плюсы в сложившейся ситуации. —

Бывайте. С вами, друзья, даже голову сложить почетно.

— Бывайте, — не сводя с нечисти глаз, буркнул Прут.

— Сейчас и вы умрете, — злорадно просипел один из чародеев, и вся их орава принялась чертить в воздухе чарами контрольные заклинания.

Никогда мне так не хотелось жить, как в те мгновения. Жить как угодно, без разницы — хоть бомжевать, хоть в рабстве, но жить. Радоваться солнышку и светлому небу каждый день, ходить по земле, наполнять легкие воздухом. Шаман, где ты, сволочь? Неужели так просто дашь подохнуть лучшему другу? Позволишь этим тварям разорвать меня в клочки? Шаман? Сволочь!..

Шаман меня не услышал, никто меня не услышал, но колдун, ближе всех располагавшийся к дубраве, отрывисто мяукнул и явно не по своей воле высоко взмыл в воздух. На его месте скалился огромный серый волк. Он был не один. На ничего не подозревавших чародеев налетела целая стая и со злобным рычанием принялась за неистовое истребление своих агрессоров. Ну, наконец-то и лесная братия подключилась! Колдуны даже пикнуть не успели — настолько быстро и четко сработали волки, тем более что нечисть никак не была готова к вероломному нападению бывших союзников. В умных глазах лесных хищников пылала ненависть. Волки даже не думали щадить тех, с кем они жили годами бок о бок, тех, кто принуждал их к насильному союзу, тех, кто превращал их сородичей в кошмарных волколаков. На опушке дубовой рощи вершилась кровавая месть, возможности осуществить которую волки с нетерпением ожидали уже очень давно.

Когда от выживших в схватке с летучей ротой кудесников остались лишь ошметки, ко мне подскочил здоровенный волчара со смутно знакомой ухмылкой.

— Варрык?

— Арсенал! — Серый, казалось, еще больше ухмыльнулся.

— Зараза, уже второй раз спасаешь мою шкуру! — поморщился я. — Что ж так долго? Самое интересное могли пропустить.

— Я же говорил тебе: волки — осторожны… — Разгоряченный битвой, Варрык начал нарезать круги вокруг нас. — К чему рисковать? Мы наблюдали за вашей битвой из укрытия. Когда решили, что нам ничто не угрожает, атаковали. Заметь, в переломный момент. Ваши барды сложат песни о нас.

— Погибло много людей, Варрык. Вы могли выйти на помощь раньше.

— Тогда погибло бы много волков, — отрезал серый.

Что ж, логика железная, не поспоришь. Своя шкура ближе к

телу.

Я заметил, как рядовые одним глазом с любопытством следят за нашей беседой, а другим настороженно посматривают на рыскающих вокруг волков. Наконец Дрозд чуть ткнул меня локтем в бок.

— Я так понимаю, мы с ними пока заодно? — украдкой поинтересовался он.

— Вроде да.

— Тогда нам надо найти поручика.

— Надо. — Я не возражал.

Бойцы спешно кинулись выискивать командира среди тел павших товарищей, не переставая коситься на огромные туши волков. Мне и самому не помешало бы помочь солдатам, к тому же хотелось отыскать Скокса, узнать, что с ним. Только вот надеяться на то, что волшебник или Атом остались живы, не приходилось, а сознание напрочь отказывалось в это верить. Ведь чем раньше я увижу их тела, тем быстрее удостоверюсь в страшной правде: они действительно погибли. Заглядывать реальности в глаза не хотелось — наоборот, появилось желание как можно дальше отодвинуть момент печальной истины. Надежда, как-никак, умирает последней. В груди что-то сжалось — защемила черная тоска.

Зато теперь, когда страх перед смертельной угрозой прошел, сердце немного успокоилось, кровь перестала бешено стучать в висках, и до ушей грозным напоминанием действительности донеслись звуки основной сечи двух больших армий. Действительно, ведь там — война. Там свои победы и потери, только в гораздо более крупных масштабах. Кстати, было бы нелишним узнать, как там успехи у наших, — справляются ли? Я развернулся, чтобы взглянуть на поле боя. Варрык сидел на задних лапах и тоже внимательно наблюдал за битвой. Надо же, оказывается, отсюда все видно, как на ладони, а ведь когда с колдунами дрались — было совсем не до пейзажей.

Солнцезащитная туча, несмотря на гибель всех колдунов, никуда не исчезла. Нечисть по-прежнему была защищена от мучительного зуда и продолжала сражаться. Оценив обстановку, понял, что вражеские заклинания заметно подкосили часть мидлонского войска, поэтому преимущество, полученное людьми в начале схватки благодаря удачным маневрам, свелось к нулю. Теперь на поле боя завязалась дикая мясорубка, и сложно было уразуметь, на чьей стороне перевес. А ведь даже маленькой гирьки, легкой поддержки могло оказаться достаточно, чтобы склонить чашу весов на сторону мидлонцев.

— Много вас, волков? — спросил я Варрыка.

— Хватает, — ответил серый.

— Поможете?

— Придется. Придет время. Скоро.

Из-за спины раздался отчаянный крик:

— Ваше благородие! — это был Дрозд, судя по голосу. — Здесь поручик! Он жив еще!

Без слов я сорвался с места и помчал в сторону солдат. Воин оказался прав, Атом еще жил, но смерть уже крепко держала его за руку. Колдуны все-таки нашли уязвимое место на теле командира нашей роты. Зверским заклинанием ему оторвало правую ногу почти до середины бедра. Термический эффект чар обуглил кожу и мышцы вокруг зоны поражения, что спасло Атома от массивной кровопотери, иначе он умер бы за считанные минуты. Заклинание прижгло бедренную артерию, и она почти полностью перекрылась, но просвет немного зиял. Теперь из нее пульсирующим слабеньким ручейком струилась и стекалась в широкую лужу алая кровь. Обожженные ткани ноги сочились белесой жидкостью. На правой голени поручика по задней поверхности зияла глубокая рваная рана — видимо, кто-то из тварей зацепил когтями, но здесь основные сосуды оказались нетронутыми.

Лицо Атома, белее молока, ничто не выражало, лишь слегка страдальчески выгнулись брови — следы нечеловеческих мук и терзаний, которые пришлось ему перенести. Бледные, чуть приоткрытые губы цветом ничуть не выделялись на общем фоне белоснежного лица поручика. Атом не дышал — так, по крайней мере, могло показаться с первого взгляда. Лишь если приглядеться, можно было заметить едва заметные поверхностные вздымания груди. На запястье пульс не прощупывался, только над сонными артериями ощущалось еле живое трепетание. Состояние поручика коротко характеризовалось одним небольшим, но страшным словом — шок. Словом, которым нас так пугали на семинарах по первой медицинской помощи в мою бытность охранником. Те люди, которым в жизни приходилось иметь дело с настоящим шоком, в основном никогда после в шутку не говорят «я в шоке». Теперь и я видел, что такое настоящий шок, и я тоже вряд ли когда-нибудь скажу эту глупую фразу. Слишком оно жуткое на самом деле, это состояние, слишком плотно закрадывается в память.

Не знаю, как сложилась бы судьба поручика, останься хоть кто-нибудь из волшебников летучей роты в живых, — ведь целительские способности чародеев Поляны мне в целом неизвестны, особенно тех, что специализируются на уничтожении. В общем, единственным человеком, который хоть

как-то был в состоянии помочь Атому на данный момент, оказался именно я. Бойцы роты могли только преданно смотреть на командира и в немом бессилии сжимать его ладони, с волков и вовсе взять нечего. А нас, вышибал, на семинарах по первой помощи кое-чему все-таки обучали. Хотя что я мог сделать без лекарств и перевязочного материала? Практически ничего, но то, что было в моих силах, — сделал. Сразу отослал одного из столпившихся вокруг полюбопытствовать волков за водой. Атом потерял много жидкости с кровью, ее хоть как-то требовалось восполнить. Обычно, по идее, таким страдальцам что-то вливают капельно в вену, но где уж мне. От черного балахона валявшегося неподалеку мертвого колдуна я оторвал широкий лоскут, обернул его вокруг культи поручика и закрутил на обломанное древко копья. Получился жгут. Рану левой голени забинтовал более-менее чистым куском ткани, который откуда-то притащил Прут. Тем временем посланный в рощу волк принес в шлеме немного воды. Я приподнял голову Атома и попробовал влить ему пару глотков, но командир даже не пошевелил губами. Как бы в трахею не попало — захлебнется. Я сел на землю, развел руками и обреченно закачал головой.

— Не знаю, что может его спасти. В тыл ему надо, к снабжению, к волшебникам. И то думаю — вряд ли что поможет. Слишком плох.

— Мы донесем, — решительно заявил Черпак.

— Кто-нибудь из нас может отвезти вашего воина, — сказал Варрык. — Но только до линии фронта, не дальше. Люди могут неправильно понять.

— Скорее всего, на скаку вы из него оставшуюся жизнь растрясете. Хотя… другого выбора, пожалуй, нет. Давай, Черпак, сажай командира, будешь придерживать его в пути.

Варрык отдал приказание своему собрату, и тот послушно подошел, опустился на живот. Солдаты бережно подняли поручика и взгромоздили на хребет серому. Атом сидел обмякшей безвольно куклой, устроившийся сзади Черпак с трудом удерживал своего командира. Губы рядового судорожно подергивались: он едва сдерживал слезы. Я знал наверняка, что поручик не доедет, и от этого хотелось протяжно завыть.

— Ваше благородие, — с умоляющим взглядом обратился ко мне Дрозд, — если волк не довезет их до самого тыла, Черпак не справится в одиночку нести сударя поручика. Позвольте и нам с Прутом сопровождать. Всю службу вместе, как-никак.

Я лишь глянул на Варрыка. Тот согласился. Дрозд с Прутом, не теряя ни минуты, взобрались на второго волка. Я подошел к серому, на которого усадили поручика, запустил ему в гриву

ладонь и тихо попросил:

— Ты уж как-нибудь поаккуратней с ним, а?

Хищник фыркнул, тряхнул головой и пружинистым шагом посеменил в сторону холмов.

— Живые доспехи доставьте князю! — крикнул я вслед удаляющимся фигурам и спустя минуту едва слышным шепотом добавил то, что предназначалось лишь одному человеку в их эскорте: — В последний путь…

Чудес не бывает: поручик висел на волоске, готовом в любую секунду оборваться. Из таких экстремальных состояний обратной дороги не бывает, — чтобы понять это, не обязательно иметь соответствующее образование и колоссальный опыт. Достаточно чутья, достаточно просто взглянуть на человека. Атома везли в тыл, но не для того чтобы спасти. Просто поручик, впрочем, как и каждый погибший воин летучей роты, был достоин большего, чем погребение в общей братской могиле. Мы дали Атому шанс быть похороненным с почестями, подстать настоящему герою. Хотя героями были без исключения все бойцы, сложившие сегодня головы на опушке небольшой дубравы.

Также следовало бы доставить в тыл Живые доспехи. Проскакивала до этого шальная мысль оставить их, надеть самому, но я побоялся подобной ответственности. Пусть лучше Радзивилл со свитой решает, кому вновь торжественно вручить эти железяки. Да и где теперь Кащера искать — черт его знает? Но искать надо! Этот ублюдок должен за все ответить!

— Эй, человек, — один из волков присел рядом. — Там, среди трупов, кто-то стонет.

Найти источник шума оказалось непросто. Вообще удивительно, как серый умудрился что-то расслышать из груды разбросанных тел. Отшвырнув мертвого колдуна в сторону и бережно переложив погибшего солдатика, услышал, что стон издает один из наших волшебников. Его погнутые, обляпанные кровью латы с глубокими следами когтей колдунов на позолоте уже не были такими ослепительно блестящими, как в лагере. Убитый в схватке вороной чародея подмял под себя седока, придавив к земле его ногу. Видимо, это и спасло кудесника от верной смерти. Выбывший из боя участник вскоре был прикрыт парой-тройкой трупов, и про него благополучно все забыли. Уткнувшегося в землю лица волшебника видно не было, но измазанные грязью и кровью кудряшки страдальца недвусмысленно указывали, что стенающим чародеем, на радость мне, оказался Скокс. Только вот стоит ли радоваться на самом деле?

Я повернул голову кудесника так, чтобы увидеть его лицо, и

ужаснулся. Волшебника можно было смело снимать в третьесортном фильме ужасов, не особо заботясь о гриме. Половину его лица покрывал поверхностный ожог. Да, вражеские чары ошпарили Скокса неглубоко, но вздувшиеся на коже причудливыми россыпями пузыри разных размеров с мутным водянистым содержимым и опаленные под основание брови с ресницами заставляли вздрогнуть от одного только вида. При мысли, насколько это должно быть больно, я поежился и непроизвольно провел рукой по щеке. Другую половину лица волшебника толстым слоем заливала кровь. С этой же стороны темя чародея украшала шишка размером со спелую сливу. В центре этой шишки зияла вдавленная рана, уже запекшаяся, но судя по виду, она еще совсем недавно кровила. Буквально в одном шаге от волшебника внушительной глыбой лежал камень размером с голову слона, боковушка которого была покрыта кровью. Картина произошедшего прояснилась: Скокс, получив по лицу горячим заклинанием, далее бой продолжить не смог, так как его скакуна сразили враги. При падении чародей расквасил голову о камень, потерял сознание и, придавленный конем, дождался окончания битвы. Когда опасность миновала, волшебник благополучно пришел в себя и, не рискуя привлечь внимания неприятеля, принялся стонать.

Сам чародей теперь пребывал в несколько пришибленном состоянии. Он не пытался двигаться, смотрел в одну точку и не переставая тихонько постанывал. Видать, знатно приложился о камень.

Преодолевая брезгливость, я ощупал голову Скокса вокруг шишки, немного надавил в области отека. Волшебник лишь поморщился от боли, хотя любой другой взвыл бы на его месте. Попахивает серьезным сотрясением. Зато под пальцами ничто не хрустнуло — значит, череп Скокса выдержал удар и не треснул. Хотя не факт.

Тот волк, что таскал воду для Атома, опять был отправлен по накатанному маршруту, остальные помогли вытащить волшебника из-под коня. Других повреждений при беглом осмотре я у чародея не обнаружил. Тем временем посыльный серый притащил шлем воды. Что ж, по идее, моему знакомому кудеснику должно было дико хотеться пить. По крайней мере, на его месте мне бы хотелось. Едва кромка жидкости коснулась губ Скокса, он принялся жадно глотать воду — глубинный рефлекс очнулся и сработал исправно. Что ж, по ходу, чародею повезло намного больше, чем Атому. Этот жить будет. Вскоре сознание потихоньку вернулось к волшебнику полностью. Через минуту из-под наполовину прикрытых век он смотрел на нас уже вполне

осмысленным взглядом.

— Раздери меня волколак, да я никак сдох, — тихо удивился он, разглядывая столпившихся вокруг волков.

— Успеешь еще, — разубедил я кудесника. — Помнишь хоть что-нибудь?

— С тех пор как ворвались в толпу колдунов — ничего… Прошу прощения…

Скокс повернулся набок, и его вырвало. Н-да, неплохо все-таки он себе мозги пришиб.

— Голова крутится — невозможно. А рожа-то как печет! Я что, мордой на сковородке валялся? Какого волка, простите, уважаемые, меня тошнит, будто вчера был торжественный банкет после Сейма? Лучше б я сдох, чтоб мне пачварой стать! Пора с этим заканчивать. Где шар с жезлом?

Его синий носитель чар валялся неподалеку, а палочку, похожую на ту, что он постоянно таскал с собой, тоже вскорости нашли. С моей помощью чародей потихоньку принял вертикальное положение и дрожащими руками начал старательно вычерчивать заклинания. Нечто, напоминающее так запомнившуюся мне отрезвляющую бабочку, еще пара каракулей — и старина Скокс тут же преобразился, стал выглядеть намного презентабельней.

— Теперь давай рассказывай, что здесь произошло, — строго потребовал волшебник.

Я в двух словах обрисовал картину скоротечного сражения с колдунами. После окончания доклада чародей скрестил на груди руки и, грозно нахмурившись, с минуту наблюдал за боевыми действиями вдалеке. Все молчали.

— Ладно, — произнес наконец он. — Эти, пожалуй, пока сами справятся. Тем более, как я понимаю, их ждет подмога, — Скокс многозначительно посмотрел на Варрыка, и тот не менее многозначительно кивнул в ответ. — Попробую догнать наших выживших. Глядишь, что-нибудь сделаю с командиром. Хотя, если ты не приукрасил, то, как ни печально это говорить, наш доблестный поручик, скорее всего, уже мертв. В любом случае надо проследить, чтобы Живые доспехи были доставлены по назначению. Ты сам что думаешь делать?

— Пойду с ними, — я указал глазами на волков. — Атакуем нечисть с тыла, зажмем в тиски. Уничтожим чертовых тварей.

Волшебник согласно покивал.

— Отлично. Тогда удачи вам! Надеюсь присоединиться в ближайшем времени. Позвольте…

Скокс оседлал ближайшего волка, и тот послушно понес его в сторону гряды холмов.

Среди огромных лесных хищников я остался один и чувствовал себя, мягко говоря, не в своей тарелке, а грубо — не в своей кастрюле, и вообще не на своем банкете. А вдруг кто-нибудь из серых проголодается?

— Ну? Когда уж с духом соберетесь? — наконец спросил я Варрыка.

— Ветер говорит, еще не время, — глядя на поле боя, ответил предводитель волков.

— Твою дивизию! Хватит уже с ветром разговаривать! Какая-то психиатрическая ветеринария получается, ей-богу! Новое слово в медицине. Что ты все на несуществующего советчика ссылаешься? А! Понятно! Ждешь, когда нечисть наконец заметит, что их больше никто не поддерживает чарами, а тыл растерзан вдребезги? Брезгуешь эффектом неожиданности? Что ж, вполне опрометчиво. Сейчас кто-нибудь из них отвлечется, посмотрит, что делается за спиной, и ахнет. Знаю — ты хочешь понести как можно меньше потерь, но в нашем случае выжидательная тактика вот-вот перестанет себя оправдывать. Хотя что я тебе тут рассказываю! Ты же, наверное, участвовал в тысячах подобных сражений?

Варрык недовольно засопел. Конечно, у волков полностью отсутствовал опыт массовых битв, да и откуда таковому взяться в лесных дебрях? Охотиться стаей — это да, но не воевать. А вожаку хотелось, чтобы после схватки выжило как можно больше собратьев из его племени, потому волчара и временил, сомневался.

— Ветер говорит — пора, — наконец решился он и пригнулся: — Залезай.

— Как вовремя!

С приглушенным рыком шайка хищников сорвалась с места. Вцепившись в шерсть Варрыка, я обернулся назад: из дубравы одна за другой выныривали все новые косматые громадины волков и устремлялись вслед основной группе. С дьявольской улыбкой я вновь устремил взгляд на маячащие вдалеке спины ничего не подозревавших, увлеченных боем пачвар. Молитесь своему Кащеру, ибо идет! Идет уже подмога, которая обеспечит столь необходимый мидлонцам перевес!

Но не тут-то было! Воздух позади нас буквально разорвало оглушительным ревом, который напрочь перекрыл звуки яростной битвы. Едва выдерживали барабанные перепонки. Казалось, в дубовой роще с ума сошел оркестр из тысяч тромбонов. Неужели… Выплывшая из-за горизонта серо-зеленая громада заслонила собой, казалось, полнеба.

— Цмок! — За чудовищным шумом никто меня не услышал.

Он все-таки прилетел. В переломный момент для нечисти его позвали, и он явился. Трехголовый змей, несмотря на свои огромные размеры, легко парил в воздухе, расправив широченные перепончатые крылья. Цмок летел с невероятной скоростью. Надрывно трубя во все глотки, он спикировал на стаю мчащихся волков, пролетел над нами, едва не задевая головы животных, и опять взмыл высоко в небо. Здоровенных лесных хищников чуть не снесло порывом воздуха из-под крыльев гиганта. Над армией нечисти он закрутил вираж, накренившись в сторону, а затем резко развернулся и полетел вдоль линии фронта, прикрывая своей гигантской тенью уже головы оцепеневших от страха мидлонских воинов. Про эдакое страшилище, уверен, далеко не каждому из них даже сказки перед сном в детстве рассказывали, а тут довелось увидеть вживую!

Вдруг Цмок приник резким броском к земле, растопырив головы в разные стороны, и порывистым взмахом крыльев отпрянул ввысь. Это было ужасно! В каждой лапе чудовище сжимало кричащих от ужаса людей, все три пасти его стискивали до смерти перепуганных солдат. Они дергались, безуспешно пытались вырваться из ловушки, а змей взлетал все выше. Он мог раздавить свою добычу толстыми хваткими пальцами, мог разгрызть бойцов мощными челюстями, но не сделал этого. Природа наделила гиганта разумом, и, оказалось, у него были свои планы. На огромной высоте Цмок сложил крылья, штопором крутанулся на месте и расшвырял еще живых людей в разные стороны, устроив ужасающий в своей жестокости фейерверк. Чудовище протяжно затрубило — ему, видимо, понравилось развлечение. Издевательство над людьми доставляло удовольствие этой твари! В сторону гиганта, наконец, полетели стрелы, но, к сожалению, его толстая шкура выдерживала точные попадания лучников и арбалетчиков.

Не останавливаясь, змей пошел на второй заход. Когда Цмок вновь приблизился к войскам, его встретил залп заклинаний, но и чар оказалось недостаточно. То ли мидлонским волшебникам не хватало мощи, то ли кто-то неплохо зачаровал гигантского летуна, но разноцветные атаки эффекта не принесли. Монстр тем временем вновь приземлился и набрал новых «пассажиров» на предсмертный рейс. Остальные солдаты в ужасе разбегались, лишь немногие смельчаки отважились издалека швырнуть в исполина копьями. Ничто не помогало против трехголовой громады. Запахло паникой.

— Его надо остановить! — прокричал я Варрыку.

— Как? — Серый, кажется, впервые за время нашего знакомства был растерян.

— Нам с тобой придется рискнуть! Только надо привлечь его внимание!

Была у меня одна идейка — до того сомнительная, что я даже удивился, как это мне хватило храбрости попробовать осуществить ее. Только пока в голову не приходило: каким бы фортелем обратить на себя внимание этой туши?

— Что ты задумал? — на бегу спросил волк.

— Отвлеки Цмока, пускай он за нами погонится, а потом, когда будем подальше от резни, сбросишь меня, а сам спасайся! — орал я в ухо Варрыку. — Сможешь?

— Смогу, — рыкнул он в ответ.

Было удивительно, что волк обошелся без соответствующих фраз типа: «Да это самоубийство!» — или: «Надеюсь, ты знаешь, что делаешь!» Он просто молча поскакал в сторону, где сейчас резвился Цмок.

Появление рептилии поначалу дезориентировало обе стороны, но теперь схватка продолжалась как ни в чем не бывало. Зазевавшись на чудище, можно было запросто свалиться с разорванной глоткой — нечисть-то никуда не делась, посему завязшие в гуще боя солдаты решили оставить разборки со змеем тылам. Угрозы для жизни под боком и без него хватало: протяни только руку — и легко с ней расстанешься.

Варрык мчал сломя голову, расталкивая корпусом попадавшихся на пути пачвар, некоторых, если появлялась возможность, умудрялся ухватить зубами и на ходу разорвать на куски, при этом ничуть не теряя в скорости. Волки, следовавшие за нами, тоже вклинились во вражеские ряды и принялись с остервенением терзать ненавистную им нечисть. Если бы не Цмок, исход битвы был бы уже решен.

Вскоре мы вовсю рассекали среди солдат мидлонской армии, преследуя летучего змея. Приблизиться к нему никак не удавалось, Цмок постоянно менял направление, кружил, вертелся, вероятно, выискивал участки княжеских войск, где скопления людей казались ему более густыми и аппетитными. Один раз мы проскочили совсем рядом, когда сброшенный им с высоты солдат, дико вопя, глухо ударился оземь справа от меня и замолк. Но змей вильнул в облаках и улетел прочь — терроризировать соседний батальон. Обеспокоенные, испуганные солдаты с нескрываемым ужасом смотрели вслед парящей в небесах громаде, разбрасывающей их товарищей по оружию, а когда перед ними появлялся волк с седоком, лишь отскакивали в сторону и продолжали пялиться в небо. Н-да, удивить их чем-либо после триумфального появления Цмока было непросто.

Наконец траектории наших движений совпали, чудовище

приземлилось за очередными жертвами в сотне метров от нас. Варрык остановился, тихо зарычал. Шерсть его поднялась дыбом, вокруг пошли едва заметные вибрации воздуха. Дальше произошло невообразимое: к волку потянулись водоворотом самые настоящие струйки зеленоватых чар, стали проникать в него через кожу. Мышцы хищника задрожали, он глубоко и шумно втянул носом воздух, расправив легкие до упора. Когда Варрык рявкнул, меня подкинуло вверх на метр, а в ушах загудел колокол. Казалось, его рык должен был услышать каждый житель Поляны, включая самые восточные провинции Казмада. Хаотичное мельтешение войск вокруг на секунду замерло, а траву прижало к земле в радиусе нескольких метров. Цмок медленно повернул в нашу сторону все три головы, изучающее уставился. Варрык лютым взглядом сверлил глаза средней башки монстра, потом вновь набрал воздуха и так же оглушительно рыкнул. Очень смахивало, будто волк вызывал противника на бой. Да уж, что-что, а провоцировать врага хищник умел великолепно! Змей пронзительно зашипел, развернул свою исполинскую тушу в нашу сторону и ринулся в атаку. Волк дожидался, пока Цмок наберет приличную скорость и приблизится, а потом резко ушел вбок, ловко увернувшись от когтей. Гигант отлетел дальше по инерции, и теперь, чтобы развернуться, ему требовалось время. Этот маневр лохматого едва не заставил выскочить мое сердце — такого страху я натерпелся, пока чудище летело на нас!

Дальше волк лавировал между солдатами, постоянно меняя направление, и стремительно отскакивал в сторону, едва погоня становилась угрожающей. Цмоку пока не удавалось нас достать, но это лишь разъяряло тварь. Как бы взбешенный гигант не сожрал меня сразу после того, как я слезу с волка, не соизволив поговорить. А поговорить надо, непременно!

Когда мы подъехали к флангу мидлонского войска, волк последним обманным финтом заставил змея вновь пролететь мимо и выскочил на открытое пространство. Пулей мы пронеслись еще метров двести, когда Варрык остановился и развернулся. Цмок заходил на вираж и уже направлялся в нашу сторону. Я слез на землю, еле успокоил дрожащие ноги. Волк сел рядом.

— Я же тебе говорил: как спрыгну — спасайся, — напомнил я.

— Не хочу казаться героем, но если побегу — летающее отродье набросится не на тебя, а будет преследовать меня дальше. Но ведь ты, а не я, знаешь, как его убить.

Оптимист…

Цмок заметил, что мы уже никуда не торопимся, и тоже сбавил обороты. Если можно так выразиться, подлетал

вразвалочку, не спеша. Появилось лишнее время, и можно было сентиментально попрощаться, но вместо этого я спросил:

— Ты что, можешь управлять чарами?

— Не одним только людям воротить заклинаниями.

— И много среди вас волков-волшебников?

— Это волчья лесная тайна. Спроси у ветра.

Я лишь фыркнул в ответ. Нашел когда в молчанку играть.

Цмок тем временем уже приземлился перед нами, вытянул шеи, приблизив головы почти вплотную. Монстр тяжело дышал.

— Притомился я за вами гоняться, — пробасили три головы одновременно. — Вот сейчас подкреплюсь — вы, надеюсь, вкусные, — отдохну маленько и — опять за дело. — Одна голова гиганта посмотрела в сторону мидлонского войска, недвусмысленно указывая, что у него там за дела. — Только очень уж хочется узнать, что за игру вы со мной затеяли. Сначала своим писклявым рыком угрожали… — Варрык с недовольством засопел в ответ. — Потом убегать вздумали… Теперь, смотрю, сказать что-то решили перед смертью. Ты! — когтем передней лапы змей указал на меня. — Я тебя помню. Ты был в крепости Кащера в лесу. Потом сбежал, как мне помнится. Глупец! Нашел от кого и куда бежать, когда следовало делать совсем наоборот! А вы, волки. Я был о вас лучшего мнения. Когда предлагают вековое долголетие — пренебрегать им? Связываться с никчемными людишками? Глупо! Что могут дать вам эти недоразвитые существа? Мало мы их за океаном погрызли, так они еще тут, в лесу наглеть начали.

— Как я погляжу, друзей у тебя маловато, раз ты таким говорливым чуть ли не с первыми встречными врагами стал, — собрав последние остатки смелости, усмехнулся я. — Скучно живется, видать. И зачем тебе это долголетие, которое обещает Кащер? Чтобы на пару веков дольше влачить свое унылое существование? А не лучше ли прямо сейчас взять да и сдохнуть? Я могу тебе в этом помочь. Хочешь, я убью тебя?

— Ты? — изумился гигант. — Ты, человечишка? Не смеши меня!

Все три головы Цмока раззявили свои пасти, затряслись в пушечном хохоте. Смех был искренним, заливистым, я бы даже сказал, заразительным. Подобное заявление на самом деле изрядно рассмешило громадного летуна. Самозабвенно веселящийся монстр не заметил, как я сосредоточенно копошусь за пазухой, сквозь свой громкий смех не услышал, как с тихим щелчком из гранаты выходит чека и падает в траву.

— А ты посмейся, — зло сказал я и швырнул трофейную лимонку в разверстую ближнюю глотку чудовища.

Змей поперхнулся, удивленно уставил на меня шесть своих глаз, а я уже лихорадочно карабкался на волка.

— Гони!

Лишь бы только сработала, только бы не осечка! Так бережно мною содержавшийся непроизвольный подарок соседа, Леонтия Палыча, несмотря на свой приличный возраст и условия хранения последних десятилетий, просто не имел права подвести. Я ведь мог использовать гранату десятки раз до сего момента, даже сегодня, еще во время нападения летучей роты на колдунов, но не сделал этого. Во-первых, точно не был уверен, произойдет ли переломный момент в битве, даже если она сработает, во-вторых, очень боялся, что взрывом зацепит меня или особо шустрых соратников, а в-третьих, просто чувствовал, что тщательно скрываемый за пазухой отголосок Второй Мировой войны в сегодняшней битве мне еще обязательно пригодится. И ведь пригодился!

Едва я оседлал Варрыка, внутри Цмока что-то приглушенно булькнуло. Глаза твари от боли чуть не повылезали наружу. Через долю мгновения над полем боя прокатился полный страдания рев гиганта. Из ноздрей и распахнутых в предсмертном вопле глоток змея повалил дым, шеи чудища задергались в конвульсиях, заплетаясь друг вокруг друга. Исполин покачнулся, отклонился назад, из последних сил сохранил равновесие и начал угрожающе заваливаться вперед, прямо на нас. Если бы не природная резвость Варрыка — быть нам погребенными под многотонной тушей рептилии. Хорошо, что косматый хищник решил оставаться со мной до конца. Серый успел спасти нас обоих. Буквально пара лихих прыжков — и смерть вновь оказалась не у дел, прогремев за спиной: с тяжелым грохотом тело Цмока рухнуло прямо позади нас, ощутимо встряхнув землю-матушку. На траву из всех трех пастей чудовища хлынула красная кровь. Похоже, граната неплохо разворошила внутренности страшному змею — очень уж быстро гигант отмучался. По этому поводу я даже немного расстроился, да простит меня общество защиты животных.

Волк и я с подозрением осматривали обмякшую тушу страшилища. Лишь когда по его телу волной пробежала последняя судорога, я окончательно убедился — тварь мертва.

— Шашлыка на всю Мидлонию хватит — когда победу начнут праздновать, — устало прокомментировал я ситуацию.

— Чем ты его так? — спросил Варрык.

— Гранатой. Штуковина из нашего мира. Объяснять долго. Ну вот, зато хоть перед смертью огнедышащим побыл, а то не дело ведь.

Глядя на мертвую громаду, я осознал, сколько еще работы

придется людям на него угробить. Ведь труп рептилии не закопают просто так — мозгов-то должно хватить. Сначала загрузят в самую большую телегу княжества, потом пригонят в прозекторскую для динозавров — и там уж детально распотрошат, изучат на предмет полезностей. Остатки набьют соломой и украсят чучелом княжеский дворец, причем, скорее всего, где-нибудь снаружи, по фасаду — размеры-то впечатляющие. Вот и будет назидание другим Цмокам: не лезь в Мидлонию! С другой стороны, вдруг за этого Змея Горыныча вскоре прилетят мстить собратья. На всех летунов гранат в княжестве явно не хватит. Вообще, в случае чего, ни одному из них такого вкусного угощения не перепадет — закончились. Как налетят боевым звеном откуда-нибудь из-за океана!

— Кстати, — вспомнилось мне, — чего это змей рассказывал про людей каких-то, что за океаном? Не в курсе?

Действительно, ведь я давненько задумывался об этом: такого не может быть, чтобы людская популяция на этой планете ограничивалась лишь рамками Поляны. Местным-то думать об этом не приходилось, они даже в лес два шага сделать боятся. А просторы вокруг обширные, и волки, которые на них обитают, возможно, заглядывали дальше и знают больше. Тем более что на данный момент выкроилась свободная минутка, и мне перепал выдающийся шанс поговорить с одним из лохматых.

— Океан, — сказал Варрык и задумался. — Это очень далеко. Я ни разу его не видел. Но с запада иногда к нам доходят слухи о стаях, которые живут на самом берегу огромного озера. Его и называют океаном. Вода в нем соленая, а волны в непогоду выше, чем Цмок. Так говорят. Что там дальше, за этим океаном, — никто не знает.

Во как! А вдруг там цивилизация? Да похлеще, чем у местных? Хотя протяженных белых следов от авиалайнеров, бороздящих небеса вдоль и поперек, пока ни разу не наблюдалось — значит, не так уж они круты, эти заокеанские человечки. С другой стороны, поди составь конкуренцию в авиации таким летунам, как Цмок. Тогда, может, соседи преуспели во флоте? Правда, в таком случае их корабли уже давно бы пришвартовались к берегам этого материка, в то время как приморские племена волков должны были заметить вторжение и распространить тревожные слухи по лесу. Варрык, пожалуй, знал бы о конкистадорах, появись они на побережье. Получается — с межконтинентальными заплывами у западных племен тоже напряг. К тому же убитый змей говорил, что имел обыкновение обедать тамошними жителями в компании со своими товарищами. У нас, на Земле, подобную шайку

прожорливых перепончатокрылых мигом расстреляли бы из зенитно-ракетных комплексов — лишь перья в воздухе парить остались бы. Так что не настолько, должно быть, развита эта цивилизация из-за океана. А вообще, какое мне сейчас дело до далеких соседей? У меня и тут, на Поляне, проблем осталось выше крыши.

Одной из них являлась потихоньку затихающая битва. Без воздушной поддержки остатки армии нечисти начали явно сдавать, но, видимо, запрограммированные на бой до конца, бежать даже не думали. Воодушевленные гибелью гиганта, мидлонские воины с энтузиазмом ринулись дорезать неприятеля. Волки теснили тварей с противоположной стороны. На этот раз вряд ли что-то могло поколебать исход битвы. Меня же терзала дилемма: присоединиться к войскам и попинать вражин или закончить на сегодня геройские выходки. Потрепанный за последние дни организм как по команде напомнил о себе ноющими конечностями — он весьма настойчиво требовал передышки. Посему размышлял я недолго: судя по ходу сражения, ребята и без меня справлялись неплохо, а Радзивилл вообще с самого начала приказал не высовывать носа из шатра. Хоть напоследок исполню волю князя. Тем более что стоило хорошенько подготовиться к решению второй проблемы.

Где-то на переходах Крипета в неволе томилась моя любимая девушка, и стоять в сторонке, пока ее вместе с остальными будут спасать какие-нибудь сомнительные благородные рыцари, я не собирался. А ведь город-факел ныне может оказаться довольно горячей точкой. Пленников, само собой, держат под охраной, которая вряд ли пойдет на переговоры. Да, непросто будет без снайпера. Кстати, сам Кащер куда запропастился? Среди колдунов его не было, на поле боя, в толпе рядовой нечисти полководцу, по идее, тоже находиться не совсем престижно. Скорее всего — перед началом заварушки отлучился, чтобы вызвать Цмока. И теперь логика подсказывает, что у верховного колдуна будет лишь два выхода: уматывать в гордом одиночестве обратно в свой лес — или засесть в Крипете вместе с заложниками. Если второе, то немаловажно — кому на этот раз мидлонские полководцы во главе с князем доверят Живые доспехи?

Между прочим, очень любопытно, где сейчас находится и чем занимается подлый предатель Шаман? Тоже сомневаюсь, чтобы он бок о бок бился с мерзкими созданиями против людей. Но ведь шастал же где-то. Вряд ли сидел сложа руки.

Третья насущная проблема возникла настолько неожиданно, что первые две отошли почтительно на задний план. Произошло

то, чего я с великой надеждой и нетерпением ожидал уже давным-давно.

Сперва мы довольно тепло попрощались с волком. Варрык помчал на подмогу своим собратьям. Лишь напоследок просил передать руководству княжества, что лесные хищники после боя территорию Поляны покинут незамедлительно и в Нюрнбергском процессе участия принимать не будут. Я с легким чувством грусти вздохнул вослед огромному зверю — вряд ли мы когда-либо еще встретимся — и собрался было направиться в сторону тылов. Оттуда по направлению ко мне только что выдвинулся конный отряд человек из десяти. Видать, заметили, что Цмок уже битый час не шевелится, — вот и осмелели: решили разведать, в чем дело. А мне от этого только польза: глядишь, подкинут на обратном пути.

Не успел я толком обрадоваться, как прямо между мной и всадниками в воздухе, на высоте трех локтей, начало неспешно расплываться серебристое пятно. Клякса потихоньку расползалась в стороны, образуя круг, а центр ее зарябил мелкими волнами. Это пятно я узнал сразу и безошибочно. Точно такой круг, похожий на стену ртути, я видел как раз перед самым попаданием на Поляну. Сердце на секунду замерло в ожидании, но вскоре затрепетало в диком, необузданном восторге! Передо мной разверзался тот самый телепорт!

Не чуя себя от радости, забыв про ноющую боль в мышцах, я со всех ног бросился к пятну. Пятну между моей прежней жизнью и настоящей. Пятну, через которое, наконец, можно будет вернуться домой. Спотыкаясь, хватая ртом воздух, я сломя голову несся отсюда прочь — к миру с электричеством, водопроводом и двигателем внутреннего сгорания. Я боялся лишь одного — чтобы долгожданный портал предательски не захлопнулся прямо перед носом. Одна мысль об этом заставляла зрачки расшириться, а сердце низвергнуться прямо в пятки, поэтому я старался бежать изо всех сил. Приближавшаяся конница, наоборот, предусмотрительно сбавила темп, явно предпочитая наблюдать за диковинным явлением издалека.

«Домой, домой, домой!» — повторялось единственное слово, оставшееся в голове, мое заветное желание, затмившее сейчас все остальные. Наконец-то домой! Да, я заслужил эту путевку, я ее здесь выстрадал, выгрыз зубами, выцарапал ногтями! Очень уж многое пришлось мне пережить, чтобы теперь остаться без награды. И пусть в этом мире все хоть рухнет, хоть пропадет, но я и так многое для него сделал. Мне абсолютно не в чем себя винить! Только вот…

До выросшего и стабилизировавшегося пятна я не добежал

всего двух метров: остановился, медленно, со стоном развернулся и в тоске сжал кулаки. Нет уж! Так просто ничего не получится. Прожить оставшуюся жизнь — пусть с теплой ванной, пусть в уютном доме со всеми удобствами, но с тяжким чувством вины, — просто невозможно. Зачем комфорт вокруг, если его никогда не будет на душе? Зачем терзаться каждый день, но не за то, что бросил, а за то, что не пришел, и за то, что потерял? Какой в этом смысл? Что подумает Арлета, когда я не приду за ней? Когда ее вызволят другие, а обо мне скажут лишь — исчез, тела не найдено. Всю жизнь вспоминать ее глаза? Думать: как она там, все ли в порядке? Не слишком ли подло, сидя в целости и сохранности на диване? Оказалось, что теперь, если мне действительно хочется того самого комфорта, о котором я мечтал, выбор придется делать даже не между родным домом и любовью, а, получается, между родиной и… собственной совестью? Надо же! Как вовремя ты опять очнулась, подруга. Сегодня она была ко мне безжалостна. А еще совесть напомнила про моего все еще друга. Покопавшись в глубине души, пришлось признать: Шамана, с виду спокойного, уравновешенного, холодного, а на самом деле испуганного болезнью, потерявшегося в себе парня — я не мог позволить себе оставить здесь одного. Ему надо помочь, и в первую очередь — помочь одуматься.

Я медленно сел на траву, обхватил руками колени, шмыгнул носом и с меланхоличным видом уставился на телепорт. А родненькая Земля была так рядом! Но выбор сделан, и теперь не хотелось никуда спешить, а просто хотя бы взглядом проводить свой, возможно, последний шанс покинуть Поляну.

Когда из сверкающего тысячами бликов круга начали вываливаться люди, я не сразу сообразил, в чем дело, — слишком глубоко погрузился в мысли, да и, по правде говоря, подобных экземпляров давно уже отвык видеть. В мешковатой серо-коричневой камуфлированной форме с разгрузками, забитыми патронами, гранатами и прочей жизненно необходимой ерундой, их тела выглядели непропорционально большими и широкими по сравнению с головой. В руках ребята держали модификации «калашей» — то ли АКСУ, то ли ТИСС, я в этом слабо разбираюсь. На крепких стриженых черепах залихватски торчали зеленые береты набекрень, ноги украшали отполированные до появления собственного отражения берцы. Что интересно, каждый из этих вполне здоровых с виду парней буквально выкатывался из телепорта, на карачках отползал в сторонку, и каждого из них обильно и неудержимо рвало на травку. В принципе, меня, помнится, вообще отрубило напрочь, так что молодые люди, получается, держались бодрячком.

Вот те на! Похоже, нарисовалась экспедиция с родных просторов! Хотя, с другой стороны, чего я ждал? Что специально для меня распахнули телепорт и теперь с нетерпением ждут, когда я замечу его и вернусь обратно? Бред! Хорошо еще, если про злостного срывателя экспериментов телепортации вообще помнят. Ну что ж. Почти вовремя прибыли, бойцы. Еще час назад ваше присутствие могло бы многое изменить, а сейчас…

— Что-то вы, ребятки, долго, — сделал я вид, будто смотрю на часы. — Стою тут, видишь ли, целый месяц жду, а они только собрались. Как дела на Земле? Как картошка? Уродилась?

Парни пока все равно себя неважно чувствовали, справляясь с выбросами собственных организмов, поэтому вряд ли обращали пристальное внимание на то, что я говорю. Наконец один из них, видимо, толком не успевший позавтракать, первым закончил процедуру. Это был мужик средних лет, сурового вида, с широкими скулами и массивным подбородком. Его маленькие, близко посаженные глазки при внимательном рассмотрении оказались на удивление умными, а седина, солидно пробивающаяся среди темно-русых волос, явно свидетельствовала о непростом жизненном опыте. Мужчина поднялся на ноги, скривился, вытер губы рукавом и с любопытством посмотрел в сторону поля боя — там все еще шло сражение. Затем взгляд его перешел на тушу Цмока, и отвыкшее за долгие годы чему-либо удивляться лицо бывалого человека вскинуло с недоумением брови, собрав на лбу кучу складок. Небось, подумал — в сказку попал? Вдоволь налюбовавшись громадной диковинкой, наконец мужчина обратил на меня внимание и дуло автомата. Его взгляд все еще слегка плыл после тяжелого перехода в другое измерение.

— Шамов Александр Михайлович? — спросил он.

— Отнюдь, — я покосился на оружие. — С подлецом Шаманом даже не знаком.

Надо же, оказывается, у моего дружка-то штуковина в голове — далеко не единственная проблема.

— Значит, Вороховец Арсений Владимирович, — уверенно сказал седой.

— Ну так, разве что совсем чуть-чуть… — Я не отводил глаз от направленного мне в грудь ствола.

Вот, значит, какие дела! Бойцы, оказывается, и меня знают! Интересно, как это им удалось?

— Он самый, товарищ майор, — отозвался один из уже очухавшихся ребят. — Вы что, с Шамовым его перепутали? Это последствия перехода. Предупреждали — могут возникнуть проблемы со зрением. А ведь они и вправду похожи. Но этот — Вороховец, точно. Как на фотографии в разнарядке.

Остальные земляки были явно моложе того, что справился с последствиями телепортации первым. По ходу, он и являлся среди них главным. Майор, надо же! Значит, гости армейские. Командир хорошенько зажмурился, протер глаза и тряхнул головой.

— Надеюсь, вы не убить меня прибыли? — решил я уточнить. — А то многие здесь обидеться могут. Очередь, знаете ли.

— Нет, — ответил седой. — Приказ — максимально разведать обстановку иного измерения, по возможности вернуть назад своих граждан.

— О! — воскликнул я и с энтузиазмом начал: — Так вам сказочно повезло. Я вас познакомлю с самим князем Радзивиллом Седьмым. Он тут заправляет половиной местности. Руководитель второй половины сейчас, к сожалению, немножко умер, и там у них, наверное, выборы. А с князем поговорите, все вопросы уточните. Пока идти будем — он тут недалеко, на войнушку выбрался как раз, — сам кое о чем расскажу вам. Я тут в гуще событий последний месяц. Шамана, то есть Шамова Александра, тоже найдем. Он где-то здесь недалеко сейчас бегает. В общем, поставленную задачу выполните на все сто процентов, я помогу. Только надо бы, чтоб и вы мне тоже помогли немножко. Ну как?

Появившуюся из телепорта подмогу я попросту обязан был каким-нибудь образом для себя задействовать, но пока не представлял — как. В этот момент я, к собственному огорчению, начал ассоциировать себя с неандертальцем, которому вручили пульт от телевизора. Вроде и есть инструмент управления, а вот как им пользоваться — черт его знает! Для начала, пожалуй, стоило справиться в штабе об окружающей обстановке, для чего не помешало бы заявиться всей бандой князю на прием.

Пока я говорил, пришедшие в себя солдатики с нескрываемым любопытством озирались по сторонам. Внимательно меня слушал, наверное, только майор.

— Что здесь происходит? — он указал в сторону затихающей битвы. — Кто воюет? Что за твари? Это что за Змей Горыныч?

— Да не волнуйтесь. На поле боя ребята сами, без вас уже справятся. Пойдемте к Радзивиллу, по дороге все расскажу.

— Что ж, веди, — после минутного раздумья решил седой. — Собрались! — рявкнул он своим архаровцам. — Оружие наизготовку. Следовать за мной. Смотреть кругом во все глаза.

— А сами-то вы кто? Что за войска? Спецназ? — полюбопытствовал я в дороге.

— Сейчас не имеет значения, — отрезал майор. — По прибытии все объяснят, кому положено. Ты рассказывай.

Ну, я и рассказал, что к чему. Вкратце. Затронул лишь основные моменты: что за местность, основные жители, уровень развития, кто с кем и за что воюет.

Конный отряд, выдвинутый с тыла мидлонского войска, тем временем слегка осмелел и продолжил свое движение, настороженно следя за непонятными людьми. Всадники с опаской остановились в десятке метров от нашей группы, когда я увлеченно перечислял бестиарий Поляны. Наивные кавалеристы даже не подозревали, какую угрозу несут наставленные на них стволы автоматов.

— Кто такие? — требовательно взвизгнул командир конницы.

— Гости. Великие Пришельцы. Они теперь пачкой заявиться решили, — объяснил я. — К князю идем поклон бить. Вы бы предупредили его величество!

— Опять пришельцы? — едва слышно, почти про себя воскликнул конник и махнул своим.

Всадники сомкнули ряды и принялись шушукаться. Вскоре их командир вновь повернулся к нам и спросил:

— А со змеем что?

— Убит. Мы с волчьим вожаком убили.

Конники разделились на две отчетливые группировки, одна из которых взирала на меня с восхищением, а другая — с явным недоверием. Вот уж, чувствую, слухов по Мидлонии поползет. Еще раз посовещавшись, командир кавалерии заявил:

— Хорошо, вы идите к князю, мы предупредим посты, чтобы вас пропустили. Его величество будет знать о вас.

Часть отряда развернулась и поскакала в сторону княжеской ставки, остальные, то и дело поглядывая на причудливо разодетых незнакомцев, продолжила намеченный путь к телу Цмока. Вот радости-то будет солдатне — воинственно попинать мертвого гиганта. Наша группа продолжила путь.

Глава семнадцатая, зачищающая

Радзивилл был задумчив. Он постоянно исподлобья поглядывал на незваных гостей в своем штабе, мерил меня взглядом и еле сдерживался, чтобы не погрызть ногти. А все потому, что я сразу же, с приветственного предложения, ненавязчиво дал князю знать о некоторых вещах. Первое: группа пришельцев пользуется огнестрельным оружием, которое на порядок эффективнее любого холодного, особенно в руках профессионалов, коими пришельцы и являются. Второе: теперь я состою под их протекцией. Соответственно отругать или, куда больше, наказать меня за нарушение своего приказа Радзивилл на данный момент явно побаивался. И поделом. Атмосфера в княжеском штабе царила нездоровая. Все его наместники от мала до велика, равно как по званиям, так и по величине живота, растерянно переводили взгляд с некогда грозного, а ныне притихшего правителя на группу молодых людей со странными, но внушающими уважение железяками в руках. Вояки — они ведь даже самое причудливое оружие из самых дальних галактик могут определить одним чутьем, даже если оно будет валяться в куче бесполезного хлама. Также они способны без проблем, примерно на глаз оценить его мощь. Мидлонские генералы рассматривали «калаши» пришельцев с явным уважением и некоторым подобострастием. Определенно чуяли силушку.

— Судари, я искренне прошу прощения, что не могу принять дорогих гостей, как подобает. Сами видите — у нас война, — поклонившись, вымолвил князь. — Но смею вас заверить: как только все закончится, я и самые высокопоставленные, самые достойные люди княжества, самые могущественные волшебники — мы устроим в честь вашего прибытия торжественную встречу и праздничный банкет, на котором обязательно установим с вами, как выразился сударь Арсенал, контакт. А если вы согласитесь незначительно помочь нам в небольшом и уже затихающем текущем конфликте, то наше собрание произойдет еще быстрее.

Радзивилл натужно и фальшиво улыбался. Один лишь я, казалось, замечал это. Мне ли не помнить, как он взбеленился тогда, при моем первом появлении в Гладе. Все мнил, что я на правах происхождения коварно собираюсь свергнуть его с трона. Как же теперь он должен подсесть на измену, когда из моего мира заявилась целая шайка серьезно вооруженных людей. Скованность, напряжение, бегающие глазенки Радзивилла предвещали одно: паранойя все-таки доведет правителя до

умопомешательства, тут даже не надо быть психиатром. Хотя головы князь пока не потерял — тоже сообразил, что можно заручиться помощью новоприбывших на Поляну. А если в процессе так называемой помощи весь отряд пришельцев еще и поляжет — вообще будет у правителя праздник.

— И какого рода поддержки вы от нас ожидаете? — уточнил седой.

— К сожалению, пока не прибыла разведка — мы и сами не знаем. Сейчас основные силы врага разгромлены, однако должны были остаться разрозненные фракции.

Вот как! И Радзивилл туда же. Тоже не может прикинуть, как получше распорядиться убойным отрядом. Значит, будем ждать вместе.

— Пока мы ожидаем данные, располагайтесь поудобнее, чувствуйте себя как дома, сударь… — приглашающий жест и многозначительная пауза.

— Майор Глухович, — сказал седой и присел на мигом освобожденное одним из княжеских прихвостней место за широким столом.

Глухович — это мало того что фамилия, которых местные отродясь не носят, так еще и звучит как-то ностальгически! Будто на родине очутился.

Вместе с командиром спецназа (я решил их для начала так называть) внутри шатра заняли позиции четверо его бойцов. Расположились незаметно, зато грамотно — чтобы держать под наблюдением и в случае чего простреливать все углы штаба. Пятеро спецназовцев остались снаружи, контролировать выход. Конфликтовать по поводу самоуправства майора и его команды никто не рисковал.

Сидели молча. Глухович и его бойцы с любопытством рассматривали окружающую обстановку, князь нервно барабанил по столешнице, его советники деловито пыхтели. Когда я уж было собрался разбавить зависшую паузу и что-нибудь ляпнуть, в штаб зашел один из бойцов майора, оставшихся снаружи. Рядом с ним в недоумении озирался по сторонам худощавый мужичок в серенькой, местами неплохо потрепанной кольчужке.

— Товарищ майор, этот говорит, к князю с донесением, — доложил спецназовец.

— Пусть входит, — разрешил Глухович.

Я с нескрываемым удовольствием, даже злорадством наблюдал за бессильным возмущением в глазах окружающих высокопоставленных мидлонцев. Конечно, привыкли, что Радзивилл всем беспрекословно рулит. Полюбуйтесь теперь, кто тут на самом деле крут!

— Ваше величество, — мужичок после недолгих колебаний обратился все-таки к правителю. — Только что прибыли из окрестностей Крипета. На первом ярусе обнаружены группы пачвар по три-пять особей. Мы склонны полагать, что твари патрулируют город и охраняют пленников. Следов Кащера обнаружить не удалось. Возможно, колдун прячется в глубинах первого яруса, вместе с захваченными жителями.

— Чудесно! На это мы и надеялись! — воскликнул князь, вскочив с места. — Такое положение вещей облегчает нашу задачу значительно! Сударь, — он обратился к майору, — вас ждет незабываемое зрелище, в котором вы также сможете поучаствовать! Охота на пылающих чудовищ!

— Погоди-ка! — наплевав на всякий такт, прервал я князя и ткнул в него пальцем. — Ты что же это хочешь? Поджечь Крипет, чтобы выманить нечистых? Сафари устроить?

— Пойми, Арсенал, другого выхода у нас нет! — Примирительная улыбка с усилием натянулась на уста правителя. — Слишком опасно туда лезть. Это идеальная возможность! Город-факел вспыхнет как огниво, и обезумевшей нечисти некуда будет деться! Им останется одна дорога — в расставленную нами ловушку! Окружим город и будем легко расстреливать пачвар издалека.

— А как же пленники? Спалить вместе со всеми? О них ты подумал?

— Иногда правителям приходится жертвовать малым, чтобы спасти большее. — Радзивилл оправдывался скорее не передо мной, а перед майором, все заглядывал тому в глаза — ждал, как отреагирует землянин.

Да и вообще откуда только князь таких сакраментальных фраз понабрался? Пожалуй, при несколько иных обстоятельствах я и смог бы согласиться с правителем, — что мне до горстки несчастных, которым банально не повезло? Ведь и вправду план князя выглядел привлекательно. Только вот Арлета…

— Товарищ майор! — я решительно обратился к седому. — Какую задачу вы получили перед высадкой сюда?

— Максимально разведать обстановку, вернуть своих граждан. — Было заметно, что развалившегося на стуле командира спецназа ситуация абсолютно не напрягает: он был расслаблен и проявлял к происходящему лишь незначительный интерес.

— Вот! Вернуть своих граждан! — выпалил я, пытаясь хоть как-то расшатать чувства майора. — Там, в городе, который они хотят сжечь, содержится в плену моя… эм… невеста! Да, невеста! И она от меня беременна! У нее в животе наш гражданин, и его

необходимо вернуть вместе со всеми! Со мной и Шаманом! И если с ними что-нибудь случится, я хрен куда с вами пойду. Даже нет, черта с два, пойду и доложу вашему начальству о том, что здесь происходило. Что вы позволили погибнуть…

— Тихо, тихо, — спокойным голосом остановил Глухович мой припадок. — Не горячись. Надо сначала провести рекогносцировку местности. Оценить обстановку. Посмотрим, что мы сможем сделать.

Князь, приложивший ладонь ко лбу во время моей истерики, вдруг всплеснул руками, повернулся ко мне и улыбнулся какой-то виноватой, нелепой усмешкой.

— Ах, ты об Арлете, Арсенал. — Радзивилл уткнулся взглядом в пол и лишь после минутной паузы продолжил: — Видишь ли, я сразу не хотел тебя расстраивать, так уж вышло. Дела житейские, понимаешь. Я и не говорил бы тебе, но сейчас так получилось, что вынужден. Дело в том, что ребенок Арлеты не от тебя.

Вот это прозвучало громом в ясном небе. А от кого же?

— Можешь меня презирать, ненавидеть, я все пойму. Но так вышло, что это мой ребенок. Пока ты работал над заданием с Гиссандрой, я и твоя женщина совершенно случайно, мимолетно встретились во дворце. Не знаю, как все произошло, как вспыхнула страсть, как мы оказались в моих покоях…

В ушах головокружительно зазвенело, этот звон поглотил все звуки: голос князя, дружный вздох изумления свиты, крики с улицы. Земля начала предательски трястись под ногами, от слабости в коленях я едва не рухнул. Левое веко задергалось, а уголки губ сами потянулись вниз. Из горла вот-вот готов был вырваться тоскливый вой, в глазах защипало — начали наворачиваться слезы. Как же так? Неужели такое могло случиться? Нельзя, нельзя, нельзя! Не время и не место сейчас раскисать, на глазах у этого подлеца! Я сглотнул, встряхнул головой, разгоняя отчаяние, помассировал лицо ладонями. Это помогло немного собраться, прийти в себя. Теперь я с лютой ненавистью смотрел на Радзивилла. Впервые в жизни я готов был убить человека без раздумий и зазрений совести. Просто убить, хладнокровно и безжалостно, а пожалуй, что и кровожадно, как дикий зверь, порвать зубами, растерзать на мелкие кусочки. В тот момент, когда из пластин угрожающе выскочили когти, за моей спиной раздался твердый голос:

— Ложь. — Все разом обернулись и увидели, что на входе монументом справедливости застыла потрепанная фигура Скокса. — Все это ложь! Он все придумал. — Волшебник гневно взирал на Радзивилла и продолжал говорить: — Арсенал, я

находился во дворце рядом с Арлетой постоянно и с уверенностью могу сказать: ничего такого не было. Скажу больше. Там, в Гладе, я даже водил ее к знакомому волшебнику, специалисту в этой области. Он подтвердил — ребенок твой. В таком сроке определить непросто, но, кажется, у вас будет мальчик.

Я смотрел на чародея, а одна слезинка все-таки не удержалась — быстро скатилась по щеке. Пришлось шмыгнуть носом, утереть его, зацепив заодно и мокрую дорожку рядом.

— Спасибо, — за все время нашего знакомства я в первый раз поблагодарил волшебника.

Он лишь удовлетворенно кивнул в ответ. Захотелось выйти на улицу, отдышаться, привести мысли в порядок, но князя следовало дожимать, пока он в недоумении таращился на Скокса и не мог связать двух слов, чтобы хоть как-нибудь возразить.

— Я догадывался — ты готов пойти на многое, чтобы все шло по-твоему, но таких мерзостей даже от тебя сложно было ждать! Знаешь, упырь, что я тебе скажу?.. — начал я грозно.

— Да как ты смеешь так разговаривать с князем? — Правитель уже оправился от первоначального потрясения и теперь попытался злобно огрызнуться.

— Э, погоди, товарищ Радзивилл, — вмешался майор. — Ты уже высказался. Может, парню позволишь слово молвить?

Князь затравленным зверем посмотрел на окружающих, но смолчал. Придворные не решались вступаться за своего благодетеля.

— А мне и вправду есть что сказать. Есть что вспомнить. Он, — указывая на правителя, начал я рассказывать, в первую очередь спецназовцу, — всегда поступает, как ему выгодно. Интересы других людей никогда его не волновали. А еще он жутко боится потерять свой трон. Когда я впервые попал в княжеский дворец, он всерьез испугался, что я, как и его дальний предок Радзивилл Первый, возьму власть на Поляне в свои руки. Думаю, он приказал бы убить меня сразу. Но наш князь очень хитер. Да, он решил сгубить меня, но с пользой для дела. Сначала придумал подложить под меня Верховную Волшебницу, чтобы уличить ее в измене княжеству. Небось, рассматривал в числе остальных такой вариант, что Сейм схватит меня и казнит, — невелика беда. Но дело выгорело. Тогда он послал меня за Живыми доспехами, чтобы я в одиночку лез в нору к неизвестному чудовищу, от которого никто не возвращался назад. Но и там я умудрился провернуть все четко. Далее он записал меня и Шамана, второго якобы претендента на трон, в летучую роту смертников. Шамову даже доверил Живые доспехи — чтоб

наверняка пришили. Если бы не Сашкин саботаж… Хотя оба претендента на твое место все еще живы. Правильно? Чего вылупился? А тут еще десяток новых прибыл! Ха! Как тебе такое нравится? Что ты хотел с ними сделать? Пригласить в оцепление Крипета, рассредоточить и каждому по стреле в затылок? А если бы отказались участвовать в осаде — траванул бы чем-нибудь на банкете. Правильно я соображаю?

Конечно, еще в детском садике всех учили — ябедничать нехорошо, но других вариантов я не видел, тем более выдалась такая замечательная возможность высказать все громко и в лицо, а не шепотом и за спиной.

— Товарищ майор, — теперь я обращался к Глуховичу. — Вам приказано собрать информацию об этом измерении. Не нужно вам для выполнения задания никаких банкетов и собраний. Я про Поляну знаю больше иного местного. Началось у меня все с деревни на западе Мидлонии, а после довелось углубиться и в лес, причем довольно далеко, хоть не по своей воле, и вообще куда меня только не носило! Был я в обеих столицах Поляны, присутствовал при убийстве короля Казмадского королевства — по приказу князя, кстати. А уж тварей каких тут навидался! Наверное, всех, каких только можно! В общем, про здешние места знаю многое. Майор, я просто кладезь информации, за такой источник вам начальство целый орден даст или премию повысит, как пить дать! Но только без Арлеты я отсюда ни ногой. Там, в ней, опять же наш гражданин. Полноправный, как я думаю.

— И что ты предлагаешь? — краешком рта улыбался командир.

— Провести зачистку первого яруса в Крипете. С вашим вооружением это не составит проблем. Найдем заложников, освободим Арлету, пачвар уничтожим! Может, даже доспехи не понадобятся! Кстати, Скокс, что с Атомом, как рядовые? Довезли?

Я так надеялся услышать добрую весть о боевом товарище, но лицо волшебника омрачилось:

— Собственно, за этим я сюда и прибыл. Рядовых нашел, всех троих обнаружил без сознания, оглушенными. Поручик мертв. Я осмотрел — умер еще в дороге. Ты был прав, он слишком серьезно пострадал. Доспехов нигде вокруг не нашлось. Когда рядовые пришли в себя, никто ничего не помнил. Только Дрозд смутно припоминает про какую-то чрезвычайно сильную и быструю пачвару. Нечисть перехватила доспехи.

— Ч-ч-черт! — хлопнул я кулаком по ладони. — Как же так? Но ничего! Надежда есть. Теперь, может, справимся и без них. Так что скажете, майор?

— Я уже говорил: надо провести рекогносцировку местности.

— Тогда не будем терять времени! А то сейчас наш гаденыш колдун как смоется обратно в лес — и жди его потом с новой партией красавцев годков через двести.

— Раз так, будем выдвигаться. — Глухович поднялся с места и начал раздавать команды своим ребятам.

— Товарищ майор, разрешите обратиться, — уже на выходе к седому подошел спецназовец и после короткого кивка начальника продолжил: — Если мы пойдем на зачистку, следовало бы прикрыть задницу. Я не хочу, чтобы город подпалили, пока мы будем возиться с заложниками.

— Резонно, — согласился Глухович и задумался. — А мы своего заложника возьмем! Товарища Радзивилла. Тогда точно никто ничего жечь не станет. Ну-ка, ваше величество, поднимайся, пойдешь с нами.

По ярости физиономию вероломного правителя можно было сравнить со львом, которого только что кастрировали без наркоза. Но перечить сильнейшему князь не осмелился — поднялся и пошел следом. Свита в растерянности провожала взглядом своего кормильца.

Князь оказался не последним представителем своей страны, отправившимся с нами. Скокс набрал отряд из десяти солдат, которые умели пользоваться одинаково хорошо как луком, так и клинком. Конечно, не летучая рота, но все же. Через минуту, получив заряд интеркома, к нам присоединились еще двое нахмуренных коллег чародея. Неплохая собралась компашка.

Кое-кто подсуетил кучеров, и вскоре нам были поданы самые лучшие экипажи из кортежа Радзивилла. Спецназовцы с интересом глянули на транспорт и деловито забрались внутрь.

— Жалко, фотик никто не взял, — походя сказал товарищам один из них. — Показали бы механикам, в каких ведрах на задание выезжаем.

Возница начал что-то с недовольством бурчать себе в кожушок, но мигом стушевался под взглядом рослого землянина.

Мидлонские же солдаты, наоборот, не верили своему счастью и украдкой, с опаской косились на притихшего Радзивилла. Шутка ли — осквернять княжеский кортеж запахом своих портянок. Ну, как осерчает?.. Но в кареты все запрыгивали охотно.

Я ехал в экипаже вместе с пока еще правителем княжества Мидлонского, Скоксом, командиром и еще одним спецназовцем. Чародей, к моему удивлению, вполне учтиво разговаривал с Глуховичем, отвечая на его вопросы. Подобная манера общения никак не вязалась с образом склочного волшебника. Оказывается, Скокс мог быть вежливым при желании. Хмурый, но уже

смирившийся со своей долей князь периодически вставлял пять копеек. Очень смелых, надо сказать, копеек, учитывая нынешнее положение вещей. Его полные сарказма комментарии местами выглядели даже весьма забавно. Я же смотрел в окно, и картина представлялась далеко не жизнерадостной.

Бой окончился. В живых не осталось никого из нечисти. Убили всех, вырезали под корень. Но радости на лицах мидлонских солдат не было. Воины сиротливо ходили взад-вперед по полю боя, где в одиночку, где группами, отстраненные, поникшие, потерянные, пинками разбрасывали тела уродцев, искали среди них павших товарищей, до последнего надеясь, что те лишь ранены. Подобных сражений, масштабных, кровавых, ужасающих размерами потерь, армия княжества еще не проводила.

Первыми в себя пришли отряды снабжения и тактической поддержки. Тыловые подразделения напрямую не участвовали в боевых действиях, поэтому им гораздо проще было взять себя в руки. Вереницы лекарей, носильщиков, помощников широкой сетью накрыли поле боя. Они выискивали пострадавших среди трупов, аккуратно их вытаскивали, транспортировали в часть, некоторым оказывали помощь на месте, иным из человеколюбия и сострадания помогали быстро и без мучений отойти в иной мир. Не брезговали добивать даже поскуливающих пачвар с волколаками. Вскоре, следуя такому примеру, остальные тоже подключились к активным поискам и спасению выживших солдат.

Неожиданно поднялся резкий, порывистый, пронизывающий ветер. Он дул с северо-востока и разгонял, отодвигал обратно к лесу искусственно созданные колдунами тучи. Вскоре прояснилось, сбросило с себя темный саван солнце, стало таким, каким привыкли мы видеть его каждый день. Вокруг посветлело, природа налилась красками, отчего на душе чуть полегчало, и, казалось, туго стиснутая спазмом грудь начала дышать свободно, в полную силу. А я и не замечал раньше, как на самом деле был скован. Где-то вдалеке раздалось полное муки сипение — лучи дневного светила достигли чувствительной к солнечным лучам кожи какой-то недобитой пачвары. Через минуту сип резко оборвался — обезболили. По шее лезвием.

Где-то вдалеке одиноко паслась лошадь. Присмотревшись внимательно, я с радостью заметил, что это была моя Фишка! Выжила все-таки, бестия! Следы от когтей колдуна, исполосовавшие левый бок лошадки, оказались недостаточно глубокими: нечистый не добрался до внутренностей. Теперь вокруг окровавленных боков кобылы роились охочие до свежанины мухи, которых она разгоняла хлесткими взмахами

хвоста. Мою Фишку заметил уже кто-то из снабженцев и теперь аккуратно к ней подкрадывался, подзывая вытянутой вперед рукой и странным улюлюканьем, которое доносилось аж до наших карет. Лошадь настороженно глядела на доброжелателя, потом стриганула ушами, вздрогнула раненым боком и неуверенно попятилась назад. Ничего, не пропадет. Настроение улучшилось еще больше.

От обозревания окрестностей меня отвлекла бурная полемика, развязавшаяся в карете.

— Вообще не пойму, ваше, так сказать, величество, чего это вы свой нос в политику засунули да страной руководить повадились? — ехидничал Скокс. — Плохо вам дурачком жилось, что ли? Сидел бы себе великий князь, профессионально пускал слюнки на паласы, да и не лез к большим дядям. Кормили-то, небось, хорошо, и одевали модно, и в тепле держали. Холили и лелеяли! Горничных в специальных домах для него заказывали. Чем такое благолепие не угодило? Нет! Надо было перевернуть все с ног на голову! Милый вы наш юноша, Сейм Чароведения и без вмешательства сопляков, едва поборовших личные дилеммы, связанные с прыщами на лице, прекрасно справлялся с управлением страной.

— Ох! — возмутился князь. — Во-первых, если бы не я, сейчас Кащер объяснял бы вашему могуществу, отчего у него такие проблемы с кожей лица, что аж Поляной поруководить захотелось. А во-вторых, кто-кто, но уж Сейм никогда и близко не стоял у рычагов управления княжеством. Пока я набирал силы, всем до последних лет заводил Совет Старейшин. Вашему Сейму только бы палочками меряться — что вам до народа?

— Кто? Совет Старейшин? — Волшебник имел возмущенный вид бабки, которую малолетний школьник только что на людях обозвал старой каргой. — Эти одряхлевшие дубы уже полсотни лет мозгами скрипели только в сильную бурю!

Радзивилл поморщился и чуть отсел в сторону, беспомощно глядя, как Скокс забрызгивает ему слюнями весь салон.

— Да что вы? Позвольте, ваше могущество, а кто же не далее как три года назад организовал стремительное нападение на Казмад у подножия Ледяных скал, в результате которого под территорию княжества попали три богатейших прииска? Что-то не помню там ни одной волшебной рожи, ни одного заклинания! А этот стратегический ход буквально выручил нашу загибающуюся экономику, повысив обороты сырья в торговле.

— Ха! Сами сгноили торговлю, сами ее, слава Дажбогу, и вытянули! Ценой нескольких рот солдат. Вам-то что — подумаешь, людишки! Герои, тоже мне. А эпидемию в трасянских

городах кто гасил? Твое старичье укуталось всеми простынями, закрылось наглухо в городской резиденции, а на двор даже свои морщинистые носы не казали. Представьте, комнаты проветривать боялись. Там, небось, до сих пор трухлявыми пнями воняет. А тех несчастных, которым не повезло ненароком чихнуть в Гладе, наши заботливые мешки с костями вообще казнить велели! Милейшие люди у тебя в этом Совете Старейшин заседали. И чего только ты их сверг? — Скокс и не заметил, как фамильярно перешел с князем на «ты».

— Потому что пришел их час, да и вашему Сейму оставалось недолго. Это ж надо — прозевали гадюку, да еще в самые высшие сферы запустили, — угрюмо буркнул Радзивилл.

— Ах, вот как! — возмущенно воскликнул чародей и, грозно засопев ноздрями, выдал тираду на непонятном языке.

— Я знаю наречия восточного Казмада, — прищурился князь, — а вот вас, ваше могущество, знание некоторых оборотов данного языка совсем не красит и представляет в глазах посторонних людей в невыгодном свете.

Лицо Скокса стало пунцовым, но чародей ничего не ответил и, скрестив руки на груди, откинулся на спинку седушки. Майор Глухович все это время с интересом следил за спором, не рискуя вмешиваться. Несмотря на яростный накал беседы и трещавший по швам от напряжения воздух вокруг, разговор между чародеем и князем вернул меня к жизни. Он заставил вспомнить выраженную когда-то давно, еще на Земле, Сашкой мысль: что бы ни произошло, как бы ни обернулась для тебя ситуация, в любом произошедшем событии виновных нет, а прав тот, кто добивается своего. Философия, конечно, странная, но сейчас вроде все шло к тому, что именно я, а не кто-то другой добьюсь своего. Значит — буду прав.

Долго ехали в тишине. Чтобы хоть как-то развеять скуку и провести время с пользой, я начал рассказывать ехавшим с нами спецназовцам о хитростях и особенностях Крипета. Через два предложения, как и следовало предполагать, меня с недовольным ворчанием заткнул Скокс и сам продолжил говорить то, что другими словами собирался изложить я. Решать, конечно, не мне, но почему-то казалось, будто у меня самого получилось бы рассказать про город-факел намного интересней, красочней и к тому же информативней. Тем более что описание волшебника опять же потихоньку скатилось к ругани с Радзивиллом по поводу золотого закона Крипета и определению главенствующей роли Совета либо Сейма в его принятии. Так, слово за слово, и появился на горизонте сам виновник перебранки.

Крипет был совсем не таким, как я видел его в первый раз.

Тогда — суетливый, многолюдный, нелепый, теперь — мрачный, пустой, страшный. Высадились полным составом где-то метров за двести. Молча. Лишь один из спецназовцев присвистнул, глядя на хитросплетения переходов города. Земляне, все как один, извлекли бинокли из многочисленных закромов разгрузок и начали пристально сканировать местность. Мидлонцы с явным непониманием наблюдали за фигурами парней, приставивших к глазам непонятные штуковины. Наконец кто-то из ребят снисходительно дал местному солдатику позырить. Тот со вздохом восхищения буквально прилип к окулярам, и спецназовцу вскоре пришлось чуть ли не силой отбирать у мужичка свою оптику. Мидлонец, лишенный игрушки, сломя голову побежал к своим — рассказывать да хвастаться.

— Товарищ майор, вижу группу существ на три часа к западу, — спустя несколько минут прервал затишье один из бойцов.

— Негусто, — протянул Глухович и пригласил жестом стоящих поодаль и все еще препирающихся князя с волшебником: я и без того находился рядом. — Основную массу этих уродцев, говорите, перебили?

— Вроде да, — пожал плечами Радзивилл.

— Чем вооружены?

— Могут носить с собой мечи. Орудуют ими не ахти. Метательными не пользуются. С арбалетами и луками замечены ни разу не были, — пояснил я и добавил: — Очень живучие, сволочи. Хотя от приличного калибра эта их живучесть, думаю, не спасет.

— Где заложники?

Тут мы с князем уставились как по сговору на волшебника.

— Что? Чего смотрите? — растерялся он.

— Кто у нас тут смотрящий Западного Региона от Сейма? А, ваше могущество? Кто в этой местности все знать должен? — оскалился правитель.

— Да их на первом ярусе где угодно держать могут. В любой развалюхе! Искать надо.

Теперь все выжидающе посмотрели на майора.

— Ладно, — сказал он. — Уровень опасности с первого взгляда небольшой. Сейчас выступаем. Но ничего наобум обещать не стану. Если до сумерек никого не отыщем — адье. Без приборов ночного видения мне туда ребят гнать ни к чему.

Тут и возразить нечего — все правильно рассудил военный.

Глухович скомандовал построение. Несмотря на свои явные различия, бойцы из разных миров быстро скоординировались вместе. Учитывая отсутствие угрозы обстрела, шли плотным

кольцом. В центре двое волшебников, спецназ и ВИП-турист Радзивилл, по периферии — мидлонская пехота. Вел Скокс, а я, как некогда бродивший по здешним улочкам, шел рядом и ассистировал волшебнику в выборе направления. По крайней мере, делал вид, что помогаю.

В город вошли со стороны конюшен, из которых я некогда покидал его на пути в Гладу. Сейчас возле стойл не дежурили бдительные стражники, не раздавалось ржание лошадей, не расхаживали взад-вперед пронырливые обитатели первого яруса. Крипет был мертв. Лишь иногда с верхних переходов доносился скрип деревянных суставов города, потревоженных ветром. А может, и чьей-то крадущейся поступью? Мрачное, темное дно Крипета, и без того запущенное, в отсутствие своих жителей теперь выглядело просто угрожающе. Грязные дощатые перекрытия второго яруса угрюмо нависали над головами, покосившиеся бараки разверзали темные пасти проемов, заставляли до боли в глазах всматриваться во мрак своих недр, выискивать — не пошевелится ли там кто-нибудь.

Все время казалось, будто за нами кто-то наблюдает, таится, ждет за углом или в темноте переулков и домов. Несколько раз мне почудилось, будто вдалеке, между хижинами, проскакивает чья-то черная тень. Очень явственно чудилось, и похоже, не мне одному. Скокс постоянно крутил головой, вглядывался в сгустки темени, а при появлении таинственной тени начинал заметно нервничать. Неужели какая-то пачвара упорно выслеживает наш отряд? Вскоре выяснилось, что не только чародей обеспокоен загадочным нечистым спутником нашей компании. Один из бойцов спецназа дотронулся до моего плеча, а когда я обернулся, молча протянул пистолет и дополнительную обойму к нему. На рукоятке оружия с одной стороны было выгравировано «P228» а с другой «SIG-SAUER». Надписи «Made in» сразу найти не удалось, да и так было видно, что машинка буржуйская. Патрона в ствол я досылать не стал, просто поставил пистолет на предохранитель. А вдруг вообще стрелять не придется?

Какая глупая, самонадеянная мысль. Будь я на прогулке в Дисней-Лэнде — тогда точно стрелять не пришлось бы, но мы шагали по первому ярусу Крипета. Здесь даже в лучшие дни повод продырявить кому-нибудь башку всегда найдется. А уж сегодня…

Первое намерение пачвар атаковать выдали разом зашуршавшие по второму ярусу тихие, шаркающие шажочки. Угрожающий легкий топот раздавался повсюду над нами, отчего казалось, что тварей никак не меньше дюжины. Едва я в нервной спешке успел сделать с пистолетом то, чего не произвел при

получении, как злобная нечисть посыпалась на нас черным градом. Напасть исподтишка, из укрытия, быстро, стремительно — вот стихия этих существ, вот где сказывается их преимущество в скорости, цепкости, ловкости. Шастая вдоль узких переходов Крипета, они чувствовали себя как рыба в воде, не то что на открытом поле боя. Это мы быстро поняли. Страшно представить, что бы стало, не будь с нами спецназа. Сохраняя хладнокровие, экономными очередями ребята отстреливали кровожадных тварей, большинство из которых оказались нашпигованными свинцом, даже не достигнув земли. Волшебники тоже успели поджарить нескольких на излете. С душераздирающим предсмертным сипением уродцы плюхались в зловонную жижу первого яруса и затихали, захлебываясь нечистотами, смешанными с их собственной черной кровью. Двум пачварам удалось неведомо каким чудом избежать и пуль, и чар. Они приземлились по-кошачьи плавно и тут же ринулись в атаку. Тут не сплоховали мидлонцы, встретив монстров клинками. Одной пачваре меч засадили в правое подреберье по самую рукоять, порвав печень и легкие, другой пришлось навсегда расстаться с головой. Когда тело последней пачвары плюхнулось в лужу, наступила тишина, отзывавшаяся звоном в ушах после трелей «калашниковых», шипения заклинаний и чавканья мечей во вражеской плоти.

Уф, вроде отбились. Можно дать волю эмоциям. Ну как вам, отрыжки эволюции? Не ждали такой встречи? Думали, врасплох нас взять? Не на тех нарвались! Познакомьтесь с элитным подразделением специального назначения! Злорадно улыбаясь, я обернулся и заметил скрывшуюся за поворотом невдалеке черную тень. Пришлось успокоиться и вновь сконцентрироваться. Да что же это за тварь такая, всю радость мне испортила?

Кто-то из ребят Глуховича подошел поближе к мертвой пачваре, присел, вглядываясь в омерзительные очертания ее рожи, и брезгливо скривился:

— Таких даже убивать не жалко, — сказал он и сплюнул.

Группа продолжила движение. Когда мы почти добрались до геометрического центра Крипета, пачвары повторили нападение. На этот раз они повыскакивали из хибарки, вплотную с которой проходил наш отряд. Принявшие бой мидлонцы поневоле закрывали тварей собой, мешая стрелять землянам. Завязалась яростная рукопашная, в которой звуки одиночных выстрелов и осторожных коротких очередей лишь изредка раздавались среди звона клинков и хруста рубящихся костей. И опять мы отбились, но в этот раз обойтись без жертв отряду не удалось — двух товарищей по оружию пришлось оставить за собой с

разорванными шеями. Еще один прихрамывал, держась за расцарапанное до мяса бедро. Волшебники слегка почаровали над ним, чтобы мог идти дальше, не мучаясь от боли.

После этой схватки мы шли, стараясь держаться центра улиц и находиться на максимальном расстоянии от развалюх. Каждая из них могла оказаться коварной засадой.

Когда половина города оказалась за спиной, я начал волноваться не на шутку. Где же чертовы уродцы держат заложников? Вдруг нам не удастся их найти? Что тогда станет с Арлетой? А может, всех пленников уже отправили на тот свет, или, что еще хуже, превратили в пачвар? Я представил себе охотницу, обращенную в нечисть, с ужасом вздрогнул и поежился. Не дай бог!

От глупых, но чрезвычайно навязчивых мыслей оторвал майор, негромким возгласом позвавший нас с чародеем.

— Эй, передовики. Там в доме, кажись, кто-то стонет.

Глухович указывал на нелепое сооружение, ничем не отличавшееся от всех остальных. Отряд остановился, все с усердием принялись напрягать лицевые мышцы и крутить головами, будто эти манипуляции реально могли повысить порог слышимости.

— Проверим? — нерешительно спросил я.

— Прошу, — приглашающим жестом седой майор предложил мне пройти первым.

Я осторожно приблизился к дверному проему, выставив пистолет вперед. Когти на левой руке уже были в состоянии боевой готовности. Изнутри раздался отчетливо слышный тихий стон. Человеческий ли? Все мидлонцы сгрудились за моей спиной и с трепетом ожидали, что случится дальше. Спецназовцы тихо и настойчиво оттянули за шивороты любопытных наблюдателей назад, чтобы в случае чего у меня появилась возможность отскочить, а у них — прикрыть мое отступление огнем. Несмотря на серьезную поддержку за плечами, было страшно. Мало ли кто затаился там, внутри. Совершенно случайно краем глаза я заметил, что из-за угла в нашу сторону по земле тянется едва заметный кровавый след, скрывающийся во тьме хижины. Смешавшиеся с грязью пятна имели едва различимый в полумраке трущоб красный оттенок — значит, не так давно здесь лилась человеческая кровь.

— Скокс, ну-ка светани, — шепотом попросил я волшебника.

Чародей быстро начертил рисунок и забросил в помещение заклинание. Стены развалюхи осветились неровным бледно-голубым светом. Набравшись духу, я резко вошел внутрь, наспех осмотрелся, зашарил стволом по кривым стенам. Никто на меня

не бросился. Во второй раз я окинул комнатушку взглядом уже более спокойно. Кривенький сундук у стенки, колченогий стол и гора тряпья в дальнем углу — вот и все нехитрое убранство хибары. Как здесь люди жили-то? Снова раздался стон — со стороны груды ошметков. Наставив туда пистолет, я подошел ближе. С трудом различимый, на фоне кучи обносков, порванного белья и ветоши там лежал человек. Он едва дышал и вообще, похоже, провалился в забытье. Тряпье повсюду вокруг него было красным от крови. Приглядевшись, с изумлением я узнал несчастного. Им оказался Реван, тот друг детства Арлеты, который когда-то пытался руками своей разбойничьей шайки обокрасть меня и зарезать. Если бы не охотница…

— Реван? — я склонился над раненым.

Никакой реакции.

— Реван! — Я слегка потянул его за плечо.

Бандит замычал, тряхнул головой, резко дернулся, но с полным боли стоном откинулся обратно. Держась за живот, он затравленно смотрел на обступивших его людей. Лишь через минуту его мозг, наконец, капельку прояснился

— А, это ты? — узнал меня разбойник и прищурился. — Ты чего сюда приперся? Никак, отомстить хочешь? Так поздно уже, подыхаю я… — Реван приподнял немного лоскут простыни, прикрывавший его тело, и нашим глазам предстала ужасная рана, разбороздившая поперек весь его живот. Мышцы превратились в сочащееся кровью месиво, а местами наружу из брюшной полости торчали внутренности. — Еще часок помучаюсь — и все.

— Заметно, — изо всех сил сохраняя хладнокровие, ответил я. — Ты как здесь оказался?

— По дурости. — Каждое слово давалось Ревану с видимой болью, но бандиту, вероятно, слишком хотелось поговорить с хоть какой-нибудь живой душой перед смертью, пусть даже с врагом. — Когда весь Крипет начал выметываться, мы с ребятами решили помародерить. Дурни, кабы знали, кто сюда заявится, — самые первые на восток рванули бы. Пачвары появились откуда ни возьмись, все тут заполонили, каждый ярус, даже первым не побрезговали. Там нас и схватили. Собрали всех таких же, любителей поживиться, согнали вместе. И Арлета была там. Не знаю, почему не ушла вместе со всеми. Рядом с ней терлись еще несколько забитых горожан с семьями. Может, хотела их выпроводить, да не успела. Мы с ребятами попытались бежать, я и ей предлагал, — но уперлась отчего-то. Без нее пошли, но не дали нам скрыться. Погрызли ребят моих, всех до единого. Я вот один успел — вернее, думал, успею. Ан нет! Догнала меня тварь окаянная. Брюхо вон вспорола, кишки выпустила. Только и я ее

перышком пощекотать успел. Валяется тут недалече — сходите, полюбуйтесь. Эх, Арсенал, всю жизнь думал — на плахе голову сложу, а тут вон как вышло. Ты уж не серчай на меня, ежели что: такая работа у нас, разбойников.

— Не буду, Реван, не буду. Грехи даже отпущу, ты скажи нам только — где нечистые держат Арлету с остальными?

Фартовый кашлянул в кулак, да так неудачно, что чуть было не помер от боли, вызвав у всех крайнюю степень беспокойства. Но парнем он оказался крепким — выжил, очухался и поведал:

— В схроне они. В нашем большом воровском схроне. Тайна это разбойничья, да чего уж теперь. В общем, это место находится еще ниже первого яруса Крипета, под землей. Вход в жарке, что возле кабака «Серый Волк», недалече от центрального подъема. Чтобы открыть проход, надобно лист железа в дальнем правом углу приподнять. Удачи вам, ребятки. Пусть Велес на вашей стороне будет. Теперь идите, не то еще из-за меня опоздаете.

Тут он прав — опоздать мы можем запросто, так что пора и честь знать. Мы уже направились к выходу, где остались дежурить несколько ребят, прикрывая снаружи, когда нас догнала последняя просьба Ревана:

— Может, добьете, братцы? А то мучиться страсть как неохота.

Ничего не говоря, Скокс вернулся к раненому и опустил на него заклинание, после которого разбойник забылся беспокойным сном.

— Знаешь, куда идти? — спросил я чародея на улице.

Тот кивнул в ответ и свернул на боковую улочку, изменив основное направление группы. Солдаты быстро построились и двинули следом.

Пачвар на пути мы больше не встречали, только все та же загадочная черная тень, следовавшая неподалеку, не отставала ни на шаг. Скокс вел уверенно — ни разу не усомнился в выбранном маршруте, поэтому наша группа быстро достигла трактира «Серый Волк». Снаружи никаких признаков содержания в своих недрах заложников он не подавал. После профессионального проникновения землян в основной зал оказалось, что внутри таких признаков тоже не имелось. Вообще пустующий трактир выглядел заброшенным и унылым, хотя, пожалуй, не далее как сутки назад здесь вовсю веселились представители городской касты неприкасаемых.

Скокс решительно повел нас к помещению, специально предназначенному для разведения огня в городе-факеле. Жарка своим видом и убранством напоминала бронированную кухню со стенами, обитыми листами жести, железным полом и потолком, а

также большими каменными плитами для приготовления пищи, располагавшимися по центру помещения. Вдоль краев стояли длинные столы, видимо, предназначенные для нарезки продуктов, а учитывая место — ярус-то первый, — возможно, и для нарезки людей.

Отряд бесшумно зашел вслед за чародеем, бойцы рассредоточились, заняли позиции. Сейчас, когда стены опустевшего трактира не сотрясались от многоголосого рева завсегдатаев, когда вокруг царило безмолвие, мы напряженно вслушивались в тишину, пытаясь уловить хоть какой-нибудь шорох из-под земли, едва различимый шумок или отголосок человеческой речи. Мы отчаянно силились расслышать приглушенный звук, подсказку, которые могли намекнуть об одном — да, там, внизу, кто-то есть. Но, кроме завывающего снаружи ветра, ничего больше слышно не было.

Что ж, придется убеждаться воочию. Двигаясь как можно тише, несколько мидлонцев подошли к описанному Реваном правому дальнему углу жарки, аккуратно переставили в сторону массивный стол и принялись обшаривать края железной плиты под ногами. Разбойник не обманул, хотя какой был ему смысл перед самой смертью лгать нам? Вскоре солдаты нашли нужные пазы, немного с ними повозились — и через мгновение встроенный в пол механизм бесшумно сдвинул пласт железа вниз, а потом сместил его в сторону. Прямо под нами разверзлось черное отверстие с крутыми ступеньками, уходящими во мрак.

В открывшийся проход тут же, из мер предосторожности, были направлены одновременно все стволы, клинки, луки, арбалеты и заряженные жезлы. С минуту мы всматривались внутрь, ожидая какой-нибудь пакости из глубины. Пакости, к счастью, не случилось и вроде как не предвещалось. Убедившись в этом, Глухович во второй раз за сегодня барским жестом предложил мне пройти первым. Ну правильно — а кому ж еще? Раз уж сам организовал спасательную экспедицию — значит, милости просим. Я и не возражал, так как, во-первых, это было бы невежливо, а во-вторых — бессмысленно. Зато вновь, как и тогда, лезть передовиком во мрак было страшновато, хотя кого это, в сущности, волновало?

Волшебники подсветили дорогу чарами. В свете иллюминационных заклинаний оказалось, что спускаться придется на небольшую глубину — примерно в два человеческих роста. Сырое помещение с зацементированным полом и стенами живо напоминало темницу. В дальнем его конце обозначался узкий коридор, уходящий в темноту. Спустя секунду возникло странное и неприятное ощущение, будто кто-то на меня оттуда

смотрит. Я с осторожностью начал спуск, не отрывая глаз от зловещего черного прямоугольника. Металлические ступени едва слышным гулом отзывались на прикосновения моих ботинок. К этому звуку с тем же ритмом, только в три раза быстрее, подстроилось и мое сердце. Вскоре за спиной начали раздаваться более громкие шаги. Короткий взгляд назад — майор Глухович не побоялся сунуться сразу за мной, нарушая спокойствие металлических ступеней подошвами тяжелых берцев. За ним, решительно посапывая, пихал себя в отверстие Скокс, из-за плеч которого щетинились воинственно настроенные стволы «калашей», готовые прикрыть своего командира в любую минуту, а заодно и меня с чародеем. После нашей разведывательной тройки спуск остальных бойцов прошел быстро, правда, немного шумно.

Вскоре в помещении базировалась почти вся наша группа — снаружи оставили двоих спецназовцев для прикрытия. В страшный коридор мне опять пришлось идти первым. Ох, судьбинушка. Благо, тоннель оказался не очень длинным и пустым. Чары Скокса, ярко вспыхнув, осветили дорожку в шагов десять, заканчивающуюся массивной железной дверью. К ней я подобрался с великой осторожностью, обшаривая взглядом каждый квадратный сантиметр пола и стен. Отчего-то не внушала мне эта дверь доверия. А вдруг тут повсюду в обилии натыкано ловушек с разверзающимися под ногами ямами, полными кольев, или встроенными прямо в стены кучами самострелов? Мало ли чего ворюги тут наворотили, чтоб сберечь свои тугрики.

Путь к двери, как ни странно, удалось проделать без приключений, ничего из моих опасений не случилось. Полминуты спустя я уже с интересом разглядывал большой глаз, тисненный на ее поверхности, а он отвечал мне холодной взаимностью. Почетная обязанность заглянуть по ту сторону двери никому, кроме меня, опять не досталась. Кто бы сомневался. Да я уже и привыкнуть успел, поэтому позволил себе расслабиться. Дурак!

Качественно смазанные петли позволили без шума и особых усилий распахнуть громоздкую дверь, словно ее смастерили школьники на уроках труда из фанеры. И тут же на меня набросились две явно ждавшие момента пачвары! Словно знали, когда и кто сюда войдет. Острые когти впились в шею раньше, чем я успел испугаться. Оскаленные клыки монстров с угрожающей быстротой стремились к сонным артериям. Грозное сипение отродий практически сразу прервал грохот выстрела — это я от страха вздрогнул и стиснул рукоять пистолета, сжав к тому же спусковой крючок. Пуля — дура, но при этом крайне удачно вошла твари в грудину и отбросила ее на несколько

метров назад. Второй уродец сам напоролся на выставленные вперед лезвия когтей, и я лишь в панике задергал рукой, пытаясь сбросить насаженного на сталь монстра. Далее последовал мощный толчок в спину, от которого я кубарем укатился в сторону. Из освободившегося проема подземную авансцену заполнял спецназ. Мне в этом акте довелось побывать лишь сторонним наблюдателем.

Довольно большое, со среднестатистическую столовую помещение заполняла разбросанная по всему полу деревянная мебель: поломанные столы, стулья, табуреты. Горящие через один факелы на стене освещали серое подземелье. В дальнем углу сидела кучка испуганных, дрожащих от страха людей, человек пятнадцать, а к выходу со всех сторон ломились не меньше двух дюжин черных, обезображенных тел. Уродцы стремительно неслись в нашу сторону, чтобы на куски разорвать незваных гостей. Пачвары торжественно сипели, уже заранее ощущая на зубах людскую кровь, неслись мстить за убитых собратьев. Но не тут-то было! Отряд землян встретил тварей плотным огнем, против которого монстры Кащера ничего не могли поделать. Прошитые насквозь пачвары ложились замертво, так и не достигнув сеющих гибель стрелков. Радостно грохотали «калаши» в руках бойцов, и радость светилась на лицах ребят: радость и злоба, радость и отвращение. Глаза спецназовцев продолжали внимательно оценивать обстановку, пристально наблюдать за врагом, тщательно выбирать цель, а вот губы растягивались в издевательских, довольных ухмылках. Поголовье отродий стремительно уменьшалось — как тут не радоваться. В очередной раз я поблагодарил судьбу за то, что подсунула этих ребят на мой жизненный путь так вовремя.

Одного мимолетного взгляда на дверь, которую так неосмотрительно я давеча распахнул, хватило, чтобы понять, почему твари знали про нас и ждали. В том месте, где со стороны коридора красовался тисненый глаз, по эту сторону ничего не было — просто дырка! Гипертрофированный дверной глазок. Воры перед входом в свою резиденцию вставили зачарованную дверь, которой так удачно сейчас воспользовались нечистые. Возможно, поэтому, когда я спускался вниз по лестнице, меня не покидало ощущение чужого взгляда. Своими безглазыми рожами пачвары постоянно следили за входом в подземелье.

Но поражаться современным системам охраны Мидлонского княжества времени совсем не было. Я вскочил на ноги, быстро окинул взглядом все вокруг и бесшумно, не привлекая внимания, посеменил вдоль стенки в сторону пленников. От попеременного громыхания нескольких автоматов на просторах замкнутого

помещения здорово заложило уши. Только бы никто не догадался швырнуть гранату или зацепить заложника шальным рикошетом. Но ребята оказались настоящими профессионалами — кучка пленников так и не попала в радиус обстрела спецназовцев, а оглушительного взрыва тоже не случилось. Казалось, в случае ограниченного боезапаса земляне справились бы даже прикладами.

Когда я, раскидав на пути горы деревянного хлама, пробрался к поскуливающим в тихом ужасе пленникам, бесплатная стрельба по мишеням окончилась. Все монстры валялись навзничь, не подавая признаков жизни. Но при этом ребята Глуховича уделяли внимание каждому из трупов, а тех, кто таковыми лишь прикидывался, методично угощали контрольным выстрелом в безглазую голову.

Заложники, несмотря на появление спасителей, по-прежнему в страхе жались друг к другу. Они с подозрением косились на странно выряженных людей и явно не знали, как к нам относиться. Я шарил взглядом по их серым лицам, пытаясь найти то самое, до боли знакомое выражение, но в глазах все смазывалось от едва сдерживаемого волнения. Наконец из-за спин пленников раздался властный женский голос:

— Чего сели? Встаем! Не видите — за нами пришли!

Это был ее голос! Арлета поднялась во весь рост, встала над трепещущим стадом горожан и, нахмурив брови, уверенно пошла мне навстречу. Следуя примеру охотницы, обнадеженная толпа людей рванула с места. Обгоняя девушку, измученные томлением в ожидании люди мчались навстречу мидлонским воинам, старательно огибая землян. Казалось, будто среди мельтешащих вокруг фигур идущая уверенно и не спеша охотница выделяется неким неземным свечением, окружена слепящим ореолом. В полном ступоре я стоял на месте, боясь пошевелиться, спугнуть этот мираж, — мне просто не верилось, что мы с Арлетой наконец встретились. С замершим сердцем я смотрел на охотницу, как преданный пес, и с несказанной надеждой ждал ее благосклонного взгляда, теплого слова. Но Арлета лишь прошла мимо, и взгляд ее был таким отсутствующим, будто меня и вовсе не было рядом. Охотница, словно не заметив, даже зацепила меня плечом и не обернулась, когда я покачнулся в сторону, с трудом сдержав равновесие. Неужели, я для нее больше не существую? Это… это неприятно. Черт возьми, да это больно!

— Арлета! — я догнал ее, взял за руку, но она резко дернула плечом, яростно вырвалась и как ни в чем не бывало пошла дальше.

— Да подожди ты! — я вновь догнал охотницу, схватил ее за

плечи, резко развернул к себе.

С бесстрастным взглядом Арлета врезала мне коленом в бедро и добавила по уху локтем. Я приглушенно вскрикнул, но скорее от неожиданности, чем от боли, оступился, споткнулся о разломанный стол и рухнул на землю, походя раздавив почти целую табуретку. Охотница пошла дальше, будто ничего не случилось, будто я не существовал, а вместо меня ей докучал какой-то назойливый нищий.

— Так и будешь меня игнорировать? — поднимаясь, крикнул я ей вслед.

Арлета не обернулась.

— Даже не выслушаешь?

Ноль эмоций.

— Тебе все равно, кого мы с тобой вместе зачали?

Даже шага не замедлила.

— Сколько еще в этом проклятом мире близкие мне люди будут меня бить и делать больно? — в бессилии прошипел я и злобно пнул остатки стула, неосторожно раскорячившиеся рядом.

Когда деревянная конструкция с треском разлетелась о стену, за моей спиной раздался дрожащий голос:

— Простите, — это говорил один из пленников. Он не побежал радостно вслед за остальными, а все еще стоял на месте и глазами, полными скорби, смотрел на меня. — Там колдун, он забрал мою дочку.

Мужичок дрожащей рукой показывал на второй коридор, уходивший из помещения.

— Он водил туда людей и превращал в пачвар. Помогите, пожалуйста…

Вот как? Гений эволюции, оказывается, тоже здесь. Как удачно! Двух зайцев уложим с одного выстрела — и заложников спасем, и Кащера нафаршируем.

— Да с радостью! — тут же согласился я. — Где эта сволочь?

Еще одна деревяшка полетела в стену. Я был раздражен, я был зол. Эта злость срочно требовала выплеска, и Кащер попался под руку очень даже кстати. Решительным шагом я направился в коридор.

— Стой! — крикнул за спиной Скокс. — Он тебя убьет!

— Вороховец! — вторил Глухович. — Ты куда?

А мне было все равно. Убьет он меня, ха! Сдохну? Да подумаешь! Как будто кручиниться кто-то станет. Кому я тут нужен? Кому я вообще нужен? Может, и вправду лучше сгинуть к чертям — вдруг даже полегчает кому-нибудь! А если нет — так поделом! Зачем же доводить человека до такого состояния?

— «Гордо скину плащ, вдаль направлю взор! — Затуманенная

злостью и отчаянием голова начала выдавать эти знакомые с детства строки, а я быстро шел по коридору и во всю глотку горланил их: — Может, она ждет? Вряд ли, это вздор»!..

В обе стороны длинного коридора лилась грустная песня, сзади слышались торопливые шаги следовавших за мной бойцов, а спереди виднелись отблески света. К припеву достигли прохода в очередное помещение.

— «…тогда поймешь, кого ты потеряла»! — С этими словами я ворвался в обширный грот, по периметру забитый наполненными доверху мешками, ящиками и сундуками.

Кое-где сверкали золотом слитки, местами яркими бликами манили бриллианты, повсюду были разбросаны купюры самого разного номинала. А в центре всех этих богатств гротескным монументом склонился над лежащей без сознания маленькой девочкой самый ужасный и монструозный колдун, которого только знала Поляна, — Кащер. В скрюченных пальцах у него не было ни напитанного чарами шара, ни жезла, но густые потоки волшебной энергии вихрились вокруг чародея, извиваясь во всех направлениях. Они рябили, клубились, ослепительно искрились, пронизывая тела колдуна и ребенка, переливались всеми цветами радуги. Кащер блаженно скалил свои клыки, глядя только на объект своих адских заклинаний.

Не замедляя шага, я открыл огонь, чтобы свинцом стереть эту отвратительную ухмылку с морды нечистого. Пистолет яростно выплевывал пули, но снаряды непонятным образом не достигали своей цели. Выстрелы исправно гремели один за одним, но Кащер даже ни разу не дернулся. Обойма уже опустела, однако результата все не было. Это меня расстроило, но не остановило. Защелкнув новую обойму, я продолжил идти на сближение и беспрестанно вел огонь по колдуну. Лишь подойдя ближе, я увидел, как пули вышибают крошку из стен за нечистым и попадают совсем не туда, куда я целился. Некоторые из них застревали прямо в воздухе перед Кащером и беспомощно осыпались ему под ноги. Чертов уродец окружил себя щитом, который задерживает даже пули! Но ничего, меня он точно не остановит! Последний выстрел я произвел почти в упор, в обезображенную башку предводителя нечисти. Возникло такое ощущение, будто снаряд застрял в стволе и даже не соизволил вывалиться. Зато Кащер, наконец, отвлекся от своей жертвы и раскаленными угольками в глазницах обратил на меня внимание. Заметил. Узнал. И тут же схлопотал ногой по морде. Очень технично и чрезвычайно красиво. Если бы от этого еще был эффект! Голова колдуна лишь немного покачнулась, сам он даже не сдвинулся с места. Только теперь я заметил, как изменился

Кащер с момента нашей предыдущей встречи. Плечи уродца стали намного шире, массивная черная шея напоминала размерами бычью а просторные одежды не скрывали бугрящихся под тканью мышц. Во что же он себя превратил? А ведь урод еще свободно пользуется чарами всех цветов, без помощи дополнительных приспособлений! Чертов мутант непрерывно прогрессировал все проведенное в лесу время!

Вторым размашистым ударом я вспорол ему когтями кожу и мышцы на груди, лезвия с неприятным глухим стуком прошлись по ребрам чародея. Кащер даже не поморщился — и, наконец, ответил. Его могучая рука со свистом пролетела над головой — я успел пригнуться. Второй выпад напоролся на мой блок, но этого хватило, чтобы я отлетел на несколько метров назад. На левой руке онемели пальцы — средний, безымянный и мизинец, я просто перестал их чувствовать. Двигать ими тоже не получалось. Чуть позже на предплечье, там, куда попал удар чародея, вспыхнула жаром адская боль. Похоже, локтевая кость сломана. Я вскочил на ноги, заметил, что девочка, лежавшая у ног Кащера, уже очнулась, отползла в сторонку и теперь испуганно вжимает голову в плечики. Сейчас ребята Глуховича начнут обстрел, как бы не зацепили.

В три прыжка я вновь оказался рядом с колдуном, проскользнул мимо, пригнувшись под еще одним взмахом, подобрал девчушку здоровой рукой и просто с разворота швырнул ее в сторону подоспевших из коридора людей. Спецназовцы ловко поймали ребенка, а вот мне повезло меньше. Попал-таки под безжалостную колотушку нечистого. Колдун крепко ухватил меня за плечи, резко крутанул и начал осыпать ударами. Такой скорости я никогда не видел, даже на быстрой перемотке боевиков! Мне не удавалось ни прикрыться, ни увернуться. Уйти тоже не получилось — колдун будто взбесился. Взмахи черных лап слились в одну сплошную мельницу. Я ничего не мог сделать, лишь чувствовал, что слева уже сломана ключица, острыми когтями разодраны в клочья плечевые мышцы, а голову просто водит по сторонам после нескольких ударов, кувалдой свалившихся на прикрывающие ее руки. Казалось, он сейчас убьет меня — проломит череп или вспорет прикрытый бесполезной кольчужкой живот, но завершающим штрихом был мощнейший толчок в грудину, после которого с хрустом не выдержали несколько ребер, а мое безвольное тело кубарем повалилось назад. От боли хотелось потерять сознание, но Кащер, казалось, намеренно лишь изувечил меня, чтобы я своими глазами видел дальнейшие события.

Настала очередь спецназа. Я больше не мешал им стрелять,

не перекрывал собой здоровенную черную мишень. Одновременно заговорили сразу все автоматы отряда Глуховича. Ни о какой экономии боеприпасов не было и речи, ребята с остервенением поливали беспрерывными очередями, заставлявшими воздух вибрировать от грохота. Сквозь симфонию «калашниковых» раздался греющий душу протяжный крик:

— Нет!

Это была она! Она пришла за мной. Ей не все равно! Значит, не зря пошел подыхать под удары этого монстра. Я устало, но счастливо улыбнулся, из уголка рта теплой струйкой вниз потекла кровь. Через секунду Арлета прорвалась сквозь толпу военных и, не глядя по сторонам, помчалась ко мне. Ее сказочные, немножко растрепанные сегодня волосы так красиво развевались на бегу.

Видно было, как Глухович изо всех сил орет что-то назад, своим. Вот один из спецназовцев отделился от основной группы, побежал вслед за охотницей. Арлета вскоре уже сидела подле моего распластанного тела, уложив мою голову себе на колени, подолом сорочки утирала кровь и смотрела глазами, полными слез. Я улыбался, попытался обнадеживающе подмигнуть — не очень-то получилось. Охотница улыбнулась в ответ. Мило, нежно, как улыбалась мне раньше. Смахнула слезу.

Подбежал боец Глуховича, присел рядом. Суетливо, не отводя взгляда от шипящего в ярости Кащера, он достал из нагрудного кармана оранжевую пластиковую коробочку, открыл ее. Коробочку я узнал — это была индивидуальная аптечка, их теперь используют регулярные войска для оказания первой помощи. В нашем ночном клубе по инициативе шефа точно такие же имелись у каждого охранника. Боец достал из коробочки шприц-тюбик, воткнул иглу мне в бедро, ввел препарат. Скорее всего — промедол, чтобы обезболить. А я не понимал — зачем? Ведь у меня ничто не болело, мне было хорошо. Арлета сидела рядом, смотрела на меня своими большими красивыми глазами, слегка смущенно улыбалась. Что мне еще нужно?

А нужно во что бы то ни стало выбраться отсюда, и Кащер этим планам — явная помеха. Стена за спиной колдуна разлеталась в мелкий щебень от роя влетавших в нее пуль. Трое волшебников старательно выжигали защиту нечистого, вот уже несколько снарядов с негромкими хлопками вошли в его черное тело. Казалось, с минуты на минуту броня колдуна просядет, пропустит лавину огня и пули нашпигуют его перекачанный зачарованными анаболиками организм, но не тут-то было. Ребята слишком увлеклись — в тот момент, когда им, наконец, удалось зафиксировать цель. Они начали стрелять одновременно и совсем

необдуманно расходовали боезапас. Поэтому магазины у всех опустели практически одновременно. Наступило затишье, только шелестели кармашки разгрузок, из которых бойцы спешно извлекали дополнительные обоймы. Затем начали тихо щелкать входящие в автоматы рожки, а после громко залязгали передергивающиеся затворы. Массовая перезарядка длилась максимум секунд пять, но за этот короткий промежуток времени произошло невероятное!

Зачерпнув из пространства голыми руками два темных сгустка чар, Кащер начал размазывать их по телу, будто мылся мылом в ванной. Его черная кожа в местах ранений запузырилась, начала раздуваться, клубиться в самой глубине оставленных мною царапин. Совсем новые, отвратительные, но абсолютно здоровые раковые ткани колдуна вытесняли наружу поврежденные. Вскоре из отверстий в его теле, оставленных меткими попаданиями, вывалились всмятку сплющенные пули. Три кровавых полосы на груди стянулись, осыпались, не оставив даже рубца. Колдун регенерировал.

— А теперь моя очередь! — рявкнул он и хлестко расшвырял веером по комнате чары всех цветовых спектров.

Наше мидлонское сопровождение в полном составе осталось охранять заложников, на землян чары традиционно не подействовали, так что досталось лишь волшебникам. Зато как! Одного отшвырнуло прямо в коридор и, судя по удаляющемуся грохоту костей, чародей кувыркался до самого банкетного зала. Второго размазало по здоровенной несущей колонне, которые тут в щедром количестве разработали архитекторы. Скокс, в отличие от коллег, вместо сооружения бесполезной защиты, попытался увернуться. Почти удачно. Его зацепило лишь краешком. Сделав три-четыре эффектных оборота в воздухе, чародей плюхнулся в груду мешков с деньгами у стены, где тихо застонал от боли.

Без помощи волшебников у спецназа не оставалось никаких шансов пробить щиты Кащера. Результат попытки вступить в рукопашную все видели на моем неудачном примере. Глухович с ребятами прекрасно понимали, в каком незавидном положении оказались, понимал это и сам нечистый. Способности колдуна к регенерации вообще ввергали в пучину беспросветного уныния. Майору оставалось, пожалуй, лишь одно — спасать своих людей и отступать. Глухович уже обернулся к выходу, раскрыл было рот, чтобы отдать приказ, но так и застыл, округлив глаза.

— Ваше могущество! — донесся из коридора знакомый, полный сарказма голос.

Колдун застыл в ожидании, так и не выпустив очередного заклинания. Спецназовцы спешно расступились, давая пройти

закутанной в черный костюм фигуре Шамана. Не знаю, чего им такого страшного рассказывали про моего товарища, но стволы автоматов постоянно были наведены на Сашку, буквально провожали его. Спецназовцы боялись моего друга, пожалуй, даже больше неведомого и опасного Кащера. Скорее всего, им уже доводилось когда-то сталкиваться. А Шаман преспокойно шел дальше, не обращая никакого внимания на окружавших его бойцов. За спиной у него болтался просторный мешок, в котором что-то весело позвякивало металлом.

— Я тут нашел для вас кое-что, да вот за ребятами еле поспел.

Так вот что за черная тень преследовала нас всю дорогу в Крипете! Шаман! Как я сразу не догадался?

— Шамов, что с моими бойцами? — грозно спросил Глухович, видимо, имея в виду тех, что остались сверху, в жарке.

— Нормально, майор. Спят, ничего с ними не случилось. Только башка завтра будет побаливать, — вполголоса бросил Саня, остановился в трех шагах от колдуна и заложил руки за спину.

Командир недовольно сдвинул брови.

— А ведь знаете, ваше могущество, — продолжал Саня — опять громко, чтобы все слышали, обращаясь к нечистому, — плохи наши с вами дела. Вашу армию эти, как вы говорите, людишки разнесли к чертовой матери. Заклинание, что вы со своими колдунами на репетициях так упорно разучивали, — оно, конечно, хорошее. Только без колдунов совсем не работает. А их-то перебили всех, родненьких.

Кащер слушал молча, настороженно ждал, чем Шаман закончит выступление.

— Волки те же. Вы говорили, мол, не пойдут они из лесу даже за вас воевать, не место им на Поляне. Так пошли же! Только сражались отчего-то на стороне тех самых людишек. Как они колдунов да пачвар грызли! Загляденье! Ну а нашу последнюю надежду — Цмока — пришиб заморский гость, — Шаман кивнул в мою сторону и незаметно подмигнул, весело ухмыльнувшись. — Чтоб ему пачварой стать. Хотя это, пожалуй, комплимент — правда, ваше могущество?

— Шаман, ты сделал то, о чем я просил? — вкрадчиво спросил Кащер, да так тихо, будто боялся спугнуть хорошую новость.

— Ах, Живые доспехи? — хлопнул себя по лбу Саня.

Вспомнился недавний доклад Скокса в княжеском штабе. Рядовой Дрозд, с его слов, припоминал, будто чрезвычайно сильная пачвара налетела на них во время транспортировки

поручика в тыл. Так вот оно что! Это была вовсе не пачвара — по ходу, сам Шаман, одетый в свой черный костюм ниндзя, с маской на голове, оглушил бойцов и забрал у них доспехи! Такого не мудрено перепутать с нечистым. Пожалуй, солдатам даже знатно повезло, что их с моим другом объединяли кое-какие общие похождения, иначе мог убить всех без задней мысли.

— Куда уж теперь торопиться, не пропадут ваши железяки, — говорил тем временем Сашка. — Я еще про ваших пачвар не закончил. Итак, вернемся к теме! Даже сейчас вы, полагаю, планировали наштамповать себе новую партию своих детищ — чтобы теперь не в одиночестве убегать в лес. Потом будет с кем начать все сначала. Да и веселее с ними, не правда ли? Всем, по-вашему, эти пачвары хороши. Ну, почти. Пара дизайнерских модификаций, глазные имплантаты — и вуаля! Вершина эволюции, так?

— Так! — При обсуждении любимой темы Кащер не мог смолчать.

— Предположим, — не останавливался Шаман. — Если ваших питомцев действительно эстетически облагородить, то в них сконцентрируется отменный набор положительных характеристик. И физические данные, и здоровье, и средняя продолжительность жизни — в общем, куча всего! А вы мне пообещали со временем излечить мою болезнь, сделать в точности таким, как я описал только что. Совершенством. Так?

— Да, Шаман, и сейчас от своих слов не отказываюсь. Но где…

— Постой-ка, твое могущество. Я все еще не закончил, — Шаман резким жестом прервал вопрос колдуна. — Итак, ты обещал мне вершину эволюции. Но у меня было время поразмыслить. Я совершенно случайно пообщался с некоторыми из твоих ныне покойных колдунов. И знаешь, что я от них узнал? Что твоя теория — полный бред!

— Это еще почему? — занервничал Кащер. — Что они тебе наплели?

— А то, — Шаман перешел на злобный крик, — что все твои уродцы — бесплодны! У них ущербные гонады! И что бы ты ни делал, как бы ни чаровал — они все равно никогда не смогут продолжить своего рода! А значит, все твои твари — не вершина эволюции, а ее тупиковая ветвь! Что это за вид, который не дает потомства? Что за вид, обреченный на вымирание? Ты меня обманул, Кащер! Понимаешь? Меня! Но мало того — ты обманываешь сам себя! Они уроды, Кащер, не более! Я не хочу становиться уродом! Им нет места среди нас!

— Нет! — растерянно возразил колдун. — Я обязательно что-

нибудь сделаю, у меня получится, у них будут детки!

Я представил себе маленького черного, только что родившегося безглазого пачвареныша, покрытого слоем густой слизи, — и меня чуть не вырвало.

— Я решил сделать следующее, ваше могущество, — уже спокойно сказал Шаман и вытряхнул из мешка на землю груду желтого металла.

Живые доспехи я узнал без труда.

— Доспехи? Я же сказал, где следует их спрятать! — насторожился колдун. — Зачем ты их сюда принес? Шаман! Зачем?

— За шкафом — традиционный ответ на вопрос «зачем?», — озвучил Шаман свою любимую шутку и с хладнокровным видом выудил из кучи железа щит и меч.

— Ты что же? Так расстроился? Думаешь, я тебя обманул? Теперь хочешь убить меня из-за этого? — сперва удивился Кащер, но вскоре, через мгновенье, вовсю разразился диким сиплым хохотом, тыча в Сашку пальцем: — Еще один! Погляди-ка на своего дружка, он уже попытался! Захотел прилечь рядом? Я знаю твои способности, Шаман. Мы с тобой очень похожи. Однако даже не тебе сейчас тягаться со мной. То, что у тебя лишь в голове, — у меня во всем теле.

Тут я даже склонен был согласиться с нечистым. Кащер теперь обладал потрясающей быстротой, не намного, но превосходящей скорость самого Шамана. Уж кому, если не мне сравнивать. Да и силушки у колдуна явно водилось побольше. Плюс эта его чертова регенерация!

На лице Александра Шамова играла холодная улыбка. Я с притихшим в ожидании сердцебиением следил за немой сценой. Что удумал мой друг? Неужели надеется победить колдуна за счет многолетних тренировок за спиной? Глухович уже и забыл, что ему надо уводить людей. Сами бойцы тоже, затаив дыхание, ожидали развязки. Скокс расположился на мешках поудобней — ему лишь попкорна не хватало. Даже Арлета оторвала от меня любящий взгляд и вовсю глазела на две напряженные фигуры.

— Ты прав, Кащер, мы с тобой похожи, — негромко сказал Шаман. — Поэтому я точно знаю все твои ощущения. Я знаю, как обострена твоя реакция, знаю, как быстры твои рефлексы. Они быстрее мысли. Знаешь, что такое рефлекс?

С этими словами Сашка не сильно, зато резко и неожиданно швырнул в колдуна щит и меч. Мой друг оказался на сто процентов прав. Не знаю, как поступил бы на месте Кащера обычный человек, но нечистый, не успев толком подумать, схватился обеими руками за брошенное оружие. Рефлекс,

обычный рефлекс, отшлифованный мутацией до совершенства. По воровской сокровищнице полетел полный боли, недоумения и негодования рев.

— Твои колдуны совершенно случайно сболтнули мне лишнего, даже не догадываясь, что ненароком открыли тайну великого предводителя нечисти! — Шаман пытался перекричать оглушительное сипение твари. — Они сказали, что сам ты никогда не касался Живых доспехов — с самого момента их основания! Ты даже прятал их чужими руками, кривыми руками своих монстров. С чего бы такая брезгливость, а? Или это не брезгливость, а страх? Я ведь правильно все понял? Что скажешь, Кащер?

Кащер уже ничего не мог сказать. Он яростно боролся. Меч и щит вспыхнули ярким белым пламенем, потянули колдуна вниз, к земле. И вновь смерчем завьюжили вокруг него чары. Кащер изо всех сил пытался противостоять силе волшебников, заключенной в доспехах. Там, где он держался за оружие, с противным шипением горела кожа нечистого, поднимался дымок, неприятно пахнущий паленой органикой. Предводитель пачвар пытался избавиться от врученных ему подарков, разжать пальцы, выкинуть ненавистное железо, но доспехи прилипли намертво. Когда Кащер уже стоял на коленях, не орал, а лишь кряхтел и, с усилием выгнув спину, пытался оторвать руки от земли, к нему подскочил Шаман и ловко насадил чародею на голову шлем.

И вновь разразился в сокровищнице нечеловеческий вопль. Надевать на нечистого кирасу моему другу помогал уже очухавшийся и вовремя подоспевший на подмогу Скокс — нечистый дергался всем телом, яростно извивался и активно мешал людям наряжать себя. Когда последний элемент доспехов был надежно закреплен поверх могучего торса колдуна, весь комплект начал излучать яркое до боли в глазах свечение. Воздух вокруг пронзительно звенел, напрочь заглушив крики нечистого, дым от которого валил коромыслом.

Кащер мучительно умирал за свою идею, за свою правду, которая, возможно, тоже имела право существовать. Но только не в этом мире. Здесь, на Поляне, он не смог добиться своего — значит, не был прав. Он искренне хотел помочь больным людям, он по-настоящему хотел сделать человечество лучше, он верил, но его не послушали. Его победили. Ему не дали добиться своего. Он был неправ. Шаман собственноручно, на деле доказал полноправность своих странноватых гипотез.

— Дым столбом идет — зима будет морозная, — глядя на догорающее тело нечистого, философски отметила охотница.

От Кащера остались одни уголья. Последними потухли те два

огонька, что заменяли колдуну глаза. Все! Не стало грозного предводителя нечисти, равно как и всех его мерзких отродий. Хотя кто знает, может, где-то в дебрях лесов осталась неприкаянно бродить пара-тройка пачвар и волколаков. Но что нам до них? Отживут свой век да и подохнут — ведь плодиться убогим не дано природой.

А теперь можно было смело благодарить того спецназовца, что вколол мне промедол. Когда все закончилось, внимание поневоле переключилось на ноющие раны и переломанные кости, лишь отдаленно намекавшие притупленной пульсацией, какой адской болью мне бы сейчас довелось наслаждаться, не введи боец анальгетик. Поначалу чувство тревоги вкупе с бушующим в сердце адреналином хоть как-то сглаживало действие опиата, однако теперь, когда опасность миновала, наркотик сразу бросился дурманить голову. Мысли спутались, картинка в глазах весело удвоилась, а веки наперегонки рванули вниз. Последнее, что я заметил, было не на шутку обеспокоенное лицо Арлеты и пружинистой походкой приближающийся Шаман. Друг был таким радостным…

Приснившийся мне красочный бред вообще не подлежит никакому описанию. Да я и не помню особо, что там привиделось моим одурманенным извилинам. Знаю лишь одно — приятных ощущений было мало. Я очнулся в небольшом темном шатре, лежа на высокой жесткой кушетке, и сразу протяжно застонал. Половину тела можно было смело снимать в фильмах про мумию — забинтовали на славу. Левую руку в согнутом положении привязали к туловищу, а к правой плотно пристроили кусок деревяшки — скорее всего, древко от копья. Так вот как себя чувствуют неудачливые каскадеры и выжившие жертвы крупных аварий. Я мог без лукавства сказать, что во мне болит все, но это неотъемлемая привилегия бабулек в кабинете участкового терапевта. Нет, все-таки некоторые детали организма оказались здоровыми и нетронутыми, например, пятки. Остальное явно желало участи получше. Из-за сломанной ключицы я не мог отвести левую руку даже на сантиметр в сторону, поврежденное предплечье позволяло в полной мере использовать лишь указательный и большой палец правой кисти, а благодаря множественным переломам ребер и общей порванности корпуса даже такой бесхитростный, но требующий регулярности акт, как вдох, осуществлять было проблематично. Многострадальная голова уже, видимо, привыкла к сотрясениям и держалась довольно стойко.

Но вся эта боль стоила той картины, что я видел рядом с собой. Опершись локотком на край кушетки, Арлета сидела подле

меня и мирно дремала. В полусне личико девушки было таким очаровательно милым. Я потянулся было, чтобы прикоснуться к ней, но тут же зашипел от боли. В любом случае цели достиг — охотница проснулась. Она спешно улыбнулась, критически осмотрела мои повреждения, поправила повязку на плече и звонким голоском крикнула в сторону:

— Саша! Он очнулся! — Надо же, и с Шаманом подружиться успела!

В палатку тут же влетел мой друг, нашел меня взглядом, широко улыбнулся и раскинул руки для объятий, отчего я весь съежился. В его захвате даже абсолютно целые люди могут запросто хрустнуть — чего уж обо мне говорить?

— Чего ты, дружище? — наигранно удивился Саня. — Боишься меня? Это из-за того ночного инцидента? Да ладно! — махнул он рукой. — Ты уж извини меня. На самом деле сам не свой был. Ты же видел все, слышал. Но это меня, конечно, не оправдывает! Понимаю — провинился. Можешь просить чего хочешь — все сделаю.

Шаман скорчил полную раскаяния рожу пойманного малолетнего хулигана.

— Знаешь, меня эти твои бурные эмоциональные всплески настораживают, — со всей серьезностью заявил я. — Они у меня теперь будут ассоциироваться с предвестниками всякой дури с твоей стороны. Ты предал меня, психанул, да еще навалял очень больно, и теперь кривляешься, будто мы пятиклашки, а ты всего лишь спер мой фломастер. Я тебя, конечно, прощу. Но только должок придется вернуть, дружище. На первой же тренировке.

Шаман тоже перешел на серьезный лад:

— Хорошо. Случилось то, что случилось, Арсенал. А могло выйти по-другому. Я ведь, несмотря на то что, как ты говоришь, психанул, все равно пытался контролировать события. И, поверь, при любом исходе не бросил бы тебя. Тогда я просто ушел к Кащеру за информацией, убедиться. Если бы ты не пошел в ту ночь за мной, то, возможно, я бы спокойно и незаметно вернулся обратно, по меньшей мере для того, чтобы прикрыть тебя в предстоящем бою. Но раз ты все-таки немыслимым образом увязался следом, пришлось мне убегать — ты однозначно не поверил бы, что я вернусь. И жестокость эта, когда мы дрались, пожалуй, тоже была необходима. Ведь я на самом деле надеялся плотно тебя вырубить, чтобы ты всю заварушку на поле боя наблюдал из лазарета. Кто ж мог догадаться, что ты так быстро оклемаешься? Я, знаешь ли, сильно удивился, когда этого Цмока увидал. Но еще больше офигел от того, как ты его сделал. Я-то думал — ты вообще в медсанчасти после нашего разногласия

прохлаждаешься. И, представь, даже помочь тебе ничем не мог, хотя стремление было… — Шаман усмехнулся краешком рта. — Понимаешь, после разговоров с Кащером и его колдунами я понял, что альянс с ними — гнилая затея, бесперспективная. Ну, ты сегодня уже слышал об этом. Короче, я быстро смекнул, что к чему, якобы примкнул к ним и вызвался лично заняться доспехами — это чтобы никто не путался под ногами. Представляешь, так забегался с этими железяками! И найти надо было, и догнать. С ребятами Атома, к тому же, аккуратно сработать пришлось — ведь почти свои. Поручика, кстати, жаль. Толковый был мужик. Но я как подоспел — уже отошел парень. Вот. Собственно, с этим всем водоворотом как-то уж не до тебя было, извини. Да ты и сам, гляжу, неплохо справился. Дальше сам знаешь как вышло. Собственно говоря, на такой примерно исход я и рассчитывал.

Ай да Сашка! Ай да сукин сын! Конечно, Шаман очень грамотно и красиво мне сейчас все обрисовал, будто и в самом деле он контролировал каждый свой шаг и даже за мной присматривал краем глаза. Однако имелся у меня еще один вопрос. Такой, что искренний ответ на него мог напрочь испортить нашу хрупкую, едва налаженную в данный момент дружбу. Но задать его все-таки пришлось:

— А если бы вышло по-другому? Вдруг тебя устроил бы союз с нечистью? Что если ты согласился бы присоединиться к ним? Ведь ты был готов и к такому?

— Да, был готов, — твердо ответил Шаман и сразу же возразил: — Только меня интересовал вовсе не союз. Исход битвы мне был абсолютно безынтересен. Главное, чтобы выжил Кащер и смог сделать то, что мне нужно. Только вот не нужно мне того, что он мог. Ты не думай, я не оправдываюсь. Просто хочу, чтобы ты меня понял, чтобы знал, какая у меня была мотивация. И тебя, Арсенал, я при любом раскладе все равно бы не бросил. Говорил ведь. Даже в случае полной победы нечисти я бы не отдал тебя им на растерзание. Видишь, все сходится к тому, что перед тобой виноват я лишь в одном: немножко припечатал прошлой ночью, и то для дела. Так что, дружище, не суди меня строго. Да, кстати, — Саня щелкнул пальцами, — когда будешь избивать на тренировке, знай: ты реально можешь меня сделать. Что-то в тебе есть такое… этакое. Нет, не могу в данный момент объяснить. Только тебе надо научиться этим пользоваться, вовремя извлекать и подстраивать под себя. Я видел нечто изумительное в твоих глазах, движениях. Ты сам по себе способен на многое. Каким только способом развить в тебе твои способности? — Шаман задумался на секунду и решил: — Надо будет всерьез ими

заняться. Участим тренировки.

Я посмотрел на свое переломанное тело и мысленно сказал ему спасибо за то, что своим плачевным состоянием оно будет ограждать меня от изнуряющих упражнения хотя бы пару месяцев.

— Ладно, Саня, — сказал я, — поговорим с тобой, потом. Будем считать, суд присяжных признал тебя невиновным перед потерпевшим. Только тебе, небось, еще князю придется рассказывать эти сказки.

— Да уже рассказывал, — махнул рукой Шаман. — Скептически он к ним отнесся. Правда, князю сейчас не до этого. Сидит с советниками, сам свою легенду разрабатывает. О том, как великий Радзивилл Седьмой не побоялся ради спасения державы отправиться лично вместе с отрядом пришельцев на зачистку города-факела, встал лицом к лицу с врагом лютым, да и завалил его собственноручно. В общем, пиарщики вовсю трудятся.

— Кстати! — вспомнил я. — А где наш князь-то был, когда все Кащера одолеть пытались?

— О! Этот любопытный стратег вместе с остальными пленниками коротал время в ожидании, не выходя из подземелья. Грамотно построил заложников и солдат напротив коридора, чтоб, если что, Кащер сначала напоролся на них, и каждую минуту отправлял перепуганных бойцов проверять обстановку в сокровищнице.

— Вот молодец, правитель! — я бы еще и поаплодировал, если б мог. — Эх, Саня! Что ж мы такими хитро… — я кинул взгляд на скучающую Арлету, — хитрыми не уродились, а?

Шаман лишь с улыбкой пожал плечами.

— Ладно, дружище, — собрался я. — Тут у нас давненько назревал разговор с Арлетой. Можешь оставить?

— Конечно.

Друг без промедления покинул палатку. Мы с девушкой вновь остались наедине. Настало время и в этих отношениях расставить все по местам. Я выждал минуту, посмотрел на вмиг подобравшуюся охотницу и спросил:

— Ну а ты? Ты меня простишь?

Арлета не отвечала долго. Охотница смотрела в землю и, собираясь с мыслями, нервно крутила в руках стрелу. Наконец подняла взгляд:

— Не знаю… Я много думала. Многое мне рассказал Скокс, пока ты был без сознания. Знаешь, Сеня, ведь ясно, что там, в Гладе, по-другому ты поступить, наверное, не имел права, поэтому на самом деле твои действия оправдать несложно. Только я не могу тебя простить. Простить не могу, поэтому, —

Арлета глубоко вздохнула, — постараюсь все забыть. Ради нас с тобой и ради него, — девушка нежно погладила живот.

Немного закружилась голова — оказывается, пока охотница говорила, я даже не осмеливался дышать.

— Спасибо, милая, — с облегчением выдохнул я.

Тихую идиллию прервал вломившийся в палатку майор, который тут же недоверчивым взглядом принялся меня разглядывать.

— Уже? — спросил он.

— Что уже? — решил я уточнить.

— Оклемался, — пояснил Глухович. — Быстро ты. Как будто в тазик с нашатырем положили. Ну что, собирай свои кости, еще что-нибудь ценное, нажитое непосильным трудом, и будем потихоньку выдвигаться. Телепорт через двадцать три минуты.

— Как? — обомлел я. — И все? И домой?

— А ты думал? Мы с ребятами не на постоянное место жительства сюда явились. Пора и честь знать.

— Что, и я с вами?

— А как же? Ты ведь мне обещал. Кулаком в грудь бил, мол, наше начальство за твою информацию всем премии повысит, если поможем. Вот — мы помогли, теперь твоя очередь соблюдать условия. Собственно, у тебя другого выхода нет. Во-первых, мы в любом случае вернем тебя домой, тебе сопротивляться-то все равно нечем. А во-вторых, если над тобой не поколдуют наши медики, то здесь тебя, скорее всего, и похоронят. Даже если выживешь — калекой станешь. Кости сами правильно не сопоставятся, а такие раны сами собой долго заживают, если без поддержки. Мало ли что у того колдуна под ногтями было. Может, у него там зараза вовсю плодилась, а теперь в тебе сидит, в царапинах… — От этих слов я с отвращением скривился, но подлый майор продолжал: — Это еще ладно, а вот что у тебя внутри сейчас творится — никто даже не догадывается. Может, ушиб печени, а может — вообще селезенка оторвалась? — Глядя на мое заметно поникшее выражение лица, Глухович, наконец, смилостивился: — Ну да ладно, не дрейфь, у нашей организации элитные эскулапы! Из таких паззлов людей собирали, тебе и не снилось.

— Хорошо, — я согласился со всеми доводами спецназовца. — Но только Арлета? Как нам с нею быть? Мы ее тоже забираем?

— Я-то не возражаю, — развел руками майор, глядя куда-то позади меня. — Вот только…

— Я возражаю, — раздался твердый голос охотницы позади.

— Как, Арлета? Почему? — Я, встрепенувшись, перевел

взгляд на девушку.

Она была явно расстроена, однако, тем не менее, полностью сосредоточена. Я узнал то самое выражение лица охотницы, при котором изменить ее решения, пусть и тяжелого для нас обоих, никто был не в силах.

— Сеня, сейчас я не могу покинуть Поляну, — с грустью сказала она. — Прилесье в разрухе, Крипет опустошен и разворован. Война принесла много бед и потерь. Самое время теперь восстанавливать былое, и я вынуждена остаться. Ты поезжай. Тебе и вправду надо вылечиться. Сударь военный прав. Наши волшебники и боги тебе не помогут.

— Да брось, милая! Тут и без тебя справятся, — все же решил я попытаться. — А через пару месяцев от тебя вообще никакого толку не будет. Загоняешь только папеньку за солеными огурцами да арбузами. Плюс ко всему, товарищ майор вон говорил, что у нас медицина высшего класса. Мне так спокойней будет.

— Не надо мне вашей медицины, — снисходительно улыбнулась Арлета. — Наши волшебники со всем чудесно справляются. Ты поезжай, за меня не волнуйся. Будет воля Перуна — еще свидимся. И Люмбел благословит.

— Свидимся ли? — я с вопросом посмотрел на Глуховича.

— Как шеф распорядится, — пожал он плечами в ответ.

Отряд землян провожала чуть ли не вся армия Мидлонского княжества. Спецназовцы шагали вдоль живого коридора, подбадриваемые овациями и криками солдат, растерянно улыбались и заметно смущались. Видимо, Радзивилл решил организовать пышные проводы пришельцев, дабы те не проболтались простому люду, какие на самом деле планы строились изначально по поводу Крипета и каким образом эти планы изменились. Я развалился на носилках, которые тащили четверо парней Глуховича, и мог чувствовать себя вполне комфортно, если бы не доводящая до сумашествия боль в теле. Промедол мне больше не кололи, потому как ждать качественной помощи, по идее, оставалось недолго. Вот и приходилось постанывать на кочках, пугая окружающих побледневшим лицом. Рядом шла заботливая Арлета, по другую сторону бодро шагал Саня.

— Слушай, мне показалось, что у тебя с бойцами Глуховича какие-то напряженные отношения, — тихо, чтобы тянущие носилки ребята не услышали, спросил я Шамана в дороге.

— Да, были кое-какие инциденты, — прищурившись, ответил он. — Сейчас все улажено. Пришли к консенсусу.

— Сам расскажешь, или к ним за подробностями обращаться?

— Конечно, сам! Они тебе такого насочиняют, — Шаман с ироничной ухмылкой глянул на спецназовцев.

Через несколько шагов, едва виднеющееся вдалеке за головами солдат, на небольшом пригорке я увидел еще не слишком отчетливое, только набирающее размеры, но такое знакомое серебристое пятно — волнистое окошко домой. Оставалось лишь добраться и нырнуть туда. Рядом с порталом в землю были вбиты цветные флажки явно фабричного производства, которые земляне, скорее всего, использовали в качестве ориентира. Вокруг пятна, как и следовало ожидать, толпилась верхушка Мидлонии, во главе которой сиял, словно яркий, но фальшивый бриллиант, князь Радзивилл. Даже ручкой махал — вот подхалим!

Вскоре наш отряд приблизился к уже разросшемуся телепорту, Глухович жестом приказал остановиться. Князь, по традиции, начал напыщенную речь:

— Глубокоуважаемые гости нашего княжества! Позвольте от всей души, а также от имени каждого жителя Мидлонии выразить вам несказанную благодарность и признательность за то, что вы сделали для нас. Нам всем чрезвычайно жаль, что вы не почтите более Мидлонию своим визитом, но — что поделать… Дорога зовет…

— Князь! — наклонившись к правителю, тихо выдавил майор. — У меня тут раненый еле жив, да и сроки открытия телепорта с вашим красноречием явно несопоставимы. Давайте к делу.

Радзивилл таким же тихим, на грани шепота голосом ответил:

— Понимаю, что не от вас зависит — придет ли к нам на Поляну еще кто-нибудь из этой штуковины, — князь кинул взгляд на телепорт, — но, как бы то ни было, я весьма надеюсь на вашу благосклонность. Такой развитой цивилизации, как ваша, явно здесь нечего делать. Могу полагать, что именно такую мысль вы донесете своим правителям. И еще мне бы очень хотелось, в случае повторного визита, чтобы никто из наших простолюдинов не узнал, как на самом деле складывались обстоятельства перед походом в Крипет. Это может сильно испортить мою репутацию. Со своей стороны все возможные меры я приму.

Радзивилл грозно посмотрел на свою хмурую свиту, которая, наверное, отдаленно догадывалась о своей ближайшей участи. Как же, стать свидетелем позора правителя — дорогого стоит. Например, личной головы.

Затем князь едва заметным, быстрым как молния движением профессионального барыги сунул Глуховичу в карман горсть

сверкающих камушков. Даже веселого перестукивания драгоценностей слышно не было. Майор, стрельнув одним глазом в недра кармана, широко улыбнулся в ответ, радостно кивнул Радзивиллу, по-дружески хлопнул того по плечу и дал знак своим бойцам следовать дальше. Первая вылазка в иной мир оказалась весьма удачной для Глуховича. Он даже принялся насвистывать что-то задорное, видимо, прикидывая ориентировочные цены брюликов на подпольном рынке, а также составляя список ближайших приобретений навроде манто или шубы. Для жены, естественно, если таковая имеется.

Князь же после дружелюбного жеста майора весь ссутулился и смешно, будто монашка, сложил на груди тощие ручонки. Он с тоской и надеждой смотрел вслед удаляющемуся командиру спецназа. На меня и Шамана даже не взглянул.

Стоявший поодаль Скокс, возможно, впервые за всю историю Поляны был искренне рад. Только не совсем понятно — чему? Он скалился во все зубы и махал нам рукой. То ли волшебник обезумел от счастья, что мы, наконец, убираемся восвояси с его родных просторов, то ли… Хотя, пожалуй, первое. Я в ответ пошевелил ему пальцами. Хватит чародею и этого.

Когда ртутное полотно телепорта было уже совсем близко, когда фигуры идущих впереди спецназовцев уже скрылись за ним, понеслись туда, откуда пришли, я, превозмогая боль, оглянулся вокруг.

Что мне дала Поляна? Эта маленькая, не всегда дружелюбная, кишащая самыми разными, даже невероятными событиями земля? Пару новых шрамов? Острые ощущения? Новые впечатления? Вернусь ли я домой таким же, каким был до Поляны? Кто знает! Да и вообще — настолько ли это важно? Главное — одно. Мне просто неудержимо хотелось вернуться сюда. Нет! Я просто обязан сюда вернуться!

Когда мои ботинки уже погрузились в серебристые волны телепорта, я пронзительно посмотрел в полные отчаяния глаза охотницы.

— Арлета! — крикнул я. — У меня получится! Я обязательно вернусь! Душ приму — и сразу к тебе. Через недельку-другую. — Я погружался все глубже. — Обязательно. Слышишь, милая? Ты только жди! Через недельку. Максимум — две…

Голову захлестнули волны портала, и сознание отчалило.

Эпилог

Я не вернулся через недельку. Не вернулся и через другую.

На родной земле нас встретили жесткой санитарной обработкой. Сначала долго поливали всякой гадостью из душа, наблюдая при этом из-за бронированных стекол. Струи воды неприятно стучали по ранам и отекшим конечностям — обезболивать меня никто не торопился. А может, и не догадались всего-навсего. Затем внутрь заявились люди в наглухо закрытых защитных костюмах, сняли с нас всю одежду, и процедура повторилась. Интересно, если Глухович захотел скрыть от начальства взятку Радзивилла, куда он засунул бриллианты? Вариантов, собственно говоря, негусто. Потом всех нас разместили в карантин, где моим страдающим телом уже наконец занялись всерьез.

Спецназовцев отпустили уже через полторы недели. Маяться бездельем остались только мы с Шаманом. Сашка с удовольствием занимался любимым времяпрепровождением в условиях редкого досуга — медитировал. Я же потихоньку сходил с ума.

Всевозможные тесты, манипуляции, ежедневные допросы, медицинские мероприятия — все это затянулось на несколько скучных и унылых месяцев. Кроме стен изолятора, физиотерапевтического кабинета и камеры для сбора информации, мы ничего не видели. Казалось, нас заточили в тюрьму строгого режима и выпускать не собирались примерно всю жизнь.

Радовало лишь одно немаловажное обстоятельство — я быстро шел на поправку. Ах да, еще по моей просьбе один из докторов принес мне почитать пару книг. Через некоторое время в нашей камере появился и телевизор с приставкой. Коротать однообразные дни стало намного веселее, окружающие интерьеры перестали напоминать нам тюрьму. А ровно через девять месяцев…

Мы с Шаманом сидели на потертых лавках пустого трактира «Волот» и с удовольствием потягивали каждый свое пойло. Саня — местную разновидность чая, ну а я баловался вином. За окнами давно стемнело, а наша беседа все текла своим чередом. Распластанный на стойке, мирно посапывал трактирщик Игмат. По лесенке спустилась вниз сонная Арлета, держа в руках кого-то очень маленького, но при этом весьма живенького и подвижного. Девушка присела за соседний столик и дала малышу… Ну в общем дала ему то, что положено сосать детишкам в столь

безмятежном возрасте.

Да, мы с Шаманом были на Поляне, в том самом Прилесье, откуда у меня в этом мире все началось. Как мы здесь очутились? Да очень просто.

Некая серьезная негосударственная корпорация, истинный размах которой кроется за горизонтами восприятия не только ее рядовых служащих, но и большинства деятелей высшего звена, с некоторых пор начала совать свой нос в такие вещи, которые обычному человеку полагается обсуждать всерьез лишь в кабинете психиатра. Параллельные миры и такие незаурядные личности, как мой друг Шаман, — это лишь та сфера интересов компании, о которой нам было известно. Полагаю, данные феномены — только верхушка огромного айсберга. Но, по крайней мере, именно этими вопросами занималась дочерняя компания корпорации, располагавшаяся в наших краях.

Надо полагать, после срыва эксперимента по телепортации я стал, мягко говоря, интересен этим людям. А кто бы не разразился навязчивым любопытством по поводу личности, которая одним махом испортила результат кропотливого многолетнего труда? Но по возвращении обратно моя персона стала для них действительно занятной. Немудрено — в рапорте Глуховича было доложено обо всех моих похождениях на Поляне. После прохождения череды нудных допросов, анкетирований, сочинений на тему «Как я провел лето на Поляне» и тестов на лояльность мне по итогу предложили должность консультанта компании по вопросам параллельного мира, который все здесь называли Террановой. Вакантную должность я посчитал интересной и перспективной, а немыслимые барыши, которые мне сулили за работу, просто кружили голову. Но самое главное — появлялась недюжинная возможность опять вернуться на Поляну! Фактически лишь об этом я мечтал все долгие дни заточения в изоляторе, только этими надеждами согревал свою душу. На собеседовании все предложенные аргументы подействовали должным образом — я сказал «да» практически без раздумий. Даже насчет оклада и премиальных торговаться не стал. Представить только!

С Шаманом все оказалось намного проще. Саня для корпорации был медалью, обе стороны которой несказанно хороши. Если глянуть с одного бока — уникальный материал для исследований сверхспособностей, с другого — чрезвычайно полезный за счет все тех же необычных качеств сотрудник. Как они умудрились его вычислить — даже самому Шаману было невдомек. По крайней мере, Сашка упорно делал вид, что не догадывался. Итак, им осталось лишь склонить моего друга к

сотрудничеству. Не знаю, чем они так его зацепили, какими обещаниями засыпали, но Саня согласился. Думаю, в таких организациях всегда найдутся стимулы для любых представителей человечества без исключения, даже таких непосредственных, как Шаман.

И вот наша первая совместная командировка на Поляну. С того момента, как мы покинули через телепорт Мидлонию, прошло ровно девять месяцев, за которые успело произойти многое. Во-первых, появился на свет мой сынишка, имя которому твердым и безапелляционным голосом дал я — сразу, как увидел: Макс. В честь одного не малоизвестного Танка. А уж во-вторых, по всей Поляне начали плодиться всякие политические дрязги. Радзивилл по-прежнему правил княжеством, значительно подчистив окружение после непрезентабельного поведения с земным спецназом. В Казмаде бушевала гражданская война. Мидлонский правитель уже с вожделением потирал загребущие ладошки, волчьим взглядом посматривая на соседние земли. Битва с нечистью неплохо проредила ряды княжеской армии, но Радзивилл не терял надежды восстановить целостность некогда мощной державы, основанной предком.

Вот нас с Шаманом, как знатоков местных перипетий, и послали разведать обстановку, но сперва мы решили наведаться в Прилесье. Я не мог не навестить Арлету, не мог не посмотреть на своего сына. Заодно и с будущим тестем поздороваться, что ли!

В Прилесье тоже кое-что изменилось, но незначительно — пачвары во время своего шествия на Поляну обошли пустующий поселок стороной. В основном все перемены оказались напрямую связаны с нашим прибытием.

Кузнец Азит собрался в славный город Лиддель на курс лечения от алкоголизма. Это я припугнул здоровяка, наврав, что совсем скоро столичные чинуши введут закон, запрещающий ездить на транспорте в нетрезвом состоянии. Азит настолько влюбился в созданный собственными руками четырехколесный велосипед, что сделал выбор в пользу механизма. Тяжкое решение он принял в одночасье после нашей беседы и сразу же засобирался в дорогу. Только ему требовался спутник — чтобы помогал крутить педали на втором приводе. Мудрая жена старосты поселка Горлана велела мужу сопровождать кузнеца и заодно также выделила денег благоверному на волшебное кодирование.

Основанный мною чемпионат по футболу приобрел в поселке принципиальное значение. Мужики собирались на поле практически ежедневно. То ли еще будет, если в Мидлонии воцарится мир! Тогда Прилесье заполонят целые оравы молодых

людей призывного возраста. Вот уж где начнется игра!

Местные купцы теперь постоянно крутились в Гладе, бесплодно пытаясь официально перевести своих сынов из армейских конюшен хотя бы на кухню.

Соскучившаяся по юному тестостерону и мужскому вниманию, замученная постоянными переездами во время боевых действий дочь Цикрофа Ликия осунулась и отощала. Правда, от этого количество похоти на кубический сантиметр ее тела только возросло. Как она смотрела на нас, когда мы с Шаманом объявились в Прилесье! И ведь похорошела — по нашим-то меркам, по земным! Эх! Что ж раньше так не видоизменилась, при моем первом визите в деревушку? В общем, пришлось презентовать изголодавшуюся даму товарищу, попутно убедив того, что все без подвохов — партнерша и вправду симпатичная. И что бы он без меня делал?

Зато у меня появилась целая куча свободного времени, которое всецело и с радостью пришлось посвятить Арлете и сыну. Да уж, год назад я не мог даже представить себе подобного: в абсолютно другом мире, почти женат и с ребенком! Просто немыслимый выкрутас затейницы-судьбы!

И вот сейчас, после бурного дня, полного забот, в полночь, когда почти вся деревня спала, мы с Шаманом тихо беседовали.

— Ты думаешь, князь и вправду нанял убийц по наши души? — недоверчиво спросил Саня.

— Откуда мне знать? Скокс ведь передал — возможно. Правда, если оно так на самом деле — я не удивлюсь. А что? Мы, как свидетели его позорного подчинения Глуховичу, подлежим полному и беспощадному уничтожению. Мало ли, проболтаемся кому… Потом князь подмоченную репутацию никаким феном не высушит. Не знаю, что самого Скокса спасает. Может быть, новый статус — Верховного Волшебника? Но нам самим на всякий случай надо быть настороже.

— Ты что, боишься? — усмехнулся друг.

— Конечно! Ведь они в открытую нападать не станут — слишком будет похоже на покушение. Все на князя сразу и подумают. Кроме него, тут у нас недоброжелателей пока вроде особых нет. Скокс точно пронюхает, чьими высокородными руками тут попахивает. Скорее всего, наемники попытаются организовать несчастный случай. Жди теперь, когда кирпич на голову свалится или у лошади тормоза откажут.

— Да уж, все может случиться, — задумчиво согласился Шаман. — Значит, придется внимательно смотреть по сторонам. Да ты не волнуйся.

— А сейчас-то мне зачем волноваться? — Я демонстративно

поднял бокал с вином. — Сейчас я смелый. Кстати, дружище. Ночь впереди длинная. Расскажи-ка ты мне — как тебя угораздило в первый раз очутиться на Поляне?

Шаман задумался на мгновение.

— Знаешь, а это ведь очень длинная история…

notes

Примечания

1

Перун — бог неба. Суров, но справедлив.

2

Дажбог — бог Солнца. Покровитель земледельцев. Дает здоровье и физическую силу.

З

Девоя — богиня невинности, сопровождает каждую девушку до замужества.

4

Люмбел — бог брака, который появляется перед молодоженами в день бракосочетания.

5

Велес — бог подземного мира, хранитель богатства и домашних животных. Он дает людям талант, высокий рост, хороший голос, тонкий слух. Велес породнил человека с животными, научил использовать последних в хозяйстве.

6

Ярила — бог весенней плодовитости и любви.

7

Наволочь — приезжий.

8

«Гони карету к дьяволу» (*англ.*).

9

Стихи автора.

10

Музыка А. Зацепина, стихи Л. Дербенева. Песня из к/ф «Иван Васильевич меняет профессию».

11

Дословно: «Гнаться лучше, чем поймать» (*англ.*).

Интерпретация: «Процесс важнее/приятней результата». Из песни гр. «Scooter» «How much is the fish».

12

Лондон — столица Великобритании (*англ.*).

13

Кто сегодня дежурный? (*англ.*)

Падла (*англ.*).

15

Вот дерьмо (*англ.*).

16

Кара — бог войны и безжалостного уничтожения врагов.